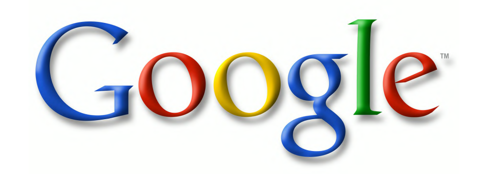
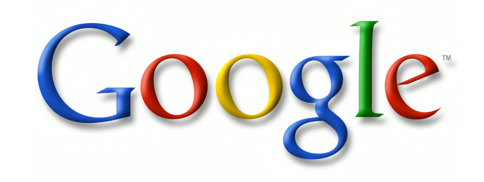
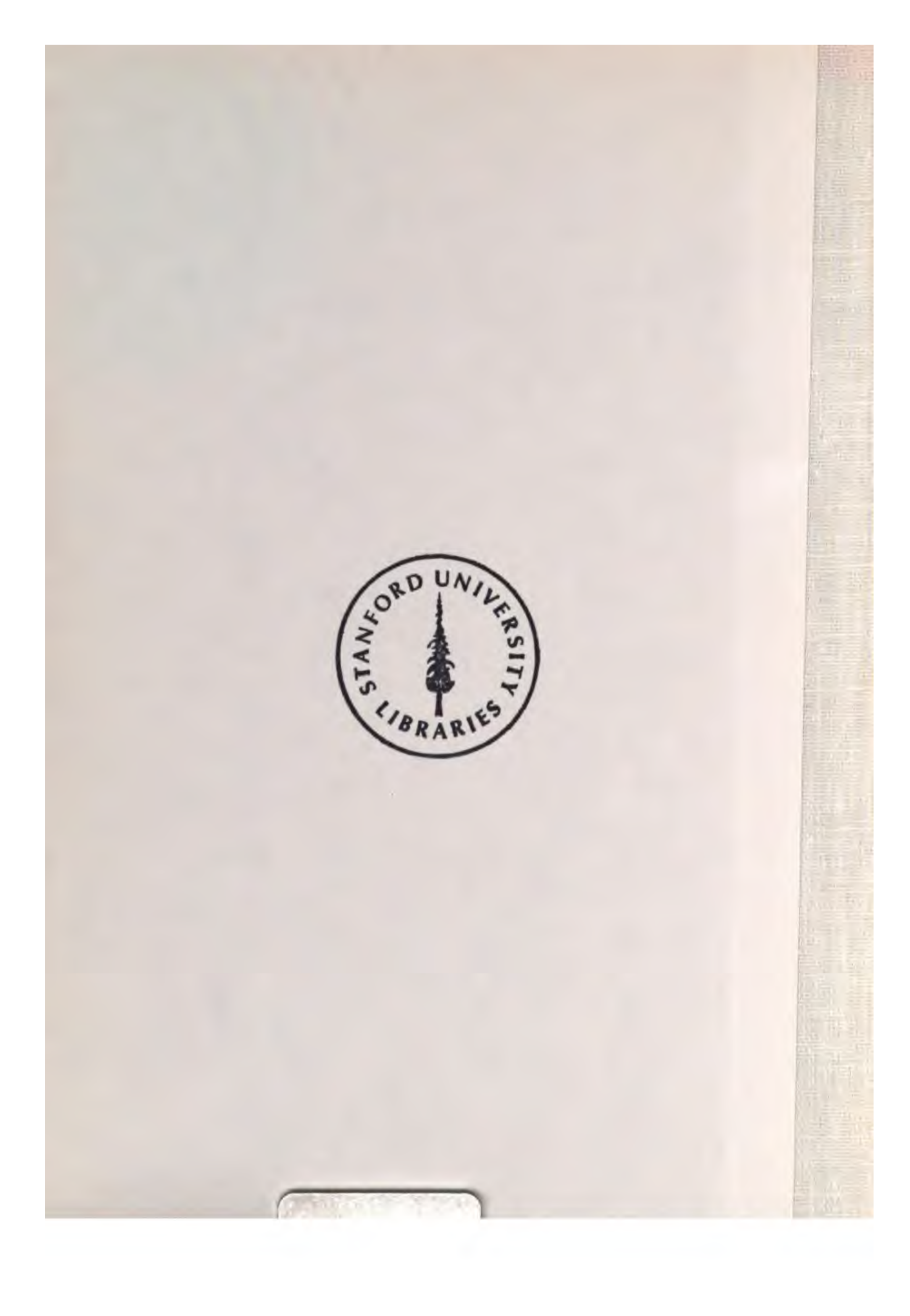
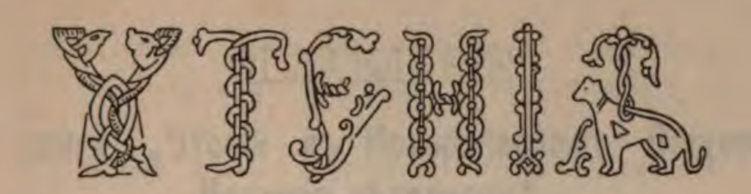






STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

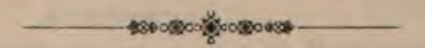


въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Издана подъ редакціею

В. З. Завитневича.



КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1896.

Печатано по опредѣленію Совѣта Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, состоявшемуся 16 октября 1895 г.—Предсѣдатель Общества *А. Лазаревскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

X-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца и извлеченія изъ отчета о его состояніи и дѣятельности съ 27-го октября 1894 г. по 27-е октября 1895 г. и изъ постановленій Совѣта.

ОТДѢЛЪ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

ОТДѢЛЪ III.

Матеріалы.

ОТДѢЛЪ IV.

Библіографія.

Отдѣлъ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца и извлеченіе изъ отчета о его состояніи и дѣятельности съ 27-го октября 1894 г. по 27-е октября 1895 г.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1894 г. по 27-е октября 1895 г.

I. ЗАСѢДАНІЕ 6-го НОЯБРЯ 1894 г.

Засѣданіе открылось рѣчью г. секретаря Общества **П. В. Владимірова** по случаю тяжкой утраты, понесенной Россіей въ лицѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III; въ рѣчи своей г. секретарь напомнилъ о трудахъ и заботахъ покойнаго Государя Императора по разработкѣ русской исторической науки.

Рѣчь была выслушана присутствующими стоя съ глубокимъ благоговѣніемъ.

За тѣмъ слѣдовали доклады:

а) Д. чл. **А. Н. Ясинскаго**: *«О сельскомъ населеніи Чехо-Моравіи въ X—XIII вв.»* [1]).

Въ актахъ и лѣтописяхъ, написанныхъ на латинскомъ языкѣ, село называется всегда villa. По мнѣнію Иречка, села съ родовыми или коллективными именами (напр. Borislavici, Libosvary, Holonevry) возникли до 1000 года; поселенія же съ названіями, взятыми или отъ географическаго положенія или отъ имени какого-либо лица, позднѣйшаго происхожденія. Села были не одинаковаго размѣра: отъ 16 до 40 и болѣе лановъ каждое. Кромѣ полей, въ составъ селъ входили угодья (pertinentia), какъ-то: лѣса, рощи, луга, пастбища, рыбныя ловли, мельницы и т. д. Очень рѣдко поля селъ сходились, а по большей части они отдѣлены были лѣсами, пастбищами и вообще пустошами. Угодья находились въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей села.

---

[1]) См. Университетскія (Кіев.) Извѣстія за 1895 г.

До возникновенія нѣмецкой колонизаціи въ дѣлѣ обращенія лѣсныхъ пространствъ въ поля дѣятельное участіе принимало туземное населеніе. Въ охотникахъ поселяться въ лѣсу и заниматься отвоеваніемъ у лѣсной природы земли для земледѣльческой культуры недостатка не было, такъ что государи XII вѣка въ своихъ грамотахъ иногда запрещали селиться безъ вѣдома землевладѣльца. Завѣщаніе священника Збигнѣва, относимое къ началу XII вѣка, даетъ намъ нѣкоторое понятіе объ этихъ участкахъ земли, отвоеванныхъ трудомъ человѣка у лѣсной природы. Село Збигнѣво состояло изъ 4 участковъ (campi), расположенныхъ возлѣ лѣсовъ и состоящихъ изъ 27 полосъ (agri). Участки эти не были большихъ размѣровъ, такъ какъ оцѣнивались въ 200—300 ден. Зная, что въ серединѣ XII вѣка 4 быка, 2 коровы и 4 овцы оцѣнивались почти въ 8 марокъ (марка того времени считалась въ 200 ден.), мы должны будемъ признать вышеуказанную цѣну участковъ земли незначительной и свидѣтельствующей о небольшихъ размѣрахъ ихъ. Если поля были малой величины, то каковы могли быть тѣ полосы, которыхъ нѣсколько входило въ составъ поля? Невольно приходитъ на мысль слова Любуши, приводимыя лѣтоп. Косьмой: «на территоріи этого села,—говорила княжна, отправляя пословъ къ Премыслу,—есть новь одна, въ длину и ширину по 12 шаговъ; будучи расположена среди многихъ полей, она (это чрезвычайно странно!), однако, не относится ни къ одному полю. Тамъ князь вашъ пашетъ на двухъ разношерстныхъ быкахъ».—Въ Чехо-Моравіи была трехпольная система сельскаго хозяйства. Сѣяли рожь, пшеницу, ячмень, просо, горохъ и овесъ. Кромѣ проса, весной сѣяли пшеницу, ячмень и овесъ. Озимые посѣвы производились въ промежутокъ времени отъ августа до половины октября. Для полевыхъ работъ употребляли кобылъ. Земля измѣрялась до XIII вѣка плугами, а потомъ ланами, размѣры которыхъ опредѣлялись количествомъ зерна при посѣвѣ. Ланомъ считали такое количество земли, на которое высѣвалось 60—93 мѣры зерна озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ, причемъ мѣра зерна шла на одинъ югеръ.

Говоря о классахъ сельскаго населенія, г. Induced Induced Иречекъ различаетъ людей свободныхъ отъ людей зависимыхъ: цензуаловъ, задушныхъ людей (proanimatores), закупней и министеріаловъ. Кромѣ свободныхъ и зависимыхъ, были рабы. Въ рабовъ обращались военноплѣнные, преступники и неоплатные должники. Рабство въ Чехо-Моравіи, какъ

и въ другихъ странахъ средневѣковой Европы, не носило античнаго характера: средневѣковые рабы являются въ положеніи колоновъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, вносящихъ въ пользу своихъ господъ извѣстные платежи и отбывающихъ барщину. Proanimatores, какъ видно изъ завѣщанія Збигнѣва, были тѣ колоны, которыхъ, во спасеніе своей души, завѣщатели переводили въ положеніе цензуаловъ. Такъ какъ наименованія pretio introducti, ministeriales, hospites, встрѣчавшіяся въ испорченныхъ и подозрительныхъ грамотахъ XI—XII вѣковъ, совершенно исчезаютъ въ актахъ послѣдующаго времени, когда даже дѣдичи (heredes) являются въ роли зависимыхъ, то возникъ вопросъ о происхожденіи зависимости сельскаго населенія. Въ 1890 году появились въ газетѣ «Bohemia» замѣтки Юл. Липперта, который старался доказать, что зависимые люди XIII вѣка были колоны, положеніе которыхъ постепенно улучшалось. Взглядъ этотъ вызвалъ въ томъ же году статью Пейскера, который въ журналѣ «Politik» доказалъ тенденціозность и ненаучность метода Липперта. Въ полемическомъ отношеніи работа Пейскера не оставляетъ желать ничего лучшаго, но нельзя того же сказать о положительной сторонѣ его статьи. Мы считаемъ возможнымъ вопросъ о возникновеніи зависимости населенія рѣшить съ помощью выясненія положенія, въ какомъ находилось зависимое населеніе въ XIII вѣкѣ. Какъ оказывается, въ теченіе XIII—XIV вв. до времени изданія Majestas Carolina, зависимые люди имѣли право перехода, изъ чего заключаемъ, что зависимость не касалась свободы личности. Съ другой стороны, мы видимъ, что зависимое населеніе играло первенствующую роль при обмежеваніи и размежеваніи земель, являлось иниціаторомъ дѣлъ и процессовъ о нарушенномъ владѣніи, такъ что зависимые люди представляются намъ лицами болѣе заинтересованными въ дѣлѣ поддержанія ненарушимости границъ имѣній, чѣмъ сами землевладѣльцы. Зависимое населеніе смотрѣло на землю, на которой оно сидѣло и которую оно обрабатывало, какъ на свою собственность, ревниво оберегая ея неприкосновенность отъ всякихъ посягательствъ со стороны, причемъ землевладѣльцы являлись въ роли ходатаевъ и представителей интересовъ крестьянъ. Одна грамота, относящаяся къ 20-мъ годамъ XIII вѣка, передаетъ довольно любопытный случай для характеристики отношеній между зависимымъ населеніемъ и землевладѣльцами; зависимые люди села Порѣчья продали какое-то отдаленное

поле за 600 ден., и эта сумма поступила въ ихъ пользу, причемъ землевладѣлецъ (аббатъ Островскаго мон.), съ вѣдома котораго послѣдовала продажа, удовлетворился обязательствомъ, взятымъ съ жителей Порѣчья, раздѣлать другія поля. Вообще, можно сказать, что довольно часто землевладѣльцы представляются намъ скорѣе всего обладателями извѣстнаго дохода, рентовладѣльцами. Свобода личности, вышеуказанное отношеніе къ землѣ,—все это является переживаніемъ, воспоминаніемъ о давнемъ времени, когда большая часть населенія пользовалась полными правами свободы и несла повинности только государственныя.

Дѣйствительно, какъ можно видѣть по нѣкоторымъ лѣтописнымъ разсказамъ, населеніе въ началѣ XII вѣка жило въ достаткѣ и пользовалось свободой. Это свободное населеніе умѣло отстаивать свои права, и государи не считали себя въ правѣ распоряжаться ихъ землями: Сазовскій монахъ, одинъ изъ продолжателей Косьмы, разсказываетъ, какъ князь Брячиславъ (1037—1055) долженъ былъ выкупать поля и луга за 600 ден. у дѣдичей, права которыхъ были нарушены грамотой отца его. Мы видимъ, что сельское населеніе принимало участіе въ походахъ и еще въ третьей четверти XII вѣка представляло такую общественную силу, что Собеславъ II думалъ въ нихъ найти противовѣсъ возрастающему вліянію знати. Имѣя въ виду, что государи не могли распоряжаться землями свободнаго населенія, а могли отчуждать (и отчуждали на самомъ дѣлѣ) только то, что̀ имъ принадлежало, какъ представителямъ государственной власти, а именно дань и повинности, которыя шли въ пользу государства, мы приходимъ къ заключенію, что на цензъ приходится смотрѣть, какъ на эквивалентъ нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей, выкупную сумму за нихъ, идущую въ пользу тѣхъ лицъ, которыя стали между свободнымъ населеніемъ и государствомъ въ качествѣ промежуточнаго звена. То, что мы можемъ сказать о дани мира (tributum pacis), служитъ подтвержденіемъ высказанной мысли. Дань мира слѣдуетъ отличать отъ берны или коллекты, съ которой ее считаетъ тождественной Иречекъ: 1) берна платилась съ цензуальныхъ земель, земли же не только знати и лицъ, несущихъ военно-феодальную службу, но и горожанъ, если на своихъ купляхъ они вели хозяйство непосредственно, не подлежали этому платежу, между тѣмъ какъ дань уплачивалась только людьми свободными и

независимыми отъ кого бы то ни было; 2) берна взималась только въ извѣстныхъ случаяхъ, а дань ежегодно. Къ этому нужно прибавить, что дань мира платилась той частью свободнаго населенія, которая была освобождена отъ военной службы и несенія земскихъ работъ. По свидѣтельству грамоты 1178 года, сумма дани со временъ Собеслава I, который умеръ въ 1140 году, уменьшилась въ 17 разъ, изъ чего можно видѣть, что въ теченіе второй половины XII вѣка классъ данниковъ быстро шелъ къ уничтоженію, такъ какъ государи, щедро отчуждая дань въ пользу монастырей и церковныхъ корпорацій, этимъ самимъ обращали данниковъ въ людей зависимыхъ. Можно предполагать, что то же повторялось въ отношеніи земскихъ работъ и военной службы. По крайней мѣрѣ, въ одной королевской грамотѣ середины XIII вѣка документально засвидѣтельствовано, что цензъ, уплачиваемый въ день св. Мартина въ размѣрѣ одной марки съ каждаго лана, былъ установленъ въ качествѣ выкупной суммы за освобожденіе отъ королевскихъ и земскихъ повинностей. Съ другой стороны, мы видимъ, что размѣръ ценза съ земель дѣдичныхъ былъ умѣренный (около 8 ден. съ югера) и не подлежалъ возвышенію, между тѣмъ какъ цензъ позднѣйшаго времени, цензъ съ земель эмфитевтическихъ, или на нѣмецкомъ правѣ, внесенный въ страну иноплеменной колонизаціей, платился въ бóльшемъ размѣрѣ и имѣлъ тенденцію къ повышенію: землевладѣлецъ пользовался, повидимому, всякимъ благовиднымъ предлогомъ для возвышенія платежей. Такъ какъ на эмфитевтическій цензъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на плату за право пользованія чужой землей, то вполнѣ понятно, что онъ подлежалъ возвышенію въ случаѣ потери грамоты или какой-либо перемѣны въ соглашеніи сторонъ; неизмѣнность же дѣдичнаго ценза (ad majorem censum locare nequivimus) можетъ быть объяснена не иначе, какъ только тѣмъ, что онъ не былъ платой за чужую землю, а эквивалентомъ или выкупомъ нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей, вслѣдствіе чего и не могъ подлежать измѣненію.

Въ XIV вѣкѣ зависимые дѣдичи и другіе разряды бывшаго свободнаго населенія довольно скоро потонули въ массѣ крестьянства, живущаго на эмфитевтическомъ правѣ, перенесенномъ нѣмецкими колонистами. Подобнаго рода исходъ нельзя считать, какъ можно видѣть изъ предыдущаго изложенія, успѣхомъ, а потому мы имѣемъ

основаніе сказать, что нѣмецкая колонизація привела къ ухудшенію положенія народныхъ массъ въ Чехо-Моравіи.

б) Д. чл. **А. И. Линниченко** выяснилъ (за отсутствіемъ автора докладъ прочтенъ д. чл. И. М. Каманинымъ) *«Общественную роль армянъ въ прошломъ Юго-Западной Руси»* (напечатанъ во II-мъ отдѣлѣ IX-й книги «Чтеній»).

По произведенной баллатировкѣ избраны въ почетные члены вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ *Леонидъ Николаевичъ Майковъ* и въ дѣйствительные—*Веніаминъ Александровичъ Кордтъ.*

II. ЗАСѢДАНІЕ 20-го НОЯБРЯ 1894 г.

а) Поч. чл. **В. В. Антоновичъ** разсмотрѣлъ *«Труды графа А. А. Бобринскаго по археологіи Кіевской губерніи и вообще Южнаго края»*, по поводу изданія имъ 2-го тома результатовъ своихъ раскопокъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ м. Смѣлы (Черкас. у.), составляющаго собственность гр. Бобринскаго. Изданіе обнимаетъ два большіе тома подъ заглавіемъ: «Курганы и случайныя археологическія находки близи м. Смѣлы. Томъ II-й. Дневники раскопокъ 1887—1889 гг. Спб. 1894 г.». Планъ изданія таковъ: томъ открывается вступленіемъ; во вступленіи авторъ говоритъ о формѣ древнихъ земляныхъ насыпей въ Россіи, способѣ устройства ихъ и проч.; далѣе слѣдуютъ дневники раскопокъ, раздѣленные на главы по топографическимъ признакамъ; затѣмъ извѣстія о случайныхъ находкахъ и, наконецъ, прибавленія. Во вступленіи къ 2-му тому гр. Бобринскій удѣлилъ много мѣста разбору попытокъ хронологической классификаціи кургановъ (Забѣлинъ, Самоквасовъ и друг.) и излагаетъ по этому вопросу собственныя мнѣнія; онъ различаетъ періоды: каменно-бронзовый (до VIII в. до Р. Х.), и признаками его считаетъ: разные предметы изъ камня; глиняныя издѣлія грубой работы; костяные предметы, выточенные по образцу каменныхъ; кабаньи клыки; выкрашенные красной краской костяки; куски красокъ, по большей части темно-краснаго цвѣта; кости разныхъ животныхъ (преимущественно рогатаго скота, лошадиныя же не встрѣчаются); кости звѣрей, не встрѣчающихся уже въ данной мѣстности (медвѣдя, бобра, bos primogenius); рѣчныя раковины; предметы изъ бронзы и мѣди

(узды, ратища и проч.); серебро, желѣзо и сосуды съ золой не встрѣчаются; этотъ періодъ авторъ дѣлитъ на двѣ эпохи, отличія которыхъ онъ намѣчаетъ лишь въ общихъ чертахъ. Второй періодъ—скиѳскій (отъ VIII до VI в. до Р. Х.); признаки кургановъ этого періода: желѣзные предметы (узды, топоры, ратища), бронзовыя зеркала и стрѣлы, предметы изъ золота и серебра, янтарь, монисто, раковины Средиземнаго моря, сосуды старинной обработки, куски красокъ, сѣры, кости лошадей и произведенія греческаго искусства. Скиѳскій періодъ гр. Бобринскій также дѣлитъ на двѣ эпохи: древнѣйшую, въ которую очень рѣдко встрѣчаются предметы греческаго искусства (напр. чорные тяжелые сосуды, называвшіеся когда-то этрусскими), большое число скиѳской посуды, особенно много характерныхъ чарокъ съ высокими ручками, бронзовыя иголки и шпильки, бронзовыя удила: желѣзо было еще рѣдкостью, обыкновенныя глиняныя чаши съ бараньими костями; новѣйшая эпоха даетъ разныя костяныя и золотыя издѣлія въ большомъ количествѣ, рѣдко серебряныя вещи, произведенія греческаго искусства дѣлаются болѣе художественными, красивыя мониста и привѣски, мѣстная простая посуда исчезаетъ, много бронзовыхъ стрѣлокъ, желѣзныя же и костяныя острія стрѣлъ довольно рѣдки. Славянскій періодъ гр. Бобринскій ограничиваетъ VI—VIII вв. по Р. Х.; признаками его являются предметы западноевропейскаго и византійскаго искусства, богатство серебра при рѣдкости золота, посуда не встрѣчается; покойникъ обложенъ желѣзными вещами; ножи и огнива, украшенія женскихъ косъ, конскіе скелеты, остроконечные шлемы. Предшествующій славянскому періоду періодъ сарматскій гр. Бобринскій считаетъ преждевременнымъ устанавливать по недостатку матеріала и по неопредѣленности и рѣдкости его примѣтъ.

Дневники раскопокъ составлены у гр. Бобринскаго старательно и точно; нѣкоторые представляютъ особенный интересъ; напр. раскопки къ сѣверу отъ м. Смѣлы у подножія Юрьевой горы указываютъ на существованіе тамъ поселенія и мастерской каменнаго вѣка, хотя найденные предметы недостаточны для того, чтобы отнести это мѣсто поселенія къ древне-каменному вѣку. Интересны могилы, раскопанныя гр. Бобринскимъ близь м. Смѣлы; они обнаружили погребеніе въ неглубокихъ ямахъ, мертвые клались въ различныхъ положеніяхъ, тѣла покрыты красной краской. Раскопки по р. Серебрянкѣ

указали на употребленіе при погребеніи деревянныхъ крышъ, одной надъ другой. Въ группѣ могилъ у Холоднаго яра открыты два типа погребенія: въ одномъ случаѣ покойники клались въ изогнутомъ положеніи, съ окрашенными черепами и безъ предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту; другой типъ принадлежитъ народу съ высокой культурой: могилы богаты предметами искусства и ремеслъ и свидѣтельствуютъ о широко развитой торговлѣ; по мнѣнію гр. Бобринскаго они могли принадлежать грекамъ, поселившимся между варварами и смѣшавшимся съ ними: любопытна находка кремневой стрѣлы въ одной изъ могилъ, рядомъ со скелетами въ согнутомъ («утробномъ») положеніи и съ окрашенными черепами, что̀ относится къ каменному періоду.

Большой могильникъ (400 могилъ) близъ Гуляй-города также далъ два типа погребенія: одинъ въ ямахъ, обложенныхъ по стѣнамъ деревомъ и съ деревянной крышей; скелетъ лежитъ на днѣ ямы; на верху крыши лежали другіе скелеты, прикрытые другой крышей; въ головахъ покойниковъ поставлены горшки; въ могилахъ другого типа найдены вещи изъ бронзы, желѣза, кости, стекла и глины, желѣзная броня и куски краски.

Раскопки гр. Бобринскаго близь м. Шполы къ югу отъ с. Матусова не дали особенныхъ результатовъ; болѣе важны раскопки, произведенныя любительницами археологіи около г. Василькова. Свѣдѣнія о раскопкахъ близь г. Звенигородки и м. Рижановки авторъ заимствуетъ изъ изданій г. Оссовскаго; какъ извѣстно, эти раскопки дали большое число драгоцѣнныхъ украшеній изъ золота артистической работы греческаго характера и спеціально пантикапейскаго. По Роменскому уѣзду Полтавской губерніи описаны раскопки г. Мазараки и проф. Самоквасова.

По спеціальнымъ археологическимъ вопросамъ важны мнѣнія гр. Бобринскаго о пряслицахъ; по вопросу объ окраскѣ череповъ и костей гр. Бобринскій принимаетъ мнѣніе г. Оссовскаго, что народъ той эпохи, красившій свое тѣло, окрашивалъ и тѣла покойниковъ. Гр. Бобринскій описываетъ также всѣ валы и городища по лѣвому берегу р. Тенетинки, какъ осмотрѣнные имъ самимъ, такъ и упомянутые въ трудахъ Фундуклея и Похилевича; кромѣ того онъ сообщаетъ факты и изъ рукописи доктора де-ля-Флиза. Имъ изслѣдо-

ваны и окрестности Мотронинскаго монастыря, въ валахъ котораго найдена монета имп. Юстиніана.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ попытка автора классифицировать формы скиѳской посуды по геометрическимъ орнаментамъ и его мнѣніе о морскихъ раковинахъ (cypraea moneta), которыя ловятся не въ одномъ только Индійскомъ океанѣ, но и въ европейскихъ моряхъ. Наконецъ гр. Бобринской описыветъ и случайныя находки въ окрестностяхъ м. Смѣлы (издѣлія изъ камня, бронзы, желѣза, кости и глины), предметы велико-княжской эпохи, добытые при раскопкахъ Княжей горы подъ Каневомъ и золотую курильницу, найденную близь Корсуня.

Сказаннымъ далеко не исчерпывается богатое содержаніе трудовъ гр. Бобринскаго, обставившаго свое изданіе и съ внѣшней стороны роскошно и безукоризненно.

б) Секретарь **П. В. Владиміровъ** по случаю исполнившагося 9-го ноября пятидесятилѣтія со дня смерти баснописца *И. А. Крылова* охарактеризовалъ личность послѣдняго по его баснямъ (напечатано въ IX-й книгѣ «Чтеній»).

III. ЗАСѢДАНІЕ 18-го ДЕКАБРЯ 1894 г.

Въ настоящемъ засѣданіи г. секретаремъ **П. В. Владиміровымъ** доложенъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1893 г. по 27-е октября 1894 г. (извлеченіе изъ него напечатано въ IX-й книгѣ «Чтеній»), и затѣмъ прочтены доклады:

а) Д. чл. **О. И. Левицкимъ**: *«О судьбѣ древнихъ актовыхъ книгъ и собраніи ихъ въ центральныхъ архивахъ»*. Эпоха продолжительнаго политическаго сожительства западно-русскихъ областей съ бывшимъ Литовскимъ государствомъ, а затѣмъ съ Польшей завѣщала намъ одно несомнѣнно драгоцѣнное наслѣдіе въ видѣ колоссальной груды письменныхъ памятниковъ, неисчерпаемый источникъ для всесторонняго изученіи прошлой жизни края—древнія актовыя книги бывшихъ судовъ гродскихъ, земскихъ, трибунальскихъ, магистратскихъ и другихъ. Въ 3-хъ центральныхъ архивахъ—Кіевскомъ, Виленскомъ и Витебскомъ ихъ находится свыше 32,000, кромѣ безчисленнаго множества отдѣльныхъ актовъ и документовъ, частію хра-

нящихся въ центральныхъ, частію разбросанныхъ по частнымъ архивамъ. Но научному разбору и изданію подверглась лишь незначительная часть. Такъ, изъ 6,000 актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива просмотрѣна едва-ли половина; и это въ архивѣ, при которомъ существуетъ старѣйшая археографическая коммиссія. Но гораздо большее количество и притомъ наиболѣе драгоцѣнное, какъ древнѣйшее, погибло безвозвратно среди безчисленныхъ войнъ, народныхъ волненій, пожаровъ и т. д. Не мало виновато здѣсь и наше исконное равнодушіе, въ позднѣйшее время, къ такимъ памятникамъ. Что осталось, обязано тому значенію, какое имѣли эти книги въ Польско-Литовскомъ государствѣ; въ эпоху же русскаго владычества на нихъ обратило свое вниманіе наше правительство по особымъ причинамъ, о чемъ скажемъ далѣе.

Актовыя книги тѣсно связаны съ польско-литовскимъ судоустройствомъ. Еще въ 1-й половинѣ XIV ст. въ Польшѣ, не безъ участія иноземнаго вліянія, былъ выработанъ тотъ типъ и строй судебныхъ учрежденій, который надолго сдѣлался образцовымъ для всего Литовскаго государства и соединенныхъ съ нимъ русскихъ земель и областей. Суды имѣли сословный характеръ. Для шляхтичей—преимущественно земскіе суды, члены которыхъ избирались изъ ихъ среды. Мѣщане городовъ съ магдебургскимъ правомъ подлежали своему суду—магистратскому, для крестьянъ не существовало спеціальныхъ учрежденій—ихъ судили помѣщики. Органомъ собственнаго правительственнаго, т. е. королевскаго, суда были суды гродскіе, или замковые, подъ предсѣдательствомъ воеводъ и старостъ. Первоначально имъ подлежали наиболѣе тяжкія, уголовныя преступленія, но впослѣдствіи ихъ компетенція была расширена почти до предѣловъ земскихъ судовъ. При всѣхъ этихъ судахъ ведены были особыя книги—acta, по западнымъ образцамъ. Это не были одни лишь судебные протоколы: послѣдніе записывались въ такъ-называемыя декретовыя книги. Но кромѣ нихъ были еще акты или книги записовыя и поточныя. Первыя отчасти аналогичны съ нотаріальными книгами. Въ нихъ помѣщались записи: продажныя, арендныя, залоговыя и проч.; въ нихъ вносились также королевскія жалованныя грамоты и привилегіи, сеймовыя конституціи, люстраціи, инвентари и т. д., и вообще все, что считалось подлежащимъ общему вѣдѣнію. Труднѣе опредѣлить составъ поточныхъ книгъ. Сюда вносились жалобы истцовъ

и возраженія отвѣтчиковъ, свидѣтельскія показанія, личныя и корпоративныя заявленія. Доступъ къ нимъ былъ открытъ для всѣхъ.

По мѣрѣ развитія политической жизни Рѣчи-посполитой, особенно съ половины XVI вѣка, актовыя книги становятся яркимъ отраженіемъ этой жизни съ ея умственными и политическими броженіями, партіями, сектами и проч., исполняя почти ту-же роль, какая принадлежитъ теперь прессѣ. Съ конца XVI ст. въ нихъ стали безъ разбора вносить все, что казалось кому-либо важнымъ и достойнымъ сохраненія для потомковъ. Въ XVII и XVIII вв. сюда вносились и шутки, и сатиры, и стихи, и проза, и молитвы, и проч. Понятно важное значеніе этихъ памятниковъ и съ филологической стороны, тѣмъ болѣе, что въ Литовскомъ государствѣ почти всѣ древнѣйшія актовыя книги писались западно-русскимъ языкомъ.

Нынѣшній Юго-Западный край къ концу XV и началу XVI вѣка состоялъ изъ 3 воеводствъ—Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго, къ которымъ потомъ было присоединено воеводство Брацлавское. Подольское воеводство причислено было въ то время не къ Литвѣ, а къ Польшѣ, и въ немъ гродскіе и земскіе суды были открыты еще въ 1-й половинѣ XV вѣка. Но до насъ дошли актовыя книги Каменецъ-Подольскаго земскаго суда лишь съ 1521 г. а магистратскія—съ 1520 г. Это самыя древнія книги въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ. Въ Волынскомъ воеводствѣ замковые суды существовали въ повѣтахъ Луцкомъ, Владимірскомъ и Кременецкомъ. Въ Луцкѣ актовыя книги велись уже въ 1520 г., а можетъ быть и ранѣе, но сохранились съ 1558 г.; кременецкія книги мы имѣемъ съ 1542 г., владимірскія—съ 1566 г. Въ Кіевѣ и Житомірѣ онѣ были ведены еще въ 1-й половинѣ XVI ст., но кіевскія книги погибли почти безъ остатка, а житомірскія отчасти сохранились лишь съ 1582 года. Подобныя книги велись и другими правительственными учрежденіями; были также книги и при духовныхъ каѳедрахъ, при чемъ даже при католическихъ бискупахъ онѣ велись въ 1-й половинѣ XVI вѣка на русскомъ языкѣ. Все это погибло безвозвратно. Если остались книги въ судахъ, то ихъ само общество старалось хранить весьма тщательно, въ виду ихъ важнаго содержанія. Особенно интересовалось дворянство, такъ какъ тамъ записаны были его права, «гоноры», вольности и проч. Войны Хмельницкаго были самой печальной эпохой для ихъ сохраненія. Когда Юго-Западный

нящихся въ центральныхъ, частію разбросанныхъ по частнымъ архивамъ. Но научному разбору и изданію подверглась лишь незначительная часть. Такъ, изъ 6,000 актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива просмотрѣна едва-ли половина; и это въ архивѣ, при которомъ существуетъ старѣйшая археографическая коммиссія. Но гораздо большее количество и притомъ наиболѣе драгоцѣнное, какъ древнѣйшее, погибло безвозвратно среди безчисленныхъ войнъ, народныхъ волненій, пожаровъ и т. д. Не мало виновато здѣсь и наше исконное равнодушіе, въ позднѣйшее время, къ такимъ памятникамъ. Что осталось, обязано тому значенію, какое имѣли эти книги въ Польско-Литовскомъ государствѣ; въ эпоху же русскаго владычества на нихъ обратило свое вниманіе наше правительство по особымъ причинамъ, о чемъ скажемъ далѣе.

Актовыя книги тѣсно связаны съ польско-литовскимъ судоустройствомъ. Еще въ 1-й половинѣ XIV ст. въ Польшѣ, не безъ участія иноземнаго вліянія, былъ выработанъ тотъ типъ и строй судебныхъ учрежденій, который надолго сдѣлался образцовымъ для всего Литовскаго государства и соединенныхъ съ нимъ русскихъ земель и областей. Суды имѣли сословный характеръ. Для шляхтичей—преимущественно земскіе суды, члены которыхъ избирались изъ ихъ среды. Мѣщане городовъ съ магдебургскимъ правомъ подлежали своему суду—магистратскому, для крестьянъ не существовало спеціальныхъ учрежденій—ихъ судили помѣщики. Органомъ собственнаго правительственнаго, т. е. королевскаго, суда были суды гродскіе, или замковые, подъ предсѣдательствомъ воеводъ и старостъ. Первоначально имъ подлежали наиболѣе тяжкія, уголовныя преступленія, но впослѣдствіи ихъ компетенція была расширена почти до предѣловъ земскихъ судовъ. При всѣхъ этихъ судахъ ведены были особыя книги—acta, по западнымъ образцамъ. Это не были одни лишь судебные протоколы: послѣдніе записывались въ такъ-называемыя декретовыя книги. Но кромѣ нихъ были еще акты или книги записовыя и поточныя. Первыя отчасти аналогичны съ нотаріальными книгами. Въ нихъ помѣщались записи: продажныя, арендныя, залоговыя и проч.; въ нихъ вносились также королевскія жалованныя грамоты и привилегіи, сеймовыя конституціи, люстраціи, инвентари и т. д., и вообще все, что считалось подлежащимъ общему вѣдѣнію. Труднѣе опредѣлить составъ поточныхъ книгъ. Сюда вносились жалобы истцовъ

и возраженія отвѣтчиковъ, свидѣтельскія показанія, личныя и корпоративныя заявленія. Доступъ къ нимъ былъ открытъ для всѣхъ.

По мѣрѣ развитія политической жизни Рѣчи-посполитой, особенно съ половины XVI вѣка, актовыя книги становятся яркимъ отраженіемъ этой жизни съ ея умственными и политическими броженіями, партіями, сектами и проч., исполняя почти ту-же роль, какая принадлежитъ теперь прессѣ. Съ конца XVI ст. въ нихъ стали безъ разбора вносить все, что казалось кому-либо важнымъ и достойнымъ сохраненія для потомковъ. Въ XVII и XVIII вв. сюда вносились и шутки, и сатиры, и стихи, и проза, и молитвы, и проч. Понятно важное значеніе этихъ памятниковъ и съ филологической стороны, тѣмъ болѣе, что въ Литовскомъ государствѣ почти всѣ древнѣйшія актовыя книги писались западно-русскимъ языкомъ.

Нынѣшній Юго-Западный край къ концу XV и началу XVI вѣка состоялъ изъ 3 воеводствъ—Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго, къ которымъ потомъ было присоединено воеводство Брацлавское. Подольское воеводство причислено было въ то время не къ Литвѣ, а къ Польшѣ, и въ немъ гродскіе и земскіе суды были открыты еще въ 1-й половинѣ XV вѣка. Но до насъ дошли актовыя книги Каменецъ-Подольскаго земскаго суда лишь съ 1521 г. а магистратскія—съ 1520 г. Это самыя древнія книги въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ. Въ Волынскомъ воеводствѣ замковые суды существовали въ повѣтахъ Луцкомъ, Владимірскомъ и Кременецкомъ. Въ Луцкѣ актовыя книги велись уже въ 1520 г., а можетъ быть и ранѣе, но сохранились съ 1558 г.; кременецкія книги мы имѣемъ съ 1542 г., владимірскія—съ 1566 г. Въ Кіевѣ и Житомірѣ онѣ были ведены еще въ 1-й половинѣ XVI ст., но кіевскія книги погибли почти безъ остатка, а житомірскія отчасти сохранились лишь съ 1582 года. Подобныя книги велись и другими правительственными учрежденіями; были также книги и при духовныхъ каѳедрахъ, при чемъ даже при католическихъ бискупахъ онѣ велись въ 1-й половинѣ XVI вѣка на русскомъ языкѣ. Все это погибло безвозвратно. Если остались книги въ судахъ, то ихъ само общество старалось хранить весьма тщательно, въ виду ихъ важнаго содержанія. Особенно интересовалось дворянство, такъ какъ тамъ записаны были его права, «гоноры», вольности и проч. Войны Хмельницкаго были самой печальной эпохой для ихъ сохраненія. Когда Юго-Западный

край вошелъ въ составъ Россіи, измѣнилось и судоустройство, но старые порядки и формы судебнаго дѣлопроизводства въ уѣздныхъ судахъ и палатахъ остались, какъ остались и актовыя книги.

Вскорѣ актовымъ книгамъ пришлось обратить на себя особое вниманіе правительства. Императоры Павелъ и Александръ I оставили неприкосновеннымъ строй Польши и Западной Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ шляхетское сословіе сильно размножилось, такъ какъ доступъ въ него сдѣлался болѣе легкимъ противъ прежняго времени. Въ 1812 году въ одной Кіевской губерніи насчитывалось болѣе 40,000 шляхтичей, но изъ нихъ не болѣе 3,000 владѣли помѣстьями. Слова католикъ и шляхтичъ стали равнозначущими. Всякій хлопоталъ о признаніи его во дворянствѣ, и всякій, сколько нибудь состоятельный, польскій землевладѣлецъ обязательно титуловался графомъ. Правда, что депутатскія собранія и департаментъ герольдіи требовали доказательствъ, но ихъ фабриковали, сколько угодно, особые знатоки, бывшіе всюду въ большомъ количествѣ. Въ герольдіи требовались не самые документы, а только выписи ихъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ. Но тутъ было широкое поле для фальсификаторовъ. Многочисленные пробѣлы въ книгахъ заполнялись поддѣльными документами; въ подлинныхъ документахъ стирались собственныя имена и замѣнялись нужными для указанныхъ цѣлей. Можно было очень легко сдѣлаться прямымъ потомкомъ Гедимина или Пястовъ, при содѣйствіи тѣхъ, у кого хранились актовыя книги. Правительство долго безуспѣшно боролось съ этимъ зломъ, пока, наконецъ, генералъ-губернаторъ Бибиковъ не возбудилъ вопроса объ учрежденіи Кіевскаго центральнаго архива, гдѣ можно было-бы сохранять эти книги какъ для научныхъ цѣлей, такъ и для предупрежденія подлоговъ. Послѣ многихъ хлопотъ, при сочувствіи самого Императора Николая I, мысли Бибикова были осуществлены, и въ 1852 году высочайше было повелѣно учредить центральные архивы въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ. Раціональность ихъ доказана болѣе чѣмъ 40-лѣтнимъ опытомъ.

б) Д. чл. **В. П. Науменкомъ** доложено было: «*Объ И. И. Лажечниковѣ и его историческихъ романахъ*» И. И. Лажечниковъ род. 14 сентября 1794 г. въ купеч. семьѣ, усвоившей себѣ формы культурной жизни. Отецъ милліонеръ поручилъ воспитаніе сына образованному французу Больe, оказавшему благотворное вліяніе на молодого Лажечникова, развивъ въ немъ гуманизмъ и любовь къ умственному труду. Когда

обѣднѣлъ отецъ, молодой Лажечниковъ долженъ былъ собственнымъ трудомъ добывать себѣ средства къ жизни; въ 14—18 лѣтъ онъ служилъ въ теперешнемъ Москов. архивѣ министерства иностр. дѣлъ и вынесъ отсюда любовь и умѣнье пользоваться историч. матеріалами; потомъ онъ поступилъ на службу въ канцелярію Москов. генералъ-губернатора; въ 1812 г. патріотизмъ побудилъ его идти въ военную службу, которую онъ живо изобразилъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ: «Новобранецъ 12-го года». Съ 1819 г., благодаря знакомству съ Магницкимъ, Л—въ занималъ видныя мѣста въ Казан. учебномъ округѣ; въ 1826 г. онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ и съ этихъ поръ отдался изученію историч. матеріаловъ, служившихъ основой его историческихъ романовъ. Первые литературные опыты Лажечникова относятся къ 1807 г. и отличаются сантиментально-романтическимъ направленіемъ. Форма первыхъ произведеній его также была разнообразна: онъ писалъ стихотворенія, подражая И. И. Дмитріеву, повѣсти, подобныя повѣстямъ Карамзина, и разсужденія въ родѣ «Разговора о любви», «О прекрасномъ и миломъ» и проч. Въ 1817 г. Лажечниковъ издалъ все написанное въ одной книгѣ подъ заглавіемъ: «Первые опыты въ прозѣ и стихахъ». Устыдившись своего писанія, Лажечниковъ принялся самъ уничтожать свою книгу, которая стала вскорѣ библіографической рѣдкостью; это случилось именно тогда, когда онъ отъ безпочвеннаго сантиментализма перешелъ къ фактическому описанію (въ «Запискахъ походнаго офицера») всего пережитаго имъ во время военной службы. Хотя впослѣдствіи Лажечниковъ былъ недоволенъ и этими своими «Записками», но современная и позднѣйшая критика отзывалась всегда съ похвалой о нихъ. Съ 1826 г., по выходѣ въ отставку, И. И. Лажечниковъ начинаетъ заниматся изученіемъ матеріаловъ по исторіи покоренія Лифляндіи, задумавъ романъ «Послѣдній Новикъ». Обращаясь къ разсмотрѣнію историч. романовъ, референтъ ставитъ вопросъ о томъ, какъ должны понимать свою задачу авторы историч. романовъ, и приходитъ къ заключенію объ обязательности реализма для романистовъ-историковъ, а потому требуетъ отъ нихъ: 1) всесторонняго знакомства съ изображаемой эпохой и духомъ ея; 2) обще-художественнаго таланта, способнаго создавать типическія картины, а историч. лицъ обращать въ типы, и 3) чуткости и отзывчивости для проведенія въ изображаемыя событія дорогихъ для человѣчества идей. Эти условія были невѣдомы писа-

телямъ конца прошлаго и начала текущаго столѣтія; можно сказать, что Лажечниковъ не имѣлъ предшественниковъ, поэтому нельзя и предъявлять къ нему современныхъ требованій отъ историковъ-романистовъ, и, прежде чѣмъ дѣлать оцѣнку его романовъ, необходимо обратить вниманіе на то, какъ смотрѣлъ на свою задачу самъ писатель и какъ отнеслась къ нему тогдашняя критика. Какъ смотрѣлъ на свою задачу Лажечниковъ, видно изъ его письма къ Пушкину: «Прежде чѣмъ писать романы, пишетъ онъ, я долго изучалъ эпоху и людей того времени, которое изображалъ. Напр., чего только не перечиталъ я для своего Новика! Могу прибавить, я былъ столько счастливъ, что мнѣ попадались подъ руку весьма рѣдкіе источники»....... Еще яснѣе Лажечниковъ выразилъ свою мысль въ прологѣ къ «Басурману». Историкъ-романистъ, по его мнѣнію, «долженъ болѣе слѣдовать поэзіи исторіи, нежели ея хронологіи. Его дѣло не быть рабомъ чиселъ; онъ долженъ быть вѣренъ только характеру эпохи и двигателя ея, которыхъ взялся изобризить. Миссія историческаго романиста—выбрать самыя блестящія, самыя занимательныя событія, которыя вяжутся съ главнымъ лицемъ его разсказа и совокупить ихъ въ одинъ поэтическій моментъ своего рамана. Нужно-ли говорить, что этотъ моментъ долженъ быть проникнутъ идеей».? Критикъ Бѣлинскій, какъ и критикъ «Библіотеки для Чтенія» и «Атенея», съ восторгомъ говорятъ о достоинствахъ романовъ Лажечникова, хотя появлялись статьи (А. Аѳанасьевъ), указывавшія и на идеализацію историческихъ лицъ Лажечниковымъ, какъ напр. Ив. Алек. Долгорукаго (въ «Колдунѣ на Сухаровой башнѣ») и Волынскаго (въ «Ледяномъ домѣ»); тоже было признано и послѣдующей критикой. Пушкинъ, въ свою очередь, указывалъ Лажечникову на уклоненіе отъ истины, но послѣдній настаивалъ на правильности своихъ взглядовъ: онъ вѣритъ добрымъ намѣреніямъ своихъ героевъ, а дурные объясняетъ или клеветой на нихъ враговъ или грубостью вѣка. Эти искаженія характеровъ героевъ, идеализація ихъ, объясняются, по мнѣнію референта, увлеченіемъ романиста гражданскими идеями, олицетвореніе которыхъ онъ желалъ видѣть въ своихъ герояхъ; и должно сознаться, что въ большинствѣ случаевъ нельзя не увлечься дѣлами тѣхъ лицъ въ романахъ Лажечникова, которыя выступаютъ честными защитниками правды и добра. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, если и до сихъ поръ романы Лажечникова не могутъ быть названы забытой книгой, и еще въ 1835 г. Пушкинъ

писалъ Лажечникову: «поэзія остается всегда поэзіей, и многія страницы Вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ».

IV. ЗАСѢДАНІЕ 22-го ЯНВАРЯ 1895 г.

а) Д. чл. **В. З. Завитневичъ** представилъ результаты произведенной имъ въ Купян. у. Харьков. губ. раскопки *«Покровскаго могильника»* (напечатано въ IX-й книгѣ «Чтеній»).

б) Д. чл. **В. И. Щербина** напомнилъ *«Объ историческихъ трудахъ Г. С. Трейера о Россіи»* (напечатано въ IX-й книгѣ «Чтеній»).

При этомъ г. предсѣдатель сообщилъ подробности о переводѣ трудовъ Трейера на русскій языкъ.

V. ЗАСѢДАНІЕ 3-го ФЕВРАЛЯ 1895 г.

Настоящее засѣданіе было посвящено чествованію памяти столѣтія рожденія поэта А. С. Грибоѣдова и десятилѣтія со дня смерти проф. А. Ѳ. Кистяковскаго; по этому поводу были прочтены доклады:

а) Д. чл. **П. С. Иващенкомъ**: *«Объ А. С. Грибоѣдовѣ, какъ авторѣ комедіи—Горе отъ ума»* (напечатанъ въ IX-й книгѣ «Чтеній»), и

б) Д. чл. **Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ**: *«Объ общихъ итогахъ научнаго творчества проф. А. Ѳ. Кистяковскаго»* (напечатанъ въ IX-й книгѣ «Чтеній»).

VI. ЗАСѢДАНІЕ 19-го ФЕВРАЛЯ 1895 г.

а) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** сдѣлалъ сообщеніе *«О крестьянской реформѣ въ Западной Европѣ и о мелкой крестьянской собственности»*, а

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ**, имѣя въ виду разсмотрѣть рядъ спорныхъ вопросовъ *«Изъ прошлаго г. Кіева»*, подвергъ пока разбору установившееся мнѣніе о возникновеніи въ Кіевѣ братства и школы при немъ въ началѣ XVII в., которое (т. е. возникновеніе) должно быть отнесено къ концу XVI в. (рефератъ этотъ подъ заглавіемъ: «Еще о древности братства и школы въ Кіевѣ», напечатанъ въ IX-й книгѣ «Чтеній»).

VII. ЗАСѢДАНІЕ 5-го МАРТА 1895 г.

а) Д. чл. **А. Н. Ясинскій** сообщилъ *«О положеніи государя въ Чехіи въ XII и XIII вв.»* [1]). По мнѣнію наиболѣе авторитетныхъ чешскихъ историковъ нашего времени (Томка, Колоусена и Челаковскаго), къ концу XII вѣка власть государя въ Чешской землѣ чрезвычайно уменьшилась. Несомнѣнно, что въ теченіе XI—XII в. было роздано много земель, что государи вообще не располагали большими матеріальными средствами; но въ этомъ отношеніи не послѣдовало измѣненій и тогда, когда въ странѣ установилась правильная наслѣдственность престола. Короли Премыслъ, Отакаръ I и Вацлавъ постоянно нуждались въ деньгахъ и усердно продолжали раздачу коронныхъ имѣній. Несомнѣнно также и то, что всѣ члены рода Премысловичей считались имѣющими права на престолъ, что старшинство не было для замѣщенія престола необходимымъ условіемъ. При господствѣ родовыхъ воззрѣній участіе населенія въ выборѣ государя являлось обязательнымъ правиломъ. Многочисленные факты XI—XII вѣка доказываютъ, что знатпая шляхта при выборѣ князя играла особенно важную роль. Право ея въ этомъ отношеніи признавалось и императоромъ, высшимъ сеньоромъ Чехіи. Въ противоположность знатной шляхтѣ, которая часто интриговала и иногда свергала государей, находя въ средѣ владѣтельнаго дома всегда претендента на престолъ, — низшая шляхта стояла за порядокъ въ странѣ и всегда поддерживала государя. Постоянпыя смуты изъ-за престола объясняются отчасти отсутствіемъ опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи, отчасти господствомъ узко-эгоистическихъ побужденій и стремленій въ массѣ высшей шляхты, или знати. Паны добивались должностей и выгодъ, а потому готовы были поддерживать того изъ Премысловичей, который давалъ имъ большія обѣщанія. При этомъ часто случалось такъ, что одна часть знати поддерживала одного претендента, а другая стояла за другого. Въ 1197 году Чернинъ и его товарищи, приверженцы Премысла, говорили, что они рѣшились или умереть или добыть себѣ хлѣбъ, а патрону своему столъ княжескій. Лица, обойденныя при назначеніяхъ на должности, не знали лучшаго средства къ достиженію своихъ эгоистическихъ цѣлей, какъ возведеніе на княжескій столъ того изъ Промысловичей, отъ котораго они могли надѣяться получить желаемыя должности и выгоды: «гораздо лучше,—

[1]) См. Университет. (Кіев.) Извѣстія за 1895 г.

говорили недовольные въ 1130 году о Собеславѣ, — погубить этого гордаго князя и возвести такого, отъ коего мы можемъ получить все, что намъ угодно будетъ». Если, съ одной стороны, при господствѣ личныхъ побужденій и интересовъ въ средѣ пановъ возникала для государя необходимость ласкать и привязывать ихъ къ себѣ всѣми зависящими отъ него средствами, то, съ другой стороны, это же обстоятельство препятствовало сплоченію аристократіи, сознанію себя, какъ группы, имѣющей общіе интересы. Нельзя отрицать все-таки, что XII вѣкъ былъ критической порой въ жизни Чешскаго государства, ибо если бы смуты и борьба изъ-за трона продолжались далѣе конца этого вѣка, то знать успѣла бы намѣтить опредѣленныя требованія, выработать политическую программу. Въ самомъ дѣлѣ, со второй половины XII вѣка паны выработали нѣкоторую тактику и пріобрѣли нѣкоторую сноровку, когда имъ приходилось рѣшать вопросы о замѣщеніи трона: паны собираются на съѣзды, ставятъ и обсуждаютъ вопросы, а иногда устраиваютъ даже тайныя совѣщанія и сходки. Однако, 50-ти лѣтъ оказалось недостаточно, чтобы эгоистическія стремленія могли сложиться въ нѣчто, напоминающее политическую программу. Какъ только установился опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія, а это случилось въ самомъ концѣ XII вѣка (1197 г.), то государи должны были явиться въ обладаніи той властью, какой предположительно пользовались Болеславы.

Дѣйствительно, назначеніе на должности всецѣло зависѣло отъ государя. Они же распоряжались раздачей церковныхъ мѣстъ и назначеніемъ епископовъ. Что же касается права распоряженія военными силами страны, то въ этомъ отношеніи государи XII вѣка были вполнѣ самостоятельны: если они, имѣя въ виду предпринять далекій заграничный походъ, созывали сеймы, то, по-видимому, на послѣднихъ дѣло шло не о полученіи согласія или одобренія пановъ, а имѣлось въ виду оповѣщеніе предстоящаго похода. Какъ видно изъ отзыва лѣтописца о Собеславѣ II, государь являлся въ роли высшаго судьи, источника суда и справедливости въ землѣ. Изданіе декретовъ Брячислава (въ половинѣ XI в.) и статутовъ Конрадовыхъ (въ концѣ XII в.) представляется дѣломъ единоличнымъ князя. Сеймъ или собраніе при этомъ играли пассивную роль. Весьма возможно, что во всѣхъ законодательныхъ предпріятіяхъ князья совѣтовались съ людьми опытными, своими придворными чинами и каштелянами, но, по-видимому, это не было

обязательно и не могло облекаться въ опредѣленныя формы: князь совѣтовался съ кѣмъ хотѣлъ, кому довѣрялъ, чью опытность въ дѣлахъ считалъ достаточной. Проявляя большую самостоятельность и независимость въ дѣлахъ внутреннихъ, государи чешскіе XII вѣка въ отношеніяхъ международныхъ были еще менѣе зависимы, чему доказательствомъ можетъ служить вся исторія XI и XII вѣковъ. Располагая такой неограниченной властью политической, они не меньшей пользовались и въ имущественныхъ отношеніяхъ. Такъ, въ качествѣ преемниковъ племенныхъ и родовыхъ князей, имъ принадлежало право распоряженія всѣми ненаселенными и пустопорожними землями; они могли прибѣгать къ принудительному отчужденію земли у собственниковъ; напр., получая частыя жалобы на одного пана, который, по выраженію грамоты, «бралъ то, чего не клалъ, жалъ тамъ, гдѣ не сѣялъ», т. е., обижалъ и грабилъ сосѣдей, король выпроводилъ его изъ села, вопреки желанію послѣдняго, со всей движимостью, давши ему назадъ тѣ 60 мар., которыя имъ были заплочены за имѣніе. По отношенію къ церковнымъ землямъ государь, вѣроятно, въ качествѣ патрона имѣлъ особыя права, права высшаго собственника: безъ согласія его, церковныя корпораціи не пріобрѣтали и не отчуждали своихъ имѣній и земель. Наиболѣе, однако, велики были права государя по отношенію къ той формѣ владѣнія, которую можно назвать выслугой. За службу людямъ, преимущественно знатнымъ, давались различныя недвижимыя имущества: села, сельца, части селъ, земли въ селѣ, лѣса, острова, хутора, перевозы и т. д. Выслуги были двоякаго рода: однѣ получались jure hereditario, но безъ права отчужденія; другія—на правахъ полной собственности. Выслуги перваго рода (jure hereditario) представляли собою условное и ограниченное въ правахъ владѣніе. Владѣльцы подобныхъ выслугъ старались иногда исходатайствовать у государей расширеніе своихъ правъ, т. е. добивались превратить выслугу въ вотчину, и довольно часто получали отъ нихъ права распоряженія и отчужденія, но это представлялось особой милостью государевой. Такія частныя пожалованія медленно подготовляли сознаніе о необходимости общей и широкой постановки вопроса о правахъ на землю.

Такимъ образомъ, власть государя въ теченіе XII вѣка, не взирая на опасныя смуты, не уменьшилась, и государство Чешское вступало въ XIII вѣкъ, какъ организмъ сильный и крѣпкій, съ задатками про-

должительной жизни и здоровья. Государямъ XIII вѣка нужно было заботиться не объ укрѣпленіи своей власти, а только объ увеличеніи своихъ матеріальныхъ средствъ. Какъ извѣстно, для достиженія этой цѣли они прибѣгали къ помощи нѣмецкой колонизаціи, стали съ усердіемъ, достойнымъ лучшей цѣли, раздавать нѣмцамъ участки въ «помежномъ» лѣсу, водворять нѣмецкихъ ремесленниковъ и торговцевъ въ своихъ городахъ. Правда, этимъ они достигали ближайшей своей цѣли, но за то подрывали введеніемъ иноплеменнаго элемента самобытную крѣпость государства и подготовляли въ будущемъ возможность опаснаго кризиса.

б) Д. чл. **Вас. Г. Ляскоронскій** разсмотрѣлъ «*Археологическую находку близь м. Таганчи* (Кіев. г. Канев. у.)». Въ сентябрѣ 1894 г. однимъ крестьяниномъ Королевскаго посёлка, близь м. Таганчи, при съемкѣ и раскопкѣ кургана найдены были заслуживающіе вниманія археологовъ предметы, именно: въ насыпи кургана, состоявшей изъ чернозема, оказался въ сколоченномъ изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ, скрѣпленныхъ желѣзными въ полъаршина длины костылями, гробу покойникъ, похороненный съ лошадью и со всѣми своими военными аттрибутами,—шлемомъ, кольчугой, саблей, щитомъ, копьемъ, лукомъ, жезломъ и другими разнообразными вещами, имѣющими такой видъ: 1) *Шлемъ* (шишакъ) желѣзный, въ сильно окисленномъ состояніи, конусообразной формы, съ высокимъ (около 4 верш.) шпицемъ. Къ нижней передней части шлема прикрѣпленъ желѣзными клепками *щитокъ*, защищающій лобъ и носъ; щитокъ—желѣзный, но съ *мѣдной* (красной мѣди) вокругъ, по краямъ, каймой, прикрѣпленной къ шлему серебряными гвоздиками. На передней части шлема видны слѣды серебряной пластинки, но какъ велика была поверенность послѣдней—трудно рѣшить. Шлемъ сохранился цѣлымъ, безъ поврежденій. При шлемѣ оказались два куска кольчатой сѣтки, которая петлями пристегивалась на крючки къ краямъ шлема и къ оконечности щитка (гдѣ существуетъ для этого отверстіе); эти сѣтки, очевидно, служили для защиты шеи и верхней части груди отъ ударовъ. 2) *Кольчуга*, длиною до колѣнъ, составленная изъ сцѣпленныхъ между собою желѣзныхъ (круглой формы) колецъ, которые, конечно отъ времени, сильно поржавѣли и въ настоящее время плотно слились въ неподвижный, покрытый сверху тонкимъ слоемъ глины пластъ, подъ которымъ видны возвышенія по направленію

руки и шеи. На исподней поверхности кольчуги видно углубленіе какъ бы отъ лука: сохранились даже слѣды дерева отъ дуги лука и остатки тетивы по краямъ. Въ подшейной части—слѣды колчана. Здѣсь же, ближе къ шеѣ, круглая серебряная бляха (около $2^1/_2$ вершк. въ діаметрѣ), приставшая къ кольчугѣ; невдалекѣ—другая, подобная предыдущей, серебряная бляха, но послѣдняя держится на вѣсу, на сафьянной подкладкѣ (какъ и первая), къ которой прибита серебряными гвоздиками. На кольчугѣ видны слѣды затвердѣвшей ткани, отпечатлѣвшейся своимъ узоромъ. 3) *Шесть штукъ кусковъ шейныхъ, серебряныхъ, разной формы бляхъ*, составленныхъ изъ тонкихъ листовъ, наложенныхъ на сафьянъ и сколоченныхъ серебряными, густо набитыми кнопками, съ мѣдной подъ сафьяномъ подкладкой, соотвѣтствующей по формѣ серебряной верхней пластинкѣ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ бляхъ прекрасно сохранились слѣды пурпуровой ткани. 4) *Шейная золотая гривна* (обручъ), сдѣланная такъ, что на желѣзный скрученный жгутомъ и утончающійся къ концамъ стержень наложенъ сверху золотой листъ, но не напаянъ, а набитъ сверху. Золото—свѣтлое, очевидно, съ примѣсью серебра; сохранилась половина гривны. 5) Круглый, серебряный (пластинчатый), густо вызолоченный *медальонъ* (около 6 снтмтр. въ діаметрѣ), составляющій собою иконку съ изображеніемъ благословляющаго Христа Спасителя, возлѣ котораго, на высотѣ главы, окруженной нимбомъ, съ одной стороны—греческая альфа, а съ другой—омега (A и Ω). Изображеніе сдѣлано на тонкой серебряной пластинкѣ при помощи тисненія—au repoussé, столь характернаго для древней византійской эпохи [1]). На нижней доскѣ медальона, находится какое-то изображеніе, но разгадать, что оно собою представляетъ—трудно. 6) *Скипетръ* представляетъ собою окованную серебромъ (листомъ) трость, древко, длиною около $22^1/_2$ вершковъ, толщиною въ діаметрѣ нѣсколько болѣе вершка. Сверху скипетра посажено шарообразное, правильной формы серебряное яблоко, покоящееся въ украшенномъ, рѣзномъ колонками, вызолоченномъ гнѣздѣ [2]). Серебря-

---

[1]) Сохранилось нѣсколько подобныхъ медальоновъ, сдѣланныхъ au repoussé, съ изображеніемъ Христа, агнца и пр. На священныхъ византійскихъ одеждахъ VI в. наблюдалось подобное же изображеніе благословляющаго Христа съ раскрытымъ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ: См. объ этомъ *Ch. Bayet*: «L'art byzantin», p. 97, 100.

[2]) Въ двухъ или трехъ мѣстахъ видны слѣды красной эмали, заключенной въ круглыхъ, выдающихся наружу, гнѣздышкахъ.

ный листокъ прикрѣплялся къ древку гвоздиками. По срединѣ и на нижнемъ концѣ скипетра придѣланы серебряныя, густо вызолоченныя, узорчатыя скобы. 7) Серебряный, пластинчатый, двухсторонній, четырехъ-угольный, густо вызолоченный кругомъ *аграфъ*, служившій или для застегиванія концевъ одежды, или же для украшенія на груди. Этотъ аграфъ, длиною въ 15 и шириною въ 6 сентиметровъ, устроенъ изъ двухъ серебрян. пластинокъ, прибитыхъ гвоздиками къ деревянной пластинѣ. Оба меньшіе края снабжены, по три на каждомъ, серебряными, полушарными пуговицами, могущими свободно двигаться при помощи шарнира. Рисунокъ на аграфѣ изъ растительнаго царства, въ византійскомъ стилѣ, также сдѣланъ при помощи тисненія—au repoussé. Кругомъ двойной бордюръ изъ ряда мелкихъ бугорковъ (зерни)[1]). 8) Двѣ серебряныхъ *пуговицы* шарообразной формы, внутри полыя. 9) Желѣзная *сабля* въ серебряныхъ, не паяныхъ, а сбитыхъ по швамъ гвоздиками ножнахъ, съ желѣзнымъ наконечникомъ; длиною 1 арш. 9 вершк. Перекрестье рукоятки сабли—прямое. Серебряная пластина ноженъ набита сверху на деревянную подкладку серебряными гвоздиками. 10) Широкая (по брюшку 19 снтмтр.), высотой 12,2 снтмтр., серебряная *чаша* или *ваза*, съ позолоченой, рѣзной каймой, *плетеночнаго* рисунка; ножка вазы круглыя конусообразная, съ каймой того же рисунка и такой же позолотой. 11) Пять серебряныхъ пластинъ, судя по разсказамъ крестьянина, набитыхъ на нѣчто подобное щиту. Одна изъ пластинъ сердцевидно-продолговатая, усѣянная кругомъ по краямъ отверстіями для гвоздей, изъ которыхъ немногіе сохранились. Гвозди имѣютъ большія головки. 12) Пять золотыхъ тонкихъ, листовыхъ пластинъ, съ отверстіями для гвоздей; по-видимому, онѣ служили украшеніями какого либо предмета, м. б. колчана. 13) Наконечникъ копья или же большой стрѣлы, остріе формы тупоугольной; стержень для насаживанія на древко относительно длинный. 14) Желѣзный серпъ съ изогнутымъ и надломаннымъ концемъ. 15) Желѣзныя удила съ широкими, плоскими кольцами при немъ. 16) Два желѣзныхъ стремени съ вогнутымъ основаніемъ для подошвы. 17) Мѣдный сосудъ (по-видимому въ родѣ котла), сдѣланный изъ листовой красной мѣди, съ загнутымъ ободкомъ по вѣнцу

---

[1]) Замѣчательно сходный по рисунку орнаментъ см. въ книгѣ *Ch. Bayet*: «L'art bizantin», p. 183.

и съ дужкой.—Первое, что вызываетъ вниманіе къ находкѣ—это похороны человѣка, съ христіанской иконой, въ полномъ вооруженіи и вмѣстѣ съ конемъ. Очевидно, христіанскія начала, пробивавшіяся въ странѣ, не могли еще вытѣснить языческихъ обычаевъ и преданій. Не менѣе важно изображеніе Спасителя и рядомъ двухъ греч. буквъ—А и Ω. Баронъ Де-Бай говоритъ, что, «согласно нѣкотор. авторамъ, α и ω были приняты православными какъ символы, по которымъ узнавались единовѣрные въ странахъ, гдѣ царила аріанская ересь» [1]). Другой писатель, Ле-Бланъ, отказывается видѣть въ А и Ω символъ православія; онъ утверждаетъ, что монеты Констанція, одного изъ покровителей аріанизма, носятъ также этотъ знакъ [2]). Насколько извѣстно, изображеніе α и ω встрѣчается на памятникахъ первыхъ вѣковъ христіанства; въ IV, V и VI вв. эти буквы встрѣчаются очень часто на медальонахъ и монетахъ византійскихъ; такой обычай сохранялся до VIII в., когда α и ω были замѣнены другими символическими знаками [3]). Что касается скипетра, то форма и украшенія послѣдняго очень схожи съ изображеніемъ скипетра на вырѣзанномъ изъ слоновой кости диптихѣ VI в. (см. Bayet: «L'art bizant.», p. 91); кромѣ того, византійскій императоръ Василій II, судя по рисунку, изображенъ съ подобнымъ же скипетромъ (см. Вейссъ: «Исторія одежды», стр. 90). Кольчуга, употребленіе которой было въ большомъ ходу въ Византіи до X ст. (Вейссъ, стр. 90), пурпурная ткань, характерный медальонъ, узорчатый аграфъ, гривна, серебряный съ позолотой сосудъ и другія вещи,—все это говоритъ въ пользу того, что покойникъ жилъ не позже VIII в., и что найденные при немъ предметы носятъ несомнѣнный отпечатокъ византійскаго искусства.

По поводу этого доклада поч. чл. **В. Б. Антоновичъ** высказалъ мнѣніе, что, судя по вышеуказаннымъ предметамъ, нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно относятся къ велико-княжескому періоду и представляютъ большой научный интересъ, другіе же могутъ быть пріурочены къ гораздо позднѣйшему времени и потому значенія не имѣютъ.

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 19-го МАРТА 1895 г.

а) Д. чл. **С. Т. Голубевъ** указалъ на важность найденныхъ имъ новыхъ «*Матеріаловъ для исторіи Западно-русской церкви*»,

---

[1]) *Baron de Baye*: «Une châsse de la cathédrale d'Astorga», p. 7.

[2]) Ibidem, p. 8.

[3]) *An. Peraté*: «Archéologie chrétienne», p. 143—336.

обрисовывающихъ положеніе православія, вообще, и Виленскаго братства, въ частности, въ XVIII в. (напечатаны въ настоящей и IX книгахъ «Чтеній»).

б) Д. чл. **Е. А. Кивлицкій** сообщилъ о содержаніи «*Библіотеки и собранія рукописей Н. И. Костомарова*[1])», пожертвованныхъ его вдовой Г. Л. Костомаровой университету св. Владиміра, въ которомъ Н. И. началъ свою профессорскую дѣятельность. Всѣхъ книгъ въ библіотекѣ около 1500 названій; изъ нихъ около $^{2}/_{3}$ на русскомъ, остальные на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и друг. языкахъ; на малорусскомъ языкѣ только 5 книгъ. По содержанію болѣе половины книгъ относится къ русской исторіи, 140 названій къ исторіи Южной и Западной Руси; по исторіи рус. языка и литературы около 200 названій, изъ которыхъ 23 сочиненія касаются малорусской словесности; по исторіи Польши болѣе 100 сочиненій; по всеобщей исторіи около 200; періодическихъ изданій 28 названій и, наконецъ, болѣе 200 сочиненій разнообразнаго содержанія. Самымъ цѣннымъ отдѣломъ является отдѣлъ русской исторіи; въ него входятъ полныя собранія изданій всѣхъ ученыхъ учрежденій и историческихъ журналовъ, сочиненія всѣхъ русскихъ историковъ. По всеобщей исторіи также имѣются произведенія всѣхъ наиболѣе выдающихся историковъ; особенно многочисленны книги по исторіи французской революціи и по исторіи итальянскихъ республикъ. Рукописи, пренадлежащія Н. И. Костомарову, относятся преимущественно къ XVII и XVIII вв. и только одна къ концу XV и началу XVI в. (Писцовая книга Новгородскаго, Ладожскаго и друг. уѣздовъ); по содержанію, это—сборники поучительныхъ разсказовъ, путешествія, житія, проповѣди, сказанія, хронографы, роскольничьи сочиненія, рукописи по исторіи царствованія Петра В., законодательныя памятники, акты монастырей, сеймовыя польскія рѣчи, письма польскихъ магнатовъ прошлаго вѣка и даже рукописи, касающіяся Суворова и принадлежавшія ему самому записки по разнаго рода военнымъ вопросомъ. Рукописи, такимъ образомъ, не представляютъ собой подбора матеріала съ одной какой-либо цѣлью, и большое разнообразіе ихъ показываетъ широту научныхъ интересовъ пріобрѣтателя.

---

[1]) См. «Кіев. Стар.» № 4 за 1895 г.

в) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** представилъ разборъ «*Книги Авенеля объ экономической исторіи собственности и цѣнъ во Франціи (1200—1800 г.)*».

г) Секретарь **П. В. Владиміровъ** разсмотрѣлъ критически изслѣдованія проф. А. С. Архангельскаго по «*Исторіи древнерусской письменности: переводныя творенія отцовъ Церкви, Вопросы и Отвѣты, Измарагды*», и проч. (напечатано въ IX-й книгѣ «Чтеній»).

IX. ЗАСѢДАНІЕ 16-го АПРѢЛЯ 1895 г.

а) Д. чл. **А. І. Степовичъ** представилъ результаты своихъ «*Семазіологическихъ наблюденій надъ словаремъ кашубскаго нарѣчія*».

Референтъ имѣлъ въ виду прослѣдить, во-первыхъ, *исторію разработки словаря, грамматики* и пр. кашубскаго нарѣчія и вообще ходъ изученія всего, касающагося этого любопытнаго остатка поморскихъ славянъ [1]) и, во-вторыхъ, разсмотрѣть тотъ *любопытный словарный матеріалъ* этого нарѣчія, который, отсутствуя, напримѣръ, въ польскомъ языкѣ, можетъ быть объясненъ путемъ сближенія съ словарями юго-восточныхъ славянъ и самъ служитъ для ихъ объясненія. Въ этомъ именно смыслѣ кашубское нарѣчіе, сохранившее не мало слѣдовъ сѣдой праславянской старины, и любопытно; кромѣ того, оно, обладая многими *звуковыми, формальными и словарными особенностями*, въ такой мѣрѣ отличается отъ ближайшаго къ нему изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій—польскаго, что можетъ съ полнымъ правомъ считаться не подрѣчіемъ или говоромъ его, а почти равноправнымъ сочленомъ общей славянской семьи. Такова, напримѣръ, особенная, притомъ исконная, *склонность кашубскаго вокализма къ звуку е*, которую можно сравнивать, по степени распространенности въ языкѣ, съ подобною-же общеизвѣстною склонностью сербскаго вокализма къ звуку *а*: дан вмѣсто день; у кашубовъ: рекъ (ракъ), рено (рано), бец (быть), деша (душа), це (польск. цо, что и т. п. [2]).

---

[1]) Упомянуты были и кратко оцѣнены труды по этому предмету гг. *Прейса* Петра, *Цейновы* Флоріана, *Гильфердинга*, *Стремлера*, *Бискупскаго*, Іерон. *Дердовскаго*, *Поблоцкаго* и, наконецъ, Степ *Фамулты*, чей «Słownik języka kaszubskiego» (Краковъ, 1893 г.) особенно цѣненъ.

[2]) Что въ кашубскомъ языкѣ есть очень много словъ, не имѣющихся въ польскомъ, но встрѣчающихся въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, объ этомъ свидѣтель-

Изъ особенно любопытныхъ кашубскихъ словъ докладчикомъ было сообщено и семазіологически объяснено болѣе 20, напримѣръ: рухня (одежда), реж (рожь), рикац (говорить), вотрокъ (сынъ), ямный (милостивый), векнанц (учиться), смура (туманъ), штрекачъ (перепелъ; послужило къ объясненію русскаго выраженія: дать стрекача), шуба (длинное платье) и пр.

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ**, разсмотрѣвъ недавніе работы Московскаго архива министерства юстиціи: «Описаніе документовъ и бумагъ» этого архива въ кн. IX-й и «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» г. Н. Оглоблина, опредѣлилъ, «*Чѣмъ должны быть описи архивовъ*» (напечатано въ IX-й книгѣ «Чтеній»).

в) Секретарь П. В. Владиміровъ доложилъ о сообщеніи д. чл. **А. И. Соболевскимъ** «*Объ одной записи въ рукописи XV в.*» (напечатана въ IX-й книгѣ «Чтеній»).

X. ЗАСѢДАНІЕ 30-го АПРѢЛЯ 1895 г.

а) Секретарь **П. В. Владиміровъ** сдѣлалъ сообщеніе о «*Происхожденіи «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина (1817—1820 г.)*». Онъ указалъ на то, что поэтъ нерѣдко пользовался для своихъ произведеній сюжетами мелкихъ и слабыхъ писателей; точно также онъ сдѣлалъ заимствованіе сюжета и для поэмы «Русланъ и Людмила»; но откуда? Проф. А. Незеленовъ считаетъ «Руслана и Людмилу» просто передѣлкой «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» Жуковскаго; другіе предполагаютъ, какъ напр. Л. Поливановъ, вліяніе, съ одной стороны, «Душеньки» Богдановича, Аріосто, Виланда и Гамильтона, а съ другой, простонародныхъ сказокъ въ родѣ Еруслана Лазаревича; предполагая эти вліянія, ученые употребляютъ разнаго рода натяжки для доказательствъ своей мысли; но въ этихъ натяжкахъ не чувствуется никакой необходимости, если принять во вниманіе сход-

---

ствуютъ сами польскіе писатели и ученые, наприм., Надморскій (Козловскій. См. его «Objaśnienia do mappy etnograficznej Prus Krolewskich.» Pamiętnik fiziogr. III Варшава. 1883 г.—Его же: «Ludność polska w Prusach.» Тамъ же, IX, 1889 г Ср. Wisła, III).

Въ отношеніи ударенія языкъ кашубовъ представляетъ значительныя отличія отъ польскаго, которыя не мало значатъ въ данномъ вопросѣ въ виду того огромнаго значенія, какое придаютъ имъ многіе изслѣдователи-діалектологи. Изъ такихъ отличій отмѣтимъ, напримѣръ, характеристическія páleca (палица), dregí (дорогою).

ство «Руслана и Людмилы» Пушкина съ «Богатырскими повѣстями въ стихахъ объ Алешѣ и Чурилѣ», изданными Н. А. Радищевымъ[1]) въ 2-хъ частяхъ, въ Москвѣ, въ 1801 г. «Повѣсти» Радищева, за исключеніемъ именъ, не имѣютъ никакого отношенія къ народнымъ былинамъ объ этихъ богатыряхъ, также какъ и «Богатырская сказка Илья Муромецъ» Карамзина, 1794 г.; хотя Радищевъ и говоритъ о подраженіи Аріосту и Виланду, но главные сюжеты основаны имъ всецѣло на «Русскихъ сказкахъ, содержащихъ древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ», М. Чулкова (1780—83 гг.). Кромѣ того, на «Богатырскихъ повѣстяхъ» Радищева отразилось вліяніе «Душеньки» Богдановича, «Причудницы» И. И. Дмитріева и «Ильи Муромца» Карамзина; тѣмъ не менѣе однакоже положенія героевъ и развитіе дѣйствія у Радищева представляетъ самостоятельныя черты, которыя и легли въ основаніе многихъ картинъ Пушкинскаго «Руслана и Людмилы», художественно обработанныхъ, болѣе стройно развитыхъ и написанныхъ тѣмъ же стихотворнымъ размѣромъ, какъ и у Радищева; въ «Богатырской сказкѣ» Карамзина Пушкинъ могъ заимствовать именно героевъ. О вліяніи Радищева поэтъ самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ лицейскихъ стихотвореній, смѣшивая, подобно своимъ современникамъ, Радищева-отца съ Радищевымъ-сыномъ. Наконецъ, референтъ, указавъ на появленіе въ свѣтъ въ 1804 г. «Древнихъ російскихъ стихотвореній», изд. Киршей Даниловымъ, высказалъ увѣренность, что Пушкинъ пользовался столько же этими прекрасными богатырскими былинами, какъ и «Словомъ о полку Игоревѣ», народной сказкой объ Еруланѣ Лазаревичѣ и друг., отчего нѣкоторый народный колоритъ и отблескъ отдаленной русской старины, при художественной формѣ, до сихъ поръ привлекаютъ въ этой первой поэмѣ Пушкина, между тѣмъ какъ богатырскія пѣснотворенія Карамзина, Радищева и друг. не имѣютъ сами по себѣ ровно никакого значенія[2]).

---

[1]) Это былъ сынъ извѣстнаго автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» А. Н. Радищева и находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Мерзляковымъ, Воейковымъ и Жуковскимъ; въ военную службу, онъ вступилъ въ 1783 г; въ 1801 г., выйдя въ отставку, опредѣленъ былъ въ коммиссію о коронаціи, а въ 1801 г.—въ коммиссію о составленіи законовъ; кромѣ «Богатырскихъ повѣстей», Н. А. Радищевъ извѣстенъ переводами изъ Лафонтена и запиской о жизни своего отца.

[2]) См. Университет. (Кіев.) Извѣстія за 1895 г.

б) Д. чл. **Л. С. Личковъ** представилъ добытые имъ результаты изслѣдованія *«Штрафной колонизаціи Сибири»*.

Въ 1858 году, какъ извѣстно, присоединенъ былъ къ Россіи Амурскій край, для болѣе вѣрнаго прикрѣпленія котораго къ Россіи рѣшено было заселить его какъ можно скорѣе и притомъ, по возможности, военнымъ элементомъ, могущимъ, въ случаѣ надобности, основать надежный оплотъ противъ непріятельскаго вторженія. Кромѣ того, нужно было увеличить въ Сибири контингентъ козаковъ, несшихъ гарнизонную службу въ городахъ. То и другое, а затѣмъ и желаніе избавиться отъ порочныхъ элементовъ въ войскахъ Европейской Россіи, побудило правительство предпринять переселеніе въ Восточную Сибирь и на Амуръ, въ теченіе 4 лѣтъ, 14½ тысячъ нижнихъ чиновъ изъ порочныхъ, содержавшихся въ арестантскихъ ротахъ солдатъ, вмѣстѣ съ ихъ семействами, съ присоединеніемъ къ нимъ тѣхъ изъ безпорочныхъ и штрафованныхъ, которые въ то время сами пожелали переселиться въ Сибирь. Переселяемымъ прощены были всѣ ихъ проступки и штрафы, и всѣ прощенные, поименованные «нижними чинами, обращенными въ козаковъ», предъ отправленіемъ въ путь вновь были приводимы къ присягѣ на вѣрную службу. Способъ поселенія этихъ новопоселенцевъ въ Сибири былъ двоякій: одни приселялись къ уже существовавшимъ до ихъ прихода станицамъ сибирскихъ козаковъ-старожиловъ или даже къ нѣкоторымъ крестьянскимъ семьямъ; изъ другихъ, по усмотрѣнію начальства, основывались совершенно новыя козачьи «станицы». При переселеніи этихъ, «обращенныхъ въ козаки», нижнихъ чиновъ къ крестьянскимъ селеніямъ, крестьяне-старожилы этихъ селеній приписывались въ козаки, а причисленные къ этимъ послѣднимъ ссыльнопоселенцы были перечислены въ другія селенія. Такимъ образомъ, переселеніе этихъ обращенныхъ въ козаки нижнихъ чиновъ производило крупныя перемѣны въ жизни мѣстнаго населенія, что́, конечно, возбуждало ихъ неудовольствіе, не говоря уже о томъ, что переселеніе ихъ сопровождалось наложеніемъ на старожиловъ отяготительной натуральной повинности въ пользу новоприбывшихъ. Такъ, напримѣръ, отъ старожиловъ требовалось, чтобы они доставляли къ приходу новоселовъ лѣсные матеріалы, потребные для постройки домовъ, при чемъ, по усердію слишкомъ уже рачительнаго начальства, заготовлялась большею частію такая масса ихъ, что многое оставалось и гнило безъ всякой

пользы. Вообще все устройство новоприбывшихъ дѣлалось подневольно, подъ наблюденіемъ суроваго начальства, которое употребляло въ дѣло нерѣдко даже порку виновныхъ, при самой мелочной съ его стороны регламентаціи; напр., строго придерживаясь предписанныхъ отъ начальства чертежей и шаблоновъ, избы строились по точнымъ указаніямъ величины, ширины и высоты избъ, числа оконъ, дверей и прочей мелочи, между тѣмъ какъ многое необходимое упускалось изъ виду или оставлялось безъ вниманія: подъ усадьбы отводились въ нѣкоторыхъ станицахъ либо мѣста болотистыя или низменныя, заливаемыя водой, либо самыя мѣстности, намѣченныя для построекъ, оказывались негодными или слишкомъ малодоступными для культуры и т. п. Въ то-же время новоприбывшіе, работая по принужденію, лѣнились, уклонялись отъ работы и очень мало заботились о пригодности будущихъ своихъ жилищъ для жизни въ нихъ, потому что сами помышляли объ уходѣ, и благодаря этому многіе дома въ нѣкоторыхъ станицахъ пришлось потомъ перестраивать вновь; въ другихъ станицахъ при домахъ не оказалось ни дворовъ, ни надворныхъ построекъ. Казна, стараясь притти на помощь новоселамъ, прибывшимъ на мѣста безъ всякихъ средствъ, выдавала имъ даромъ желѣзныя приборы для каждаго дома, стекло для оконъ, топоры, пилы и прочіе инструменты, необходимые для постройки, но, къ сожалѣнію, большинство новоселовъ оказывалось неспособнымъ къ этой работѣ отчасти по присущей этому сброду безпечности и лѣни, а отчасти по незнанію ими плотничьяго и столярнаго ремесла: нѣкоторые изъ нихъ здѣсь только впервые брали въ руки топоръ.

Поселеніе новоселовъ во вновь устроенныхъ домахъ производилось на такихъ началахъ. Всѣ люди семейные должны были имѣть особые дома, по одному на семью; безсемейные же должны были приселяться къ семейнымъ; а такъ какъ, при обычномъ избыткѣ безсемейныхъ, значительное большинство послѣднихъ не могло быть приселено къ семейнымъ, то безсемейные, группируясь по 2—3 человѣка на домъ, должны были образовать такимъ образомъ сводныя холостыя семьи для общаго веденія предполагаемаго хозяйства. Въ теченіе первыхъ 2-хъ лѣтъ по поселеніи всѣ семейные получали «провіантское довольствіе» отъ казны, приблизительно по 2 пуда муки, по 7 ф. крупы и 1 р. приварочныхъ въ мѣсяцъ на душу; то же получали и тѣ изъ холостыхъ, которые заняты были постройкой домовъ и обработкой земли, т. е.

всѣ, кромѣ лицъ, занимавшихся ремеслами. Сверхъ того, каждой семьѣ, устраивающейся своимъ хозяйствомъ, выдавались отъ казны лошадь, корова, сбруя и весь главнѣйшій хозяйственный инвентарь. При всѣхъ этихъ выдачахъ, соединенныхъ, какъ у насъ нерѣдко бываетъ, съ неправильностями въ разсчетахъ и разными злоупотребленіями, новоселы терпѣли иногда большія обиды, вызывавшія съ ихъ стороны жалобы и нареканія на свое начальство. Напр., денегъ выдавали меньше, чѣмъ было необходимо для первоначальнаго обзаведенія; выданный и уже съѣденный провіантъ взыскивали обратно, какъ неправильно или излишне выданный; женившимся холостякамъ не давали обѣщаннаго для всѣхъ семейныхъ пособія на обзаведеніе хозяйствомъ и пр. А такъ какъ вслѣдствіе неразсчетливости, перерасходовъ и хищеній, капиталъ, ассигнованный на помощь новоселамъ, сталъ изсякать ранѣе предположеннаго времени, то нѣкоторымъ новоселамъ прекратили и выдачу предовольствія прежде 2-хъ-лѣтняго льготнаго срока. Само собой понятно, что это вызывало еще большій ропотъ среди переселенныхъ.

Положеніе переселяемыхъ осложнялось, кромѣ неспособности ихъ къ веденію хозяйства и незнанія мѣстныхъ условій, еще и недоброжелательствомъ со стороны мѣстнаго населенія. Помимо того, что старожилы-козаки должны были заготовлять имъ матеріалъ для построекъ, они же принуждаемы были мѣстнымъ начальствомъ къ тому, чтобы отдавать имъ и часть своей пашни. А такъ какъ пахатная земля разрабатывается тамъ каждымъ изъ-подъ лѣса и, представляя такимъ образомъ результатъ личныхъ тяжелыхъ трудовъ человѣка, повсюду, въ силу обычнаго права, признается собственностью разработавшаго ее, то такой отводъ земли для новоселовъ неизбѣжно разсматривался сторожилами, какъ прямое нарушеніе правъ ихъ собственности на землю. Въ то же время и штрафованные новоселы настолько мало умѣли цѣнить эти даровыя пріобрѣтенія и настолько мало имѣли желанія на нихъ трудиться, что мѣстами за обработку и посѣвъ для себя полудесятины земли отдавали нанимавшимся на эту работу старожиламъ по 3 дес. земли въ пользованіе на годъ. Но ни отягощеніе старожиловъ работою въ пользу новоселовъ, ни отнятіе въ ихъ пользу земли отъ тѣхъ-же старожиловъ, ни казенныя пособія провіантомъ и инвентаремъ не принесли ожидаемыхъ правительствомъ результатовъ.

Земледѣліе новоустроенныхъ козачьихъ станицъ развивалось, благодаря тяжелой борьбѣ съ сибирской тайгой и суровымъ климатическимъ условіямъ, очень медленно, тѣмъ болѣе, что многіе изъ новоселовъ неохотно и лишь поневолѣ брались за непривычный для нихъ трудъ. Обязанность очереднаго отбыванія караульной и этапной службы въ теченіе каждаго года, послѣ года отдыха, неизбѣжно отвлекала ихъ отъ веденія хозяйства, а трехлѣтняя льгота отъ службы въ первое время по поселеніи была для нихъ при тѣхъ условіяхъ, въ какія они попали, далеко недостаточной для сколько-нибудь солиднаго устройства новаго хозяйства неумѣлыми руками въ незнакомомъ мѣстѣ. Вмѣсто земледѣлія, большинство новоприбывшихъ занялось разными промыслами, многіе пошли по батрацкимъ заработкамъ, другіе, обративъ козачью службу въ заработокъ для себя, стали наниматься въ козаки за старожиловъ, которымъ приходила очередь ея отбыванія, многіе при первой возможности пустились на утекъ—обратно въ Россію, а другіе, и притомъ весьма многіе, просто занялись кражами и всякими мошенничествами. Этимъ отличались даже цѣлыя станицы. Такъ напр., жители станицы Александро-Невской въ Иркутской губ. до сихъ поръ зовутся «коровятниками», потому что они сдѣлали своею спеціальностью кражу скота и наловчились такъ, что угоняли его изъ сосѣднихъ деревень цѣлыми табунами. Только съ приходомъ этихъ штрафованныхъ козаковъ нѣкоторыя сибирскія деревни узнали значеніе замковъ и познакомились съ способомъ ихъ употребленія.

Новоселы терроризовали старожиловъ своими грабежами, вносили въ сибирскую деревню развратъ и семейный разладъ и сильно вооружали противъ себя мѣстное населеніе, при чемъ взаимная вражда новоселовъ и старожилыхъ нерѣдко кончалась даже кровопролитіемъ. Мѣстное сельское населеніе присвоило этимъ колонизаторамъ общее названіе «кадетъ», сдѣлавшееся синонимомъ «каторжника». Несмотря на всякія поощрительныя мѣры, принимавшіяся начальствомъ для того, чтобы переженить большую часть штрафованныхъ, несмотря на выдачу пособій брачущимся, сибиряки-старожилы всячески уклонялись отъ выдачи своихъ дочерей замужъ за кадетовъ, которымъ приходилось жениться вслѣдствіе этого на бурятках, ссыльно-поселенкахъ и женщинахъ легкаго поведенія. Даже въ работники сибиряки принимали кадетовъ неохотно, и настоянія на-

чальства, въ смыслѣ побужденія населенія къ найму ихъ въ работники, не привели ни къ чему.

Таковы были новые засельщики края, долженствовавшіе стать въ немъ охранителями порядка и спокойствія и защитниками мѣстнаго населенія въ случаѣ вторженія непріятеля, и таковы были условія, при которыхъ происходило ихъ поселеніе въ предѣлахъ Восточной Сибири. Новоиспеченныя козачьи станицы влачили свое жалкое существованіе до 1871 г., когда опубликовано было «положеніе» о реформированіи козачьихъ полковъ, по которому, за сокращеніемъ надобности въ козачьей службѣ, козаки эти были переименованы въ особое сословіе—«крестьянъ изъ козаковъ» или «крестьянъ-собственниковъ», съ предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ и обязанностей крестьянъ на основаніи общаго положенія 19 февраля 1861 г. Изданное положеніе о «крестьянахъ изъ козаковъ» дало кадетамъ право свободнаго проживательства, гдѣ угодно, и увольняло ихъ отъ обязанности нести военную службу, что̀ дало возможность уйти изъ Сибири и тѣмъ изъ кадетовъ, которые не хотѣли рисковать самовольнымъ побѣгомъ съ военной службы.

Въ результатѣ многонаселенныя—на бумагѣ—козацкія станицы опустѣли еще больше: немалая часть штрафныхъ убѣжала еще съ пути изъ Россіи въ Сибирь, многіе ушли на родину уже по прибытіи на мѣсто поселенія, многіе разбрелись по разнымъ заработкамъ, а кто и съ цѣлью воровства; иные попробовали вести хозяйства, но разорились и пошли въ батраки по окрестнымъ селеніямъ, и, наконецъ, остальные, дождавшись (по положенію 1871 года) освобожденія отъ обязательной военной службы и права свободнаго проживанія, гдѣ угодно, тоже пошли обратно на родину.

Нынѣшнее положеніе оставшихся далеко неудовлетворительно: по имущественному достатку они стоятъ значительно ниже не только крестьянъ-старожиловъ, но даже и крестьянъ изъ ссыльно-поселенцевъ. Законъ 1871 г., стремясь облегчить ихъ положеніе, внесъ, кромѣ того, серьозную рознь въ ихъ среду неравнымъ распредѣленіемъ правъ на надѣльную землю и обязанностей въ податномъ отношеніи, присвоивъ однимъ большія права сравнительно съ другими. Это повело къ безконечнымъ раздорамъ внутри козацкихъ обществъ, еще болѣе отягчая и безъ того не вполнѣ удовлетворительное ихъ положеніе.

Таковъ оказался результатъ принудительной колонизаціи Сибири порочными элементами, не приспособленными ни къ мѣстнымъ условіямъ, ни къ труду вообще, ни къ земледѣльческому труду въ частности—колонизаціи, на расходы которой по переселенію засельщиковъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь потребовалось болѣе полутора милліона.

в) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** сообщилъ «*О новыхъ книгахъ по исторіи сельскаго хозяйства въ Германіи*».

---

1) Въ настоящемъ засѣданіи единогласно избраны: въ почетные члены д. чл. *Ѳедоръ Яковлевичъ Фортинскій* и въ дѣйствительные: *Георгій Емельяновичъ Аѳанасьевъ, Боронъ Жозефъ Де-Бай, Константинъ Борисовичъ Газенвинкель и Левъ Васильевичъ Падалка.*

2) По предложенію г. предсѣдателя, Общество выразило благодарность д. чл. *Г. Г. Павлуцкому* за исполненіе имъ рисунка печати и виньетки для обложки «Чтеній» и дипломовъ, а по предложенію г. секретаря, и д. чл. *И. М. Каманину*, которому принадлежитъ первая мысль о нихъ.

3) Въ заключеніе *В. С. Иконниковъ*, въ виду своихъ многочисленныхъ занятій, сложилъ съ себя званіе предсѣдателя въ Обществѣ Нестора-лѣтописца, которое, выразивъ Владиміру Степановичу свою сердечную благодарность за понесенные труды и заботы, опредѣлило произвести выборы предсѣдателя въ первое засѣданіе послѣ каникулярнаго времени.

XI. ЗАСѢДАНІЕ 18-го СЕНТЯБРЯ 1895 г.

Въ настоящемъ засѣданіи была произведена, на основаніи §§ 22 и 24 Устава, баллотировка лицъ, предложенныхъ въ должность предсѣдателя, и избраннымъ оказался поч. чл. *Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій.*

Слушали: Письмо г. секретаря Общества Нестора-лѣтописца *П. В. Владимірова*, съ отказомъ его, по причинѣ увеличившихся занятій, отъ лежащихъ на немъ по должности обязанностей.

Опредѣлили: Произвести выборы секретаря въ одно изъ ближайшихъ засѣданій.

XII. ЗАСѢДАНІЕ 1-го ОКТЯБРЯ 1895 г.

а) Г. предсѣдатель открылъ засѣданіе поминкой по скончавшимся почетнымъ членамъ Общества Нестора: *Н. Х. Бунге* и *Н. Н. Буличъ*, и по дѣйствительнымъ: *П. В. Павловъ*, *П. И. Савваитовъ* и *Н. А. Леопардовъ*, память которыхъ была почтена вставаніемъ.

б) Поч. чл. *Ѳ. Я. Фортинскій* въ прочувствованныхъ словахъ выразилъ Обществу благодарность за избраніе его въ почетные члены.

в) Г. **предсѣдатель** сообщилъ біографическія данныя *«Объ И. Р. Мартосѣ*[1]), *авторѣ «Изслѣдованія о банномъ строеніи, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ»*. Мартосъ родился въ 1760 г. въ семьѣ бѣднаго значковаго товарища; образованіе получилъ въ Кіевской академіи, по окончаніи которой поступилъ въ 1778 г. въ гвардію; тамъ онъ служилъ недолго; имѣя «даръ къ юридической словесности», опредѣлился въ штатъ къ гетману К. Г. Разумовскому въ званіи «кабинетнаго секретаря»; по смерти гетмана, обиженный его наслѣдниками, онъ вступаетъ въ гражданскую службу въ Гродней. губ. Въ 1796 г., при вступленіи на престолъ Павла I, Мартосъ сопровождалъ послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго въ Петербургъ, тамъ онъ поступилъ на службу въ Правител. Сенатъ и продолжалъ ее въ удѣльномъ департаментѣ въ званіи камерира и столоначальника съ 1797 г. по 1802 г.: затѣмъ занималъ должность секретаря и оберъ-секретаря Сената по 1809 г., когда перешелъ на службу въ министерство юстиціи, а въ 1813 г. назначенъ былъ директоромъ департамента этого же министерства; въ 1816 г. онъ вышелъ въ отставку по болѣзни, когда министромъ былъ назначенъ Трощинскій. Изъ сохранившейся переписки видно, что Мартосъ пользовался репутаціей дѣлового человѣка, и къ нему обращались за ходатайствомъ многіе вліятельныя лица. Какъ почти всѣ образованные люди конца прошлаго и начала текущаго вѣка, Мартосъ принадлежалъ къ масонскимъ ложамъ, именно, къ ложѣ Елисаветы добродѣтели, съ 1810 г., причемъ цѣль масонства онъ полагалъ «въ познаніи себя и познаніи рукъ Божіихъ или природы, равно дѣйствительнаго исполненія, а не на словахъ только, любви къ ближнему и прочихъ добродѣтелей, находящихся въ совершенномъ согласіи со всѣми хри-

---

[1]) См. «Кіев. Стар.» за октябрь 1895 г, стр. 48 и слѣд.

стіанскими добродѣтелями, въ которыхъ назидаетъ насъ православная восточная или греко-россійская церковь, такъ какъ источникъ истиннаго просвѣщенія блюдется не столько въ книжкахъ, сколько въ сердцахъ». Быть можетъ масонство, вмѣстѣ съ нервнымъ разстройствомъ, и развили въ Мартосѣ тотъ мистицизмъ, которымъ проникнута вся его переписка. Онъ имѣлъ также и солидныя историческія познанія, результатомъ которыхъ явилось его «*Изслѣдованіе баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ*» (Спб. 1809 г. 8 д., 35 стр.). Въ этой брошюрѣ Мартосъ пытается объяснить то мѣсто изъ первоначальной русской лѣтописи, гдѣ говорится, какъ епископъ Ефремъ въ Переяславлѣ «воздвигъ городъ каменъ и строеніе банное каменное»; какъ извѣстно, русскіе историки XVIII в. видѣли въ «банномъ строеніи»—народныя бани (Татищевъ, Щербатовъ, Стриттеръ и митр. Платонъ); только Болтинъ считалъ его крестильной купелью; Мартосъ разумѣлъ подъ баннымъ строеніемъ куполъ храма, который въ Малороссіи и до сихъ поръ называется баней. Догадки Мартоса вызвали возраженія Каченовскаго (Вѣстн. Европы за 1810 г.), на которыя тотъ отвѣчалъ пространной статьей—«*Изложеніе споровъ о банномъ строеніи, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ*». Эта полемика показываетъ, что Мартосъ основательно былъ знакомъ съ литературой русской исторіи.

По выходѣ въ отставку Мартосъ проживалъ то у одного, то у другого изъ своихъ пріятелей, ѣздилъ лѣчиться на Кавказъ и, по возвращеніи оттуда, въ февралѣ 1819 г., поселился на постоянное жительство въ Кіево-Печерской лаврѣ; отсюда онъ продолжаетъ свою переписку съ друзьями и чаще всего съ ближайшимъ своимъ другомъ В. Я. Ломикомскимъ. Въ это время кіевскимъ митрополитомъ былъ Евгеній Болховитиновъ; отношенія митрополита къ Мартосу были сначала дружескія, но потомъ они розошлись, когда обнаружилось, что первый не раздѣляетъ мистическихъ взглядовъ второго, даже считаетъ его ипохондрикомъ. Мартосъ просилъ Ломиковскаго пріютить его во своемъ имѣніи «Трудолюбѣ». Соглашеніе между ними состоялось, и въ концѣ мая 1830 г. Мартосъ переселился въ деревню своего друга; но не долго ему пришлось пожить здѣсь: 4 апрѣля 1831 года онъ «скончался отъ аневризма въ груди». Извѣстный художникъ, академикъ, И. П. Мартосъ, по желанію брата Ѳ. Р. Мартоса, сдѣлалъ умершему надгробную колону съ соотвѣтствующей надписью.

б) Д. чл. И. М. Каманинъ изложилъ содержаніе реферата отсутствующаго д. чл. **Л. В. Падалки**: *«По вопросу о времени основанія г. Полтавы»* (напечатанъ во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

в) Д. чл. В. П. Науменко прочелъ рефератъ отсутствующаго поч. чл. о. **П. Г. Лебединцева**: *«Къ вопросу о митрополитѣ кіевскомъ Михаилѣ XII-го в.»* (напечатанъ въ II-мъ отд. настоящей книги).

Въ настоящемъ засѣданіи въ члены Ревизіонной коммиссіи, для повѣрки кассы и библіотеки, по баллотировкѣ избраны: *Ю. А. Кулаковскій, Н. В. Молчановскій* и *Н. П. Василенко.*

XIII. ЗАСѢДАНІЕ 8-го ОКТЯБРЯ 1895 г.

Произведенная въ настоящемъ экстренномъ засѣданіи, на основаніи примѣчанія къ § 28 Устава, баллотировка предложенныхъ въ секретари Общества кандидатовъ не дала положительнаго результата, и выборы отложены до ближайшаго очереднаго засѣданія.

XIV. ЗАСѢДАНІЕ 15-го ОКТЯБРЯ 1895 г.

а) Поч. чл. **В. Б. Антоновичъ** сдѣлалъ сообщеніе *«О раскопкахъ по Обсерваторному переулку»* (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги подъ заглавіемъ: «По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала»).

б) Д. чл. **Вас. Г. Ляскоронскій** представилъ *«Данныя объ атласѣ Боплана XVII в.»*.

Французскій инженеръ Левассеръ де-Бопланъ во 2-й четверти XVII в., по порученію польскаго правительства, возводилъ укрѣпленія въ городахъ южно-русскихъ воеводствъ для защиты ихъ отъ нападеній татаръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимался, по настоянію короля Владислава IV и гетмана Конецпольскаго, съемкой на планъ обоихъ побережій р. Днѣпра; дополненіемъ къ картѣ служило «Description d'Ukraine» (1-е изданіе его вышло въ свѣтъ въ 1650 г., а 2-е—въ 1660 г.). Къ «Описанію» была приложена краткая карта, предназначенная лишь для облегченія читателя; она была принята историками за ту карту Украины, которая составляла главный трудъ Боплана и о которой онъ говоритъ съ гордостью; русскій переводъ «Описанія Укра-

ины», вмѣстѣ съ этой краткой картой, вышелъ въ свѣтъ въ 30-хъ годахъ этого вѣка; ученый Лербергъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы это была та самая карта, о которой говоритъ Бопланъ; но на это замѣчаніе не было обращено вниманія. Дѣйствительно, Лербергъ былъ правъ; оказывается, что подробный и большой атласъ Боплана вышелъ въ свѣтъ въ 1648 г. отдѣльнымъ изданіемъ и состоялъ изъ восьми листовъ; онъ носилъ заглавіе: «Delineatio generalis camporum desertorum, vulgo Ukraina, cum adjacentibus provinciis, bono publico erecta per Guilhelmum Le Vasseur de Beauplan, architectum militarem et capitaneum, cum privilegio S. R. M—tis Pol. Guilhelmus Hondius fecit. Gedani. 1648», съ посвященіемъ королю Яну-Казимиру; при второмъ изданіи въ 1650 г. эти восемь картъ атласа были увеличены въ маштабѣ въ нѣсколько разъ и имъ дано болѣе широкое заглавіе: «Delineatio specialis et accurata Ukrainae, cum suis palatinatibus et districtibus provinciisque adjecentibus, bono publico erecta per Guilhelmum Le Vasseur de Beauplan, S. R. M—tis Poloniae et Sveciae architectum militarem et capitaneum, aeri vero incisa opere et stidio Wilh. Gondii. Gedani. MDCL». На картахъ точно обозначены границы польскихъ провинцій съ Москов. государствомъ, какъ опредѣлены онѣ были по миру 1634 г., а также границы южно-русскихъ воеводствъ и повѣтовъ; географическія названія на картахъ написаны по-польски. Карты изготовлены были извѣстнымъ граверомъ того времени Вильгельмомъ Гондіусомъ въ Данцигѣ. Изъ восьми картъ референтъ могъ воспользоваться только четырьмя, составляющими собственность проф. В. Б. Антоновича; карты эти подъ слѣдующими заглавіями: 1) «Tipus generalis Ukrainae, sive palatinatum Podoliae, Kijoviensis et Braclaviensis terrae, nova delineatione exhibens», 2) «Ukrainae pars, quae Padolia palatinatus vulgo dicitur», 3) «Ukrainae pars, quae Braclavia palatinatus vulgo dicitur», и 4) «Ukrainae pars, quae Pocutia vulgo dicitur». Карты имѣютъ украшенія въ видѣ польскаго государственнаго герба, этнографическихъ типовъ, сценъ взаимныхъ отношеній мѣстныхъ народностей, арабесокъ и проч.; всѣ украшенія изображены красками и золотомъ; города, мѣстечка и села имѣютъ свои особыя фигуры и условные знаки; болѣе крупные города отмѣчены золотыми кружками; на картѣ обозначены также и лѣса, тянувшіеся по лѣвому берегу Днѣпра отъ Кіева до Канева, по рр. Деснѣ (до впаденія Сейма), Удаю, Остру, Переводу, Супою, Трубежу, близь

гг. Батурина, Конотопа и друг.; на правой сторонѣ Днѣпра рѣзко бросаются въ глаза изображенные на картѣ лѣса у Кіева и далѣе по р. Ирпеню отъ Канева между Росью и Тясьминомъ, между Горнымъ Тикичемъ и Тясьминомъ до верховьевъ Ингула и Ингульца; лѣса показаны также на Волыни, въ Подоліи и Покутьи; ниже г. Чигирина и къ востоку отъ р. Орели—loca deserta, въ смыслѣ отсутствія городовъ. На генеральной картѣ, изображающей пространство отъ г. Лоева, на сѣверѣ, до сѣвернаго побережья Чернаго моря, на югѣ, и отъ г. Курска и р. Сѣв. Донца, на востокѣ, до Карпатскихъ горъ и впаденія р. Мухавца въ Запад. Бугъ, на западѣ, среди названій городовъ, рѣкъ и проч., помѣщена, между прочимъ, и такая запись: «A-o D-ni 1649, die 31 julij, ad Lojowograd, sub hoc signum, princeps Janussius Radziwill, Lithuaniae generalis, triginta sex milia cosacorum rebellium profligavit ducemque eorum Michalem Krayczowcki cepit».

Разсматривая по картѣ лѣвый берегъ Днѣпра, референтъ указалъ, что въ оро-гидрографическомъ отношеніи Бопланомъ изображено все очень точно; однако, сѣверная часть Лѣвобережной украины, какъ не представлявшая прямого интереса для цѣлей Боплана, очерчена несовсѣмъ вѣрно и отличается меньшимъ количествомъ подробностей, между тѣмъ какъ область, лежащая къ югу (нынѣшняя Полтавская губ. и часть Курской), представлена обстоятельно; множество нанесенныхъ на карту разнаго рода большихъ и малыхъ поселеній ясно свидѣтельствуютъ о большой густотѣ населенія въ бассейнахъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра, вопреки высказанному нѣкоторыми изслѣдователями мнѣнію о пустынности этого края, и такимъ образомъ данныя атласа Боплана находятся въ полномъ согласіи съ люстраціями Кіевскаго воеводства половины XVII вѣка.

Въ настоящемъ засѣданіи по произведенной баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ въ секретари Общества, избраннымъ оказался д. чл. *В. З. Завитневичъ.*

XV. ЗАСѢДАНІЕ 29-го ОКТЯБРЯ 1895 г.

Въ состоявшемся въ залѣ торжественныхъ собраній Университета св. Владиміра настоящемъ годичномъ собраніи Общества былъ

доложенъ д. чл. **И. М. Каманинымъ** *«Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1894 г. по 27-е октября 1895 г.»* (извлеченіе изъ отчета см. ниже),

и произнесены рѣчи:

а) Д. чл. **А. І. Степовичемъ**, представившимъ *«Характеристику личности и ученой дѣятельности Павла-Іосифа Шафарика по поводу столѣтней годовщины дня его рожденія»*.

Шафарикъ представляетъ собою въ высшей степени привлекательный нравственный обликъ дѣятеля науки, ставившаго ее выше всего на свѣтѣ, выше всѣхъ желаній, личныхъ выгодъ и нуждъ. Жизнь Шафарика изобилуетъ тяжелыми картинами неудачъ и лишеній, которыя однако не служили препятствіемъ для него къ исполненію своихъ ученыхъ работъ; не смотря на угнетавшія его обстоятельства, онъ оставался настоящимъ подвижникомъ науки безъ страха и упрека. Докладчикъ останавливается прежде всего на томъ періодѣ жизни Шафарика, въ которомъ имъ были исполнены подготовительныя работы для дальнѣйшей дѣятельности, въ которомъ онъ почерпнулъ силы для нея. Для Шафарика, словака по происхожденію, протестанта по вѣроисповѣданію, для Шафарика въ ультра-католической Австріи не нашлось должности, сообразной его способностямъ, и онъ былъ принужденъ находить себѣ средства къ жизни частною службою. Въ домѣ отца Шафарикъ познакомился одинаково хорошо съ тремя языками: словацкимъ, мадьярскимъ и нѣмецкимъ; отецъ готовилъ сына къ священническому сану, но склонности молодого человѣка влекли его въ другую сторону, къ разрѣшенію національныхъ и политическихъ вопросовъ. Шафарикъ отпраился въ Іену, гдѣ встрѣтился и учился съ Колларомъ и мододежью, исполненною натріотическихъ чувствъ. Было то время, когда въ униженномъ и оскорбленномъ Наполеономъ народѣ пробуждались желанія. Юношество нѣмецкое видѣло выходъ изъ униженнаго положенія націи въ объединеніи ея, въ пангерманизмѣ. Тѣ же чувства одушевляли кружокъ молодежи, къ которому принадлежалъ Шафарикъ; но для пангерманизма существовали уже готовыя, выработанныя наукой, теоретическія основы, для панславизма же требовалось еще подготовить почву, создать для него основанія, что принялъ на себя и совершилъ Шафарикъ, установивъ основы славяновѣдѣнія, доказавъ единство быта славянскихъ племенъ.

Пѣвецъ «Кабзаря» прекрасно опредѣлилъ сущность значенія дѣятельности Шафарика, сказавъ:

«Слава жъ тоби, Шафарыку
«Во викы и викы,
«Що звивъ есы въ одно море
«Славянскыи рикы» (Посланіе славному Шафарыкови).

Въ 1819 г., по окончаніи курса Іенскаго университета, 24 лѣтъ отъ роду, Шафарикъ получаетъ должность директора частной сербской православной гимназіи въ г. Новосадѣ на Дунаѣ. Въ этой должности оставался онъ 6 лѣтъ, заботясь, съ одной стороны, о надлежащей постановкѣ преподаванія въ гимназіи, съ другой, издавая свои первые ученые труды. Между прочимъ, Шафарикъ много хлопоталъ объ открытіи въ Новосадской гимназіи каѳедры церковно-славянскаго языка, чему однако не суждено было осуществиться; здѣсь онъ положилъ основаніе гимназической библіотекѣ, въ которую попало нѣсколько цѣнныхъ и рѣдкихъ славянскихъ изданій. Въ новосадскій періодъ своей жизни Шафарикомъ издана въ 1826 г. исторія славянскихъ языковъ и литературъ, обнаружившая замѣчательныя способности и громадную начитанность автора, тѣмъ болѣе удивительную, что книжныя сношенія были въ тѣ времена далеко задруднительнѣе, чѣмъ теперь. Въ упомянутой книгѣ и другихъ трудахъ этого періода, особенно въ знаменитой книгѣ «Serbische Lesekörner,» столь расхваленной нашимъ ученымъ А. А. Котляревскимъ («Древняя русская писаменность», 103 стр.), онъ указалъ на самобытность Сербскаго народа и его языка. Въ то время, когда слава Шафарика, какъ ученаго, росла и распространялась, его личныя обстоятельства ухудшались все болѣе и болѣе. Протестантское вѣроисповѣданіе Шафарика послужило причиною, по которой онъ долженъ былъ оставить должность директора гимназіи и исполнять обязанности простого учителя. Отношенія его съ мѣстнымъ обществомъ становились все болѣе и болѣе натянутыми; сербскіе друзья, поддерживавшіе его раньше, частью умерли, частью разсѣялись. Матеріальное положеніе Шафарика становилось тяжеле; ко всему же этому присоединялись увеличеніе семьи и болѣзнь жены. Дѣла гимназіи шли плохо, правительство не оказывало ей никакой поддержки, и Шафарикъ долженъ бытъ призадуматься надъ оставленіемъ Новосада. Ему предстоялъ выборъ между тремя пред-

ложеніями: 1) приглашала его на службу Пруссія, предлагая ему профессорскую каѳедру въ Бреславлѣ; 2) вызывала его Россія, предоставляя должность библіотекаря въ Петербургѣ, а послѣ профессорскую кафедру въ Москвѣ и 3) звали его чехи въ Прагу.

По почину Палацкаго, кружокъ чешскихъ патріотовъ, втайнѣ отъ Шафарика, устроилъ подписку и предложилъ ему отъ имени якобы Матицы Ческой 480 гульденовъ ежегоднаго пособія съ условіемъ писать по-чешски. Труды Шафарика цѣнились уже тогда столь высоко, что въ лицѣ его видѣли славу и гордость славянства. Въ 1833 г. Шафарикъ переѣзжаетъ въ Прагу, гдѣ въ 1836 и 1837 г.г. издаетъ свои знаменитыя «Славянскія древности», которыми оправдываетъ всѣ возлагаемыя на него надежды. Въ своемъ трудѣ Шафарикъ высказалъ впервые ставшую теперь банальною истину, что славяне— исконные обитатели Европы, но тогда нѣмецкими учеными составлялись по этому предмету совершенно противоположныя теоріи. По научности подготовки, точности и строгости метода трудъ Шафарика представляетъ выдающееся явленіе въ наукѣ и не утратитъ никогда цѣны. «Славянскія древности» вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ были переведены на русскій языкъ Бодянскимъ. Въ 1842 г. Шафарикъ издаетъ «Славянское народоописаніе», произведшее громадное впечатлѣніе на современниковъ, читавшееся и друзьями и врагами славянства на западѣ Европы. Между тѣмъ матеріальное положеніе Шафарика стало еще болѣе плачевнымъ. Бодянскій, посѣтившій его въ Прагѣ, выражаетъ удивленіе, какъ можно жить и работать для науки при столь ужасной обстановкѣ, а Погодинъ устраиваетъ въ Россіи подписку въ пользу ученаго.

Въ 1848 г. Шафарикъ принимаетъ участіе въ движеніи за славянскую самостоятельность. На славянскомъ съѣздѣ онъ состоитъ предсѣдателемъ чешско-словацкаго отдѣла, произноситъ горячую рѣчь, къ которой лозунгомъ слявянъ ставитъ національную свободу. Въ 1849 г. Шафарику удается, наконецъ, получить должность хранителя при Пражскомъ университетскомъ книгохранилищѣ. Домашняя обстановка его хотя улучшается, но годы трудовъ и лишеній, разстроивъ здоровье ученаго, не долго позволяютъ ему пользоваться отдыхомъ и сравнительнымъ благосостояніемъ: начались его страданія и душевная болѣзнь, которыя преждевременно вогнали его въ могилу; 14 іюня 1861 г. великаго славянскаго ученаго не стало. Есть что

-то въ высшей степени трогательное въ жизни и судьбѣ этого неутомимаго труженика науки и горячаго патріота-славянина, столь мало вознагражденнаго при жизни сравнительно съ заслугами его славянству, столь много страдавшаго изъ-за своей честности и неподкупнаго идеализма. Въ дѣлѣ славянскаго возрожденія Шафарикъ сыгралъ первостепенную роль: появленіе столь крупной геніальной личности, открывшей въ наукѣ новые пути, среди націи, которую нѣмецкіе шовинисты считали неспособною къ болѣе высокой умственной и научной дѣятельности, разбило всѣ эти толки, придало вѣсъ, придало значеніе тому племени, которое произвело красу и гордость ученаго міра. Въ виду этого, нельзя не удивляться, что столѣтняя годовщина его рожденія прошла почти незамѣченною и не вызвала среди славянъ болѣе сильнаго взрыва народнаго сочувствія, хотя всѣ они обязаны ему величайшей благодарностію.

Славянскій вопросъ, этотъ едвали не важнѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ новой европейской политики, нашелъ въ личности и дѣятельности Шифарика неоцѣнимаго для себя союзника, далеко двинувшаго этотъ вопросъ по пути къ окончательному его рѣшенію.

б) Поч. чл. **И. В. Лучицкій**, говоря *«О задачахъ экономической исторіи»*, началъ съ указанія на тотъ фактъ, что выраженная лѣтъ 20 тому назадъ увѣренность въ томъ, будто XIX в. суждено увидѣть созданіе соціальной науки въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова, и теперь, за пять лѣтъ до окончанія столѣтія, далеко не оправдалась и что открытіе законовъ соціальной жизни приходится предоставить будущему столѣтію. Одну изъ многихъ причинъ этого докладчикъ видитъ, между прочимъ, въ той, сравнительно недавней и все еще далеко недостаточной разработкѣ данныхъ, на которыхъ можетъ быть обоснована соціальная наука или такъ называемая соціологія. Только съ шестидесятыхъ годовъ, главнымъ образомъ, начались болѣе серьезныя попытки изученія этихъ данныхъ, попытки, шедшія въ двухъ направленіяхъ: въ видѣ, во-1-хъ, изученія данныхъ эмбріологіи общества и, во-2-хъ, экономическихъ отношеній въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Обращаясь къ этимъ послѣднимъ, докладчикъ указалъ на то, что лишь не болѣе тридцати лѣтъ назадъ экономическимъ факторамъ стали отводить видное мѣсто въ изученіи исторической жизни народа, тогда какъ въ прежнее время ихъ изучали или какъ самостоятельное яв-

леніе безъ всякой связи съ другими, или пользовались ими, какъ простою иллюстраціею, какъ средствомъ для задняго фона картины. Только благодаря работамъ Роджерса въ Англіи, изслѣдованіямъ Шмоллера и его учениковъ, трудамъ Шенберга, Инамы-Стергена, Лампрехта и многихъ др., вопросы экономическаго развитія получили впервые новое освѣщеніе, новую окраску, новую, болѣе серьезную обработку и объясненіе. Но это не болѣе, какъ первые шаги, сдѣланные въ этомъ смыслѣ. Поэтому тѣ попытки, которыя были предприняты съ цѣлію обобщенія данныхъ экономической жизни, оказываются, по мнѣнію докладчика, далеко необоснованными, такъ какъ онѣ находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ историко-экономическими данными жизни отдѣльныхъ народовъ.—Вторая половина доклада была посвящена изложенію примѣровъ такого противорѣчія. Докладчикъ указалъ на теорію, утверждающую, что натуральное хозяйство всегда связано съ крѣпостнымъ правомъ и представилъ рядъ данныхъ изъ исторіи какъ Франціи, такъ и другихъ странъ, показывающихъ, что на дѣлѣ крѣпостное право или исчезло при полномъ господствѣ натуральнаго хозяйства, или являлось въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ въ этихъ странахъ въ періодъ господства натуральнаго хозяйства. Обратно: примѣры образованія крѣпостнаго права въ сѣверо-восточной Германіи, въ Даніи и другихъ странахъ указываютъ на позднее образованіе крѣпостного права подъ вліяніемъ дѣйствія торговаго обмѣна. Переходя къ другой теоріи, теоріи послѣдовательнаго обезземеленія крестьянскаго населенія, докладчикъ показалъ, что если это обезземеленіе имѣло мѣсто въ однѣхъ странахъ, то въ другихъ происходило обратное явленіе, какъ, напр., во Франціи, гдѣ къ XVIII в. замѣчается увеличеніе крестьянской собственности. Обращаясь къ явленіямъ промышленной жизни и къ измѣненіямъ ихъ подъ вліяніемъ торговаго обмѣна, докладчикъ сообщилъ рядъ данныхъ относительно процесса развитія фабричнаго дѣла въ новой формѣ въ городѣ Базелѣ (единственно изслѣдованномъ въ данномъ отношеніи), данныхъ, указывающихъ на заимствованность этихъ формъ изъ другихъ странъ (изъ Италіи) и представляющихъ случай прямого перехода отъ цехового строя къ фабричному безъ промежуточной формы, такъ наз. Hausindustrie. Въ заключеніе И. В. указано было на существованіе громадной массы еще не разработаннаго матеріала, хранящагося въ разныхъ архивахъ Европы, матеріала,

который даетъ возможность представить точное *статистическое* обоснованіе и объясненіе различнымъ явленіямъ экономической жизни. Въ разработкѣ этихъ данныхъ пока, по мнѣнію докладчика, и заключается главная и необходимѣйшая задача экономической исторіи, этого существеннаго и важнѣйшаго основанія для установленія научныхъ законовъ соціологіи.

в) Д. чл. **В. П. Науменко**, *«По поводу столѣтія открытія «Слова о полку Игоревѣ»*, указалъ сначала, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на современниковъ напечатанный въ 1895 г. гр. Мусинымъ-Пушкинымъ памятникъ, впечатлѣніе, выразившееся въ многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ того времени. Къ общему горю, рукопись «Слова» въ 1812 г. погибла во время пожара Москвы, но изученіе и истолкованіе памятника продолжалось и прошло нѣсколько періодовъ: періодъ сравненія съ Оссіановыми произведеніями, періодъ миѳологическій и періодъ историко-литературной, послѣдній фазисъ котораго состоялъ въ сопоставленіи «Слова» съ славянскимъ народнымъ пѣснотворчествомъ. Это изученіе и истолкованіе его привело въ концѣ концовъ къ тому, что «Слово» было признано памятникомъ поэзіи, сочетавшимъ въ себѣ начала книжности и простонародности; при этомъ авторъ выяснилъ картину бытовыхъ условій жизни древняго кіевскаго дружинника, въ какой средѣ несомнѣнно и выработалась вся древне-русская поэзія съ ея особенностями какъ содержанія, такъ и стиля; доказательствомъ того, что «Слово о Полку Игоревѣ» всецѣло выросло на почвѣ южно-русской, можетъ служить тотъ фактъ, что попытки дать подобные «Слову» произведенія на сѣверѣ («Задонщина», «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ») не привели къ желанному результату; они представляютъ собою лишь рабское подражаніе «Слову», такъ такъ сѣверные поэты, воспроизводя южные образцы, не имѣли за собой ни традицій въ содержаніи пьесъ, ни традицій поэтическихъ образовъ, ни традицій стиля. Но въ Южной Руси традиціи той литературы, которая существовала у княжескихъ дружинниковъ, замѣчаются въ козацкихъ думахъ въ періодъ XVI—XVIII вв., а эти послѣднія тѣсно связываются съ такими же проявленіями національно-народныхъ стремленій южно-русскихъ писателей новаго времени.

Извлеченіе изъ постановленій Совѣта Общества Нестора-лѣтописца.

Съ 27-го октября 1894 г. по 27-е октября 1895 г. Совѣтъ Общества Нестора-лѣтописца имѣлъ три засѣданія (4 февраля, 30 апрѣля и 16 октября), въ которыхъ обсуждались текущія дѣла, по мѣрѣ накопленія или неотложности рѣшенія ихъ. Изъ постановленій Совѣта за означенный періодъ времени наиболѣе важны слѣдующія:

1) О напоминаніи гг. членамъ Общества, что бо́льшее количество *докладовъ о новыхъ книгахъ* по наукамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества, весьма желательно.

2) О внесеніи въ протоколы очередныхъ засѣданій Общества Нестора, согласно предложенію д. чл. Л. С. Личкова, хотя *краткаго изложенія наиболѣе важныхъ возраженій*, дѣлаемыхъ референту, при чемъ опредѣлено составленіе излагаемыхъ возраженій возложить на секретаря, совмѣстно съ членомъ, дѣлающимъ возраженіе.

3) О печатаніи и разсылкѣ членамъ *повѣстокъ* о засѣданіяхъ Общества Нестора по город. почтѣ.

4) *Примѣненіе § 18 Устава* начать по истеченіи двухъ лѣтъ со дня введенія новаго Устава, обратившись къ членамъ съ напоминаніемъ о примѣненіи этого параграфа и повторяя такое напоминаніе ежегодно.

5) О прекращеніи выпуска въ *продажу I-й и III-й книгъ «Чтеній»*, въ виду того, что этихъ книгъ осталось небольшое количество; при этомъ постановлено 25 экземпляровъ хранить, остальные же выдавать въ крайнихъ случаяхъ, съ вѣдома Совѣта Общества.

6) Въ измѣненіе § 14 «Правилъ дѣйствій Редакціоннаго комитета» опредѣлено: *вознагражденіе членамъ за печатаніе матеріаловъ* выдавать лишь въ размѣрѣ 5 руб. за печатный листъ, если матеріалы будутъ сопровождаться примѣчаніями и поясненіями, и въ размѣрѣ 3 руб., если матеріалы печатаются безъ примѣчаній и поясненій.

Избранная въ засѣданіи Общества Нестора-лѣтописца 1-го октября **Ревизіонная коммиссія** въ составѣ членовъ: *Ю. А. Кулаковскаго, Н. В. Молчановскаго* и *Н. П. Василенка*, произвела, въ засѣданіи 16-го октября, повѣрку кассы и библіотеки и нашла оборотъ суммъ Общества и состояніе его библіотеки въ періодъ 1894-95 гг. въ полной исправности и совершенномъ порядкѣ.

Извлеченіе изъ постановленій Совѣта Общества Нестора-лѣтописца.

Съ 27-го октября 1894 г. по 27-е октября 1895 г. Совѣтъ Общества Нестора-лѣтописца имѣлъ три засѣданія (4 февраля, 30 апрѣля и 16 октября), въ которыхъ обсуждались текущія дѣла, по мѣрѣ накопленія или неотложности рѣшенія ихъ. Изъ постановленій Совѣта за означенный періодъ времени наиболѣе важны слѣдующія:

1) О напоминаніи гг. членамъ Общества, что бо́льшее количество *докладовъ о новыхъ книгахъ* по наукамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества, весьма желательно.

2) О внесеніи въ протоколы очередныхъ засѣданій Общества Нестора, согласно предложенію д. чл. Л. С. Личкова, хотя *краткаго изложенія наиболѣе важныхъ возраженій*, дѣлаемыхъ референту, при чемъ опредѣлено составленіе излагаемыхъ возраженій возложить на секретаря, совмѣстно съ членомъ, дѣлающимъ возраженіе.

3) О печатаніи и разсылкѣ членамъ *повѣстокъ* о засѣданіяхъ Общества Нестора по город. почтѣ.

4) *Примѣненіе § 18 Устава* начать по истеченіи двухъ лѣтъ со дня введенія новаго Устава, обратившись къ членамъ съ напоминаніемъ о примѣненіи этого параграфа и повторяя такое напоминаніе ежегодно.

5) О прекращеніи выпуска въ *продажу I-й и III-й книгъ «Чтеній»*, въ виду того, что этихъ книгъ осталось небольшое количество; при этомъ постановлено 25 экземпляровъ хранить, остальные же выдавать въ крайнихъ случаяхъ, съ вѣдома Совѣта Общества.

6) Въ измѣненіе § 14 «Правилъ дѣйствій Редакціоннаго комитета» опредѣлено: *вознагражденіе членамъ за печатаніе матеріаловъ* выдавать лишь въ размѣрѣ 5 руб. за печатный листъ, если матеріалы будутъ сопровождаться примѣчаніями и поясненіями, и въ размѣрѣ 3 руб., если матеріалы печатаются безъ примѣчаній и поясненій.

Избранная въ засѣданіи Общества Нестора-лѣтописца 1-го октября **Ревизіонная коммиссія** въ составѣ членовъ: *Ю. А. Кулаковскаго*, *Н. В. Молчановскаго* и *Н. П. Василенка*, произвела, въ засѣданіи 16-го октября, повѣрку кассы и библіотеки и нашла оборотъ суммъ Общества и состояніе его библіотеки въ періодъ 1894-95 гг. въ полной исправности и совершенномъ порядкѣ.

Отдѣлъ II.

СООБЩЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII в. Михаилѣ [1].

Не подлежитъ сомнѣнію, что мощи митрополита Михаила были въ ближнихъ пещерахъ Кіево-печерской лавры и находились здѣсь до 1730 года, а въ этомъ году, съ высочайшаго разрѣшенія, перенесены изъ пещеръ въ великую лаврскую церковь подъ именемъ мощей 1-го митрополита кіевскаго Михаила, гдѣ находятся и до-нынѣ. Но дѣйствительно-ли это мощи перваго митрополита кіевскаго?—Подлинность или, точнѣе, принадлежность ихъ 1-му кіевскому митрополиту Михаилу основывается, главнымъ образомъ, на указаніяхъ, заимствуемыхъ изъ каталога кіевскихъ митрополитовъ, приложеннаго къ печатному Патерику Сильвестра Коссова 1635 г., и изъ «Тератургимы» кіево-печерскаго монаха Аѳанасія Кальнофойскаго 1638 года. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ каталогѣ кіевскихъ митрополитовъ, ставя 1-мъ кіевскимъ митрополитомъ Михаила, говоритъ: «Митрополитъ сей, взятый св. Владиміромъ отъ константинопольскаго патріарха Сергія, а по другимъ отъ патріарха Николая Хрисоверха въ 1000 году, и крестившій народъ Русскій, тѣломъ своимъ почиваетъ въ пещерѣ преподобнаго Антонія, какъ свидѣтельствуетъ о семъ издавна повѣшенная надъ нимъ табличка». Но было-ли написано на этой табличкѣ все то, что сказано Сильвестромъ Коссовымъ о митро-

---

[1]) Настоящая статья служитъ окончаніемъ статьи, напечатанной нами раньше въ № 12 «Кіев. Старины» за 1892 г. подъ заглавіемъ: *«Михаилъ, митрополитъ кіевскій XII в. (1131—1147)»*, въ которой мы пытались, подвергнувъ разбору мнѣнія нашихъ историковъ объ удаленіи этого митрополита въ Константинополь, установить, что онъ умеръ въ заточеніи въ Печерскомъ монастырѣ и погребенъ въ Антоніевой пещерѣ. Въ заключеніе мы поставили вопросъ: «существуютъ ли въ настоящее время и гдѣ находятся мощи Михаила, митрополита кіевскаго XII вѣка?» Рѣшеніе этого вопроса и предлагается нами теперь. *Авторъ*.

политѣ Михаилѣ? Надъ гробницами святыхъ, почивающихъ въ кіевскихъ пещерахъ, и въ настоящее время висятъ таблички, видѣнныя нами еще за 60 лѣтъ предъ симъ,—малыя, вершка въ 4-ре длины и ширины; на каждой изъ нихъ масляной краской написано имя святаго, съ прибавленіемъ характеризующаго его эпитета, напримѣръ: «преподобный Варлаамъ, игуменъ печерскій»; «преподобный Іеремія прозорливый»; «преподобный Лаврентій затворникъ»; «преподобный Алипій иконописецъ»; «преподобный Григорій чудотворецъ»; «преподобный Агапитъ врачъ»; «преподобный Титъ священникъ»; «преподобный Акила діаконъ»; «св. Нифонтъ, епископъ новгородскій»; «св. Симонъ, епископъ суздальскій». Шрифтъ надписей крупный, уставный, прошлаго вѣка; нѣкоторыя надписи сдѣланы вязью. Столь-же краткія надписи надъ мощами печерскихъ святыхъ читалъ, еще за 40 лѣтъ до выхода въ свѣтъ Печерскаго Патерика Сильвестра Коссова, Эрихъ Ляссота[1]), посѣтившій кіевскія пещеры въ 1594 году, и въ своемъ дневникѣ[2]) записалъ: «Въ числѣ почивающихъ здѣсь и мною видѣнныхъ есть: Sanct. Denis. (credo, quod sit Dionisius), св. Алексій, св. Маркъ, но не евангелистъ; item великій богатырь, называемый Чоботкомъ».—Несомнѣнно, также кратка была надпись и надъ мощами митрополита Михаила. Тою же краткостію отличались надписи надъ святыми мощами, находившіяся въ кіевскихъ пещерахъ и во время Аѳанасія Кальнофойскаго, какъ видно изъ реестра этихъ мощей, приложеннаго къ его книгѣ, названной «Тератургима». Въ частности, на табличкѣ надъ мощами митрополита значилось такъ: «св. митрополитъ Михаилъ», безъ прибавленія «первый кіевскій» («Swięty metropolit Michael»). Отъ себя-же Кальнофойскій, подражая Коссову, пояснилъ: «это тотъ митрополитъ, который былъ посланъ для крещенія Руси отъ цареградскаго патріарха Сергія или, какъ другіе думаютъ, отъ Николая Хрисоверха и который крестилъ ее съ крестившимся Владиміромъ Святославичемъ». Поясненіе это было-бы ненужнымъ и совершенно излишнимъ, если-бы въ надписи надъ мощами митрополита Михаила дѣйствительно значилось, что это 1-й кіевскій

[1]) Командированный римскимъ императоромъ Рудольфомъ II къ запорожскимъ козакамъ.

[2]) Путевыя записки Э. Ляссоты въ русск. переводѣ г. Ф. Бруна изданы въ 1873 г. въ С.-Петербургѣ.

митрополитъ. Поясненія свои Сильвестръ Коссовъ и Кальнофойскій черпали, какъ видно, изъ Степенной книги и Палинодіи З. Копыстенскаго. Такимъ образомъ, бывшая въ пещерахъ надъ мощами митрополита Михаила надпись не даетъ еще основанія признавать ихъ мощами Михаила, 1-го кіевскаго митрополита.

По перенесеніи мощей митрополита Михаила въ 1730 году изъ пещеръ въ Лаврскую великую церковь, сочинена и къ рѣшетчатой двери близъ его раки была прикрѣплена пространная, въ 64 строки, надпись, которая приведена въ «Описаніи Кіево-печерской лавры» митрополита Евгенія. Надпись гласила: «Року бытія міра 6496, отъ Рождества Христова 994, въ царство Василія и Константина, благочестивыхъ царей греческихъ, въ патріаршество Николая Хрисоверха, егда благодатію Христа Бога нашего, ни кому-же погибнути, но всѣмъ спастися хотящаго, великій князь россійскій св. Владиміръ, идолопоклонникъ бывшій, въ градѣ греческомъ Херсонѣ со всѣми боляры своими и съ вои пріятъ святое крещеніе...., пріиде совокупно съ нимъ въ стольный градъ Кіевъ и сей присланный изъ Царяграда святитель Христовъ Михаилъ, родомъ сиринъ, со множествомъ пресвитеровъ и клириковъ, и бысть первый всея Россіи митрополитъ... и абіе вначалѣ крести самъ дванадесятъ сыновъ, ихъ-же прежде крещенія своего во идолопоклоненіи отъ различныхъ женъ роди Владиміръ; таже, немедля, посовѣта ему пастырско, да пошлетъ проповѣдники по всему граду, повелѣвая на утріе всѣмъ людемъ собратися на рѣку Почайну.... Тако добрый пастырь.... во единъ годъ архіерейства своего всю землю Русскую приведе къ св. крещенію..... Пасъ-же церковь въ Россіи четыре лѣта; року бытія міра 6500, Рождества-же Христова 998, преставися къ вѣчной жизни...., его-же нетлѣнныхъ мощей честное пренесеніе отъ пещеры препод. Антонія во святую великую Успенія Пресвятыя Богородицы церковь сотворися року 1730..., при всечестномъ тояжды лавры архимандритѣ Романѣ Копѣ....» [1]). Въ другой надписи на рѣшеткѣ, при самой ракѣ святителя, изображено, что 1-й кіевскій митрополитъ Михаилъ «преставился 992 г., погребенъ былъ въ Десятинной церкви около 1103 г., при печерскомъ игуменѣ Өеок-

---

[1]) «Описаніе Кіево-печерской лавры» митроп. Евгенія. Кіевъ. 1826 г. Прилож. стр. 163—164.—Въ настоящее время надпись эта гораздо короче, но главное содержаніе тоже. Сокращеніе надписи сдѣлано, кажется, при обновленіи стѣнной живописи въ 1841—1843 г.

тистѣ, мощи его принесены были въ Антоніеву пещеру, а, по представленію печерскаго архимандрита Романа Копы и по указу императрицы Анны Іоанновны, послѣдовавшему 27 іюля 1730 года, перенесены октября 1-го того-же года, на нынѣшнее мѣсто въ Великую церковь» [1]).

Но значащіяся въ этихъ надписяхъ свѣдѣнія о мощахъ митрополита Михаила не подтверждаются исторически. Въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ не упоминается ни о митрополитѣ Михаилѣ при великомъ князѣ св. Владимірѣ, ни о крещеніи имъ сыновей св. Владиміра и кіевлянъ, ни о его кончинѣ, погребеніи въ Десятинной церкви и перенесеніи его мощей въ началѣ 12 вѣка изъ Десятинной церкви въ кіевскія пещеры. По лѣтописи, Десятинная церковь была заложена въ 991 году, окончена же спустя 5 лѣтъ послѣ сего—въ 996 году [2]), а надпись полагаетъ погребеніе митрополита Михаила уже въ 992 году, т. е. еще до окончанія постройки ея. Источникъ, изъ котораго взято это извѣстіе, не указанъ. Въ лѣтописи упоминается о перенесеніи святыхъ въ Десятинную церковь въ 997 году, но то, конечно, были мощи св. Климента и ученика его Ѳивы, привезенныя изъ Корсуня, а митрополитъ Михаилъ тогда не былъ еще въ числѣ святыхъ. Не говорится ни въ лѣтописи, ни въ Печерскомъ Патерикѣ и о перенесеніи мощей митрополита Михаила изъ Десятинной церкви въ пещеры въ 1107 году, между тѣмъ какъ въ Печерскомъ Патерикѣ описывается почти современное сему перенесеніе мощей преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго изъ пещеръ въ Великую церковь, и первое печатное извѣстіе о перенесеніи мощей митрополита Михаила въ пещеры появилось лишь въ 1791 году—въ «Описаніи Кіево-печерской лавры», составленномъ лаврскимъ типографомъ Ѳеофаномъ Шіяновымъ. Если-бы митроп. Михаилъ дѣйствительно былъ погребенъ въ Десятинной церкви и если-бы потребовалось почему либо изъять мощи его изъ Десятинной церкви, то онѣ были-бы перенесены не въ пещеры, но или въ Великую лаврскую церковь подобно мощамъ преподобнаго Ѳеодосія, или всего скорѣе въ Кіевскую митрополію—св. Софію, которая стояла близь Десятинной церкви, въ которой погребены всѣ митрополиты 1-го періода русской исторіи и

---

[1]) «Описаніе Кіево-печерск. лавры», 1829 г., стр. 92—93.

[2]) «Лѣтопись по Ипат. списку», изд. Арх. комиссіи, стр. 85, 89.

гдѣ завѣщалъ похоронить себя митрополитъ кіевскій XIII вѣка Кириллъ II-й, скончавшійся даже въ отдаленномъ отъ Кіева Владимірѣ на Клязьмѣ. Не понятенъ для насъ и поводъ къ перенесенію мощей митрополита Михаила въ 1107 г. изъ Десятинной церкви въ пещеры, такъ какъ оно не вызывалось ни какимъ общественнымъ бѣдствіемъ, въ родѣ нападенія Половцевъ или Суздальцевъ на Кіевъ, а если-бы какая необходимость потребовала этого перенесенія, то вмѣстѣ съ мощами митрополита Михаила, вѣроятно, были-бы перенесены тогда въ пещеры и хранившіяся уже въ Десятинной церкви мощи св. князя Владиміра и св. княгини Ольги, чего однако не было. Такимъ образомъ сказаніе конца XVIII вѣка о двукратномъ перенесеніи мощей митрополита Михаила нельзя назвать ни вѣрнымъ, ни даже вѣроятнымъ. Очевидно, оно присочинено при архимандритѣ Романѣ Копѣ къ случаю перенесенія этихъ мощей изъ пещеръ въ Великую церковь лавры.

Наконецъ, затрудненіе признать находящіяся въ Кіево-печерской лаврѣ мощи митрополита Михаила мощами 1-го кіевскаго митрополита увеличивается еще тѣмъ, что самое существованіе русскаго митрополита этого имени въ X вѣкѣ подлежитъ сильному сомнѣнію. Лучшіе наши историки—Карамзинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Костомаровъ и Иловайскій—положительно отрицаютъ его бытіе по слѣдующимъ весьма достаточнымъ причинамъ. Въ Кіевской лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Несторовой, ни о какомъ митрополитѣ въ Россіи при св. Владимірѣ не упоминается. Въ первоначальной Новгородской лѣтописи и въ предисловіи къ уставу св. Владиміра по списку XIII вѣка первымъ митрополитомъ кіевскимъ называется Леонтій, или Леонъ. Нѣтъ имени митрополита Михаила и въ болѣе раннихъ спискахъ устава св. Владиміра, въ томъ его мѣстѣ, гдѣ говорится о крещеніи Руси при св. Владимірѣ. Впервые о 1-мъ митрополитѣ Михаилѣ говоритъ такъ называемая «Степенная книга», составленная въ 1542—1562 г. при московскомъ митрополитѣ Макаріѣ; но повѣствуя въ общихъ фразахъ о крещеніи имъ народа въ Кіевѣ и о его, за тѣмъ, путешествіи съ 6-ю греческими епископами, для крещенія и проповѣди, сначала въ Суздальскую область и въ Новгородъ, а потомъ обратно изъ Новгорода въ Ростовъ, она не представляетъ, однако, никакой черты, которою могло-бы отмѣчаться дѣйствительное существованіе митрополита Михаила, какъ историческаго лица. Эта лѣтописная книга даже допускаетъ грубую ошибку, полагая прибытіе митрополита Михаила

въ Россію въ 988 г. отъ патріарха Фотія и греческаго императора Василія, жившихъ за 100 лѣтъ до сего времени. Подобный разсказъ о митрополитѣ Михаилѣ повторяется, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, въ Никоновской лѣтописи 1558 года. За тѣмъ имя митрополита Михаила, какъ перваго русскаго митрополита, переходитъ въ каталоги кіевскихъ митрополитовъ [1]) и въ синодики, которые всѣ не раньше XVII вѣка.

Церковные наши историки то колеблются въ признаніи Михаила первымъ русскимъ митрополитомъ, то слѣдуютъ установившемуся уже съ XVI вѣка мнѣнію о немъ, санкціонированному въ XVIII вѣкѣ разрѣшеніемъ перенесенія его мощей и послѣдующимъ внесеніемъ его имени въ святцы церковные. Къ числу первыхъ принадлежатъ: кіевскій митрополитъ Евгеній, черниговскій архіепископъ Филаретъ и московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ [2]). Митрополитъ Евгеній. въ своихъ описаніяхъ Кіево-софійскаго собора и Кіево-печерской лавры и въ исторіи россійской іерархіи, хотя ставитъ Михаила первымъ митрополитомъ, слѣдуя Степенной книгѣ и Никоновской лѣтописи, но говоритъ о семъ безлично, не отъ себя, выражаясь такъ: «полагаютъ», «ему приписываютъ»; статью-же о митрополитѣ Леонтіи онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «нѣкоторыя лѣтописи называютъ Леона первымъ кіевскимъ митрополитомъ, а вторымъ по немъ Михаила. Можетъ быть, по учрежденіи епархій, онъ и признанъ всероссійскимъ митрополитомъ, а Михаилъ былъ только мѣстнымъ кіевскимъ, но не вторымъ» [3]). Какъ митрополитъ Евгеній смотрѣлъ вообще на сказаніе о митрополитѣ Михаилѣ, видно изъ того, что, часто пользуясь Степенной книгой, онъ, по замѣчанію г. Полетаева, въ сво-

---

[1]) Древнѣйшіе изъ нихъ: Льва Кревзы, виленскаго уніатскаго архимандрита, 1617 года; Захарія Копыстенскаго 1621 года и Сильвестра Коссова 1635 года.

[2]) Къ нимъ нужно причислить и лучшаго историка нашего С. Соловьева. Хотя онъ въ своей «Исторіи Россіи» говоритъ о проповѣди митрополита наканунѣ крещенія кіевлянъ и о крещеніи кіевлянъ и новгородцевъ при св. Владимірѣ, слѣдуя Степенной книгѣ, но крещеніе кіевлянъ предоставляетъ однимъ попамъ царицынымъ и корсунскимъ, согласно Кіевской лѣтописи; о путешествіи же митрополита Михаила въ Суздаль и Ростовскую землю не упоминаетъ и въ примѣчаніи оговаривается такъ: «Я принимаю здѣсь извѣстія позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ по естественности разсказа» (а не по ихъ достовѣрности?). «Исторія Россіи», т. I. примѣч. 249.

[3]) «Описаніе Кіево-софійскаго собора», Изд. 1825 года. стр. 64.

ей «Исторіи славяно-русской церкви» (рукописной) ни слова не говоритъ объ участіи митрополита Михаила въ распространеніи и утвержденіи христіанства при св. Владимірѣ. Филаретъ Черниговскій въ своей «Исторіи русской церкви», слѣдуя Никоновской лѣтописи при разсказѣ о крещеніи Руси митрополитомъ Михаиломъ, признаетъ его первымъ кіевскимъ митрополитомъ; но въ «Словарѣ святыхъ русской церкви», въ заключеніе біографіи митрополита Михаила Сирина, говоритъ: «Михаилъ почитается первымъ кіевскимъ митрополитомъ»; «Нѣкоторыя лѣтописи называютъ его вторымъ, а первымъ грека Леонтія, или Леона; въ Новгородскомъ-же лѣтописцѣ роспись митрополитовъ начинается съ Ѳеопемпта (1037)».—Митрополитъ Макарій (Булгаковъ), разсказавъ о крещеніи кіевлянъ по Кіевской лѣтописи, называемой Несторовою, ставитъ вопросъ: кто былъ крестителемъ кіевлянъ, и въ своемъ отвѣтѣ, ссылаясь на польскихъ историковъ и арабскаго писателя конца XIII вѣка, признаетъ возможнымъ, что крещеніе кіевлянъ совершалъ корсунскій епископъ, крестившій предъ тѣмъ Владиміра въ Корсуни, а въ заключеніе говоритъ: «наши домашнія свидѣтельства (позднѣйшія) прямо называютъ главнымъ дѣйствователемъ при крещеніи всей Россіи митрополита Михаила, причемъ цитуетъ Кормчую XVI вѣка, Никоновскую лѣтопись и Степенную книгу и за тѣмъ, согласно ихъ свидѣтельствамъ, излагаетъ повѣсть о крещеніи новгородцевъ и Ростовской области митрополитомъ Михаиломъ, куда онъ будто путешествовалъ съ греческими епископами, въ сопровожденіи Добрыни и Анастаса Корсунянина. Но, приведя свидѣтельства Степенной книги и Никоновской лѣтописи о крещеніи князя Владиміра митрополитомъ Михаиломъ и объ участіи Владиміра въ просвѣщеніи Новгорода и Ростовской области вмѣстѣ съ митрополитомъ Михаиломъ, преосвященный Макарій, на основаніи лѣтописей Воскресенской, Софійской и Суздальской, приписываетъ Владиміру съ двумя епископами просвѣщеніе св. вѣрою и крещеніе только одной Суздальской страны [1]). Такимъ образомъ, митрополитъ Макарій не отрицаетъ существованія митрополита Михаила Сирина при св. Владимірѣ, но, подобно митрополиту Евгенію, не даетъ и полной вѣры позднимъ сказаніямъ о немъ. Рѣшенію другого, особаго вопроса о томъ, кто былъ первымъ русскимъ митрополитомъ, митрополитъ

---

[1]) «Исторія Рус. церкви» м. Макарія, т. I., стр. 11—18.

Макарій предпосылаетъ такое свое мнѣніе, по которому у него «справедливы и тѣ, которые называютъ первымъ русскимъ митрополитомъ Михаила», «справедливы и другіе, называющіе первымъ русскимъ митрополитомъ Леонтія», но за симъ, не рѣшая самъ поставленнаго вопроса, онъ отсылаетъ читателей къ преданію Кіево-печерской лавры о нахожденіи въ ней мощей перваго митрополита кіевскаго Михаила, которое, по его словамъ, могло сохраниться въ ней и устно и въ той надписи, какая, по всей вѣроятности, отъ лѣтъ древнихъ постоянно находилась надъ ракою святителя и изъ коей узнаемъ, что «первосвятитель сей скончался въ 992 году, погребенъ былъ въ Десятинной церкви, потомъ около 1103 года, при печерскомъ игуменѣ Ѳеоктистѣ, мощи его, обрѣтенные нетлѣнными, перенесены въ Антоніеву пещеру, а отсюда въ 1730 году перенесены въ главную церковь Кіевской лавры» [1]). Откуда могло явиться это преданіе, какого содержанія была надпись надъ мощами митрополита Михаила въ пещерахъ и насколько вѣрна надпись, сочиненная къ его мощамъ по перенесеніи ихъ въ Великую лаврскую церковь,—вопросовъ этихъ нашъ историкъ не касается. Наконецъ, рѣшая третій вопросъ: отъ кого присланы къ намъ митрополиты Михаилъ и Леонтій, преосвященный Макарій приглашаетъ сознаться, что въ нашихъ лѣтописяхъ (позднѣйшихъ) кто-нибудь смѣшалъ два крещенія россіянъ: первое, бывшее во дни Аскольда и Дира (866), когда точно былъ присланъ къ намъ епископъ, а можетъ быть и архіепископъ или митрополитъ отъ константинопольскаго патріарха Фотія, и другое, послѣдовавшее при св. Владимірѣ (988 г.). «А довольно было, по его мнѣнію, допустить эту ошибку одному писателю, что-бы потомъ повторили ее всѣ составители лѣтописей послѣдующаго времени, переписывавшіе обыкновенно цѣликомъ прежнія извѣстія и непринимавшіе на себя труда повѣрять ихъ по другимъ источникамъ» [2]). Конечно здѣсь, въ этомъ смѣшеніи двухъ крещеній Кіевской Руси, а не въ надписи надъ мощами митрополита Михаила, можно было усмотрѣть и рѣшеніе вопроса о томъ, былъ ли у насъ при св. Владимірѣ митрополитъ Михаилъ; но митрополитъ Макарій затруднился досказать это.

---

[1]) «Исторія Рус. церкви» м. Макарія, т. I., стр. 33—34.

[2]) Ibid. стр. 37.

Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII в. Михаилѣ [1].

Не подлежитъ сомнѣнію, что мощи митрополита Михаила были въ ближнихъ пещерахъ Кіево-печерской лавры и находились здѣсь до 1730 года, а въ этомъ году, съ высочайшаго разрѣшенія, перенесены изъ пещеръ въ великую лаврскую церковь подъ именемъ мощей 1-го митрополита кіевскаго Михаила, гдѣ находятся и до-нынѣ. Но дѣйствительно-ли это мощи перваго митрополита кіевскаго?—Подлинность или, точнѣе, принадлежность ихъ 1-му кіевскому митрополиту Михаилу основывается, главнымъ образомъ, на указаніяхъ, заимствуемыхъ изъ каталога кіевскихъ митрополитовъ, приложеннаго къ печатному Патерику Сильвестра Коссова 1635 г., и изъ «Тератургимы» кіево-печерскаго монаха Аѳанасія Кальнофойскаго 1638 года. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ каталогѣ кіевскихъ митрополитовъ, ставя 1-мъ кіевскимъ митрополитомъ Михаила, говоритъ: «Митрополитъ сей, взятый св. Владиміромъ отъ константинопольскаго патріарха Сергія, а по другимъ отъ патріарха Николая Хрисоверха въ 1000 году, и крестившій народъ Русскій, тѣломъ своимъ почиваетъ въ пещерѣ преподобнаго Антонія, какъ свидѣтельствуетъ о семъ издавна повѣшенная надъ нимъ табличка». Но было-ли написано на этой табличкѣ все то, что сказано Сильвестромъ Коссовымъ о митро-

---

[1]) Настоящая статья служитъ окончаніемъ статьи, напечатанной нами раньше въ № 12 «Кіев. Старины» за 1892 г. подъ заглавіемъ: «*Михаилъ, митрополитъ кіевскій XII в. (1131—1147)*», въ которой мы пытались, подвергнувъ разбору мнѣнія нашихъ историковъ объ удаленіи этого митрополита въ Константинополь, установить, что онъ умеръ въ заточеніи въ Печерскомъ монастырѣ и погребенъ въ Антоніевой пещерѣ. Въ заключеніе мы поставили вопросъ: «существуютъ ли въ настоящее время и гдѣ находятся мощи Михаила, митрополита кіевскаго XII вѣка?» Рѣшеніе этого вопроса и предлагается нами теперь. *Авторъ*.

ператорѣ Василіи Македонянинѣ, съ крещеніемъ кіевлянъ при св. Владимірѣ и императорѣ греческомъ Василіи Болгаробойцѣ и потому епископа IX-го вѣка Михаила перевелъ въ X-й вѣкъ съ повышеніемъ его въ санъ митрополита, при чемъ, конечно, имѣлось въ виду заполнить пустой промежутокъ, остававшійся между крещеніемъ кіевлянъ въ 988 году и прибытіемъ въ Кіевъ перваго митрополита Леонтія въ 991 году [1]). Изъ Степенной книги это недоразумѣніе, по мнѣнію г. Голубинскаго, перешло въ лѣтописи Никоновскую, Густынскую, въ предисловіе къ Печерскому патерику, въ Палинодію Захарія Копыстенскаго, Синопсисъ и въ Книгу о вѣрѣ (гл. 3), а изъ сей послѣдней въ Никоновскую кормчую [2]).—Такимъ образомъ митрополитъ Макарій и профессоръ Голубинскій въ выводахъ своихъ о митрополитѣ Михаилѣ согласны.

Со всѣми этими выводами, вполнѣ основательными, нельзя не согласиться. Но на перекоръ имъ стоитъ, такъ сказать, вещественное доказательство—мощи св. Михаила, 1-го митрополита кіевскаго въ Кіево-печерской лаврѣ, доказательство такое, предъ которымъ сначала отступилъ и митрополитъ Макарій и которымъ затруднялись въ окончательныхъ выводахъ своихъ о первомъ митрополитѣ кіевскомъ митрополитъ Евгеній и архіепископъ Филаретъ. Что-бы выйти изъ этого затрудненія, г. Голубинскій предполагаетъ, что въ Кіевъ принесены были когда-то и кѣмъ-то мощи того митрополита Михаила, который крестилъ Таврическихъ руссовъ при патріархѣ Фотіѣ и императорѣ Василіѣ Македонянинѣ, и что эти мощи были положены въ пещерѣ преподобнаго Антонія, а въ 1730 году перенесены изъ пещеръ въ Великую лаврскую церковь. Но, говоря это, г. Голубинскій не представляетъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ ни о святости этого крестителя, ни о нетлѣніи его мощей и ихъ существованіи въ Таврической Руси. Это предположеніе г. Голубинскаго, очевидно, построено на другомъ бездоказательномъ его предположеніи, будто въ 866 году, при патріархѣ Фотіѣ, крещена не Кіевская Русь со своими князьями Аскольдомъ и Диромъ, а Русь Тмутараканская, называемая у него Таврическою. Неосновательность же послѣдняго предположенія видна уже изъ окружного посланія патріарха Фотія,

[1]) «Исторія Русской церкви» Е. Голубинскаго. т. I. первая половина тома, стр. 245.

[2]) Ibidem, стр. 244.

который въ немъ пишетъ, что онъ въ 886 году послалъ для крещенія Руси епископа, а не митрополита. Сверхъ того трудно указать время, когда, кѣмъ и по какому случаю могло быть сдѣлано перенесеніе мощей мнимаго митрополита изъ Тмутаракани въ отдаленный отъ нея Кіевъ, и при томъ въ пещеры, которыя получили свое начало лишь въ половинѣ XI вѣка. Такимъ образомъ принять гипотезу г. Голубинскаго, основанную на другой недоказанной гипотезѣ, значило-бы противорѣчить несомнѣнному свидѣтельству главнаго виновника крещенія Руси въ IX вѣкѣ и замѣнить одно неизвѣстное другимъ, еще менѣе извѣстнымъ.

Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что въ древній періодъ Русской церкви былъ у насъ въ Кіевѣ митрополитъ Михаилъ, только не въ X, а въ XII вѣкѣ, что онъ прибылъ на кіевскую митрополію въ 1131 году при великомъ князѣ кіевскомъ Мстиславѣ Владиміровичѣ, достойно правилъ Русскою церковью около 15 лѣтъ и скончался въ 1147 году въ княженіе Изяслава Мстиславича; что онъ былъ святителемъ-миротворцемъ во время распрей русскихъ князей въ Кіевѣ и Новгородѣ, даже не разъ страдальцемъ за умиротвореніе своей паствы, что онъ былъ уважаемъ князьями и народомъ при жизни и признавался святымъ и чудотворцемъ по смерти[1]). Итакъ, если первымъ кіевскимъ митрополитомъ былъ у насъ не Михаилъ Сиринъ, если онъ, по мнѣнію почти всѣхъ нашихъ историковъ, даже не существовалъ у насъ въ концѣ X-го и въ началѣ XI вѣка и объявленъ таковымъ лишь по недоразумѣнію составителями лѣтописныхъ сводовъ въ XVI вѣкѣ; то не слѣдуетъ ли признать вѣрнымъ свидѣтельство Новгород. лѣтописи, что 1-мъ митрополитомъ кіевскимъ былъ Леонтій? и такъ какъ, кромѣ митрополита Михаила XII вѣка, другаго митрополита этого имени у насъ не было до конца XVI вѣка, то не слѣдуетъ ли также признать и то, что мощи имени святаго митрополита кіевскаго Михаила которыя издревле сохраняются въ Кіево-печерской обители и чествовались какъ во время нахожденія ихъ въ пещерѣ преподобнаго Антонія, такъ и по перенесеніи въ Великую лаврскую церковь, суть мощи святаго митрополита кіевскаго Михаила XII вѣка и приписаны митрополиту Михаилу X—XI вѣка по тому-же

---

[1]) «Исторія Русской церкви» Е. Голубинскаго, т. I., 1-я половина тома, примѣчаніе къ стр. 245.

недоразумѣнію, по которому митрополитъ Михаилъ поставленъ 1-мъ въ ряду кіевскихъ митрополитовъ? Такое признаніе не представляетъ и особеннаго практическаго затрудненія, такъ какъ при этомъ не измѣняются ни имя, ни санъ, ни титулъ святителя, нетлѣнно почивающаго своими мощами въ Кіево-печерской лаврѣ; мощи остаются принадлежащими святому митрополиту кіевскому Михаилу,—только митрополиту не X или XI, а XII-го вѣка; вмѣстѣ съ этимъ исправляется весьма важная историческая ошибка, происшедшая отъ забвенія одного изъ достойнѣйшихъ іерарховъ Русской церкви. Само собой разумѣется, что окончательное рѣшеніе вопроса о лицѣ митрополита кіевскаго Михаила, почивающаго мощами своими въ Кіево-печерской лаврѣ, зависитъ отъ Св. Синода; нами собраны здѣсь только данныя для разрѣшенія этого вопроса. А рѣшеніе это тѣмъ болѣе необходимо, что особеннаго синодальнаго постановленія о мощахъ митрополита кіевскаго Михаила никогда не было, и высочайшее повелѣніе императрицы Анны Іоанновны о перенесеніи его мощей изъ пещеръ въ Великую лаврскую церковь было испрошено архимандритомъ Кіевопечерской лавры Романомъ Копою, мимо вѣдома Св. Синода, чрезъ государств. канцлера графа Гаврила Ивановича Головина, который самъ и объявилъ архимандриту Роману Копѣ это высочайшее разрѣшеніе. Указомъ Св. Синода 6 августа 1795 г. предписано было сочинить обстоятельное жизнеописаніе перваго митрополита кіевскаго Михаила для помѣщенія въ Четьяхъ-Минеяхъ, но таковое, по неимѣнію извѣстій о его жизни, не сочинено до настоящаго времени.

П. Л.

По вопросу о времени основанія города Полтавы.

(Въ связи съ лѣтописнымъ извѣстіемъ о походѣ Игоря, князя новгородъ-сѣверскаго, за рѣку Ворсклу въ 1174 году).

Намѣченный нами вопросъ о времени основанія города Полтавы въ нашей исторической литературѣ рѣшается обыкновенно на основаніи извѣстія Начальной лѣтописи о переправѣ Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игоревѣ», черезъ рѣку Ворсклу у «Лтавы», причемъ «Лтава» отождествляется съ Полтавой. [1]). При такомъ толкованіи отмѣченнаго лѣтописнаго извѣстія, городъ Полтава признается однимъ изъ древнѣйшихъ южно-русскихъ городовъ.

Отождествленіе «Лтавы» съ «Полтавой» вызываетъ, однако, сомнѣніе по двумъ существенно важнымъ пунктамъ: 1, какъ объяснить лингвистически превращеніе Лтавы въ Полтаву? и 2, какими историческими данными, помимо комментированія соотвѣтствующаго текста лѣтописи, [2]) возможно подтвердить существованіе города на Ворсклѣ въ третьей четверти XII вѣка?

Сомнѣнія по этимъ пунктамъ, при ближайшемъ ознакомленіи съ подробностями занимающаго насъ вопроса, оказываются весьма серьезными. Лингвистика не допускаетъ превращенія слова «Лтава» въ «Полтава»: слогъ «по» въ этомъ послѣднемъ словѣ не можетъ быть приставкой, что необходимо было бы, если бы названіе «Полтавы» образовалось изъ «Лтавы». Природа органическаго языка, требующая, что бы слово было образомъ обозначаемаго имъ предмета, исключаетъ возможность образованія собственнаго имени города съ приставкой,

---

[1]) Максимовичъ, т. І-й, стр. 725; Памятная книжка Полтавской губ., состав. Бодянскимъ, стр. 6.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб. 1871 г., стр. 387.

въ данномъ случаѣ ничего не выражающей. Какое представленіе можетъ, въ самомъ дѣлѣ, связываться съ словомъ, происходящимъ отъ корня *«Лт»* или *«Лѣт»* съ приставкой *«По»*? Какой оттѣнокъ въ искомомъ понятіи могла бы выразить такая приставка?

Выражая пожеланіе, что бы вопросъ этотъ, какъ увидимъ ниже, существенно важный для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины, привлекъ вниманіе лингвистовъ, и имѣя въ виду въ своемъ мѣстѣ высказать наши соображенія объ образованіи слова «Полтава» и о понятіи имъ выражаемомъ, мы обратимся къ историческимъ справкамъ по занимающему насъ вопросу, пытаясь прежде всего разобраться съ основными положеніями исторической дѣйствительности того времени.

Представляется существенно важнымъ опредѣлить прежде всего границу русскихъ и половецкихъ владѣній въ концѣ третьей четверти XII вѣка. Слѣдя за отношеніями русскихъ племенъ къ половцамъ и обратно по лѣтописнымъ извѣстіямъ, мы видимъ, что теченіе рѣки Ворсклы около даннаго времени приходилось почти въ срединѣ половецкой земли. Пограничною русскою областью со стороны степей половецкихъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра было въ эту пору Посулье, причемъ область эта, входившая въ составъ Переяславскаго княжества тянулась тогда по всѣмъ видимостямъ лишь по верхнему теченію Сулы. По лѣтописному извѣстію, относящемуся къ 1154 году, половцы послѣ неудачнаго похода къ Переяславлю, отступаютъ за Сулу, какъ въ свои мѣста, при чемъ въ лѣтописи говорится объ этомъ отступленіи: «прочь отошли».[1]). Мѣстность по среднему теченію Сулы по 1178 г. точно также выступаетъ въ лѣтописи, какъ земля половецкая: послѣ нападеній на Переяславль «богостуднаго» Кончака, князя половецкаго, русскіе князья идутъ за Сулу и остановливаются близъ городища Лукомля[2]) (теперешнее м. Лукомье Лубенскаго у.). То обстоятельство, что Лукомье было въ ту пору не городомъ, а городищемъ, является для насъ важнымъ, хотя и не вполнѣ яснымъ, свидѣтельствомъ лѣтописи: оно указываетъ на существованіе здѣсь какого-то города въ болѣе раннюю пору.[3]). Пограничною рѣкою является

[1]) Лѣтоп. по Ипатскому списку, стр. 325.

[2]) Тоже, стр. 415.

[3]) Мы допускаемъ, что и лежащій выше по рѣкѣ Сулѣ, упоминаемый въ лѣтописи пунктъ Лубно (1107 г.) нѣтъ основанія признавать городомъ. Лѣтопись сообщаетъ

р. Сула и нѣсколько позже въ знаменитомъ «Словѣ о полку Игоревѣ» (1195 г.): «комони ржутъ за Сулою». Наиболѣе опредѣленное указаніе на пограничную черту половецкихъ и русскихъ земель по лѣвую сторону Днѣпра встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1170 годомъ, за 4 года до занимающаго насъ похода Игоря Новгородъ-Сѣверскаго за рѣку Ворсклу. По лѣтописному извѣстію 1170 г., кіевскій князь Мстиславъ Изяславичъ, выступивъ въ походъ противъ половцевъ въ союзѣ съ другими князьями, взялъ вежи половецкія по рѣкамъ Углѣ и «*Снопороду*»[1]). Послѣдняя рѣка, очевидно, Слѣпородъ, правый притокъ Сулы, впадающій въ районѣ нижняго ея теченія, такъ какъ другого мѣста для «Снопорода» или «Снепорода» нельзя указать ни по лѣтописнымъ извѣстіямъ, ни по другимъ источникамъ древле-русской исторической географіи. На пограничное положеніе мѣстностей по р. Слѣпороду указываетъ также относящееся къ 1187 г. извѣстіе лѣтописи о томъ, что русскіе князья, предпринявшіе въ зимнее время походъ противъ половцевъ, дойдя до «Снепорода», поймали тамъ сторожей половецкихъ[2]).

Въ силу изложенныхъ лѣтописныхъ указаній относительно половецкой границы съ Переяславскимъ княжествомъ Посульскую область, какъ намъ кажется, слѣдуетъ пріурочить къ верхнему и части средняго теченія рѣки Сулы[3]). Возможно, что граница русскихъ и

лишь, что половецкіе князья Бонякъ, Шаруканъ «старый» и много другихъ пришли *и стали около Лубно*. Опредѣленное указаніе лѣтопись даетъ въ этомъ мѣстѣ лишь въ топографическомъ смыслѣ, а что собственно представлялъ пунктъ Лубно—въ лѣтописи не говорится. Буквальный смыслъ словъ: «сташа около Лубна», побуждаетъ понимать «Лубно», какъ урочище, потому что, если бы стоялъ здѣсь городъ (Переясл. княж.), то половецкіе князья, прійдя къ Лубно, естественно проявилили бы такъ или иначе свое отношеніе къ жителямъ, и лѣтописецъ не преминулъ бы сообщить объ этомъ; между тѣмъ въ лѣтописи сообщается, что половцы стояли спокойно въ ожиданіи прихода русскихъ князей, отъ которыхъ они вслѣдъ затѣмъ убѣжали (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 186)..

[1]) Лѣтопись, стр. 369.

[2]) Тоже, стр. 440.

[3]) Наше придположеніе относительно границы русскихъ и половецкихъ владѣній подтверждается лѣтописнымъ извѣстіемъ о томъ, что половцы воевали Посулье на возвратномъ пути въ 1126 г. изъ Баруча, города въ Переяславскомъ княжествѣ, населеннаго торками; а также извѣстіемъ о томъ, что въ 1139 г. Всеволодъ Ольговичъ, вмѣстѣ съ половцами, приведенными имъ къ Прилуку, «поима» Посульскую область. (Лѣтопись, стр. 208, 216). Отмѣченныя явленія возможны лишь въ областяхъ пограничныхъ.

половецкихъ владѣній во второй половинѣ XII вѣка проходила въ мѣстности, гдѣ и до настоящаго времени сохранился рядъ старинныхъ укрѣпленій, расположенныхъ по прямой линіи въ средней полосѣ Полтавской губерніи, а именно, у с. Окопъ на р. Сулицѣ (пунктъ, лежащій на границѣ Лохвицкаго и Лубенскаго уѣздовъ и представляющій земляное укрѣпленіе значительныхъ размѣровъ), далѣе у м. Городища близь впаденія р. Многи въ рѣку Удай (Лохв. у.), у м. Куреньки на Удаѣ, съ довольно обширнымъ замчищемъ (Лохв. у.), и у м. Городища по Слѣпороду въ верхнемъ его теченіи (Пирятин. у.). Характерно, что съ отмѣченнымъ нами рядомъ остатковъ старинныхъ укрѣпленій, повидимому, совпадаетъ и Путивльскій рубежъ, упоминаемый въ актахъ о заселеніи Юго-Западной Россіи около половины XVI вѣка [1]).

Высказанныя нами соображенія относительно отдаленности средняго теченія Ворсклы отъ предѣльной черты половецкихъ владѣній, по лѣвую сторону Днѣпра, на сѣверо-западъ, подтверждаются еще извѣстіемъ лѣтописи о томъ, что въ 1153 г. кіевскій князь Изяславъ послалъ сына своего Мстислава къ р. Пслу, чтобы наказать половцевъ за опустошеніе Посулья [2]).

Указанія лѣтописи на р. Слѣпородъ, на среднее теченіе р. Сулы и на р. Пселъ, какъ на мѣстности, обладаемыя половцами, опредѣленно указываютъ, что среднее теченіе Ворсклы (гдѣ предполагаютъ существованіе поселенія Лтавы), находилось вдали отъ рубежа половецкихъ владѣній со стороны русскихъ княжествъ. А если это такъ, то могло ли существовать здѣсь поселеніе Лтава?

Половецкое поселеніе безусловно не могло существовать, такъ какъ по всѣмъ источникамъ извѣстны лишь половецкія вежи, въ которыхъ половцы перекочевывали съ мѣста на мѣсто въ обширныхъ поднѣпровскихъ и придонскихъ степяхъ. Остается теперь прослѣдить по имѣющимся даннымъ, не могло ли въ половецкихъ степяхъ по Ворсклѣ существовать поселеніе русское или другого какого-либо сосѣдняго племени. Принимая во вниманіе обслѣдованный уже историками внутренній бытъ половцевъ, дѣлившихся на многочисленныя племена съ родовыми князьями во главѣ, которые часто враждовали

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, Ч. VII, т. I-й, стр. 102.

[2]) Лѣтопись, стр. 320.

другъ съ другомъ, точно также невозможно представить себѣ на мѣстѣ нынѣшней Полтавы ни города, ни вообще поселенія чуждаго половцамъ народа, такъ какъ осѣдлое населеніе не могло, въ силу отмѣченныхъ условій, удержаться здѣсь въ срединѣ почти половецкихъ владѣній. Естественному ходу политической и культурной исторіи кочевыхъ народовъ не противорѣчило бы существованіе въ обслѣдуемой мѣстности только большого и сильнаго города, который не испытывалъ бы, а, напротивъ, самъ оказывалъ бы культурное вліяніе на кочевниковъ, удерживая ихъ въ подчиненіи. Но въ такомъ случаѣ и исторія степей южнорусскихъ была бы иная, чѣмъ какою проявилась она въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, нѣтъ основанія допускать на мѣстѣ нынѣшней Полтавы существованія во второй половинѣ XII вѣка какого-либо населеннаго пункта.

Принимая затѣмъ во вниманіе географическое положеніе обслѣдуемой мѣстности, заброшенной среди огромныхъ степныхъ пространствъ, занятыхъ кочевниками, мы видимъ, что владѣнія этихъ послѣднихъ, простиравшіяся особенно далеко на востокъ по отношенію къ р. Ворсклѣ, вовсе не представляли условій, благопріятныхъ для какой-либо торговой или промышленной дѣятельности, такъ что въ обслѣдуемой мѣстности по р. Ворсклѣ представляется невозможнымъ и существованіе какого-либо временнаго поселенія. Въ мѣстности по Ворсклѣ было бы неосновательно допускать временное населеніе въ видѣ какихъ-либо промышленниковъ, какихъ знаетъ, напримѣръ, Начальная лѣтопись, въ видѣ «гречниковъ» и «залозниковъ» свидѣтельствуя о нихъ, къ сожалѣнію, не достаточно ясно, но все таки опредѣленно указывая на пребываніе ихъ на нижнемъ Днѣпрѣ за порогами [1]).

Перейдемъ теперь къ тексту лѣтописнаго свидѣтельства о походѣ Игоря Новгородъ-Сѣверскаго за Ворсклу и о переправѣ его на об-

---

[1]) Въ Начальной лѣтописи подъ 1167 г. сообщается о томъ, что половцы, провѣдавъ о несогласіяхъ между русскими князьями, отправились къ порогамъ и «пакостили» «*гречникамъ*», вслѣдствіе чего кіевскій князь долженъ былъ послать отрядъ воиновъ, чтобы вывести «гречниковъ» изъ-за пороговъ. «И изведоша гречникы», сообщаетъ лѣтописецъ. Аналогичнымъ является лѣтописное свидѣтельство и подъ 1168 г., сообщающее, что кіевскій и другіе русскіе князья, собравъ всѣ полки свои, стояли долгое время у Канева, пока не пришли съ низовій Днѣпра «*гречникъ* и *залозникъ*».

ратномъ пути черезъ эту рѣку у «Лтавы.» Вотъ этотъ текстъ: «*Того же (1174) лѣта, на Петровъ день, Игорь Святославичъ, совокупивъ полкы свои, и ѣха в поле за Воръсколъ, и срѣте Половьцѣ, иже ту ловять языка; изъима я, и повѣда ему колодникъ оже Кобякъ и Конџакъ шлѣ къ Переяславлю. Игорь же, слышавъ то, поѣха противу Половцемъ и переѣха Въросколъ у Лтавы къ Переяславлю; и узърѣшася съ полкы половьцькими; и бѣ рать мала, и темь не утерпѣша стати противу Игорвви, и тако побѣгоша, весь полонъ свой пометавъше, бяхуть бо воевали у Серебряного и у Баруча; дружина же Игорева, постигъше онѣхъ, избивше и, а иныхъ изъимаша. И тако поможе Богъ крестьаномъ въ день святого пророка Илiи*».

Въ этомъ текстѣ все отъ начала и до конца ясно, за исключенiемъ словъ «переѣха Въросколъ у Лтавы къ Переяславлю.» Съ особымъ вниманiемъ необходимо отнестись къ этому мѣсту въ виду того, что въ другомъ изъ списковъ Начальной нашей лѣтописи встрѣчаемся съ разночтенiемъ выписанныхъ только что словъ, а именно, читаемъ: «*переѣха росколъ во Лтавы къ Переясловлю.*» Если къ этому послѣднему варьянту отнестись положительно, допуская, что въ этомъ текстѣ нѣтъ ошибки переписчика, то окажется весьма существенное различiе въ лѣтописномъ свидѣтельствѣ по занимающему насъ вопросу о древности Полтавы. При этомъ послѣднемъ чтенiи лѣтописнаго текста, не окажется ни малѣйшаго намека на существованiе въ XII вѣкѣ нашего города. И нельзя сказать, чтобы этотъ послѣднiй текстъ представлялъ собою наборъ словъ безъ смысла.

Содержанiе словъ: «переѣха росколъ во Лтавы къ Переясловлю», можетъ быть болѣе яснымъ, если предварительно отмѣтить слабыя стороны текста, приведеннаго нами in extenso изъ свидѣтельства лѣтописи въ редакцiи, принятой въ изданiи Археографической коммиссiи. Такъ, сбивчивымъ представляется намъ прежде всего слово «Лтава», принятое, какъ имя собственное населеннаго пункта, существованiя котораго въ мѣстности средняго теченiя р. Ворсклы, почти въ срединѣ степей половецкихъ, нельзя допустить въ силу соображенiй изложенныхъ выше, а также еще и потому, что Начальная лѣтопись не указываетъ во второй половинѣ XII вѣка поселенiя ни по Пслу, ни по Хоролу, въ среднемъ теченiи этихъ рѣкъ, гдѣ существованiе поселенiя при большой близости къ границѣ русскихъ земель скорѣе было бы возможно. Другая неясность занимающаго насъ текста заключается

въ словѣ «къ Переяславлю»; является вопросъ, какой оттѣнокъ движенія Игоря въ обратный путь выражается этимъ обозначеніемъ? Переяславль такъ далеко отстоитъ отъ р. Ворсклы, что въ какомъ бы мѣстѣ Игорь ни переѣхалъ р. Ворсклу въ среднемъ ея теченіи, то въ Переяславль былъ бы прямой и почти одинаково длинный путь; [1]) что же затѣмъ сказать хотѣлъ лѣтописецъ, прибавляя къ словамъ: «переѣха Ворьсколъ», слово: «къ Переяславлю»?

Эта прибавка не вызывала бы недоумѣнія, если, принявъ отмѣченное выше разночтеніе этого мѣста, допустить, что въ данномъ случаѣ говорится не о мѣстности по Ворсклѣ, а о другой какой-либо, болѣе близкой къ Переяславлю.

Мы не склонны, однако, предпочитать послѣднюю редакцію первой, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ наталкиваемся на вопросы еще болѣе неясныя: что означаетъ «росколъ»; выражаетъ ли слово это то же, что и росколье, т. е. распутица, или относится къ какому-либо мѣсту? Точно также слово «во Лтавы» не стоитъ ли по винѣ переписчика вмѣсто «во Лтавѣ», т. е., въ значеніи нарѣчія образа дѣйствія, и т. д.

Умѣстнымъ сочли мы остановиться на этой второй редакціи для того, главнымъ образомъ, чтобы имѣть основаніе, замѣтить, что и первая редакція занимающаго насъ мѣста лѣтописи, быть можетъ, дошла до насъ въ искаженномъ видѣ; быть можетъ, выраженіе «у Лтавы» стоитъ вмѣсто однозвучнаго какого-либо качественнаго нарѣчія, а передъ словомъ къ Переяславлю, быть можетъ, сдѣланъ пропускъ какого-либо глагола, выражающаго движеніе. Переѣздъ Игоря черезъ Ворсклу мы признаемъ болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ рѣка эта и по другому лѣтописному свидѣтельству (1170 г.) является предѣльной чертой движенія Руси на половцевъ. Такъ, въ отмѣченномъ уже выше лѣтописномъ извѣстіи о захватѣ русскими князьями половецкихъ вежъ на Слѣпородѣ говорится затѣмъ, что обратившихся въ бѣгство половцевъ союзные русскимъ князьямъ Бастіи «гнали за Ворсклу, поражая». На ряду съ этимъ лѣтопись даетъ указанія, что р. Ворскла въ ту древнюю пору представляла для южноруссовъ ру-

---

[1]) Соображеніе о существованіи отдѣльныхъ трактовъ на различные города въ этомъ случаѣ не имѣетъ мѣста, такъ какъ рѣчь идетъ о данныхъ половецкихъ степяхъ.

бежъ, за которымъ начинался уже «край незнаемый». Сообщая о походѣ русскихъ князей въ глубину Половецкой земли въ 1111 году, лѣтопись отмѣчаетъ остановки въ этомъ походѣ по рѣкамъ Сулѣ, Хоролу, Пслу, Голтвѣ и Ворсклѣ, указывая при этомъ, что на каждый изъ этихъ переходовъ требовалось по одному дню; относительно же рѣкъ за Ворсклою въ лѣтописи говорится глухо: «перешли многія рѣки». Любопытно еще лѣтописное свидѣтельство о томъ, что переходить степи до Ворсклы не считалось опаснымъ; настоящія опасности похода предстояли за этой рѣкой: воины, предводительствуемые князьями, передъ тѣмъ какъ двинуться за Ворсклу, «крестъ цѣловали и возлагали всю свою надежду на крестъ со многими слезами». Таковъ характеръ Поворсклянскихъ мѣстностей въ концѣ XII вѣка.

Съ какого же времени могло возникнуть здѣсь поселеніе и къ какому времени слѣдуетъ отнести основаніе города Полтавы? Для выясненія и этого вопроса необходимо предпослать нѣкоторыя, точно установленныя въ фактическомъ отношеніи, положенія того времени. Извѣстно, что половцы безраздѣльно владѣли обширными степями между Днѣпромъ и Дономъ до татарскаго нашествія. Послѣдовавшее затѣмъ владычество татаръ надолго явилось преградой для осѣдлаго быта не только въ Поворскльи, но и дальше на западъ: въ средней и южной полосахъ нынѣшней Полтавской губерніи мы не встрѣчаемъ признаковъ существованія городовъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій послѣ татарскаго погрома. Только въ части древняго Переяславскаго княжества и поселилось вновь населеніе, какъ только миновала гроза; въ средней же и южной полосахъ Полтавщины различныя мѣстности оставались безъ осѣдлаго населенія даже около половины XVI столѣтія.

О заселенности значительной части Полтавщины въ эту пору мы имѣемъ драгоцѣнныя указанія, заключающіяся въ описаніяхъ Каневскаго и Черкасскаго замковъ [1]). По названному источнику къ Каневскому замку тяготѣли расположенныя въ устьи р. Сулы незаселенныя, а посѣщаемыя лишь «ухожаями» *владѣнія монастыря Пустынскаго*, взимавшаго съ ухожаевъ за пользованіе угодьями для рыбнаго промысла—$^{1}/_{8}$ долю улова, а бобровъ—половину; затѣмъ, на нѣсколько миль по р. Сулѣ тянулись владѣнія Канева съ рыбными ѣзами и

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, Ч. VII, т. І-й, стр. 84—87, 91, 101—103.

бобровыми гонами; далѣе, на разстояніи 2 дней пути (а рѣкою больше) находились уходы *Ромновщина* и *Мехведовщина*, *Шукаховщина* и «*знамя*» *Колявятинское*; далѣе вверхъ по Сулѣ тянулись пустыя казенныя земли, состоящія въ пользованіи земянина Драба, получившаго ихъ отъ казны («зъ данины государское») за военную службу «одною особою». Какъ доходныя статьи здѣсь указаны также рыбныя езы, бобровые гоны и пасѣки.

По рѣкѣ Оржицѣ отмѣченъ *Каневскій уходъ*, дававшій въ пользу замка въ годъ по 30 грошей, а затѣмъ отданный въ пользованіе замковому слугѣ Ваську Козаковичу. Тамъ же *на Оржицѣ* указанъ *замковый же каневскій уходъ Лядхведовщина*, дававшій столько же дохода, какъ и уходъ предъ этимъ названный и точно также отданный въ частное пользованіе.

Выше впаденія Оржицы, по Сулѣ указана *земля Кашина*, боярская, состоявшая въ пользованіи Морозова и боярина Чайки и занятая козаками; далѣе уходъ *Гостиловскій*, мѣщанская земля, тянувшаяся отъ Володины горы до Лубенъ, затѣмъ *земля Лубни*—замковая и мѣщанскіе земли: *Жолудева*, *Хорошковщина*, Ширковщина, Демковщина; далѣе тянулась земля Железновщина—отчичей каневскихъ Бродовичей и, наконецъ, уже на рубежѣ Путивльскомъ, подъ Княжею горою, на р. Сулицѣ указана земля *Чабановская*, гдѣ ходилъ отчичъ Чабановичъ, каневецъ.

По рѣкѣ *Многѣ* отмѣчены уходы въ Ровникахъ *земля Колотвинская* и пустая земля *Коленовщина*. Пустыми же лежали по рѣкѣ Многѣ земли *Волосовщина*, *Кащутовщина* и *Войтовщина*, куда за долю промысла въ описываемое время (около 1552 года) не ходилъ никто, а мѣщанъ—замѣчаютъ люстраторы по даннымъ опроса каневскихъ стариковъ—староста не допускаетъ для промысловъ въ этихъ мѣстностяхъ.

По рѣкѣ *Удаю* тянулись земли *Дадиковщина*, *Милищина*, *земля Пирятинская*—отчина боярина каневскаго Чайки, затѣмъ пустая, городу Каневу принадлежавшая земля, относительно которой показано: «теперешній староста не даетъ мѣщанамъ, хочетъ половины». По рѣкѣ Удаю отмѣчена также церковная земля *Поднятковщина*; тамъ же на Удаѣ и на Ольшаницѣ указаны церковные каневскіе уходы, данные старостой Остафеемъ (Дашковичемъ).

бежъ, за которымъ начинался уже «край незнаемый». Сообщая о походѣ русскихъ князей въ глубину Половецкой земли въ 1111 году, лѣтопись отмѣчаетъ остановки въ этомъ походѣ по рѣкамъ Сулѣ, Хоролу, Пслу, Голтвѣ и Ворсклѣ, указывая при этомъ, что на каждый изъ этихъ переходовъ требовалось по одному дню; относительно же рѣкъ за Ворсклою въ лѣтописи говорится глухо: «перешли многія рѣки». Любопытно еще лѣтописное свидѣтельство о томъ, что переходить степи до Ворсклы не считалось опаснымъ; настоящія опасности похода предстояли за этой рѣкой: воины, предводительствуемые князьями, передъ тѣмъ какъ двинуться за Ворсклу, «крестъ цѣловали и возлагали всю свою надежду на крестъ со многими слезами». Таковъ характеръ Поворсклянскихъ мѣстностей въ концѣ XII вѣка.

Съ какого же времени могло возникнуть здѣсь поселеніе и къ какому времени слѣдуетъ отнести основаніе города Полтавы? Для выясненія и этого вопроса необходимо предпослать нѣкоторыя, точно установленныя въ фактическомъ отношеніи, положенія того времени. Извѣстно, что половцы безраздѣльно владѣли обширными степями между Днѣпромъ и Дономъ до татарскаго нашествія. Послѣдовавшее затѣмъ владычество татаръ надолго явилось преградой для осѣдлаго быта не только въ Поворскльи, но и дальше на западъ: въ средней и южной полосахъ нынѣшней Полтавской губерніи мы не встрѣчаемъ признаковъ существованія городовъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій послѣ татарскаго погрома. Только въ части древняго Переяславскаго княжества и поселилось вновь населеніе, какъ только миновала гроза; въ средней же и южной полосахъ Полтавщины различныя мѣстности оставались безъ осѣдлаго населенія даже около половины XVI столѣтія.

О заселенности значительной части Полтавщины въ эту пору мы имѣемъ драгоцѣнныя указанія, заключающіяся въ описаніяхъ Каневскаго и Черкасскаго замковъ [1]). По названному источнику къ Каневскому замку тяготѣли расположенныя въ устьи р. Сулы незаселенныя, а посѣщаемыя лишь «ухожаями» *владѣнія монастыря Пустынскаго*, взимавшаго съ ухожаевъ за пользованіе угодьями для рыбнаго промысла—$^1/_8$ долю улова, а бобровъ—половину; затѣмъ, на нѣсколько миль по р. Сулѣ тянулись владѣнія Канева съ рыбными ѣзами и

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, Ч. VII, т. I-й, стр. 84—87, 91, 101—103.

бобровыми гонами; далѣе, на разстояніи 2 дней пути (а рѣкою больше) находились уходы *Ромновщина* и *Мехведовщина*, *Шукаховщина* и *«знамя» Колявятинское*; далѣе вверхъ по Сулѣ тянулись пустыя казенныя земли, состоящія въ пользованіи земянина Драба, получившаго ихъ отъ казны («зъ данины государское») за военную службу «одною особою». Какъ доходныя статьи здѣсь указаны также рыбныя езы, бобровые гоны и пасѣки.

По рѣкѣ Оржицѣ отмѣченъ *Каневскій уходъ*, дававшій въ пользу замка въ годъ по 30 грошей, а затѣмъ отданный въ пользованіе замковому слугѣ Ваську Козаковичу. Тамъ же *на Оржицѣ* указанъ *замковый же каневскій уходъ Лядхведовщина*, дававшій столько же дохода, какъ и уходъ предъ этимъ названный и точно также отданный въ частное пользованіе.

Выше впаденія Оржицы, по Сулѣ указана *земля Кашина*, боярская, состоявшая въ пользованіи Морозова и боярина Чайки и занятая козаками; далѣе уходъ *Гостиловскій*, мѣщанская земля, тянувшаяся отъ Володины горы до Лубенъ, затѣмъ *земля Лубни*—замковая и мѣщанскіе земли: *Жолудева*, *Хорошковщина*, Ширковщина, Демковщина; далѣе тянулась земля Железновщина—отчичей каневскихъ Бродовичей и, наконецъ, уже на рубежѣ Путивльскомъ, подъ Княжею горою, на р. Сулицѣ указана земля *Чабановская*, гдѣ ходилъ отчичъ Чабановичъ, каневецъ.

По рѣкѣ *Многѣ* отмѣчены уходы въ Ровникахъ *земля Колотвинская* и пустая земля *Коленовщина*. Пустыми же лежали по рѣкѣ Многѣ земли *Волосовщина*, *Кащутовщина* и *Войтовщина*, куда за долю промысла въ описываемое время (около 1552 года) не ходилъ никто, а мѣщанъ—замѣчаютъ люстраторы по даннымъ опроса каневскихъ стариковъ—староста не допускаетъ для промысловъ въ этихъ мѣстностяхъ.

По рѣкѣ *Удаю* тянулись земли *Дадиковщина*, *Милищина*, *земля Пирятинская*—отчина боярина каневскаго Чайки, затѣмъ пустая, городу Каневу принадлежавшая земля, относительно которой показано: «теперешній староста не даетъ мѣщанамъ, хочетъ половины». По рѣкѣ Удаю отмѣчена также церковная земля *Поднятковщина;* тамъ же на Удаѣ и на Ольшаницѣ указаны церковные каневскіе уходы, данные старостой Остафеемъ (Дашковичемъ).

Кромѣ названныхъ выше, тянувшихъ къ Каневу, земель и уходовъ названы безъ обозначенія болѣе или менѣе точно земли и уходы по Сулѣ: *Половичи*, *Лукьяновичи*, *Лихошерстово*, *Хомино*, *Карищищеватые;* также—по Сулѣ и Снепородку—земля *Гольчевщина*.

Внѣ системы р. Сулы отмѣчены каневскіе замковые *уходы при впаденіи р. Хорола въ Пселъ*. Объ этихъ уходахъ сказано, что они лежатъ пусты, половинники не ходятъ, «а мещаномъ ходити тамъ староста не дозволяетъ».

Объ *уходахъ по рѣкѣ Пслу* глухо замѣчено, что всѣ ихъ занялъ бояринъ Драбъ.

Болѣе южныя мѣстности Полтавской губерніи въ началѣ второй половины XVI в. тянули къ Черкасскому замку. Акты отмѣчаютъ здѣсь уходы *Песельскій* (очевидно Псіольскій), *Кременчукскій*, *Кишенскій* и *Ореньскій*, *станъ по р. Ворсклѣ*, а также *три стана* въ *Бѣлобережьи* (между, повидимому, устьями рр. Сулы и Супоя) и *уходъ Пивовъ* (при г. Пива, гдѣ впослѣдствіи устроенъ былъ знаменитый въ лѣтописяхъ Полтавской епархіи Пивогорскій монастырь).

Если отмѣченныя выше данныя исторической географіи половины XVI в. перенесемъ на современную карту Полтавской губерніи, (карта прилагается), то увидимъ, что вся средняя и южная полосы нашей губерніи въ эту пору оставались еще безъ постояннаго населенія и обладаемы были пришлыми заработчанами, промышлявшими здѣсь за уплату частью добытыхъ продуктовъ въ пользу юридическихъ владѣльцевъ земель и уходовъ.

Характерно, что ухожаи заработчане приходили въ наши степи и изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ Мозырь и Чернобыль въ Пинской области. О размѣрахъ производительности угодій въ нашей губерніи въ данное время до извѣстной степени можно имѣть представленіе по записи люстратора со словъ боярина Чайки, а именно, что съ каневскихъ уходовъ въ благопріятный годъ на его долю отъ ухожаевъ-половинниковъ приходится меду 90 кадей, «окромъ бобровъ, рыбъ, мяса и иныхъ пожитковъ».

Существенно важно отмѣтить здѣсь любопытныя бытовыя подробности, занесенныя въ статистическое описаніе значительной части Полтавской губ. половины XVI в. Одна изъ такихъ подробностей касается козаковъ, которые въ эту пору приходили сюда, повидимому, съ правой стороны Днѣпра и причиняли безпокойство юридическимъ

НІЕ ЗНАКОВЪ:

ель и уходовъ, тянувшихъ къ Каневу

земель
и Черк
въ пред

22) Земля Кашутовщина.
23) » Войтовщина.
24) » Дадиковщина.
25) » Милищина.
26) » Пирятинская.
27) » Пустая каневская.
28) » Поднятковщина.
ыя. 29) Церковные Каневскіе уходы.
30) Уходъ Половичи.
31) » Лукьяновичи.
32) » Лихошерстово.
33) » Хомино.
34) » Карчищеватое.

(30–34: По Сулѣ безъ обозначенія мѣстъ.)

35) Земля Гольчевщина—по Сулѣ и Слѣпороду.

В) Черкасскіе уходы:

36) Уходъ Псёльскій.
37) » Кременчугскій.
38) » Кишенскій.
39) » Орельскій.
40) Станъ по р.Ворсклѣ.
41) Три стана въ Бѣлобережьи.
42) Уходъ Пивовъ.

опредѣленное число уходовъ Каневскихъ
Пслу и Хоролу.

Лит. Т. Корчакъ-Новицк

Кромѣ названныхъ выше, тянувшихъ къ Каневу, земель и у довъ названы безъ обозначенія болѣе или менѣе точно земли и ух по Сулѣ: *Половичи*, *Лукьяновичи*, *Лихошерстово*, *Хомино*, *Карщи ватые;* также—по Сулѣ и Снепородку—земля *Гольчевщина*.

Внѣ системы р. Сулы отмѣчены каневскіе замковые *уходы* *впаденіи р. Хорола въ Псел*. Объ этихъ уходахъ сказано, что лежатъ пусты, половинники не ходятъ, «а мещаномъ ходити т староста не дозволяетъ».

Объ *уходахъ по рѣкѣ Пслу* глухо замѣчено, что всѣ ихъ зан бояринъ Драбъ.

Болѣе южныя мѣстности Полтавской губерніи въ началѣ вто половины XVI в. тянули къ Черкасскому замку. Акты отмѣча здѣсь уходы *Песельскій* (очевидно Псіольскій), *Кременчукскій*, *Кии скій* и *Ореньскій*, *станъ по р. Ворсклѣ*, а также *три стана* въ *лобережьи* (между, повидимому, устьями рр. Сулы и Супоя) и *ух Пивовъ* (при г. Пива, гдѣ впослѣдствіи устроенъ былъ знамени въ лѣтописяхъ Полтавской епархіи Пивогорскій монастырь).

Если отмѣченныя выше данныя исторической географіи по вины XVI в. перенесемъ на современную карту Полтавской губер (карта прилагается), то увидимъ, что вся средняя и южная пол нашей губерніи въ эту пору оставались еще безъ постояннаго на ленія и обладаемы были пришлыми заработчанами, промышлявш здѣсь за уплату частью добытыхъ продуктовъ въ пользу юридическ владѣльцевъ земель и уходовъ.

Характерно, что ухожаи заработчане приходили въ наши ст и изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ Мозырь и Чернобыль Пинской области. О размѣрахъ производительности угодій въ нап губерніи въ данное время до извѣстной степени можно имѣть пр ставленіе по записи люстратора со словъ боярина Чайки, а имен что съ каневскихъ уходовъ въ благопріятный годъ на его долю ухожаевъ-половинниковъ приходится меду 90 кадей, «окромъ бровъ, рыбъ, мяса и иныхъ пожитковъ».

Существенно важно отмѣтить здѣсь любопытныя бытовыя п робности, занесенныя въ статистическое описаніе значительной ча Полтавской губ. половины XVI в. Одна изъ такихъ подробнос касается козаковъ, которые въ эту пору приходили сюда, повидимо съ правой стороны Днѣпра и причиняли безпокойство юридическ

ніе знаковъ:

ель и уходовъ, тянувшихъ къ Каневу

земель
и Черк
въ пред

22) Земля Кашутовщина.
23) » Войтовщина.
24) » Дадиковщина.
25) » Милищина.
26) » Пирятинская.
27) » Пустая каневская.
28) » Поднятковщина.

ия. 29) Церковные Каневскіе уходы.

30) Уходъ Половичи.
31) » Лукъяновичи.
32) » Лихошерстово.
33) » Хомино.
34) » Карчищеватое.

(По Сулѣ безъ обозначенія мѣстъ.)

35) Земля Гольчевщина—по Сулѣ и Слѣпороду.

В) Черкасскіе уходы:

36) Уходъ Псёльскій.
37) » Кременчугскій.
38) » Кишенскій.
39) » Орельскій.
40) Станъ по р. Ворсклѣ.
41) Три стана въ Бѣлобережьи.
42) Уходъ Пивовъ.

определенное число уходовъ Каневскихъ Пслу и Хоролу.

Кіевъ

ЛИТ. КОРЧАКЪ-НОВИЦ

глубину татарскихъ владѣній, а именно, послѣ похода къ подножіямъ Кавказа, въ началѣ XV вѣка. Одновременно съ основаніемъ города Черкасъ поселены были выходцы изъ кавказкихъ областей и въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской губерніи, между прочимъ, по р. Слѣпороду, откуда туземное населеніе, по показаніямъ старожиловъ, въ половинѣ XVI вѣка, переведено было въ г. Каневъ. Этимъ и объясняли упоминаемые выше люстраторы украинскихъ замковъ въ половинѣ XVI вѣка право каневскихъ мѣщанъ на уходы въ бассейнѣ средняго и нижняго теченія рѣкъ Сулы и Хорола. [1])

По отношенію къ мѣстностямъ по Ворсклѣ, особенно интереснымъ для насъ, Витовтъ также проявилъ дѣятельность вначалѣ неудачную, а затѣмъ окончившуюся полнымъ успѣхомъ. Еще въ концѣ XIV вѣка названный князь, пользуясь смутами въ татарской ордѣ, намѣтилъ планъ заселенія южно-русскихъ степей подручнымъ инородческимъ оплотомъ для защиты коренныхъ областей Литовско-русскаго государства. Для осуществленія этого Витовту пришлось принять сторону одного изъ татарскихъ хановъ, при помощи котораго литовскій князь разсчитывалъ достигнуть своихъ цѣлей. Ходъ событій того времени побудилъ Витовта для содѣйствія своему союзнику Тохтамышу предпринять въ 1399 году походъ на р. Ворсклу. На этой рѣкѣ, 12 августа 1399 года, произошла кровавая битва русско-литовскихъ войскъ съ польскими вспомогательными отрядами, подъ предводительствомъ Витовта, съ одной стороны, и татарскихъ полчищъ, предводительствуемыхъ воинственнымъ Эдигеемъ, съ другой стороны. Войска Витовта послѣ упорнаго боя понесли страшное пораженіе съ потерей почти трехъ четвертей русско-литовскихъ силъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ этой битвы, Поворсклье не осталось во владѣніи татаръ, а вошло въ составъ Литовско-русскаго государства, благодаря тому обстоятельству, что занявшій эту мѣстность татарскій князь Лекса, одинъ изъ сторонниковъ Тохтамыша (по принятіи крещенія назвавшійся Александромъ и ставшій родоначальникомъ князей Глинскихъ), сталъ въ зависимыя отношенія къ Витовту, владѣя Поворскльемъ на вотчиномъ правѣ, гдѣ въ началѣ XV вѣка уже существовали Глинскъ, Глиница и Полтава. [2])

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, Ч. VII, т. I-й, стр 103

[2]) Максимовичъ, т. I-й, стр. 725. Глинскъ (Глинескъ) и Гнилица (Глиница)— поселенія и нынѣ существующія въ Зѣньковскомъ у. близъ границы Полтавской губ.

Вотъ подлинное, заключающееся въ родословныхъ книгахъ князей Глинскихъ, первое историческое свидѣтельство о Полтавѣ. [1])

На очереди теперь обслѣдованіе вопросовъ, когда именно и подъ вліяніемъ какихъ историческихъ условій основана Полтава?

Необходимо прежде всего замѣтить, что и эти вопросы самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ дѣятельностью Витовта, ярко и многосторонне выражавшаго полную движенія эпоху объединенія южнорусскихъ земель, разобщенныхъ татарскимъ погромомъ.

Мы видѣли выше, что въ Поворскльи до конца XIV вѣка въ силу географическаго положенія и характера этой мѣстности не мыслимо было существованіе города. Отмѣченное выше свидѣтельство родословныхъ книгъ князей Глинскихъ указываетъ, что въ промежутокъ времени послѣ битвы на р. Ворсклѣ (1399 г.) и до смерти Витовта (1430 г.) Полтава уже существовала. Для болѣе точнаго опредѣленія времени основанія Полтавы нѣтъ указаній въ извѣстныхъ намъ источникахъ. Еще болѣе недостаточенъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ для разрѣшенія вопросовъ, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ основана Полтава.

За отсутствіемъ фактическихъ указаній по этому вопросу мы имѣемъ возможность сдѣлать лишь допущенія, ознакомившись предварительно съ общими условіями внѣшнихъ отношеній Русско-литовскаго государства съ сосѣдними государствами. Здѣсь необходимо отмѣтить нѣсколько подробнѣе условія, при которыхъ Витовтъ пользовался распрями въ Татарской ордѣ въ интересахъ своей колонизаціонной политики. Обслѣдованіе извѣстія лѣтописи объ одномъ изъ предшествующихъ событій въ глубинѣ степей юго-восточной Европы представляется довольно характернымъ для освѣщенія занимающаго насъ вопроса. Въ ряду подробностей о походѣ русскихъ князей на Донъ въ 1111 году, лѣтопись сообщаетъ, между прочимъ, что князь Владиміръ, подступая къ городу Шаруканю распорядился, чтобы священники, ѣдучи передъ войскомъ, пѣли тропари и кондаки, при чемъ послѣдствіемъ этой мѣры было то, что жители Шаруканя вышли на встрѣчу и поклонились русскимъ князьямъ, поднесши рыбу и вино [2]).

съ Харьковскою; Глинскъ по р. Ворсклѣ, нѣсколько выше Опошни, а Гнилица близъ впаденія Груни въ р. Ворсклу. Глинскъ по р. Ворсклѣ необходимо отличать отъ Глинска по р. Сулѣ (Ромен. у.), представляющаго также древнее поселеніе.

[1]) Записки Наукового Товариства імени Шевченка; Miscelanea, стр. 10.

[2]) Лѣтопись по Ипат. сп., стр. 192.

глубину татарскихъ владѣній, а именно, послѣ похода къ подножіямъ Кавказа, въ началѣ XV вѣка. Одновременно съ основаніемъ города Черкасъ поселены были выходцы изъ кавказкихъ областей и въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской губерніи, между прочимъ, по р. Слѣпороду, откуда туземное населеніе, по показаніямъ старожиловъ, въ половинѣ XVI вѣка, переведено было въ г. Каневъ. Этимъ и объясняли упоминаемые выше люстраторы украинскихъ замковъ въ половинѣ XVI вѣка право каневскихъ мѣщанъ на уходы въ бассейнѣ средняго и нижняго теченія рѣкъ Сулы и Хорола. [1])

По отношенію къ мѣстностямъ по Ворсклѣ, особенно интереснымъ для насъ, Витовтъ также проявилъ дѣятельность вначалѣ неудачную, а затѣмъ окончившуюся полнымъ успѣхомъ. Еще въ концѣ XIV вѣка названный князь, пользуясь смутами въ татарской ордѣ, намѣтилъ планъ заселенія южно-русскихъ степей подручнымъ инородческимъ оплотомъ для защиты коренныхъ областей Литовско-русскаго государства. Для осуществленія этого Витовту пришлось принять сторону одного изъ татарскихъ хановъ, при помощи котораго литовскій князь разсчитывалъ достигнуть своихъ цѣлей. Ходъ событій того времени побудилъ Витовта для содѣйствія своему союзнику Тохтамышу предпринять въ 1399 году походъ на р. Ворсклу. На этой рѣкѣ, 12 августа 1399 года, произошла кровавая битва русско-литовскихъ войскъ съ польскими вспомогательными отрядами, подъ предводительствомъ Витовта, съ одной стороны, и татарскихъ полчищъ, предводительствуемыхъ воинственнымъ Эдигеемъ, съ другой стороны. Войска Витовта послѣ упорнаго боя понесли страшное пораженіе съ потерей почти трехъ четвертей русско-литовскихъ силъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ этой битвы, Поворсклье не осталось во владѣніи татаръ, а вошло въ составъ Литовско-русскаго государства, благодаря тому обстоятельству, что занявшій эту мѣстность татарскій князь Лекса, одинъ изъ сторонниковъ Тохтамыша (по принятіи крещенія назвавшійся Александромъ и ставшій родоначальникомъ князей Глинскихъ), сталъ въ зависимыя отношенія къ Витовту, владѣя Поворскльемъ на вотчиномъ правѣ, гдѣ въ началѣ XV вѣка уже существовали Глинскъ, Глиница и Полтава. [2])

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, Ч. VII, т. I-й, стр 103

[2]) Максимовичъ, т. I-й, стр. 725. Глинскъ (Глинескъ) и Гнилица (Глиница)— поселенія и нынѣ существующія въ Зѣньковскомъ у. близъ границы Полтавской губ.

Вотъ подлинное, заключающееся въ родословныхъ книгахъ князей Глинскихъ, первое историческое свидѣтельство о Полтавѣ.[1])

На очереди теперь обслѣдованіе вопросовъ, когда именно и подъ вліяніемъ какихъ историческихъ условій основана Полтава?

Необходимо прежде всего замѣтить, что и эти вопросы самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ дѣятельностью Витовта, ярко и многосторонне выражавшаго полную движенія эпоху объединенія южнорусскихъ земель, разобщенныхъ татарскимъ погромомъ.

Мы видѣли выше, что въ Поворскльи до конца XIV вѣка въ силу географическаго положенія и характера этой мѣстности не мыслимо было существованіе города. Отмѣченное выше свидѣтельство родословныхъ книгъ князей Глинскихъ указываетъ, что въ промежутокъ времени послѣ битвы на р. Ворсклѣ (1399 г.) и до смерти Витовта (1430 г.) Полтава уже существовала. Для болѣе точнаго опредѣленія времени основанія Полтавы нѣтъ указаній въ извѣстныхъ намъ источникахъ. Еще болѣе недостаточенъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ для разрѣшенія вопросовъ, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ основана Полтава.

За отсутствіемъ фактическихъ указаній по этому вопросу мы имѣемъ возможность сдѣлать лишь допущенія, ознакомившись предварительно съ общими условіями внѣшнихъ отношеній Русско-литовскаго государства съ сосѣдними государствами. Здѣсь необходимо отмѣтить нѣсколько подробнѣе условія, при которыхъ Витовтъ пользовался распрями въ Татарской ордѣ въ интересахъ своей колонизаціонной политики. Обслѣдованіе извѣстія лѣтописи объ одномъ изъ предшествующихъ событій въ глубинѣ степей юго-восточной Европы представляется довольно характернымъ для освѣщенія занимающаго насъ вопроса. Въ ряду подробностей о походѣ русскихъ князей на Донъ въ 1111 году, лѣтопись сообщаетъ, между прочимъ, что князь Владиміръ, подступая къ городу Шаруканю распорядился, чтобы священники, ѣдучи передъ войскомъ, пѣли тропари и кондаки, при чемъ послѣдствіемъ этой мѣры было то, что жители Шаруканя вышли на встрѣчу и поклонились русскимъ князьямъ, поднесши рыбу и вино[2]).

съ Харьковскою; Глинскъ по р. Ворсклѣ, нѣсколько выше Опошни, а Гнилица близъ впаденія Груни въ р. Ворсклу. Глинскъ по р. Ворсклѣ необходимо отличать отъ Глинска по р. Сулѣ (Ромен. у.), представляющаго также древнее поселеніе.

[1]) Записки Наукового Товариства імени Шевченка; Miscelanea, стр. 10.

[2]) Лѣтопись по Ипат. сп., стр. 192.

Это лѣтописное свидѣтельство, неоднократно отмѣчаемое въ историческихъ изслѣдованіяхъ, касающихся прямой судьбы юга нынѣшней Россіи, даетъ основаніе предполагать что въ разноплеменномъ составѣ населенія въ глубинѣ степей половецкихъ были элементы родственные русскимъ воинамъ, быть можетъ, хранившіе воспоминаніе о церемоніалѣ христіанскаго богослуженія. Весьма возможно, что вышедшія изъ Средней Азіи татарскія полчища подчинили своей власти половецкія владѣнія со всѣми племенными группами, здѣсь обитавшими, которыя остались на своихъ мѣстахъ и при татарскомъ владычествѣ. Племенная пестрота населенія сложившейся затѣмъ Золотой татарской орды могла быть однимъ изъ элементовъ распри, особенно обострившейся здѣсь въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. Отмѣченное выше появленіе въ Поворсклья татарскаго князя Лексы въ пору существованія Золото-ордынскаго царства вѣроятнѣе всего и было послѣдствіемъ неурядицъ въ Золотой ордѣ. Возможно, что этотъ князь пришелъ въ Поворсклье съ остатками какого-либо славянскаго племени, затерявшагося въ глубинѣ степей между Днѣпромъ и Волгой. Это одно соотвѣтствующее общему ходу событій на юго-востокѣ Европы допущеніе по вопросамъ когда, кѣмъ и подъ вліяніемъ какихъ историческихъ условій основана Полтава.

Иную возможность основанія Полтавы можно допускать, отправляясь отъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто на противуположномъ концѣ Литовско-русскаго государства, а именно, на территоріи Подольской земли, гдѣ дѣятельность Витовта неоднократно сталкивалась съ политикой польскаго короля Ягайла, руководимой интересами шляхетскаго строя въ государствѣ. Для выясненія нашего вопроса не представляется необходимымъ входить въ сложный комплексъ политическихъ отношеній Литвы и Польши того времени, нѣтъ надобности также останавливаться на частыхъ превратностяхъ въ судьбѣ Подольской земли въ ту эпоху, такъ какъ мы не имѣемъ прямыхъ указаній на зависимость заселенія Поворсклья отъ событій въ Подольской землѣ. Тѣмъ не менѣе для допущенія такой зависимости есть нѣкоторыя основанія. Въ прошлой судьбѣ Украины были обычны передвиженія большихъ или меньшихъ группъ населенія изъ одной области въ другую, какъ это устанавливается точными историческими изысканіями. Со второй четверти XVII вѣка, въ разгаръ козацкихъ возстаній такія передвиженія изъ Правобережной украины въ Лѣвобереж-

ную, какъ извѣстно, приняли характеръ массовыхъ переселеній. Если такой порядокъ вещей вполнѣ опредѣлился въ XVII вѣкѣ, то съ значительной долей вѣроятности можно допускать, что піонеры движенія на восточный рубежъ Литовско-русскаго государства явились задолго передъ этимъ.

Во всякомъ случаѣ, при дальнѣйшемъ историческомъ изслѣдованіи Лѣвобережной украины придется подвергнуть тщательному изслѣдованію причину того, что при сличеніи географическихъ картъ и указателей Подоліи и Полтавщины наблюдается совпаденіе весьма многихъ географическихъ терминовъ, выражающихся однозвучными именами старинныхъ поселеній, при томъ совпаденіе обнимаетъ не только основу именъ (корни), но и оттѣнки ихъ въ родовыхъ и видовыхъ окончаніяхъ. Весьма возможно, что въ совпаденіи многихъ названій старинныхъ поселеній въ Полтавщинѣ съ названіями поселеній старой Подоліи сказывается не только общность языка и быта южнорусскаго племени, но и преемственная связь въ заселеніи названныхъ областей. Подробнѣе касаться намѣченнаго довольно сложнаго вопроса въ этомъ очеркѣ мы не будемъ.

Съ юго-востока ли, или съ запада пришли прочно осѣвшіе не ранѣе начала XV вѣка насельники Поворсклья, но несомнѣнно то, что въ дѣятельности Витовта, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается рѣшеніе занимающаго насъ вопроса объ основаніи г. Полтавы. Весьма поучительная въ историческомъ смыслѣ дѣятельность Витовта закрѣпила появленіе на исторической сценѣ литовскаго элемента, явившагося организующимъ ядромъ для многочисленныхъ славянскихъ и неславянскихъ племенъ на территоріи, граничившей, по одну сторону, съ польскимъ, по другую—съ московскимъ рубежами, при чемъ дѣятельность эта представила яркое проявленіе того историческаго закона, что каждая эпоха находитъ выразителя присущихъ ей настроенія и стремленій, являющихся результатомъ данной исторической среды и внѣшнихъ на нее воздѣйствій.

Послѣ упоминанія о Полтавѣ въ родословныхъ книгахъ князей Глинскихъ изслѣдователи южнорусской исторіи довольно продолжительное время не встрѣчаютъ о ней никакихъ свѣдѣній до XVII вѣка. Существованіе этого поселенія среди «яловыхъ», пустынныхъ, полей, по всѣмъ видимостямъ, было непрочнымъ; въ силу географическаго положенія близъ татарскихъ кочевій осѣдлое населеніе въ Поворскльи,

правдоподобно, не удерживалось непрерывно, появляясь въ спокойныя времена и снова исчезая подъ натискомъ татаръ. Существенно важными для разъясненія прошлой судьбы Полтавы являются нижеслѣдующія документальныя указанія.

Актъ, относящійся къ 1681 г., заключаетъ въ себѣ свидѣтельство одного старика, «барзо подейшлого въ лѣтехъ», о томъ, что Полтава на его памяти была слободою. Это свидѣтельство получаетъ серьезный интересъ, если сопоставить его съ историческимъ документомъ о пожалованіи Полтавы польскимъ королемъ Сигизмундомъ III шляхтичу Бартоломею Обалковскому въ 1630 году. Изъ этого документа видно, что Полтава, на р. Ворсклѣ, надъ шляхомъ Муравскимъ, въ воеводствѣ Кіевскомъ, представляла въ данное время «*пустую*» слободу и со всѣми полями, лугами, грунтами, лѣсами, озерами, рѣками и инными принадлежностями отдавалась названному шляхтичу «съ правомъ основанія селъ и мѣстечекъ и держанія до воли королевской», съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что державца не имѣлъ права безъ особаго королевскаго разрѣшенія выдѣлывать поташъ въ лѣсахъ и пущахъ, производить какія-либо издѣлія изъ дерева, а также добывать селитру, соль и металлы, если бы эти послѣдніе оказались въ этой мѣстности. [1])

Очевидно, что Полтава съ окрестностями въ 1630 г. представляла безлюдную, пустопорожнюю мѣстность, въ которой села и мѣстечка только имѣли еще основываться. Любопытно, что подъ 1634 г. въ актахъ Полтава упоминается уже, какъ городъ, [2]) состоявшій въ 1641 г. во владѣніи шляхтича Калиновскаго, который осаживаетъ слободы въ окрестностяхъ. [3]) Съ этого времени Полтава не прерывала своего существованія въ качествѣ города, который при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ получаетъ значеніе центра для образовавшагося въ эту пору Полтавскаго полка, а вслѣдъ за этимъ является однимъ изъ видныхъ центровъ старой Украины, выразительно проявившимъ свою дѣятельность при столкновеніи полтавскаго полковника Мартина Пушкаря съ гетманомъ Выговскимъ.

---

[1]) Записки Наук. Товар. імени Шевченка; Miscelanea, стр. 10.

[2]) Акты Москов. госуд., I, 625. Въ эту пору его населеніе состояло преимущественно, можно думать, изъ однихъ мужчинъ, которые войною добываютъ себѣ женъ въ русскихъ городахъ.

[3]) Записки Наук. Товар. им. Шевченка; Miscelanea; стр. 10.

Имѣя, такимъ образомъ, возможность выяснить роль города Полтавы въ мѣстной исторіи со второй четверти XVII вѣка, мы не располагаемъ однако вполнѣ точнымъ матеріаломъ для отвѣта на вопросъ о времени и условіяхъ первоначальнаго основанія нашего города. Держась на исторической почвѣ, мы могли сдѣлать лишь допущенія, далеко неравносильныя фактическимъ даннымъ, хотя допущенія эти и согласуются, по нашему мнѣнію, съ общими условіями исторической дѣйствительности по мѣсту и времени.

Отмѣченныя выше предположенія наши, основанныя на данныхъ исторіи, получаютъ существенную поддержку со стороны лингвистики, сдѣлавшей, слѣдуетъ замѣтить, уже не мало разъясненій по темнымъ вопросамъ исторіи, для которыхъ время не сохранило ни документовъ, ни вещественныхъ памятниковъ.

Что же въ самомъ дѣлѣ выражаетъ слово *Полтава?* какое понятіе заключается въ немъ?

Согласно природѣ славянскихъ языковъ, слово это въ первоначальной своей формѣ представляетъ слѣдующія части: *пълт*—корень слова, выражающій его сущность; далѣе *ав*—суффиксъ, имѣющій значеніе оттѣнка въ умственномъ представленіи, связанномъ съ словомъ, и, наконецъ, *а*—окончаніе женскаго рода.

Корень *пълт*, по законамъ измѣненія звуковъ въ старославянскомъ языкѣ, даетъ образованія *пълот* и *полът*, представляющія собою равнозначущія формы. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе при разъясненіи занимающихъ насъ вопросовъ о Полтавѣ. Корень *плот* (*пълот*) въ старинномъ украинскомъ языкѣ имѣетъ вполнѣ опредѣленный смыслъ, неоднократно встрѣчаясь въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что слова, получившія прямое образованіе отъ этого корня, въ народномъ языкѣ Галиціи употребляются и въ настоящее время.

Приведемъ выдержки изъ нашихъ старинныхъ пѣсенъ. Въ общеизвѣстной колыбельной пѣснѣ поютъ ребенку: «Ходить сонъ коло вiконъ, а дрiмота—коло *плота*». Или: раненый козакъ, отправляя любимаго коня въ родной край къ своей матери и сестрамъ, говоритъ коню между прочимъ: «Як прибiжишь пiд ворота, стукни, брякни биля *плота*». Изъ приведеннаго достаточно ясно, что *плот*, *полтъ* выражаетъ тоже понятіе, что и слова: плетень, ограда.

Представляется, такимъ образомъ, достаточное основаніе заключать, что корнемъ собственнаго имени нашего города выражается представленіе объ огражденіи, защитѣ. Названіе населеннаго города «Полтавой» обозначаетъ пунктъ, стоящій на рубежѣ и ограждающій внутреннія области края. Что касается суффикса *ав*, то заключающійся въ немъ оттѣнокъ слова, какъ понятія, выражаетъ *состояніе*, въ противуположность *дѣйствію*, выражаемому найчаще суффиксами *ец*, *еск* и т. п. Придаваемый суффиксомъ «*ав*» оттѣнокъ въ названіи *Полтава* указываетъ на представленіе объ этомъ поселеніи, какъ о стоящемъ на пограничьи. Окончаніе женскаго рода въ имени нашего города имѣетъ также свой смыслъ. Роды именъ не случайность въ языкѣ, а строгая необходимость, обусловливаемая требованіями органическаго мышленія. Родъ мужескій, указывающій на то, что извѣстный предметъ въ сознаніи представляется съ мужскими свойствами, является показателемъ представленія о твердости, активности, тогда какъ женскій родъ, наоборотъ, отмѣчаетъ въ представленіи элементы мягкости, пассивности и т. д.; слово *Полтава* представляетъ, поэтому, нѣкоторымъ образомъ, обликъ женской доли того браннаго, суроваго вѣка, къ которому относится основаніе города. Инымъ и не могло быть представленіе о поселеніи, расположенномъ у самаго прибоя татарскихъ вторженій въ Лѣвобережную украину; подземные ходы или, вѣрнѣе, подземелья, обнаруживаемыя еще и теперь провалами въ чертѣ стараго города, въ свою очередь, подтверждаютъ, что условія существованія здѣсь въ старину были тяжкими.

Еще одна параллель, разъясняющая сущность занимающаго насъ вопроса. На далекомъ отъ Поворсклья краю страны, обитаемой славянскими племенами, возникъ городъ, получившій названіе Полоцка, а въ Начальной лѣтописи называемый обыкновенно *Полтескъ*. Корень слова въ этомъ названіи тотъ же, что и въ названіи нашего города [1]). Только суффиксъ *еск*, отмѣчающій активность въ представляемомъ образѣ, и окончаніе мужескаго рода отличаютъ Полт-ескъ (Полоцкъ) отъ Полт-ав-ы, въ той же мѣрѣ, какъ отлична и историческая роль названныхъ родственныхъ городовъ.

---

[1]) Названіе города могло произойти и отъ р Полоты, на которой онъ расположился. *Примѣч. ред.*

Лингвистика въ данномъ случаѣ разъясняетъ намъ то, о чемъ нѣтъ документальныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Нельзя при этомъ не вспомнить, что языкъ народа представляетъ собою очень часто столь же краснорѣчивый документъ прошлой его судьбы, какъ и памятники письменности или вещественные остатки старины; языкъ заключаетъ въ себѣ матеріалъ болѣе или менѣе точный, такъ какъ область органическаго развитія языка не знаетъ ни ошибокъ переписчиковъ, ни порчи отъ времени (если не считать искаженій словъ при произношеніи), что́, къ сожалѣнію, часто наблюдается по отношенію къ рукописнымъ и вещественнымъ памятникамъ прошлаго.

Л. Падалка.

Послѣдніе кіевскіе сотники[1]).

1760-й годъ принесъ кіевскому сотнику Павлу Гудиму крайне непріятную для него новость: не смотря на ходатайство полковой канцеляріи, объ освобожденіи его отъ похода «ради старости лѣтъ и слабости здоровья и другихъ представленныхъ резоновъ», отъ Генеральной войсковой канцеляріи послѣдовалъ на имя кіевскаго полковника Дарагана ордеръ о томъ, что сотнику кіевскому, «яко есть ему настоящая очередь въ походъ, такъ уволненія чинить ему отъ сего походу не можно».

Павелъ Гудимъ прослужилъ уже тогда въ званіи кіевскаго сотника 18 лѣтъ, но воинскими доблестями, какъ видно, не отличался; онъ больше извѣстенъ своимъ домостроительствомъ, созиданіемъ матеріальнаго своего благосостоянія, по тогдашнему времени весьма значительнаго, своимъ незаконнымъ купечествомъ, главнымъ образомъ корчемствомъ, и возникшей отсюда ожесточенной борьбой съ Кіевскимъ магистратомъ[2]).

---

[1]) Сообщаемыя въ настоящей статьѣ свѣдѣнія извлечены мною исключительно изъ архивныхъ дѣлъ. Онѣ касаются, главнымъ образомъ, двухъ послѣднихъ сотниковъ, сыновей сотника же Павла Гудима, который игралъ весьма значительную роль въ жизни Кіево-Подола въ прошломъ столѣтіи, о дѣятельности котораго я надѣюсь современемъ составить болѣе обстоятельное изслѣдованіе. Къ сожалѣнію, предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія не достаточно полны, болѣе или менѣе случайны и не заключаютъ въ себѣ всѣхъ данныхъ, необходимыхъ для біографіи названныхъ лицъ; но все же онѣ представляютъ не мало любопытныхъ подробностей для общей характеристики жизни того времени, такъ какъ характеризуемыя нами личности не выдѣлялись изъ массы своихъ современниковъ.

[2]) Объ этой борьбѣ сообщено мною очень много документовъ въ «Истор. матер. изъ архива Кіев. губ. правл.», а на основаніи этихъ документовъ написана статья: «Кіевскія смуты средины прошлаго столѣтія», въ декабрской книжкѣ «Кіев. Стар.» за 1886 г.

Неизвѣстно, какъ и почему Павелъ Гудимъ, «изъ дѣда и прадѣда» кіевскій мѣщанинъ, попалъ съ 1743 г. въ кіевскіе сотники. Правда, записаться въ козаки было не трудно, а владѣніе козачьимъ дворомъ предполагало и обязанность нести козачью службу. Должность сотника была выборною, а потому и надо предполагать, что назначенію Павла Гудима, тогда магистратскаго чиновника, въ сотники предшествовало избраніе, хотя бы чисто формальное. Принадлежа къ зажиточной фамиліи, многіе члены которой занимали различные магистратскіе уряды и пользовались шляхетскимъ правомъ, онъ легко могъ, конечно, получить такое избраніе, сойдясь съ сотенной старшиной, довольствовавшейся весьма скромнымъ имущественнымъ положеніемъ.

Дѣдъ Павла Гудима — кіево-подольскій мѣщанинъ Петръ Левковичъ — былъ уже, какъ видно, человѣкъ зажиточный, а отецъ увеличилъ наслѣдственное состояніе [1]). Родной братъ Павла Гудима Ѳеодоръ былъ священникомъ Ильинской церкви. Женился Павелъ на дочери кіевскаго мѣщанина Евстафія Михайловича, по всей вѣроятности, грека по происхожденію [2]). Уже ставши сотникомъ, онъ купилъ себѣ новый дворъ [3]) и сталъ широко развивать свое домостроительство.

---

[1]) См. ст. г. Лучицкаго «Кіевъ въ 1766 г.» въ «Кіев. Стар.» за 1888 г., т. XX. Петръ Левковичъ пріобрѣлъ въ 1666 г. у своего задолжавшагося собрата «пляцъ Охрѣмовскій, тутъ же въ мѣстѣ Кіевскомъ надъ берегомъ р. Днѣпра лежачій, зъ будынкомъ: избою, сѣнцами, свѣтлицею, комнатою, сѣнникомъ и лазнею». Потомки его прикупили въ 1728 г. плацъ, лежавшій подлѣ указаннаго двора, по улицѣ, идущей вдоль берега къ Ильинской церкви, и мѣсто дворовое по Мостовой большой улицѣ».

[2]) Этотъ Евстафій Михайловичъ, райца Кіев. магистрата, былъ сынъ Михаила Николаевича Грека; но этой послѣдней фамиліей ни онъ, ни дѣти его уже не писались, замѣнивъ ее фамиліей именной «Михайленка»; надо думать, что встрѣчающаяся въ документахъ фамилія «Грекъ» была ихъ прозвищемъ, такъ сказать, по національности. Михаилъ Николаевичъ Грекъ въ 1692 г. купилъ у козачки вдовы Солонихи и зятя ея козака Дичкевича хуторъ въ Куреневщинѣ, и этотъ хуторъ по наслѣдству достался Феклѣ Евстафіевой, на которой женился Павелъ Гудимъ, а отъ нея уже перешелъ къ меньшому сыну ея Ивану.

[3]) Въ рукахъ моихъ имѣлась купчая, 1745 г. апрѣля 1-го, писанная сотеннымъ кіев. писаремъ Стефаномъ Смирнымъ, на дворъ, который продала Гудиму вдова іерея Іоанна, викарія Успенской Соборной церкви, дворъ «въ приходѣ св. Пророка Илія въ сумежствѣ зъ дворомъ пляцужъ вольного пана сотника кіевскаго Павла Гудима, а с тилу двора протопопа Сарочинскаго Горковского угломъ на улицу, идучую отъ

Какъ Кіевскій магистратъ относился къ такому превращенію своего мѣщанина въ козацкаго сотника и чѣмъ его объяснялъ, это видно, между прочимъ, хотя бы изъ слѣдующаго документа. Жалуясь на незаконное записываніе мѣщанъ въ козаки, магистратъ въ 1753 г. въ своемъ доношеніи отъ 23 августа въ Кіевскую губернскую канцелярію писалъ: «сотникъ Павелъ Гудимъ, кіевскаго мѣщанина и райци магистрата Кіевскаго Ивана Петрова сынъ, кой прежде и самъ кіевскимъ мѣщаниномъ и при магистратѣ инстигаторомъ и лавникомъ бывше и, кромѣ той одной при магистратѣ Кіевскомъ имѣвшейся службы, болѣе никакихъ заслугъ не имѣя, *снискалъ себѣ сотництво ради одного подступнихъ мѣсту шинковъ горѣлчанихъ произвожденія,* якіе въ жиломъ своемъ и въ другихъ нарочно для того устроенныхъ домѣхъ безъ всякого зазору и опасенія производитъ; сверхъ же того и въ крамномъ ряду между мѣщанами въ лавкѣ, въ отмѣнность всемилостивѣйшимъ жалованнымъ грамотамъ, коими ратнымъ людемъ въ Нижнемъ городѣ Кіевѣ торговать не велѣно, разными товарами торги отправляетъ» [1]). Въ роли сотника Павелъ Гудимъ былъ ярый Кіевскаго магистрата «недоброхотъ» и впродолженіе всей своей жизни велъ многочисленныя дѣла противъ мѣстнаго мѣщанства и въ Кіев. губ. канц. и въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Эта вражда привела его, между прочимъ, и къ весьма позорному наказанію, которому онъ былъ подвергнутъ въ январѣ м-цѣ 1749 года: за излишнюю развязность въ разговорѣ съ магистратскими урядниками, за «непристойныя слова», произнесенныя имъ некстати, онъ, по распоряженію тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, былъ битъ батогами на гауптвахтѣ. Кіевскій генералъ-губернаторъ Леонтьевъ въ письмѣ своемъ къ графу Разумовскому, которому жаловался Гу-

---

Рождественской башни мимо церковь Ильинскую, тако жъ угломъ на улицу, идучую отъ Днѣпра къ монастырю Братскому». Проданъ этотъ дворъ за 36 рублей россійскою монетою.

[1]) См. «Ист. мат. изъ арх. Кіев. губ. правл.», вып. I, стр. 190. «Подступный мѣсту», т. е. въ подрывъ городу, потому что только городъ могъ имѣть свои шинки; но Павелъ Гудимъ, ссылаясь на права козаковъ въ Малороссіи на свободную продажу питей, игнорировалъ привилегіи города Кіева, его магистрата, и широко пользовался «шинковъ горѣлчаныхъ произвожденіемъ», т. е. корчемствомъ. Это право города нарушали также, кромѣ козачества и другія сословія: духовенство, дворянство и даже военное сословіе, съ которыми городъ велъ нескончаемыя тяжбы.

димъ, даетъ весьма обстоятельную и рѣзкую характеристику этого безспокойнаго сотника [1]). А Леонтьевъ хорошо зналъ Павла Гудима не только какъ мѣстнаго козацкаго сотника, безцеремонно нарушавшаго интересы и права магистрата и мѣщанства, но и какъ своего сосѣда по имѣнію: Гудиму принадлежало с. Нещерово, находившееся вблизи м. Обухова, которымъ владѣли, какъ ранговымъ, кіевскіе генералъ-губернаторы пополамъ съ оберъ-камендантами.

У Павла Гудима было три сына, изъ которыхъ въ описываемое время старшій Михаилъ и младшій Григорій жили при немъ, а средній Иванъ служилъ въ Глуховѣ въ Генеральной войсковой канцеляріи. Михаилъ и Иванъ и были послѣдовательно одинъ послѣ другого кіевскими сотниками; ихъ-то и касаются предлагаемыя ниже факты.

I. Михаилъ Гудимъ (1760—1772 г.).—Не успѣвши избавиться отъ предстоящаго похода, сотникъ Павелъ Гудимъ порѣшилъ совсѣмъ отказаться отъ службы и заявилъ объ этомъ сотенной старшинѣ 18-го февраля 1760 г., при чемъ, конечно, не скрылъ своего желанія, чтобы въ сотники выбранъ былъ одинъ изъ сыновей его. Не трудно было оформить эти выборы въ бѣдной Кіевской сотнѣ, состоявшей изъ небольшаго числа «маломощныхъ» козаковъ. Такого рода наслѣдственность сотницкаго уряда, переходъ его отъ отца къ сыну, не была какою-либо новостью: и раньше въ Кіевской сотнѣ этотъ урядъ занимали (до Павла Гудима) сначала Еремей Жила, а затѣмъ сынъ его Петръ.

Сотенная старшина представила въ полковую канцелярію «покорнѣйшое доношеніе», которымъ, весьма лестно аттестуя своего «командира», заявляла отъ имени всѣхъ козаковъ сотни, что де «не иного кого себѣ командиромъ имѣть согласно желаемъ, какъ только зъ двохъ сыновъ его г. сотника, о которыхъ постоянства всѣ мы вѣстими». А 7-го марта и самъ Михаилъ Гудимъ, тогда «полку Кіевского

---

[1]) См. приложенія № I и II. «Дѣло», изъ котораго заимствованы прилагаемые документы, относится къ тому времени, когда гр. Разумовскій, ставши гетманомъ, возбудилъ ходатайство о подчиненіи ему г. Кіева, «такъ чтобы и тамошній губернаторъ до него не интересовался».

значковый товарищъ,» подалъ на имя гетмана доношеніе, которымъ заявлялъ, что де отецъ его «въ такой находится старости и крайней слабости здоровья своего, что не токмо на лошадѣ, но ниже пѣшо въ походѣ дѣйствовать не можетъ, и ежели ему въ сей заграничный походъ выступить, то безъ сумнѣнія не можетъ онъ провести своей команды въ повелѣнное мѣсто», а потому де и подалъ онъ въ отставку; козаки же сотни Кіевской избрали его, Михаила, «по добровольному и единогласному желанію», въ сотники; онъ же, Михаилъ Гудимъ, «послѣдуя предкамъ своимъ, началъ служить уже въ числѣ значковыхъ полку Кіевскаго товарищей и поручаеміе отъ Кіев. полк. канц. коммиссіи и другія дѣла исправлялъ вѣрно, радѣтельно и безпорочно», а потому, пишетъ онъ,—«рабски прошу, съ високого своего милосердія, пожаловать мене на мѣсто отца моего въ Кіевскую сотню сотникомъ». Михаилу Гудиму въ описываемое время было 26 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ старшій сынъ сотника и, не проходя довольно обычной въ его положеніи канцелярской службы при полковой или Генеральной канцеляріи, только лишь теперь, передъ самымъ избраніемъ его въ сотники, зачисленъ былъ въ службу, какъ значковый товарищъ. Являясь ближайшимъ помощникомъ отца въ веденіи довольно обширнаго хозяйства, онъ нерѣдко проживалъ въ принадлежавшемъ отцу помѣстьи, въ пограничномъ селѣ Нещеровѣ. Здѣсь, между прочимъ, будучи еще 18-тилѣтнимъ юношей, онъ совершилъ проступокъ, который подалъ поводъ къ непріязненному столкновенію высшихъ властей,—кіевскаго генералъ-губернатора М. И. Леонтьева съ гетманомъ Разумовскимъ.

Дѣло было въ 1752 году. Жители польскаго села Макеевки, двое мущинъ и сестра одного изъ нихъ, возвращаясь изъ Кіева, остановились въ шинкѣ, находившемся вблизи с. Нещерова и принадлежавшемъ сотнику Павлу Гудиму. Въ это же время пріѣхали въ шинокъ сынъ сотника Михаилъ и нещеровскій дьячекъ Барабашенко. По всей вѣроятности, упомянутая женщина приглянулась сыну сотника: когда она вышла раньше своихъ спутниковъ и уже сѣла въ свои сани, нещеровскіе ловеласы схватили ее и, пересадивъ въ свои сани, помчались съ нею въ сотничій дворъ, при чемъ отъ выскочившихъ на крикъ женщины спутниковъ ея отбились нагайками. И дьякъ и сынъ сотника успѣли совершить гнусное насиліе надъ женщиной, пока спутники ея прибыли во дворъ. Здѣсь этихъ спутниковъ они избили

«нещадно» при содѣйствіи дворовой прислуги, одному вышибли даже глазъ и выгнали со двора. На этотъ то наглый поступокъ и подана была потерпѣвшими жалоба генералъ-губернатору. Надо замѣтить, что другая половина села Нещерова принадлежала, какъ помѣстье «на рангъ», кіевскимъ генералъ-губернаторамъ [1]), которые и посылали туда обыкновенно съ разными хозяйственными порученіями кого-либо изъ офицеровъ кіевскаго гарнизона, облекая ихъ и нѣкоторою полицейскою властію. Съ этими офицерами происходили нерѣдко у сотника Гудима непріязненныя сосѣдскія столкновенія.

Генералъ-губернаторъ, получившій упомянутую жалобу, немедленно предписалъ поручику Куровлеву арестовать Михаила Гудима и дьяка Барабашенка и доставить ихъ въ Кіевъ въ ген.-губ. канцелярію. Но поручикъ потерпѣлъ, при исполненіи этого предписанія, рѣшительную неудачу; рапортъ его, живо изображая происшедшее столкновеніе, указываетъ, между прочимъ, на существовавшія враждебныя отношенія семейства Гудима вообще къ власти генералъ-губернатора: Гудимы не признавали себя подчиненными этой власти.

Когда поручикъ явился съ солдатомъ и козакомъ въ сотничій дворъ и объявилъ о цѣли своего пріѣзда, то «сотничка и поповичъ Ильинской [2]) закричали мужикамъ: не давайте; почему оступило мужиковъ человѣкъ съ 20 и сотниченка отняли, а меня, доноситъ поручикъ, и солдата и козака въ груди потолкали, при чемъ кричала сотничка, что мы де генерала не слушаемъ, у насъ де есть свой командиръ, а онъ де не въ свое дѣло вступается, и давно де ему отъ насъ отказано, что до насъ дѣла нѣтъ, а когда де на насъ какая вина, искали бъ де по командѣ, и все де онъ то чинитъ по злобѣ; и при томъ же еще оная сотничка говорила съ поповичемъ, что де вы пріѣзжаете разбоемъ; на что я говорилъ: я не разбойникъ, но офицеръ и исполняю по указу; почему помянутой же поповичъ сказалъ мнѣ: я де такой же офицеръ, какъ и ты». Въ концѣ концовъ поручикъ долженъ былъ ретироваться со двора, такъ какъ сотникова сына не выдали, а дьячекъ успѣлъ перейти за границу въ польское село Копачевъ.

---

[1]) См. «Кіев. Стар.» за мартъ 1892 г. «Переписка кіев. ген.-губ. Леонтьева по поводу назначенія ему жалованья».

[2]) По всей вѣроятности, племянникъ Павла Гудима, т. е. сынъ роднаго его брата Федора, священника Ильинской церкви.

Но по этому же дѣлу въ защиту потерпѣвшихъ и вообще съ жалобой на Гудимовъ явился въ Кіевъ лично и «подстолій добринскій Станиславъ Микульскій». Леонтьевъ препроводилъ всѣ эти жалобы, вмѣстѣ съ копіей рапорта пор. Куровлева, при своемъ письмѣ, къ гр. Разумовскому. Въ заключеніе этого письма находимъ строки, указывающія на отношенія, какія сложились въ это время по поводу сотника Гудима между ген.-губ. Леонтьевымъ и гетм. Разумовскимъ: «не соизволите помнить,—пишетъ генералъ-губернаторъ,—что яко бы оное *за ссору* происходитъ проискомъ моимъ, но истинно ниже въ мысли моей таковъ случай находился, о чемъ и мимо меня Ваше Графское Сіятельство заподлинно увѣриться соизволите». Натянутость отношеній сказалась и въ отвѣтѣ гр. Разумовскаго, который, сообщая, что полученная имъ жалоба отправлена «по командѣ» въ полковую Кіевскую канцелярію, куда и должны обратиться потерпѣвшіе лично или прислать повѣреннаго для полученія «сатисфакціи», писалъ: «а понеже таковъ сыскъ подъ карауломъ оныхъ малороссіянъ команды моей безъ вѣдома моего слѣдуетъ къ обидѣ моей, къ томужъ что по одной точію жалобѣ и опредѣлили Ваше Высокопревосходительство забирать оныхъ отвѣтчиковъ подъ карауломъ, и сіе зъ правами утвержденными (и т. д.) не сходно, ибо никто прежде изслѣдованія и доказательства изъ осѣдлыхъ людей подъ карауломъ не сискуется, а та ихъ жалоба есть судное дѣло; того ради, желалъ бы я отъ Вашего Высокопревосходительства, чтобъ въ принадлежащіе до моей команды дѣла болѣе вступать и такихъ сисковъ чинить не приказовали».

Избраніе Михаила Гудима въ сотники совершилось въ тотъ годъ, когда въ Кіевѣ не было генералъ-губернатора и губернскими дѣлами управлялъ оберъ-комендантъ генералъ-маіоръ В. И. Лопухинъ.

Утвержденный гетманомъ въ званіи сотника, Михаилъ Гудимъ въ мартѣ мѣсяцѣ того же 1760 г. принесъ на новый свой чинъ присягу въ Глуховѣ, а 9-го апрѣля уже проявилъ свою военную дѣятельность въ томъ же родѣ, какъ проявлялъ ее и отецъ его, противъ кіевскаго мѣщанства: 10-го апрѣля въ магистратъ поступило доношеніе лавниковъ В. Ризенка и Гр. Балабухи «о наѣздѣ апрѣля 9-го, ввечеру, новонаставленнымъ здѣшнимъ сотникомъ Михайломъ Гудимомъ зъ многолюдствомъ на ихъ хутора и приключенныхъ въ Ризенковомъ двомъ человѣкамъ побояхъ и разстановленіи имъ же,

сотникомъ, нарочно къ недопущенію въ тѣ хутора никого на улицѣ бывшей при немъ команды со обнаженними саблями при ружьи». Оказалось, что это сотникъ свидѣтельствовалъ количество винокуренныхъ котловъ въ хуторахъ кіевскихъ мѣщанъ, согласно ордеру гетмана, ограничивавшему винокуреніе мѣщанъ.

Такъ какъ жалоба магистрата въ полковую канцелярію на незаконныя дѣйствія сотника осталась безъ послѣдствій, то магистратъ съ тою же жалобой обратился къ гетману, объясняя, что въ данномъ случаѣ сотникъ своими «непорядочными поступки» причинилъ обиду самому магистрату, безъ вѣдома котораго приступилъ къ освидѣтельствованію котловъ и только на другой день письменно обратился по этому дѣлу въ магистратъ. Полковая же канцелярія несправедливо отказала въ жалобѣ на сотника, «явно наровля оному сотнику, на магистратъ же Кіевскій крайне посягая, и то все втуне безъ всякаго дѣйствія оставила, чимъ оному сотнику къ дальшимъ его таковымъ непорядочнымъ поступкамъ найвящшій еще подала поводъ». И эта жалоба, обращенная къ гетману, осталась безъ всякихъ послѣдствій.

Въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ Гудимъ былъ командированъ съ Кіевскою сотнею подъ начальствомъ прилуцкаго полковника Гр. Галагана, въ числѣ двухтысячной малороссійской команды, въ Пруссію. Но видно и онъ, какъ отецъ его, предпочиталъ мирныя занятія безспокойствамъ походной жизни и уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, получивъ отъ фельдмаршала гр. Салтыкова пашпортъ, пріѣхалъ домой и оставался здѣсь почти годъ. Въ слѣдующемъ 1761 году, въ сентябрѣ, онъ былъ вновь командированъ въ походъ на границу Польши, противъ Бѣлоцерковскаго староства, съ двумя сотнями козаковъ. Но это была въ сущности командировка домой, такъ какъ въ названныхъ мѣстахъ находилось и с. Нещерово, гдѣ двѣ сотни козаковъ скоро нашли, конечно, приложеніе своихъ силъ на поляхъ сотника.

Въ своихъ отношеніяхъ къ магистрату Кіевскому Михаилъ Гудимъ слѣдовалъ примѣру своего отца. Жалуясь на причиняемыя вообще козаками обиды мѣщанамъ, магистратъ въ доношеніи своемъ гетману Разумовскому, отъ 28-го марта 1763 г., заявлялъ, что козаки «явно и беззазорно шинкуютъ, чему всему найвящшимъ поводомъ и допущеніемъ состоятъ здѣшніе сотникъ Михаилъ Гудимъ и сотенная старшина», открыто производящіе въ домахъ своихъ продажу водки[1]).

[1]) Ист. мат. изъ архива Кіев. губ. правл., вып. 7, стр. 200.

Какъ и отецъ его, Михаилъ Гудимъ принималъ кіевскихъ жителей въ козаки безъ вѣдома магистрата и вопреки запрещенію Малороссійской коллегіи. Жалуясь на это въ 1768 г., магистратъ представилъ списокъ изъ 16 лицъ, незаконно зачисленныхъ въ козаки [1]).

Подобно отцу своему, Михаилъ Гудимъ успѣвалъ уклоняться отъ суда и слѣдствія, когда возникали противъ него жалобы, и настойчиво защищалъ себя отъ всякой подсудности Кіевской губернской канцеляріи.

Въ 1766 г. какой-то «шляхтичъ волоской націи» Иваница Желескулъ пожаловался въ Кіев. губ. канц. на Михаила Гудима, который присвоилъ себѣ его борзую собаку, а когда онъ, Желескулъ, явился къ нему съ сержантомъ требовать отдачи этой собаки, то Гудимъ бранилъ ихъ непотребными словами и ударилъ по щекѣ. Гудимъ отказался явиться къ разбирательству этого дѣла въ губернскую канцелярію, послѣдняя обратилась въ Малороссійскую коллегію съ просьбой предписать сотнику, чтобы явился, но получила отвѣтъ, что де сотникъ суду губ. канцеляріи не подлежитъ, а истецъ можетъ обратиться съ своей жалобой на сотника въ Кіевскій городской судъ. Желескулъ въ слѣдующемъ году по тому же дѣлу обратился къ генералъ-губернатору, который вновь, съ своей стороны, писалъ въ Малорос. коллегію, чтобы предписала сотнику явиться въ Кіев. губ. канцелярію или же прислала отъ себя кого-либо для слѣдствія; но еще два года прошло, и ничего отъ «малороссійской команды» не добились. При такомъ уклоненіи отъ суда, возникавшія многочисленныя жалобы противъ сотника оставались обыкновенно безъ всякихъ послѣдствій. Если и случалось, что «малороссійская команда» назначала особыхъ слѣдователей по такимъ жалобамъ, то дѣло затягивалось переписками, а то и сами слѣдователи и депутаты уклонялись отъ исполненія возлагаемаго на нихъ порученія. Такъ, въ 1764 г., когда, по жалобамъ магистрата, назначена была коммиссія, депутатомъ въ нее отправленъ былъ Григорій Иваненко, который и прибылъ было 27-го іюля въ Кіевъ, но здѣсь въ коммиссіи заявилъ, что де участвовать въ производствѣ слѣдствія надъ сотникомъ онъ не можетъ, такъ какъ Михаилъ Гудимъ ему свойственникъ: жены ихъ братьевъ—родныя сестры, дочери переяславскаго полковаго судьи Лисеневича. Выз-

---

[1]) Ibid., вып. 9, стр. 196, 203.

ванный тогда же въ качествѣ «малороссійскаго депутата» въ туже коммиссію нѣжинскій полковой писарь Яковъ Почека, прибывъ 18-го октября, тоже заявилъ, что онъ свойственникъ сотнику Гудиму, а потому участвовать въ разбирательствѣ не будетъ. Оказывается, что Почека съ сотникомъ находились «въ сватовствѣ»: сотникъ женатъ былъ на дочери мѣщанина Степана Андреева (Дмитровича), а родная тетка ея Анна, дочь кіевскаго мѣщанина Григорія Бѣлявскаго, была замужемъ за племянникомъ Почеки, сыномъ родной сестры его, нѣжинскимъ священникомъ Яковомъ Бѣлявскимъ.

Михаилъ Гудимъ принималъ живое участіе въ борьбѣ войта Ивана Сычевскаго съ магистратомъ, когда этотъ послѣдній былъ подчиненъ «командѣ» гетмана, и во время возникшихъ въ 1763 г. безпорядковъ игралъ выдающуюся роль, арестовавъ большинство урядниковъ магистрата [1]).

Въ началѣ 1772 года Михаилъ Гудимъ оставилъ сотническій урядъ, который тогда же предоставленъ былъ его брату Ивану, и въ званіи бунчуковаго товарища состоялъ земскимъ коммиссаромъ въ Кіевскомъ полку.

Сынъ его *Степанъ* въ 1778 г. поступилъ во 2-й фузилерный полкъ сержантомъ, и по этому поводу возникъ вопросъ о «шляхетствѣ» Гудима. На обращенный объ этомъ въ полковую Кіевскую канцелярію запросъ былъ полученъ отвѣтъ, что «сержантъ Степанъ Гудимъ, будучи изъ дѣда и отца породы чиновничей и состоя въ службѣ, долженъ почитаться въ числѣ здѣшняго шляхетства». Относительно же имущественнаго положенія полковая канцелярія, по всей вѣроятности, въ виду нераздѣленности между наслѣдниками имѣнія Павла Гудима, дала такую справку: «во владѣніи жъ дѣда сержанта Гудима, умершого осаула полкового Гудима, по послѣдней 1764 году ревизіи, состоитъ *подданныхъ малороссіянъ* полку Кіевскаго, сотни Кіевской, на той сторонѣ р. Днѣпра, въ селѣ Нещеревѣ и въ слободкѣ Гудимовкѣ дворовъ 40, въ онихъ тожъ и бездворнихъ хатъ 65, а мужеска полу душъ 206».

У Михаила Гудима былъ собственный дворъ въ с. Плоскомъ, въ которомъ находилась самая обширная, сравнительно съ другими сосѣдскими, винокурня о 6 котлахъ, выкуривавшая 1200 ведеръ водки

---

[1]) «Кіев. Стар.» за 1891 г., №№ 6—7: «Войтовство Ивана Сычевскаго»

въ годъ [1]). Въ 1772 г., когда производилась подкоморіемъ Солониной ревизія винокурень и шинковъ въ с. Плоскомъ, Михаилъ Гудимъ далъ объ этомъ своемъ дворѣ сказку, что пріобрѣлъ онъ его лѣтъ 15 тому назадъ, купивъ у вдовы войск. тов. Богдановичевой [2]).

II. Иванъ Гудимъ.—Иванъ Гудимъ началъ свою служебную дѣятельность въ 1759 г. канцеляристомъ въ Генер. войск. канцеляріи, гдѣ и оставался по 1765 годъ. Эта служба въ центральномъ малороссійскомъ правленіи, надѣливъ его опытностію въ дѣлахъ, много содѣйствовала интересамъ его отца и брата, помогая имъ въ тѣхъ многочисленныхъ «дѣлахъ», какія приходилось имъ вести по административнымъ и судебнымъ мѣстамъ.

Оставивъ службу, Иванъ Гудимъ поселился у отца и являлся повсюду его повѣреннымъ, а въ 1767 году лично велъ дѣло его въ Правител. Сенатѣ по взысканію денегъ съ нѣкоего Жураковскаго [3]).

Назначенный въ 1772 году кіевскимъ сотникомъ (онъ получилъ этотъ урядъ такимъ же путемъ, какъ и братъ его), Иванъ Гудимъ сразу же проявилъ свой безпокойный нравъ и очень скоро подрался съ однимъ изъ старѣйшихъ сотенныхъ старшинъ, ближайшимъ своимъ помощникомъ, атаманомъ Петромъ Комарницкимъ. Это дѣло поссорило его и съ ближайшимъ начальствомъ, съ Кіевскою полковою канцеляріей.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1772 г. онъ донесъ въ полковую канцелярію, что, со времени назначенія его сотникомъ, атаманъ Комарницкій уклонялся отъ присутствія въ сотенномъ правленіи, а 29-го августа, явившись, по требованію его, «вступилъ съ нимъ, сотникомъ, при зерцалѣ въ споръ и дѣлалъ многократныя выговорки, сказуя ему: не разумѣешь де указовъ и не знаешь, какъ съ подкомандними поступать»; когда же сотникъ хотѣлъ его арестовать, то онъ схватилъ зерцало и ударилъ имъ сотника по рукѣ; сотникъ его все таки арестовалъ и, въ предупрежденіе побѣга его за границу, велѣлъ приковать за ногу и содержать до резолюціи подъ карауломъ.

Атаманъ же Комарницкій, въ свою очередь, доноситъ, что де сотникъ Гудимъ, «назвавши его, атамана, с......ъ сыномъ, шельмою

[1]) «Кіев. Стар.» за 1888 г., т. XX, стр. 12—13: «Кіевъ въ 1766 году». Н. Лучицкаго.
[2]) Ист. мат. изъ архива Кіев. губ. правл., вып. 7, стр. 226.
[3]) См. приложеніе № III.

и другими бранными рѣчми, ударилъ его за присутственнимъ столомъ предъ зерцаломъ первѣе въ едну, а потомъ и въ другую щоку; а какъ онъ, атаманъ, хватился за зерцало, видя, что нѣчѣмъ себя въ такомъ азартномъ поступкѣ и небываломъ случаѣ защитить, протестовалъ будучимъ при томъ сотенному писару и броварскимъ козакамъ и призвалъ къ защищенію себе высочайшее Е. И. В. имя, то онъ, сотникъ, схватилъ его еще и за волоса и изъ-за самого жъ присутственного стола съ держащимъ въ рукѣ его зерцаломъ, волоча чрезъ всю канцелярію, своими руками въ сѣни вытолкалъ и, оборвавъ тамо саблю, велѣлъ заковать ланцугомъ за ногу».

Полковая канцелярія, получивъ эти доношенія, немедленно послала въ Кіевъ значковаго товарища Григорія Демьяновича съ предписаніемъ ему вступить въ Кіевское сотенное правленіе, а сотника Гудима и атамана Комарницкаго выслать въ полковую канцелярію. Но Гудимъ въ это время былъ занятъ заготовленіемъ 150 подводъ подъ уполномоченныхъ русскихъ пословъ, а затѣмъ 12-го декабря прислалъ рапортъ, что де онъ, въ силу раньше полученнаго имъ отпуска на 29 дней, ѣздилъ въ г. Ахтырку и, возвращаясь оттуда, въ г. Хоролѣ заболѣлъ, такъ что не могъ даже дать знать о себѣ. Только лишь въ январѣ явились въ Козелецъ Гудимъ и Комарницкій. Слѣдствіе не было еще и начато, а Гудимъ заявилъ, что де болѣзнь его отца требуетъ немедленнаго его прибытія въ домъ, и, не получивъ разрѣшенія, не выслушавъ опредѣленія полковой канцеляріи, рѣшившей задержать его насильно, выѣхалъ въ Кіевъ. Предъ отъѣздомъ онъ послалъ письменное заявленіе, что такъ какъ «обозный Борсукъ и хорунжій Шумъ—явніе ему недоброхоты и знаютъ, что онъ на нихъ намѣреваетъ о причиненныхъ ему обидахъ и о протчемъ взнесть иски», а потому онъ и проситъ устранить ихъ отъ производства надъ нимъ слѣдствія. Въ то же время полковая канцелярія узнала, что Гудимъ ложно доносилъ о своей болѣзни, такъ какъ находился тогда, какъ оказывается, въ Полтавѣ, гдѣ взыскивалъ по векселямъ тысячу рублей съ нѣкоего полк. есаула Буджинскаго. Донося «о таковыхъ дерзостнихъ его, Гудима, противозаконнихъ поступкахъ», полковая канцелярія просила отъ Малорос. коллегіи указа о строжайшемъ слѣдствіи надъ сотникомъ. Малорос. коллегія препроводила всю переписку по этому дѣлу въ Переяславскую канцелярію, предписавъ ей произвести такое слѣдствіе и, вызвавъ Гудима и Комарницкаго, прежде всего подвергнуть

Гудима аресту «за своевольную отлучку и ослушность предъ Кіевскою полковою канцеляріей и содержать на хлѣбѣ и водѣ чрезъ недѣлю». Такое наказаніе и было исполнено, о чемъ записано и въ послужной списокъ сотника.

18-го марта въ Переяслав. полк. канц. Гудимъ далъ обширное письменное объясненіе, въ которомъ, не отрицая самого факта ручной расправы своей съ атаманомъ, всячески обвинялъ Комарницкаго, не желавшаго якобы подчиняться законнымъ требованіямъ сотника. Оказывается, что и писарь сотенный Голикъ ослушался сотника, отказавшись, по его требованію, арестовать Комарницкаго, почему сотникъ, ради поддержанія среди козаковъ строгой дисциплины, и долженъ былъ собственноручно тащить атамана подъ караулъ.

Наклонность къ кулачной расправѣ и вообще безпокойный нравъ сотника сказались и во многихъ другихъ случаяхъ, какъ видно изъ нѣсколькихъ «дѣлъ», которыя производились въ Кіев. губ. канцеляріи. Съ характеромъ этихъ дѣлъ можетъ достаточно ознакомить хотя бы и одно нижеслѣдующее. По наряду Кіевской полковой канцеляріи, сотникъ Иванъ Гудимъ производилъ съ 6 по 29 іюля 1776 г. починку моста на р. Стугнѣ, называемаго Гудимовскимъ. Мостъ этотъ находился вблизи слободы, принадлежавшей Гудимамъ. Осмотрѣть эту работу и принять оставшееся отъ починки моста дерево поручено было оберъ-комендантомъ Ельчаниновымъ прапорщику Евстафію Сороколѣтову, который находился «у смотрѣнія» въ м. Обуховѣ владѣній (ранговыхъ) гр. Румянцева. Донося объ исполненіи этого порученія, Сороколѣтовъ писалъ, что Гудимъ большое количество строительнаго матеріала присвоилъ себѣ и перевезъ въ с. Нещерово; когда же онъ, Сороколѣтовъ, явился къ нему для освидѣтельствованія этого матеріала, то подвергся жестокой брани и даже угрозамъ: «я де тебя высѣку плетьми», кричалъ сотникъ, приказывая козакамъ арестовать прапорщика, который вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Сороколѣтовъ заявлялъ при этомъ, что Гудимъ беретъ съ проѣзжающихъ по мосту изъ Кіева въ Обуховъ на ярмарку мужиковъ по 5 и по 10 к. въ свою пользу. Сообщая объ этомъ «озорническомъ поступкѣ» сотника въ Малорос. коллегію, Ельчаниновъ требовалъ учрежденія надъ нимъ военнаго суда (согласно указу отъ 20 декабря 1768 г. о судимости козаковъ).

Малорос. коллегія предписала полковой Кіевской канцеляріи «изслѣдовать при депутатѣ и то слѣдствіе представить въ коллегію« Ельчаниновъ же на предложеніе прислать, съ своей стороны, депутата въ Козелецъ отвѣтилъ, что де высылать всѣхъ къ тому слѣдствію свидѣтелей въ Козелецъ, «въ излишнюю имъ волокиту и нанесеніе напрасныхъ проѣстей и убытковъ, будетъ не безъобидно», и просилъ произвести слѣдствіе въ Кіевѣ, съ чѣмъ и согласилась Малорос. коллегія. Была назначена слѣдственная коммиссія изъ полк. обознаго Ивана Солонины, есаула Федора Шума и депутата отъ кіев. гарнизона; но чѣмъ покончили они это дѣло—неизвѣстно.

Изъ имѣющихся же въ дѣлѣ двухъ «покорнѣйшихъ доношеній» Гудима къ Ельчанинову видно, что онъ большой былъ мастеръ писать ябеды; объясняя перевозку въ свой дворъ строительнаго матеріала желаніемъ сохранить его отъ порчи и расхищенія, онъ набрасываетъ тѣнь на «смотрѣніе» Сороколѣтова въ м. Обуховѣ, обвиняетъ его въ пьянствѣ, корчемствѣ, во взяткахъ и разнообразныхъ притѣсненіяхъ жителей.

Иванъ Гудимъ былъ крайне безпокойный сосѣдъ и, подобно отцу своему, ставши сотникомъ, постоянно «упирался» въ чужія сосѣдскія владѣнія, оттягивая у нихъ разные земельные участки. Изъза этого велись безконечные споры у него съ Кіево-Печерскою лаврою, которой принадлежали сосѣднія земли. Въ 1777 году крестьяне лаврскіе с. Безрадичей въ три пріема сожгли у Гудима сѣно и «перегатили стрижень» пограничной рѣки Стугны. Сдѣлано это было, какъ заявлялъ Гудимъ, жалуясь въ Козелецкомъ земскомъ судѣ, «по наущенію безрадицкаго прикащика К.-Печерской лавры». Высланные іеромонахомъ люди испортили пограничные знаки, что́ и побудило Гудима жаловаться въ Кіевскій гродскій судъ. Но лаврскіе повѣренные не хотѣли судиться съ нимъ въ этомъ судѣ и перенесли дѣло въ судъ подкоморскій. Назначенъ былъ разбирать это дѣло подкоморій суда Козелецкаго Солонина; однако Гудимъ устранилъ его, предъявивши къ нему «зазреніе». Еще въ 1769 г. этотъ же Солонина выѣзжалъ на разграниченіе смежныхъ съ с. Нещеровымъ грунтовъ, принадлежавшихъ къ ранговому имѣнію кіевскихъ генералъ-губернаторовъ м. Обухову и имѣнію К.-Софійскаго монастыря м. Триполю. Такъ какъ при этомъ разграниченіи Солонина не вызывалъ Гудима-отца, тогда владѣвшаго с. Нещеровымъ, и нещеровскій конецъ

«безправочно въ своемъ приговорѣ поименовалъ безрадицкимъ» и тѣмъ подань поводъ лаврѣ «упираться» въ нещеровскіе грунта, то Иванъ Гудимъ, признавая Солонину «зазрительнымъ», просилъ устранить его теперь отъ дѣла. А такъ такъ и Солонина, въ свою очередь, жаловался на оказанныя ему Гудимомъ «грубости», то Малороссійская коллегія и поручила это дѣло прилуцкому подкоморію Григорію Горленку. Но по этому дѣлу со стороны Гудима не было «хожденія», и оно такъ ничѣмъ и не кончилось на этотъ разъ; позже Гудимъ возобновилъ его, именно, въ 1779 г., находясь тогда въ должности кіевскаго коммиссара.

Иванъ Гудимъ былъ уже послѣднимъ кіевскимъ сотникомъ. Съ открытіемъ въ Кіевѣ намѣстничества въ 1782 году и со введеніемъ новыхъ губернскихъ учрежденій онъ, въ чинѣ бунчуковаго товарища, опредѣленъ былъ гр. Румянцевымъ въ должность кіевскаго уѣзднаго казначея. Какъ человѣкъ «шляхетскаго достоинства» и владѣлецъ населеннаго имѣнія, онъ принималъ участіе въ дворянскихъ выборахъ и въ 1789 г., въ чинѣ коллежскаго асессора, является уже въ роли предводителя дворянства Кіевскаго уѣзда[1]).

Нѣсколько дѣлъ позднѣйшаго времени, найденныхъ мною въ архивѣ, свидѣтельствуютъ, что и въ новыхъ званіяхъ Иванъ Гудимъ проявлялъ все тотъ же безпокойный нравъ и постоянно съ кѣмъ-нибудь судился.

Въ 1783 г. онъ велъ въ Кіевскомъ уѣздномъ судѣ спорное о сѣнокосахъ дѣло съ Кіево-Печерскою лаврою и въ одной изъ бумагъ своихъ, поданныхъ въ судъ, употребилъ «многія ругательства и термины дотклывые». Повѣренный лавры принесъ по этому поводу жалобу на самый судъ, который якобы «угождалъ всячески истцу», и намѣстническое правленіе нашло дѣйствительно въ этомъ дѣлѣ «безпорядокъ и упущеніе» и предписало возвратить Гудиму названную бумагу, приказавъ ему «всѣ поносительные лаврѣ и непринадлежащіе къ дѣлу выраженія изъ оной выбросить», а за принятіе такой не-

---

[1]) Въ рукахъ моихъ было «оповѣщеніе», отъ 30-го апрѣля 1789 г., которымъ созывалъ онъ на 1-ое сентября дворянъ своего уѣзда на губернское собраніе «для выслушанія сочиняемой во ономъ родословной книги». Какъ въ заголовкѣ, такъ и въ подписи, находимъ здѣсь уже его двойную фамилію: «Гудимъ-Левковичъ». Въ числѣ же другихъ подписавшихъ эту повѣстку дворянъ фигурируетъ и «дворянинъ Федоръ Гудимъ-Левко».

приличной бумаги наложило на уѣздный судъ въ полномъ его составѣ штрафъ въ 500 рублей [1]).

Въ 1787 году Иванъ Гудимъ, тогда уже коллежскій ассесоръ, бывши въ канцеляріи магистрата, обругалъ мѣщанина Тиркова и ударилъ его по щекѣ. Возникшее по этому поводу дѣло прошло чрезъ управу благочинія, нижній и верхній земскіе суды и закончилось въ уголовной палатѣ, которая, утвердивъ приговоръ верх. зем. суда объ уплатѣ Гудимомъ 22 р. 85 к. въ пользу Тиркова (вдвое противъ взносимаго этимъ послѣднимъ въ казну ежегоднаго налога), потребовала отъ Гудима, похвалявшагося еще разъ побить Тиркова, подписки, что въ другой разъ онъ «чинить побоевъ» не будетъ.

Подобно отцу своему, Иванъ Гудимъ часто жаловался на побѣги отъ него крестьянъ за границу [2]). Такъ и въ 1783 г., когда вообще побѣги участились, и намѣстническое правленіе изыскивало противъ этого общія мѣры [3]), Иванъ Гудимъ заявилъ, что у него изъ с. Нещерова и слободы Гудимовки, начиная съ декабря мѣсяца 1782 г., бѣжало 30 душъ, благодаря «слабому смотрѣнію форпостныхъ командъ». Желая отправить въ Польшу своихъ нарочныхъ для розыска бѣглецовъ, «въ чьихъ и какихъ именно селеніяхъ оные укрываются», и для «доправки» должныхъ ему денегъ, Гудимъ просилъ намѣстническое правленіе «опредѣлить рейтарской команды одного человѣка изъ солдатъ» для препровожденія этихъ нарочныхъ, «о имѣніи жъ впредь на пограничныхъ форпостахъ въ поимкѣ бѣглецовъ лучшей предосторожности, кому слѣдуетъ, притвердить»; такъ закончилъ свое прошеніе Гудимъ и этимъ возбудилъ неудовольствіе намѣстническаго правленія, которое, отказавъ ему въ содѣйствіи, опредѣлило: «а о имѣніи на форпостахъ строгаго и самоприлежнѣйшаго смотрѣнія, дабы никто заграницу тайнымъ образомъ прокрадываться и побѣговъ чинить не могъ, о томъ и безъ напоминанія просителя отъ сего правленія подтвержденіе чинится».

Округляя свои земельныя владѣнія, Иванъ Гудимъ «вступалъ» въ принадлежавшія къ м. Обухову земли, перешедшія, послѣ открытія Кіевскаго намѣстничества, въ казенное вѣдомство. Въ 90-хъ годахъ

---

[1]) Судьей былъ тогда Мигай, засѣдателями—Шишкинъ и Леонтовичъ, секретаремъ—Корсунъ.

[2]) См. приложеніе № IV.

[3]) См. «Истор. мат. изъ архива Кіев. губ. правл.», вып. 2, гл. XII.

по поводу этихъ захватовъ велось дѣло, доходившее до Правител. Сената, указомъ котораго оставлены были за Гудимомъ лѣса и луга, принадлежавшіе къ м. Обухову. Но исполненіе этого указа въ 1796 г. вызвало жалобы жителей мѣстечка и новое затѣмъ дѣло, такъ какъ нижній земскій судъ отвелъ Гудиму не только луга и лѣса, но и засѣянныя хлѣбомъ поля обуховцевъ, что̀ и опротестовано было уѣзднымъ стряпчимъ [1]).

Жители казенной половины м. Обухова въ январѣ 1797 г. обратились по этому дѣлу съ прошеніемъ къ графу И. П. Салтыкову, приложивъ свидѣтельство о томъ, что захваченныя Гудимомъ земли ему никогда не принадлежали, и жалуясь при этомъ, что «оной Гудимъ наши скота всегда забиваетъ и людей изъ ружья подстрѣляетъ и дручьемъ до смерти побилъ».

Иванъ Гудимъ женатъ былъ на дочери переяславскаго полковаго судьи Константина Лѣсеневича Пелагеѣ и имѣлъ одного сына Максима. Сынъ этотъ учился въ Кіевской академіи и затѣмъ, «по изобученіи латинскаго и французскаго языковъ, также арихметики, рисовалной науки и до межеванія касающейся геометріи», началъ службу въ 1779 г. при бывшемъ кіевскомъ коммиссарствѣ, т. е., подъ начальствомъ отца своего, продолжалъ ее въ Малороссійской коллегіи, и, наконецъ, по распоряженію гр. Румянцева опредѣленъ былъ въ званіи коллежскаго канцеляриста въ Кіевское уѣздное казначейство [2]), куда отецъ его былъ назначенъ тогда же казначеемъ. Въ концѣ 1783 г., «желая искать военной регулярной службы», онъ просилъ намѣстническое правленіе выдать ему аттестатъ о службѣ, при чемъ представилъ таковой же, выданный ему отцемъ.

Иванъ Гудимъ, какъ видно, получилъ одинъ отъ отца всѣ земельныя владѣнія его, такъ какъ уже въ 1776 году онъ является единственнымъ ихъ владѣльцемъ безъ участія брата Михаила; по вѣдомости этого года за нимъ однимъ значится «подданныхъ мужеска полу душъ людей сто пятьдесятъ въ с. Нещеровѣ и слободкѣ Гудимовкѣ». Кромѣ того, какъ видно это изъ вѣдомости 1782 г. о кіев-

---

[1]) См. приложеніе V.

[2]) Всѣ эти службы, по всей вѣроятности, были лишь номинальныя: и въ коммиссарство, и въ коллегію онъ поступаетъ наканунѣ ихъ закрытія и, надо думать, онъ только *записывался* въ эти учрежденія, что̀ было тогда въ обычаѣ у лицъ привилегированныхъ.

скихъ хуторахъ[1]), онъ владѣлъ и на Куреневкѣ хуторомъ, который достался ему отъ матери. Въ хуторѣ этомъ было двѣ избы, два амбара, четыре сарая, погребъ, прудъ и на немъ мельница, винокурня, въ которую «изъ дѣланныхъ колодцевъ саженей за 70 проведена подземными трубами вода». Въ окружности всего хутора земли мѣрою 1200 аршинъ и окладу въ годъ взималось въ магистратъ по три рубля.

А. Андріевскій.

---

[1]) См. «Историч. матер. изъ архива Кіев. губ. правл.», вып. 3-й, стр. 67.

По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала [1].

Весною текущаго года Кіевское акцизное управленіе, по распоряженію министерства финансовъ, приступило къ постройкѣ зданія для оптоваго виннаго склада; съ этою цѣлью управленіе пріобрѣло усадьбу г. Рокачевскаго, лежащую на Кудрявцѣ, между Обсерваторнымъ и Подвальнымъ переулками, и приступило къ планировкѣ площади усадьбы. На площади этой вдоль Подвальнаго переулка находился отрѣзокъ вала, состоявшій изъ двухъ прямыхъ линій, соединявшихся подъ тупымъ угломъ; валъ этотъ былъ снесенъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ одной изъ кіевскихъ газетъ [2]) появилась обширная статья за подписью г. Т. Кибальчича, упрекавшая акцизное управленіе въ варварскомъ уничтоженіи послѣдняго, остававшагося еще нетронутымъ, отрѣзка Ярославова вала и сѣтовавшая о потерѣ для науки драгоцѣнныхъ, незамѣнимыхъ предметовъ древности, которые могли бы обогатить какъ мѣстный музей, такъ и Императорскій эрмитажъ. Статья эта произвела тревогу среди ученыхъ обществъ, дорожащихъ интересами русской исторической науки. По поводу сообщаемыхъ ею извѣстій Императорская археологическая коммиссія обратилась съ заявленіемъ въ министерство финансовъ, г. предсѣдатель Императорскаго Московскаго археологическаго общества выразилъ недоумѣніе, почему мѣстныя ученыя общества не приняли зависѣвшихъ отъ нихъ мѣръ для сохраненія цѣнныхъ памятниковъ старины, даже мѣстный историческій журналъ [3]) помѣстилъ, безъ повѣрки фактовъ и критики

---

[1]) Настоящій докладъ былъ уже напечатанъ въ газетѣ «Кіев. Слово», въ №№ 2798, 2806 и 2807; здѣсь же онъ печатается въ виду нѣкоторыхъ дополненій. *Примѣч. ред.*

[2]) «Жизнь и Искусство» №№ 215, 220, 236 и 250.

[3]) «Кіевская Старина», за октябрь -въ отдѣлѣ «Мелкія извѣстія».

воззрѣній, главныя положенія статьи г. Кибальчича. Исключительно въ виду тревоги, возбужденной сенсаціонною статьею, я позволю себѣ представить вниманію Общества лѣтописца Нестора разборъ этой статьи.

Статья г. Кибальчича распадается на двѣ части: историческую и археологическую; разсмотримъ каждую изъ нихъ по-очереди.

I.—Въ исторической части своей статьи авторъ желаетъ доказать, что валъ, находившійся въ усадьбѣ г. Рокачевскаго, былъ частью вала, насыпаннаго по распоряженію вел. кн. Ярослава; съ этою цѣлью онъ желаетъ представить очеркъ исторіи урочища «Кудрявца». Въ началѣ этого очерка авторъ высказываетъ предположеніе, довольно странное при настоящемъ состояніи исторической науки, будто на Кудрявцѣ было городище, въ которомъ «преданіе, переданное намъ лѣтописцемъ, поселило трехъ братьевъ, основателей Кіева: Кія, Щека и Хорива»; такъ какъ мы привыкли смотрѣть на кіевскую легенду о трехъ братьяхъ, какъ на обыкновенную легенду объ эпонимныхъ мнимыхъ основателяхъ городовъ, то и убѣждены, что названные три брата не обитали въ городищѣ на Кудрявцѣ, по той простой причинѣ, что они не существовали. «Въ болѣе позднее время, продолжаетъ г. Кибальчичъ, въ усадьбѣ этой находился сѣверный уголъ (бастіонъ) крѣпостнаго вала, извѣстнаго по историческимъ даннымъ подъ наименованіемъ Ярославова вала». Для того, чтобы доказать это положеніе, авторъ приводитъ множество цитатъ, заимствованныхъ изъ «Сборника матеріаловъ для исторической топографіи Кіева», изданнаго Кіевскою археографическою коммиссіею. Цитаты эти сообщаютъ свѣдѣнія о кіевскихъ урочищахъ: Боричевѣ и Дорогожичахъ, передаютъ извѣстія о значеніи Кіева и о количествѣ бывшихъ въ немъ церквей по Дитмару Мерзебурскому и Адаму Бременскому; далѣе слѣдуютъ разсказы о низверженіи Перуна, о пожарахъ, бывшихъ въ Кіевѣ, о разореніи Кіева въ 1171, 1203 и 1240 годахъ и т. д.; но во всѣхъ этихъ цитатахъ нѣтъ ни слова ни о Кудрявцѣ, ни о мѣстѣ нахожденія Ярославова вала, такъ что онѣ являются лишь ненужнымъ баластомъ, маскирующимъ отсутствіе положительныхъ фактовъ. Единственная цитата, имѣющая связь съ Ярославовымъ валомъ—это выписка изъ Густынской лѣтописи: «Заложи Ярославъ Кіевъ городъ большій и осыпа и валомъ великимъ и созда въ немъ церковь прекрасную св. Софіи и при ней двѣ вежи позлащенныя... созда-же и

врата каменныя, въ нихъ-же двери златыя постави, на вратѣхъ-же церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы». Этотъ лѣтописный текстъ удостовѣряетъ лишь въ томъ, что вел. кн. Ярославъ соорудилъ вокругъ Кіева валы и построилъ Золотыя ворота; но онъ не даетъ никакихъ свѣдѣній ни о контурѣ этихъ валовъ, ни о Кудрявцѣ, ни о сѣверномъ «бастіонѣ». Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ сочиненія Закревскаго [1]), безъ ссылки, впрочемъ, на это сочиненіе; изъ выписокъ этихъ мы узнаемъ, что въ литовское время «Гедыминъ и Ольгердъ обезопасили Кіевъ отъ частыхъ набѣговъ татаръ, возстановивъ только самонужнѣйшія укрѣпленія Ярославова вала»; во время-же польскаго господства «князь Янушъ Радзивиллъ, гетманъ литовскій, старался старокіевскіе валы привести въ нѣкоторое оборонительное состояніе» Мы искренно сожалѣемъ, что, рѣшившись дѣлать выписки изъ сочиненія Закревскаго, г. Кибальчичъ не остановилъ своего вниманія на точныхъ научныхъ данныхъ, которыми изобилуетъ эта книга, и выбралъ мѣста, исполненныя историческихъ ошибокъ. Ни Гедыминъ, ни Ольгердъ не возводили никакихъ укрѣпленій въ Кіевѣ, потому что не княжили въ этомъ городѣ. Завоеваніе Кіева Гедыминомъ въ 1321 году—не болѣе какъ историческое недоразумѣніе; Ольгердъ-же, овладѣвъ Кіевомъ въ 1362 году, немедленно отдалъ его въ удѣлъ своему сыну Владиміру и никогда въ немъ не распоряжался; о возведеніи этими князьями укрѣпленій въ Кіевѣ не говоритъ ни слова ни одинъ изъ источниковъ. Да и зачѣмъ было-бы этимъ князьямъ возводить укрѣпленія для защиты города «отъ частыхъ набѣговъ татаръ», когда татары во все время княженія Гедымина и Ольгерда (1316—1377) ни разу не нападали на Кіевскую землю; это было время, когда Золотая Орда разлагалась и, обуреваемая внутренними смутами, не могла предпринимать отдаленныхъ походовъ, Крымское-же ханство еще не сложилось; опасность отъ набѣговъ крымцевъ стала угрожать Кіевской Руси только со времени хана Эдиги (1416). Во время литовскаго господства дѣйствительно были возведены укрѣпленія: былъ построенъ замокъ на горѣ Киселевкѣ, точное описаніе котораго (въ половинѣ XVI ст.) было нѣсколько разъ напечатано. Относительно фортификацій гетмана Радзивилла—это также ошибка, которую излишне было повторять. Изъ показаній современниковъ

---

[1]) Описаніе Кіева, т. I, стр. 430.

(Ерлича и Освѣцима) мы знаемъ, что Радзивиллъ занялъ Кіевъ 5-го августа 1651 года и 11 сентября того-же года уже подошелъ къ Бѣлой-Церкви для соединенія съ польскою арміею. Онъ занималъ городъ въ теченіе мѣсяца, размѣстивъ свой лагерь у св. Софіи и усиливъ гарнизонъ Печерской крѣпости; но о возведеніи имъ фортификацій источники не говорятъ ни слова; мало того, онъ не только не имѣлъ времени для этого, но не имѣлъ и права. Кіевская крѣпость находилась въ районѣ, подвѣдомственномъ коронному гетману, и литовскій гетманъ не имѣлъ права распоряжаться въ военномъ районѣ, ему не подвѣдомственномъ. Такимъ образомъ, всѣ цитаты, приведенныя г. Кибальчичемъ, или излишни или ошибочны и ни однимъ словомъ не намекаютъ на существованіе Ярославова вала на Кудрявцѣ. На это отсутствіе указаній въ источникахъ относительно контура Ярославова вала наткнулись раньше г. Кибальчича и Максимовичъ и Закревскій; оба почтенные ученые пытались нанести на планъ валъ вел. кн. Ярослава, но при этомъ могли пользоваться лишь весьма недостаточнымъ матеріаломъ: текстомъ лѣтописи о защитѣ Кіева въ 1151 г. и мѣстоположеніемъ древнихъ городскихъ воротъ. Въ повѣствованіи лѣтописи о событіяхъ 1151 года разсказано о томъ, какъ вел. кн. Изяславъ Мстиславичъ, желая защитить Кіевъ отъ Юрія Долгорукаго, размѣстилъ отряды своихъ союзниковъ вокругъ кіевскихъ укрѣпленій; но, къ несчастью, почти всѣ названія урочищъ, указанныхъ въ лѣтописномъ текстѣ, не сохранились, и потому не могутъ служить въ настоящее время для опредѣленія топографическаго положенія древняго Ярославова вала; остаются названія кіевскихъ воротъ, какъ единственныя данныя, указывающія на периферію древняго вала: *Золотыя* ворота, сохранившіяся по-нынѣ, *Жидовскія* ворота, названныя впослѣдствіи Львовскими, находившіяся на нынѣшней Львовской площади, и *Лядскія*, лежавшія при началѣ нынѣшней Софійской улицы. По этимъ тремъ точкамъ Максимовичъ и Закревскій начертили гипотетическую линію Ярославова вала; на обоихъ планахъ сѣвернымъ предѣломъ предполагаемаго вала служатъ Львовскія ворота, и Кудрявецъ находится внѣ его черты. Не встрѣтивъ подтвержденія для своего положенія ни въ цитируемыхъ текстахъ, ни въ трудахъ предшественниковъ, г. Кибальчичъ приводитъ въ пользу его лишь личныя стратегическія соображенія о важности Кудрявца въ фортификаціонномъ отношеніи; по его мнѣнію, важность

эта заключалась въ томъ, что Кудрявецъ былъ неприступенъ со «стороны долины Глубочицы, по которой издревле пролегала дорога изъ Бѣлгорода и Галиціи на Подоліе», что здѣсь былъ «какъ-бы передовой фортъ укрѣпленнаго Стараго Кіева, откуда удобнѣе, чѣмъ съ другого какого-либо пункта, можно было распоряжаться имѣющимися войсками при защитѣ не только укрѣпленнаго города, но и другихъ, открывавшихся оттуда въ широкомъ кругозорѣ горизонта мѣстностей, заселенныхъ издревле, а также предупреждать населеніе о появленіи непріятеля съ той или другой стороны огромной долины Глубочицы, Заднѣпровья и другихъ отдаленныхъ мѣстъ». Мы не знаемъ, на сколько эти соображенія покажутся убѣдительными спеціалистамъ военнаго дѣла, но полагаемъ, что такого рода догадки можно высказать о любомъ взгоріи праваго берега Днѣпра, начиная отъ Межигорья и до Екатеринослава; историческіе-же мотивы этихъ соображеній совершенно произвольны: вел. кн. Ярославу незачѣмъ было оберегать дорогу «въ Бѣлгородъ и Галицію», потому что Бѣлгородъ былъ ближайшимъ укрѣпленнымъ пригородомъ Кіевской земли, а Галиція (называвшаяся тогда Червенскою землею—городъ Галичъ упоминается въ лѣтописи въ первый разъ въ 1140 г.) была присоединена вел. кн. Ярославомъ къ его владѣніямъ, составляла провинцію его собственнаго государства, и оттуда нельзя было ожидать пришествія никакого врага. Однако, вышеприведенныя общія стратегическія соображенія г. Кибальчичъ считаетъ вполнѣ достаточными для того, чтобы утверждать съ полною увѣренностью, что разсматриваемый имъ валъ «несомнѣнно относится ко времени вел. кн. Ярослава» и что онъ составлялъ «сѣверный бастіонъ» сооруженныхъ имъ укрѣпленій вокругъ Стараго Кіева; валъ этотъ авторъ называетъ «бастіономъ» много разъ на всемъ протяженіи статьи. Но названіе «бастіонъ» имѣетъ въ фортификаціонномъ искусствѣ точно опредѣленное значеніе, которое не можетъ быть примѣняемо къ любому отрѣзку вала. Бастіономъ (Bolwerk) называется обнесенное валомъ пятиугольное пространство, примыкающее одною стороною къ периферіи кругового вала крѣпости (куртина); четыре остальныя стороны расположены такъ, что двѣ переднія (фасы) назначены для обстрѣливанія перекрестнымъ огнемъ пространства, лежащаго передъ крѣпостью, двѣ заднія (фланги) обстрѣливаютъ также перекрестно пространство у подножія куртины. Въ средневѣковомъ фортификаціонномъ искусствѣ бастіоны были неизвѣстны и

городскія стѣны прерывались лишь по мѣстамъ башнями. Только послѣ изобрѣтенія пороха, когда артиллерія стала примѣняться къ защитѣ крѣпостей, явилась необходимость примѣнить контуры укрѣпленій къ дѣйствію артиллеріи,—тогда стали замѣнять башни полукруглыми выступами валовъ (Рондель) и, совершенствуя послѣдніе, послѣ продолжительныхъ трудовъ и опытовъ, военные инженеры итальянскіе, французскіе и голландскіе выработали наконецъ форму бастіона, и только въ XVI столѣтіи стали бастіонами защищать укрѣпленія. Такимъ образомъ, примѣняя названіе бастіона къ разсматриваемому имъ валу, авторъ называетъ ошибочно бастіономъ отрывочный обрѣзокъ вала и, приписывая постройку бастіона вел. кн. Ярославу, допускаетъ анахронизмъ въ 500 л. Къ этимъ даннымъ мы позволимъ себѣ прибавить еще одно соображеніе, основанное на самой формѣ вала. Наблюдая всѣ городища, оставшіяся въ нашемъ краѣ отъ княжескаго періода нашей исторіи и не подвергавшіяся передѣлкѣ въ послѣдующее время (Вышгородъ, Пересѣчень, Городескъ, Неятинъ, Витичевъ, Бакожинъ и друг.), мы въ очертаніи ихъ замѣчаемъ слѣдующіе характеристическіе признаки: a) нѣтъ ни прямолинейныхъ валовъ, ни угловъ; валы слѣдують по контуру избранной возвышенности, представляя кривизны, выпуклыя или вогнутыя; b) передъ линіею валовъ нѣтъ передовыхъ фортовъ; c) при желаніи усилить укрѣпленія, достигали этого, прибавляя къ наружному валу внутри его концентрическія параллельныя линіи; этихъ параллелей бывало иногда 4, 5 даже 8 (Пересѣчень, Бакожинъ Пироговъ, Вышгородъ). Ни одной изъ перечисленныхъ характеристическихъ чертъ не представляетъ данный валъ, приписываемый вел. кн. Ярославу.

Для того, чтобы дать себѣ отчетъ о времени происхожденія разсматриваемаго вала, мы должны обратиться къ исторіи кіевскихъ фортификацій въ позднѣйшее время: въ 1679 году, вслѣдствіе тревоги, возбужденной въ краѣ взятіемъ турками Чигирина и Канева, ожидали прихода большой турецкой арміи къ Кіеву; тогда царь Ѳедоръ Алексѣевичъ послалъ въ Кіевъ значительныя военныя силы подъ начальствомъ воеводы Петра Васильевича Шереметева и гетмана Ивана Самойловича [1]); начальники эти принялись возводить городскія укрѣпленія: «въ порожнованію часу не тратячи, войска московскіе верхній

[1]) Синопсисъ, стр. 15—161. Лѣтопись Самуила Величка, т. II, стр 476.

городъ Кіевъ, идѣ же церковь св. Софіи... глубокими ровами и высокими валами обведоша и умоцниша». Укрѣпленія эти, начатыя Шереметевымъ въ 1679 году, были совершенно готовы въ 1682 г.; тогда и было составлено ихъ описаніе, для доклада царю; эта «Роспись городу Кіеву» была нѣсколько разъ напечатана; по ея тексту и по плану г. Кіева 1695 года, изданному Кіевскою археографическою коммиссіею, мы можемъ себѣ составить вполнѣ отчетливое понятіе о кіевскихъ укрѣпленіяхъ второй половины XVII столѣтія. Валы этихъ укрѣпленій, построенные по новому плану, покрыли собою прежніе валы Ярослава и изгладили ихъ тамъ, гдѣ они для новой фортификаціи оказались ненужными. Шереметевскіе валы были налицо до половины текущаго столѣтія, когда, вслѣдствіе прокладки новыхъ улицъ и постройки на нихъ частныхъ домовъ, они были снесены. Валы эти очень точно сняты на планѣ Берлинскаго (1820 г.). Но ни въ росписи г. Кіеву, ни на планѣ коммиссіи вовсе не упоминается объ укрѣпленіи Кудрявца, и сѣверная черта городскихъ укрѣпленій попрежнему оканчивается у Львовскихъ воротъ. Валы на Кудрявцѣ, въ томъ числѣ и мнимый Ярославовъ валъ въ усадьбѣ акцизнаго управленія, появляются только на планѣ Берлинскаго, гдѣ они опредѣлены такъ: «Ретраншаменты и редуты Миниховскіе около всего города» [1]). Дѣйствительно, намъ извѣстно, что Минихъ во время турецкой войны устроилъ въ Кіевѣ главный складъ боевыхъ запасовъ и провіанта для арміи, дѣйствовавшей противъ Очакова и Крыма, и нашелъ необходимымъ раздвинуть тѣсныя укрѣпленія Стараго Кіева. Въ 1736 году «въ Кіевѣ крѣпостныя работы производились ежедневно и въ декабрѣ оставались неукрѣпленными только нѣкоторые отдаленные монастыри» [2]). Минихъ повысилъ прежніе воеводскіе валы и засыпалъ Золотыя ворота; сверхъ того, съ одной стороны, линія его ретраншаментовъ соединила Старогородскую крѣпость съ Печер-

---

[1]) Послѣ напечатанія этого реферата проф. В. З. Завитневичъ опубликовалъ («Кіев. Слово» № 2826) планъ кіевскихъ укрѣпленій, составленный въ 1745 году и хранящійся въ музеѣ Кіевской духовной академіи; на планѣ этомъ обозначены подробно Миниховскіе «ретранжементы», а въ томъ числѣ и тотъ ихъ отрѣзокъ, который выдается за Ярославовъ валъ. Пользуясь обязательнымъ разрѣшеніемъ проф. Завитневича, мы воспроизводимъ изданный имъ планъ, при чемъ отрѣзокъ, находившійся въ усадьбѣ министерства финансовъ, мы отмѣтили пробѣломъ подъ буквой А.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи. т. XX, стр. 101.

Генеральной планъ ... кой крѣпости также
верхняго Кіева под ... съ лежащею ситуацiею
и прiоньемъ ретраншементовъ и протчаго
строения сочиненъ въ 1745 году

скою и съ другой, охватила Кудрявецъ. Линіи эти весьма точно нанесены Берлинскимъ на его планѣ Кіева, и показаніе Берлинскаго о ихъ происхожденіи заслуживаетъ полнаго довѣрія, такъ какъ онъ составлялъ свой планъ 80 лѣтъ спустя послѣ сооруженія валовъ Минихомъ, былъ современникомъ второго поколѣнія кіевлянъ, присутствовавшихъ при насыпкѣ валовъ Минихомъ и сохранившихъ объ этомъ еще свѣжее воспоминаніе.

Такимъ образомъ валъ, приписываемый г. Кибальчичемъ вел. кн. Ярославу, по сличеніи историческихъ свидѣтельствъ и плановъ, есть не что иное, какъ одинъ изъ ретраншаментовъ Миниха [1]).

II.—Перейдемъ теперь къ археологической части статьи г. Кибальчича.

Въ части статьи, посвященной археологіи, авторъ сначала указываетъ на памятники старины, находившіеся въ усадьбѣ акцизнаго управленія, потомъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ предметовъ древности, найденныхъ при свозкѣ земли. Къ числу первыхъ онъ относитъ: до-историческое городище, будто-бы прикрытое Ярославовымъ валомъ, яму съ бараньими рогами, яму, наполненную че-

---

[1]) Послѣ прочтенія реферата, В. И Щербина указалъ на валъ, обозначенный на планѣ 1695 года за чертою городскихъ укрѣпленій и высказалъ о немъ свое мнѣніе, которое подробнѣе развилъ въ «Кіевской Старинѣ» (Ноябрь—Документы и замѣтки, стр. 56–58). В. И. Щербина дѣлаетъ предположеніе, что обозначенный на планѣ валъ можно считать остаткомъ замка, принадлежавшаго католическому бискупу и находившагося на Кудрявцѣ; я вполнѣ согласенъ съ этимъ предположеніемъ, только думаю, что валъ, изображенный на планѣ 1695 года трудно отождествить съ валомъ, бывшимъ въ усадьбѣ Рокачевскаго, конечно, на сколько можно судить по плану 1695 года, составленному à vol d'oiseau, безъ маштаба; причины моего сомнѣнія заключаются въ слѣдующемъ: валъ, существовавшій въ 1695 г., представляетъ фигуру неполнаго квадрата съ 2 прямыми углами; валъ же въ усадьбѣ Рокачевскаго имѣлъ видъ двухъ прямыхъ линій, пересѣкавшихся подъ тупымъ угломъ; первый валъ лежалъ къ юго-западу отъ Львовскихъ (Ивановскихъ) воротъ, второй—къ сѣверу; второй валъ находился въ разстояніи не болѣе 100—120 сажень отъ воротъ по прямой линіи, первый же—на болѣе значительномъ разстояніи, такъ что, накладывая его начертаніе на современный планъ Кіева, какъ кажется, пришлось-бы его искать въ мѣстности за зданіемъ астрономической обсерваторіи. Впрочемъ, всѣ эти сомнѣнія только гадательны, такъ какъ они основаны исключительно на чертежѣ, не представляющемъ возможности точныхъ помѣрокъ; и увѣренъ что многоуважаемый сочленъ нашего Общества согласится, что сомнѣнія эти до нѣкоторой степени возможны; во всякомъ случаѣ, если высказанное имъ предположеніе окажется болѣе убѣдительнымъ, то, конечно, лица, заинтересованныя древностями Кіева, должны быть благодарны автору за установленіе топографіи «бискупіаго замка», мѣстоположеніе котораго по-нынѣ гадательно.

ловѣческими костями, нѣсколько отдѣльныхъ гробницъ, заключавшихъ скелеты, и глубокую яму, названную рабочими пещерою.

Принимая Миниховскій ретраншаментъ за «бастіонъ» Ярославова вала, г. Кибальчичъ полагаетъ, что бастіонъ этотъ покрылъ собою бывшее на томъ мѣстѣ до-историческое городище. Предположеніе это авторъ основываетъ на томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ при расширеніи Подвальнаго переулка, прилегавшаго къ валу, найдено было нѣсколько каменныхъ орудій, костей, черепковъ грубой работы и т. п., а также на томъ, что въ основаніи вала замѣчена была тонкая полоса черной земли, отдѣлявшая поверхность древняго городища отъ позднѣйшаго Ярославова сооруженія. На основаніи этихъ данныхъ, г. Кибальчичъ утверждаетъ настойчиво, что въ данномъ мѣстѣ было до-историческое городище, хотя колеблется, къ какому времени его слѣдуетъ отнести: упоминаніе о каменныхъ орудіяхъ какъ будто намекаетъ на возникновеніе городища въ каменномъ вѣкѣ, но потомъ г. Кибальчичъ высказываетъ предположеніе, что это городище «быть можетъ, древній птоломеевъ Азагоріумъ..., въ которомъ жили славяне, вытѣсненные изъ дунайскихъ странъ какими-то волохами и разсѣявшіеся по Россіи и Польшѣ, подъ разными наименованіями». Изъ нихъ, конечно, въ Кіевѣ слѣдуетъ искать, по словамъ лѣтописи, полянъ. Но затѣмъ, въ продолженіи статьи, авторъ заявляетъ, что «случайно открытое городище мы позволяемъ себѣ назвать скиѳскимъ, принадлежащимъ скиѳамъ-земледѣльцамъ, жившимъ, какъ извѣстно, на берегахъ Борисѳена»; по мнѣнію автора, поселеніе ихъ на Кудрявцѣ объясняется какъ неприступностью мѣста, такъ и богатствомъ черноземной почвы, обиліемъ заливныхъ луговъ и лѣсовъ съ пушными звѣрями, обиліемъ воды и рыбы и умѣреннымъ климатомъ.—Прослойка культурной полосы земли въ насыпи вала, конечно, свидѣтельствуетъ о томъ, что валъ насыпанъ въ два пріема въ различное время; такую прослойку замѣтилъ Максимовичъ въ отрѣзкѣ вала надъ Боричевымъ [1]), хотя и не относилъ нижняго вала къ до-исторической эпохѣ; но въ данномъ случаѣ прослойка не была точно констатирована: г. Кибальчичъ не указываетъ ни ея горизонта (сказано вскользь—«основаніе»), ни протяженія; точно также прослойка эта не была констатирована и другими лицами,

---

¹) Максимовичъ, «Обозрѣніе Стараго Кіева». Полн. собр соч., т. II, стр. 120

наблюдавшими разрѣзъ вала [1]). Показаніе о прослойкѣ, довольно неясное и неопредѣленное, можетъ только свидѣтельствовать о томъ, что валъ былъ насыпанъ въ два пріема, но не указываетъ на доисторическое происхожденіе его нижней части; во всякомъ случаѣ, мы не можемъ согласиться ни на одну изъ гипотезъ г. Кибальчича. Мы не знаемъ ни одного городища въ нашемъ краѣ, которое-бы можно отнести къ каменному вѣку; въ бассейнѣ Днѣпра констатировано по-нынѣ нѣсколько сотъ стоянокъ неолитической эпохи, но ни на одной изъ нихъ не было замѣчено городища. Городища скиѳскаго времени тоже довольно трудно указать; можетъ быть, къ скиѳскому времени могутъ быть отнесены такъ называемые городища-майданы; но если мы сличимъ планы послѣднихъ [2]) съ разсматриваемымъ валомъ, то окажется, что они не могутъ быть покрыты прямолинейнымъ ретраншаментомъ; другихъ типовъ городищъ, которые-бы, хотя гадательно, можно отнести къ скиѳскому времени, неизвѣстно, равно какъ неизвѣстно, гдѣ на берегу Днѣпра жили скиѳы-земледѣльцы; топографическія-же и климатическія удобства, перечисленныя г. Кибальчичемъ, могутъ быть отнесены къ любому холму на берегу Днѣпра. Для предположенія относительно древнѣйшаго славянскаго происхожденія упомянутаго городища мы не видимъ основанія: нѣтъ возможности опредѣлить точно, какого рода были эти городища. Среди многочисленныхъ городищъ нашего края есть одинъ типъ, который, судя по содержимому окружающихъ эти городища кургановъ, можетъ быть и относится къ древнеславянскому времени; это—городища циркулярной и элиптической формы (мнѣ они встрѣчались у м. Паволочи, у с. Пилипчи—на территоріи полянъ, у с. Минины—въ древлянской землѣ, у селъ: Рогощи и Листвина—въ землѣ сѣверянъ); но эти городища, опять по своей формѣ, не могутъ быть прикрыты прямолинейнымъ валомъ. Если г. Кибальчичъ имѣлъ въ виду какой-либо иной типъ городища, въ наукѣ неизвѣстный, то напрасно онъ не указалъ его при-

---

[1]) Проф. В. З Завитневичъ въ замѣткѣ, помѣщенной въ «Кіевскомъ Словѣ» (№ 2826) вполнѣ обстоятельно и убѣдительно доказалъ, что прослойка, очерчивавшая будто бы поверхность мнимаго древняго городища, была не что иное, какъ перегной, или т. н. культурный слой, покрывающій всю окружающую мѣстность по-нынѣ, поверхъ котораго и былъ насыпанъ Миниховскій валъ.

[2]) Графъ Бобринскій. Раскопки близъ Смѣлы, т. II, стр. IV—V, таблица плановъ

знаковъ; для разъясненія вопроса это было-бы существеннѣе, чѣмъ ссылка на птоломеевъ Азагоріумъ и на легенду о переселеніи славянъ съ Дуная, историческая достовѣрность которой, при настоящемъ состояніи науки, признается весьма сомнительною.

Далѣе, въ статьѣ указанъ другой памятникъ древности—яма 5—6 аршинъ въ діаметрѣ, наполненная бараньими рогами, перемѣшанными съ землею и кусками весьма грубой посуды. Г. Кибальчичъ нашелъ среди роговъ нѣсколько экземпляровъ, подрѣзанныхъ и подостренныхъ «на подобіе короткихъ кинжаловъ». Авторъ полагаетъ, что рога эти «служили для защиты городища отъ враговъ и, по всей вѣроятности, употреблялись при схваткахъ въ рукопашную, потому что нанесеніе раны или даже простого удара было достаточно для того, чтобы получившій ударъ или рану выбылъ изъ строя, и такимъ образомъ непріятель обезсилѣлъ». Относительно-же самой ямы авторъ полагаетъ, что она «можетъ быть была складомъ боеваго оружія въ укрѣпленномъ древнемъ городищѣ»; описываемыя орудія, по предположенію автора, относятся «къ переходной эпохѣ отъ каменнаго къ желѣзному вѣку». По нашему мнѣнію, всѣ эти положенія и догадки г. Кибальчича субъективны и произволны. Оружіе и орудія, сдѣланныя изъ рога, дѣйствительно встрѣчаются въ каменномъ вѣкѣ: роговыя копья и острія, которыя можно, пожалуй, считать кинжалами, хранятся во многихъ музеяхъ и коллекціяхъ, но они сдѣланы изъ роговъ разныхъ породъ оленя, которые, и по формѣ и по величинѣ, представляютъ пригодный для этой цѣли матеріалъ; кинжаловъ изъ бараньихъ роговъ никогда не случалось мнѣ видѣть ни въ составѣ археологическихъ коллекцій, ни въ изданіяхъ, посвященныхъ первобытной археологіи. Тѣ экземпляры роговъ, вынутыхъ изъ описываемой ямы, которые я видѣлъ въ коллекціи акцизнаго управленія, не носятъ на себѣ слѣдовъ никакихъ подѣлокъ; экземпляры-же, изображенные на рисункѣ г. Кибальчича, едва-ли могли служить кинжалами. Едва-ли также возможно допустить, чтобы люди конца каменнаго вѣка, владѣвшіе весьма солидными предметами вооруженія: каменными молотами, булавами, полированными топорами, кремневыми копьями и кинжалами, прекрасно отдѣланными, луками и стрѣлами, нуждались въ такомъ ничтожномъ оружіи, какъ предполагаемые кинжалы изъ бараньяго рога: еще труднѣе допустить, чтобы люди того времени устраивали арсеналы въ нѣсколько тысячъ предметовъ и чтобы они

вступали въ сраженіе въ строю. Не естественнѣе-ли думать, что описываемая яма свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ усадьбѣ, бывшей Рокачевскаго, жилъ нѣкогда мастеръ, занимавшійся производствомъ роговыхъ издѣлій, и сваливалъ въ яму ненужные отбросы своего производства, т. е. костяныя части употребленныхъ роговъ; если нѣсколько экземпляровъ ихъ и носятъ слѣды нарѣзовъ, то нельзя-ли причины этому искать въ пріемахъ техники производства.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе другой ямы, «заключавшей множество человѣческихъ костей, перемѣшанныхъ съ костями лошадиными»; среди нихъ не было замѣчено металлическихъ предметовъ, но были найдены куски глиняной посуды съ клеймами на днѣ и куски остроконечныхъ амфоръ; яму эту г. Кибальчичъ опредѣлилъ такъ: «по всей вѣроятности, это была славянская общая боевая могила», а затѣмъ предлагаетъ воздвигнуть церковь «на общей братской могилѣ защитниковъ древняго Кіева». Намъ кажется, что положеніе объ общей или братской боевой могилѣ нѣсколько поспѣшно. Дѣйствительно, въ Кіевѣ иногда встрѣчаются могилы, въ которыя свалены были многочисленные трупы; одну изъ такихъ могилъ, открытую въ 1870 г. въ усадьбѣ товарищества пивовареннаго завода, мнѣ довелось осматривать: изъ могилы этой было вынуто болѣе 2,000 череповъ, среди костей найдены были два обоюдо-острые меча, желѣзный кинжалъ, ножъ, обломки стекляныхъ браслетовъ и нѣсколько каменныхъ прямоугольныхъ крестиковъ. Могилу эту, несмотря на присутствіе оружія, нельзя было однако назвать «братскою, боевою» потому, что среди скелетовъ было очень много женскихъ и дѣтскихъ костяковъ; очевидно, въ могилу свалены были жители, избитые во время разоренія города въ княжеское время (судя по характеру найденныхъ предметовъ), вѣроятно во время одного изъ трехъ погромовъ, помѣченныхъ въ лѣтописи. Относительно данной могилы авторъ сообщаетъ слишкомъ мало данныхъ для ея опредѣленія, и потому выводъ его является необоснованною гипотезею.

При этомъ сообщается свѣдѣніе и о томъ, что вблизи вала было найдено нѣсколько могилъ, содержавшихъ человѣческіе костяки въ лежачемъ положеніи, «безъ признаковъ погребенія въ гробахъ» и «безъ всякихъ признаковъ христіанскаго погребенія; близко нихъ найдены были и глечики». Г. Кибальчичъ полагаетъ, что это были языческія, славянскія могилы полянъ. Съ предположеніемъ этимъ мы не можемъ

согласиться по тому, что полянскій погребальный типъ въ значительной мѣрѣ уже опредѣленъ по раскопкамъ, произведеннымъ понынѣ на коренной полянской территоріи (въ треугольникѣ между рр. Ирпенемъ, Днѣпромъ и Росью). Пересматривая многочисленныя раскопки, относящіяся къ этой мѣстности, гг. Волошинскаго, Витковскаго, Брандебурга, Самоквасова, Оссовскаго, Ревякина, Макаревича и друг., мы не находимъ аналогіи между ними и могилами, найденными у вала; не говоря уже объ отсутствіи характерныхъ для полянскихъ могилъ предметовъ, замѣтимъ, что гробы и вообще дерево у скелета составляютъ почти постоянный признакъ этихъ могилъ. Отсутствіе признаковъ христіанскаго погребенія, если оно точно констатировано, указываетъ лишь па то, что данныя могилы принадлежать лицамъ, не исповѣдывавшимъ христіанства. Если вспомнимъ, что ближайшія къ описываемому валу древнія ворота назывались «жидовскими», что у нихъ, по всему вѣроятію, находилось предмѣстье, заселенное евреями, «жидове», какъ говоритъ лѣтопись, то легко будетъ объяснить существованіе въ той мѣстности могилъ нехристіанскихъ; въ пользу этого предположенія есть даже документальное указаніе довольно поздняго времени (XVI ст.), на текстъ котораго ссылается Закревскій [1]). Въ грамотѣ, данной Сигизмундомъ I въ 1522 году Михайловскому монастырю на земли, лежавшія на Кудрявцѣ, границы этихъ земель указаны такъ: «за воротами Львовскими, за Пробитымъ валомъ, начавши отъ самаго валу Пробитого, Кудрявцемъ долипою уверхъ до кладовища, *а за кладовиша жидовскія* до вершины Кудрявца». Конечно, по указаніямъ этого текста нельзя точно опредѣлитъ мѣстоположенія еврейскаго кладбища; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что оно находилось на Кудрявцѣ, за Львовскими воротами.

Наконецъ, вскользь упомянутая довольно глубокая яма, идущая далеко въ грунтъ, послужившій основаніемъ для городища и вала, названная рабочими почему-то обвалившеюся пещерою, «сохранилась по-нынѣ: она была расчищена по моей просьбѣ,—это безформенная яма, аршина въ 2—3 въ діаметрѣ и столько-же въ глубину; до недавняго времени мѣстные жители добывали изъ нея бѣлый песокъ, который и въ настоящее время выстилаетъ ея дно». Сомнѣніе г.

---

[1]) Описаніе Кіева, т. I, стр. 820.

Кибальчича, недоумѣвающаго, почему рабочіе вздумали назвать эту яму пещерою, конечно справедливо.

Перейдемъ къ описанію отдѣльныхъ предметовъ древности. Г. Кибальчичъ перечисляетъ много предметовъ древности, найденныхъ въ землѣ, вывезенной при расчисткѣ вала; о нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ онъ только упоминаетъ; другіе, собранные имъ лично, онъ представляетъ въ рисункахъ; часть ихъ мы видѣли въ коллекціи, собранной акцизнымъ управленіемъ. Общее впечатлѣніе, какое производятъ всѣ эти предметы, по нашему мнѣнію, не свидѣтельствуетъ въ пользу важнаго научнаго ихъ значенія,—это разрозненные бытовые предметы, относящіеся къ различнымъ эпохамъ исторической жизни, безъ хронологической связи другъ съ другомъ; такіе предметы находятся вездѣ въ культурномъ слоѣ почвы въ тѣхъ частяхъ города Кіева, которыя были населены издревле (Старый городъ, Подолъ, Плосскій участокъ). Нѣтъ ни одного уголка въ этихъ частяхъ города, въ которомъ, при рытьѣ культурнаго слоя, не находились-бы предметы, подобные перечисленнымъ г. Кибальчичемъ; недавно, весьма внимательный и компетентный коллекціонеръ г. В. Ч. Хвойко, слѣдя за работами канализаціонной сѣти на Подолѣ, собралъ богатую коллекцію предметовъ древности, въ которой въ гораздо большемъ количествѣ предметовъ и типовъ повторяются предметы, перечисленные г. Кибальчичемъ. Къ несчастію только, и предметы, находящіеся въ коллекціи г. Хвойко, и предметы, упомянутые г. Кибальчичемъ, представляютъ остатки быта различныхъ эпохъ, лежавшіе рядомъ и перемѣшанные другъ съ другомъ. Да это и не мудрено: въ издревле заселенныхъ частяхъ Кіева на поверхности почвы находится культурный слой толщиною въ 2—3 аршина, состоящій изъ отбросовъ жизни многихъ поколѣній, обитавшихъ здѣсь въ теченіе времени около 2000 лѣтъ; каждое послѣдующее поколѣніе, возводя новыя постройки и сооруженія, передвигало почву и вмѣстѣ съ нею бытовые остатки предыдущихъ поколѣній, которые перемѣшивались между собою. На разрѣзахъ почвы, какіе я осматривалъ въ усадьбѣ акцизнаго управленія, замѣчается тоже самое; подъ толстымъ культурнымъ слоемъ встрѣчаются на разномъ уровнѣ и на различной глубинѣ ямы въ подпочвѣ, наполненной рыхлымъ чернымъ культурнымъ слоемъ, содержащимъ отбросы жизни самыхъ различныхъ временъ: обломки костей, черепки сосудовъ, куски кирпичей и т. п. Подъ-рядъ съ

обломками амфоръ и каменными пряслицами лежали предметы весьма поздняго происхожденія, какъ осколокъ бомбы, курительная трубка, поливяная современная посуда, янтарь современной отдѣлки, грошъ 1767 года и т. п.

Замѣтимъ, впрочемъ, что въ составѣ всѣхъ коллекцій: описанной г. Кибальчичемъ, изображенной на его рисункахъ и собранной акцизнымъ управленіемъ, мы вовсе не замѣтили предметовъ, характеристическихъ для княжескаго періода (языческаго и христіанскаго) русской имперіи, слѣдовательно, и для времени вел. кн. Ярослава (такими предметами мы считаемъ: стекляные браслеты, металлическіе предметы изъ бисерной ткани, металлическіе предметы, сдѣланные изъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ, гривны, браслеты, перстни, серьги кіевскаго типа съ тремя бусами на толстой металлической проволокѣ, монетныя гривны, энкольпіоны, прямоугольные каменные крестики и т. п.). Почти всѣ предметы, упомянутые или описанные г. Кибальчичемъ, относятся или къ числу предметовъ, не характеризующихъ опредѣленно какую-либо историческую эпоху, или опредѣлены, по нашему мнѣнію, ошибочно, или относятся къ новѣйшему времени.

Приступимъ къ разсмотрѣнію этихъ предметовъ.

Къ каменному вѣку относятся, изображенные на рисункахъ, два скребка, кусокъ кремня, по мнѣнію г. Кибальчича, часть большого круга со слѣдами употребленія его, какъ шлифовальнаго орудія, упомянутые уже бараньи рога и точильный камень. Относительно шлифовальнаго орудія, мы, судя по представленному рисунку (№ 1), не раздѣляемъ мнѣнія г. Кибальчича: изображенный имъ предметъ представляетъ или случайный кусокъ кремня, или, въ лучшемъ случаѣ, кремневый нуклеусъ; большихъ полировочныхъ кремневыхъ круговъ не случалось мнѣ видѣть ни въ музеяхъ, ни въ описаніяхъ предметовъ каменнаго вѣка; полировочные круги встрѣчаются изъ песчаника, гранита и другихъ породъ, поверхностъ которыхъ была болѣе пригодна для данной цѣли, чѣмъ гладкая, не задерживавшая частицъ мокраго песку, поверхность кремня. Изображенный подъ № 4 точильный камень, по моему мнѣнію, есть обыкновенный брусокъ изъ песчаника, употребляемый и въ настоящее время. Но если-бы мы признали даже значеніе предметовъ, согласно опредѣленію автора, то 4 разрозненные предмета недостаточны для того, чтобы конста-

тировать въ данномъ мѣстѣ стоянку каменнаго вѣка, и они должны быть отнесены къ числу случайно зароненныхъ въ почву предметовъ.

Изъ позднѣйшихъ предметовъ, мы встрѣчаемъ указаніе на остродонныя амфоры, сдѣланныя изъ красной глины. Мы видѣли нѣсколько обломковъ такихъ амфоръ съ горлышками и ушами въ коллекціи, собранной акцизнымъ управленіемъ, и полагаемъ, что ихъ нельзя относить къ доисторическому времени; типъ амфоры дѣйствительно былъ заимствованъ у греческихъ колонистовъ побережья Чернаго моря въ доисторическое время, но онъ употреблялся въ краѣ въ продолженіе очень долгаго времени (мнѣ извѣстны случаи нахожденія въ нашемъ краѣ амфоръ совмѣстно съ чешскими грошами XIV ст.); на Кавказѣ онѣ употребляются по-нынѣ; мѣстныя гончары приготовляли амфоры изъ мѣстной глины и видоизмѣняли постепенно древнюю форму сосуда; эволюція эта выразилась въ укороченіи горлышка и ушей и въ расширеніи боковъ сосуда. Въ университетскомъ музеѣ хранится нѣсколько цѣльныхъ амфоръ, найденныхъ въ Кіевѣ; при огромной вмѣстимости тѣла сосуда, онѣ имѣютъ горлышко высотою въ 1—2 сантиметра. Видѣнные мною экземпляры въ акцизномъ управленіи представляютъ именно этотъ позднѣйшій типъ историческаго и, можетъ быть, уже литовскаго періода.

Затѣмъ г. Кибальчичъ перечисляетъ и изображаетъ на рисункѣ многочисленныя бусы изъ стекла, глины, бронзы, шиффера, разноцвѣтныхъ композицій и т. п.; нѣкоторыя изъ нихъ онъ сличаетъ съ бусами, находимыми въ развалинахъ греческихъ колоній, бывшихъ въ Южной Россіи, и видитъ въ ихъ сходствѣ доказательство древнѣйшихъ сношеній Кіева съ этими колоніями. Я не отрицаю возможности этихъ сношеній, но полагаю, что сообщеніе о нихъ слѣдовало бы обосновать на болѣе прочныхъ археологическихъ данныхъ (напримѣръ, на находкахъ монетъ колоніальныхъ или боспорскихъ, несомнѣнныхъ греческихъ издѣлій и т. п.); бусы въ этомъ отношеніи представляютъ почву крайне шаткую и неопредѣленную. Прежде чѣмъ основывать историческіе выводы на формѣ бусъ, нужно предпринять цѣлое изслѣдованіе для того, чтобы констатировать время и районъ распространенія каждаго ихъ вида; пока это не сдѣлано, историческіе выводы, основанные на формахъ бусъ, будутъ поспѣшны и поверхностны. Въ числѣ встрѣчающихся въ нашемъ краѣ бусъ есть нѣкоторые виды, которые, на основаніи многочисленныхъ раско-

покъ и находокъ, могутъ быть отнесены къ славянско-языческому и христіанско-княжескому временамъ. Къ числу такихъ бусъ относятся, полагаю, бусы: изъ граненаго сердолика, изъ стекла, обтянутаго золотомъ, серебряныя сканныя бусы въ три лопасти, серебряныя и бронзовыя бусы изъ бисерной ткани или изъ рядовъ шариковъ, наконецъ, серебряные полуцилиндрики съ 3-мя сквозными отверстіями; но этихъ именно видовъ бусъ мы не встрѣтили въ перечнѣ г. Кибальчича. Въ числѣ бусъ авторъ помѣщаетъ бусы изъ шиффера. По рисунку мы не можемъ себѣ составить понятія объ ихъ объемѣ, но въ коллекціи акцизнаго управленія я видѣлъ два экземпляра ихъ. Кружки эти, по моему мнѣнію, не бусы, а пряслицы, выдѣлывавшіяся и употреблявшіяся въ нашемъ краѣ въ теченіе весьма продолжительнаго времени; пряслицы такія употребляются по-нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи: въ Рязанской и Казанской губерніяхъ, въ Абхазіи и т. п. Онѣ, конечно, не могутъ служить для характеристики любого историческаго или доисторическаго времени. Кстати, относительно шифферныхъ бусъ: предметъ, изображенный на рисункѣ подъ № 53, о которомъ въ текстѣ сказано: «кусокъ изъ шиффера, отлично просверленный, быть можетъ кусокъ перстня или кольца», есть не что иное, какъ обрѣзокъ шиффера, оставшійся отъ производства пряслицы; сотни такихъ обрѣзковъ, поднятыхъ въ мѣстахъ, гдѣ были мастерскія пряслицъ (въ овручскомъ уѣздѣ), хранятся въ музеѣ университета.

Далѣе г. Кибальчичъ указываетъ на два горшечныя клейма. На одномъ онъ усматриваетъ монограмму Христа, на другомъ—лежащее животное, напоминающее грифа. Я видѣлъ въ коллекціи акцизнаго управленія два днища горшковъ съ клеймами перваго образца, но клейма этого нельзя признать монограммою Христа; оно представляетъ двойной концентрическій кругъ, пересѣченный крестообразно двумя прямыми линіями; это одно изъ гончарныхъ клеймъ, выставляемыхъ часто и по-нынѣ. Дѣйствительно, было-бы странно встрѣтить на днѣ кухоннаго горшка священный символъ—монограмму Христа, которымъ отмѣчались лишь предметы религіознаго поклоненія или церковнаго обихода (гробницы мучениковъ и исповѣдниковъ въ катакомбахъ, церковные сосуды и свѣтильники и т. п.), или предметы первостепенной государственной важности (labarum и державы христіанскихъ римскихъ и византійскихъ императоровъ). Въ другомъ клеймѣ

мы не могли усмотрѣть формы грифа на рисункѣ № 19, но если тамъ и помѣщено изображеніе этого фантастическаго животнаго, то мы не можемъ уразумѣть, какого рода заключеніе слѣдуетъ изъ этого факта, равно какъ и изъ находки мѣдной серьги съ изображеніемъ грифа, въ случаѣ даже, если эта серьга не принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ имитацій.

Къ числу важныхъ, по мнѣнію г. Кибальчича, предметовъ относится и «мѣдная выпуклая византійская монета, принимаемая за мѣдную монету в. кн. Владиміра»; въ числѣ рисунковъ она воспроизведена въ миніатюрѣ подъ № 61 и названа такъ: «монета, какъ полагаютъ, в. кн. Владиміра». Наконецъ, въ самомъ концѣ статьи она описана, но къ описанію приложенъ рисунокъ въ натуральную величину не описываемой монеты, но извѣстнаго ярославова серебра. Изъ описанія видно, что на вогнутой сторонѣ монеты изображенъ бюстъ (по словамъ текста—«великаго князя»), держащій въ одной рукѣ крестъ, въ другой неразгаданный геральдическій знакъ въ видѣ трезубца; вокругъ изображенія находятся слѣды надписи, въ которой можно разобрать двѣ буквы: *В* или *С* и *Л*. На оборотной сторонѣ, выпуклой—едва замѣтное изображеніе какъ-бы трезубца. На миніатюрномъ изображеніи этой монеты это «едва замѣтное» изображеніе совсѣмъ не видно и можно подумать, что нарисована гладкая выпуклая бляшка отъ мѣдной пуговицы; но въ виду описанія вогнутой стороны приходится, хотя гадательно, высказать мнѣніе о данной монетѣ. Г. Кибальчичъ не объясняетъ, кто именно полагаетъ или принимаетъ описанную имъ монету за монету Владиміра св.; но, кто-бы ни былъ авторъ этой догадки, мы позволимъ себѣ съ нимъ не согласиться на слѣдующихъ основаніяхъ: по-нынѣ неизвѣстны мѣдныя монеты ни Владиміра св., ни Ярослава; выпуклая монета вовсе неизвѣстна въ русской нумизматикѣ; выпуклыя монеты извѣстны только въ Византіи, причемъ древнѣйшая выпуклая монета, золотая, относится къ царствованію имп. Михаила IV Пафлагонца (1034—1041 г.). Въ самой Византіи мѣдная и биллонная выпуклая монета появляется только въ царствованіе Алексѣя I-го Комнена (1081—1118) и чеканка ея продолжается при династіяхъ Комненовъ и Палеологовъ[1]). Если допустить, что русскіе князья заимствовали чеканку мѣдной выпуклой

[1]) Sabatier, Description générale des monnaies byzantines, T. II, стр. 152 190.

монеты изъ Византіи, то, во всякомъ случаѣ, не могли этого сдѣлать ни при Владимірѣ, ни при Ярославѣ, такъ какъ въ то время византійскіе образцы этой монеты еще не существовали; слѣдовательно, ни Владиміръ, ни Ярославъ не могли ее чиканить, а послѣдній не могъ ея положить, какъ полагаетъ г. Кибальчичъ, «по древнему русскому обычаю, при закладкѣ вала». Данная монета, по моему мнѣнію, представляетъ весьма плохо сохранившійся экземпляръ монеты одного изъ Комненовъ (нѣкоторые изъ нихъ представлены на монетахъ съ длинными, расширяющимися на нижнемъ концѣ локонами; концы эти, вѣроятно, при описаніи монеты приняты за кресты). Если двѣ уцѣлѣвшія буквы прочитаны вѣрно (*С* и *Л*), то монета скорѣе всего можетъ быть отнесена къ Мануилу I Комнену (1143—1180), на монетахъ котораго постоянно встрѣчается легенда: «ΔΕСПОТНС МАΝȢНΛ», въ которой присутствуютъ обѣ отмѣченныя буквы [1]). Загадочный знакъ, находящійся въ лѣвой рукѣ императора, вѣроятно «Volumen», съ которымъ часто изображаются какъ Мануилъ I, такъ и другіе Комнены [2]). Присутствіе въ Кіевѣ византійской комненовской монеты весьма естественно и подтверждаетъ лишь общеизвѣстный фактъ—существованія въ княжескій періодъ русской исторіи оживленныхъ торговыхъ сношеній Кіева съ Византіею.

Считаю излишнимъ останавливаться на предметахъ, очевидно, новѣйшихъ, какъ бронзовый изящный башмачекъ и пр.

Вообще предметы, перечисленные и изображенные г. Кибальчичемъ, по моему мнѣнію, далеко не имѣютъ того важнаго научнаго значенія, которое онъ имъ приписываетъ; даже бѣдный провинціальный музей не особенно обогатился-бы ими, не говоря о такомъ богатомъ музеѣ, какъ Императорскій эрмитажъ, который, полагаю, едва-ли былъ-бы заинтересованъ ихъ пріобрѣтеніемъ.

В. Антоновичъ.

---

[1]) Sabatier, Description, стр. 209—213.

[2]) Тамъ-же, стр. 212, № 28, 29 etc.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

монеты изъ Византіи, то, во всякомъ случаѣ, не могли этого сдѣлать ни при Владимірѣ, ни при Ярославѣ, такъ какъ въ то время византійскіе образцы этой монеты еще не существовали; слѣдовательно, ни Владиміръ, ни Ярославъ не могли ее чиканить, а послѣдній не могъ ея положить, какъ полагаетъ г. Кибальчичъ, «по древнему русскому обычаю, при закладкѣ вала». Данная монета, по моему мнѣнію, представляетъ весьма плохо сохранившійся экземпляръ монеты одного изъ Комненовъ (нѣкоторые изъ нихъ представлены на монетахъ съ длинными, расширяющимися на нижнемъ концѣ локонами; концы эти, вѣроятно, при описаніи монеты приняты за кресты). Если двѣ уцѣлѣвшія буквы прочитаны вѣрно (*С* и *Л*), то монета скорѣе всего можетъ быть отнесена къ Мануилу I Комнену (1143—1180), на монетахъ котораго постоянно встрѣчается легенда: «ΔΘСПОТНС MANȣΗΛ», въ которой присутствуютъ обѣ отмѣченныя буквы [1]). Загадочный знакъ, находящійся въ лѣвой рукѣ императора, вѣроятно «Volumen», съ которымъ часто изображаются какъ Мануилъ I, такъ и другіе Комнены [2]). Присутствіе въ Кіевѣ византійской комненовской монеты весьма естественно и подтверждаетъ лишь общеизвѣстный фактъ—существованія въ княжескій періодъ русской исторіи оживленныхъ торговыхъ сношеній Кіева съ Византіею.

Считаю излишнимъ останавливаться на предметахъ, очевидно, новѣйшихъ, какъ бронзовый изящный башмачекъ и пр.

Вообще предметы, перечисленные и изображенные г. Кибальчичемъ, по моему мнѣнію, далеко не имѣютъ того важнаго научнаго значенія, которое онъ имъ приписываетъ; даже бѣдный провинціальный музей не особенно обогатился-бы ими, не говоря о такомъ богатомъ музеѣ, какъ Императорскій эрмитажъ, который, полагаю, едва-ли былъ-бы заинтересованъ ихъ пріобрѣтеніемъ.

В. Антоновичъ.

---

[1]) Sabatier, Description, стр. 209—213.

[2]) Тамъ-же, стр. 212, № 28, 29 etc.

МАТЕРІАЛЫ ПО ХАРАКТЕРИСТИКѢ

ПОСЛѢДНИХЪ

КІЕВСКИХЪ СОТНИКОВЪ.

Сообщилъ А. Андріевскій.

Матеріалы по характеристикѣ послѣднихъ кіевскихъ сотниковъ.

I.

Письмо[1]) *генералъ-губернатора Леонтьева къ гетману Разумовскому о кіевскомъ сотникѣ Павлѣ Гудимѣ, — отъ 27 сентября 1751 г.*

Вашего Графскаго Сіятельства писмо минувшаго отъ 25 августа из Глухова, по жалобѣ кіев. сотника Гудима, отпущенное и зъ сообщеннымъ при томъ о разныхъ же его, Гудима, вторично затѣйныхъ и ложныхъ на меня жалобахъ экстрактомъ, я здѣсь сего сентября 14 числа получилъ и, усмотря в техъ жалобахъ такъ многіе его, Гудима, затѣйные и ложные на меня плутни, съ терпѣливостію В. Г. С-ву отвѣтствую, а имянно:

На 1-е: никогда я его, Гудима, къ своей камандѣ не привлекалъ, да и привлекать никакой (нужды) нѣтъ, ибо, по Высочайшему отъ Е. И. В. цѣлой Кіев. губерніи мнѣ ввѣренію, и безъ него, Гудима, много всякого чина людей добрыхъ и вѣроятныхъ въ командѣ моей находится; и два раза арестованъ и подъ карауломъ онъ, Гудимъ, по приказу моему, содержимъ былъ за многіе его плутни и немалые продерзости, а паче за противные и нарушительные указомъ нижеслѣдующія поступки, а имянно: въ прошломъ 1748 году, по доношенію отъ Кіев. магистрата, по секретному дѣлу, чрезъ три мѣсяца въ Кіев. ген.-губ. канцеляріи, такожъ и на гауптвахтѣ, а въ другой разъ за неуказное имъ, Гудимомъ, въ Кіевѣ, Нижнемъ городѣ, на По-

[1]) Изъ «Дѣла о приключенныхъ г. генералъ-аншефомъ и кіев. губерніи губернаторомъ М. И. Леонтьевымъ сотнику кіевскому Павлу Гудиму разнихъ обидахъ и разорѣніяхъ, заведенное 1751 г. іюня съ 1-го числа; кончено 1752 г. апрѣля 10-го».

долѣ, хлѣбнымъ виномъ, т е. горѣлкою, воровскимъ спасобомъ шинкованіе, на гауптвахтѣ, о чемъ со всякимъ обстоятельствомъ явствуетъ ниже.

На 2-е: въ домѣ его, Гудима, неуказное во многихъ куфахъ хлѣбное вино, по неоднократнымъ отъ Кіев. магистрата доношеніямъ, заподлинно по приказамъ моимъ двоекратно запечатано было, не безъ всякой оного Гудима винности, но за явные его плутни и за противность и парушеніе Е. И. В. указовъ, понеже онъ, Гудимъ, означенное въ куфахъ вино въ домѣ своемъ держалъ и нынѣ держитъ и тайными способы врознь тѣмъ виномъ шинковалъ и нынѣ шинкуетъ, въ чемъ неоднократно оной Гудимъ изобличенъ, ибо многіе были поимки и приводы съ тѣмъ неуказнымъ шинковнымъ виномъ въ Кіев. ген.-губ. канцелярію, о чемъ по имѣющимся въ оной губ. канцел. приводамъ явствуетъ имянно; а по высоч. какъ высокославной и вѣчнодостойной памяти Г. И. Петра В., такъ и Е. И. В. жалованнымъ въ Кіев. магистратъ грамотамъ, особливо же и по подтвердительнымъ изъ Прав. Сената неоднократнымъ Е. И. В. указамъ, никому какъ духовного, такъ и мирского, всякого чина людемъ, какъ внѣ, такъ и внутрь въ Кіевѣ, Нижнемъ городѣ, на Подолѣ, подъ немалымъ штрафомъ оною горѣлкою шинковать запрещено.

На 3-е: купленной имъ, Гудимомъ, съ Воронежа байдакъ зъ горѣлкою когда, и гдѣ, и кѣмъ подъ карауломъ содержанъ былъ, про то я не знаю и ни отъ кого о томъ не слыхалъ, и тѣмъ онъ, Гудимъ, яко подозрительной и противной указомъ человѣкъ, чрезъ явные свои затѣйные и ложные плутни меня оболгалъ, а В. Г. С. утруждалъ напрасно; к тому жъ оное его о байдакѣ з горѣлкою показаніе на явное ему самому изобличеніе и плутовство слѣдуетъ, понеже какъ сами В. Г. С. заблагоразсудить изволите, на что бы ему, Гудиму, таковъ цѣлой байдакъ горѣлки купить, ежели бъ онъ воровскимъ шинкованіемъ не промышлялъ; ибо и сего сентября 20 числа поданнымъ отъ Кіев. магистрата доношеніемъ представлено, что онъ, Гудимъ, не толико подкомандным своимъ козакомъ горѣлкою шинковать не запрещаетъ, но и самъ въ своемъ домѣ, гдѣ живетъ, въ противность высоч. жалов. въ Кіев. маг-тъ грамотъ и указовъ и гетманскихъ универсаловъ, въ раздробъ оною горѣлкою шинкуетъ, какъ то прошедшого августа 17 да сего сентября 11 числа явное в томъ шинкованіи подозрѣніе за нимъ, Гудимомъ, оказалось; да онъ же, Гудимъ,

въ прошломъ 1750 году декабря 22 числа такую продерзость и самоволіе учинилъ: пришедъ предъ Кіев. ратушу, публично и при многомъ народа собраніи, оного магистрата урядника Григорія Деревецкого палкою билъ и похвалялся убить до смерти, дая притчину, дабы на его, Гудимовъ, шинковной домъ не находилъ, закрывая свое неуказное горѣлкою шинкованіе.

На 4-е: нигдѣ въ публичныхъ компаніяхъ, въ томъ числѣ и у преосв. архіеп. митрополита кіевскаго, съ нимъ, Гудимомъ, яко весьма съ подозрительнымъ человѣкомъ, я не бывалъ и бранными словами его, Гудима, не бранилъ, но толко по многимъ на него отъ Кіев. магистрата о разныхъ его плутовствахъ и продерзостяхъ и дракахъ писменнымъ жалобамъ, в квартирѣ моей оного Гудима репремандовалъ; да и не токмо репремандовать, но за толь многіе его, Гудимовы, продерзости и за нарушеніе указовъ и штрафовать надлежало, понеже отъ таковыхъ его, Гудимовыхъ, явныхъ плутскихъ и самовольныхъ продерзостей при моемъ главномъ здѣсь, яко въ пограничномъ городѣ, присутствіи чинимыхъ и мнѣ не безъ обиды, да и нестерпимо суть, а не по той причинѣ, что будто за недопущеніе имъ, Гудимомъ, обуховскихъ людей къ опустошенію собственнаго его, Гудима, Нещеровского лѣсу.

На 5-е: никакова на него, Гудима, секретного дѣла, будто по посяшкѣ моей, я не пріискивалъ и, гдѣ не должно было, оное не рѣшено, а имѣлось и нынѣ имѣется въ Кіев. ген.-губ. канцеляріи об немъ, Гудимѣ, секретное дѣло, по доношенію отъ Кіев. маг-та, а во оной маг-тъ по доношенію кіев. мѣщанъ; и по тѣмъ секретнымъ доношеніямъ представлено было по силѣ указовъ изъ Кіев. ген.-губ. канцеляріи въ канц. тайныхъ розыскныхъ дѣлъ съ требованіемъ указа; а между тѣмъ содержался онъ, Гудимъ, до указу, какъ и выше объявлено, въ К. г.-г. канцеляріи, тако онъ и на гауптвахтѣ чрезъ три мѣсяца подъ карауломъ за произнесенные имъ, Гудимомъ, будучи въ пьянствѣ, нѣкоторые продерзкіе рѣчи; а потомъ присланъ из той канц. тайн. роз. дѣлъ рѣшительной указъ, по которому велѣно его, Гудима, за тѣ его продерзости наказать: бить батожьемъ; которое наказаніе по оному указу въ К. г.-г. канцеляріи публично ему, Гудиму, и учинено и изъ подкараула свобожденъ [1]); а оного секретного дѣла,

[1]) Свѣдѣніе объ этомъ дѣлѣ напечатано было въ статьѣ: «Кіев. смуты въ сред. прош. стол.» въ «Кіев. Стар.» за 1886 г., стр. 19 и 20.

кромѣ канц. тайн. раз. дѣлъ, никуда в другіе мѣста посылать и нигдѣ, мимо оной тайн. канц., рѣшать, по силѣ указовъ, не надлежитъ; а в какой силѣ оное секретное дѣло рѣшено, о томъ из сообщенной при семъ с того канц. тайн. роз. дѣлъ указа точной копіи пространнѣйше и в томъ винность, а его, Гудима, плутскую правость, доволно В. Г. С. усмотрѣть соизволите; к тому онъ не токмо моей по тому дѣлу на него, Гудима, какой-либо посяшки, но еще нѣкоторое и вспомоществованіе было; и затѣмъ не толико онъ, Гудимъ, явился подозрителенъ, но и всякому вѣроятію и сотницкому чину недостоинъ.

На 6-е: в прошлыхъ 1748 и 1749 годѣхъ для чего ему, Гудиму, въ село Нещеровъ свободного пропуску не чинено, о томъ я не извѣстенъ, ибо жалобъ отъ него о томъ никогда мнѣ не было; а что до владѣнія онымъ селомъ по той причинѣ, что будто бы къ куплѣ того села, но сумежности рангового моего села Обухова ближайшая линія находится, не допускать,—такова воспященія и разговоровъ никогда ни бывало; да и быть не для чего, ибо, по силѣ указовъ, будучи мнѣ въ Кіев. губерніи генераломъ и генераломъ-губернаторомъ, деревень покупать не слѣдуетъ, да и не кстати, потому что всѣ мои собственныя деревни положеніе имѣютъ в великороссійскихъ уѣздахъ, а не в Малой Россіи; а село Обуховъ, по силѣ жъ указовъ, во владѣніи моемъ обще з г. полковникомъ и кіев. оберъ-комендантомъ Костюринымъ состоитъ пополамъ времянно, а не в вѣчность; да и в томъ же 6-мъ пунктѣ отъ него, Гудима, в концѣ написано, яко бы малолѣтной сынъ его, по причинѣ непропуску жены его, Гудимовой, в село Нещеровъ, умре; а понеже, какъ извѣстно, оная жена его, ѣздя в Нещеровъ и в Обуховъ, в шинкахъ пьянствовала и, будучи в Обуховѣ в шинку, с тамошними жителями чинила драку, о чемъ мужъ ея Гудимъ и жалобу на тѣхъ обуховскихъ жителей приносилъ, за что приказано было тѣмъ обуховскимъ жителямъ учинить наказаніе; а потомъ оной Гудимъ на другой день, пришедъ ко мнѣ, просилъ, дабы онымъ обуховскимъ жителямъ того наказанія не чинить, понеже явились они невинны; и в такомъ случаѣ, знатно, отъ нее за пьянствомъ недосмотру оной сынъ его, Гудимовъ, умре.

На 7-е: а в прошломъ 1750-мъ и в нынѣшнемъ 1751 годѣхъ, за имѣющеюся в разныхъ польскихъ мѣстахъ опасною болѣзнію, не толико ему, Гудиму, но и всему народу свободного чрезъ форпосты пропуску чрезъ многое время не было; да и нынѣ, за опасною жъ в

Константинополѣ и в протчихъ турецкихъ мѣстахъ болѣзнію, никому точно свободного пропуску не чинится; но з довольнымъ по силѣ указовъ разсмотрѣніемъ и осторожностію дано обуховскимъ жителямъ такова точного дозволенія, чтобъ имъ свободно было заграницу и обратно оттуда ѣздить, отъ меня не бывало; к тому жъ, какъ выше показано, Обуховскимъ селомъ владѣю я не всѣмъ, но толко одною половиною, а другою половиною—г. полковникъ и кіев. оберъ-комендантъ Костюринъ; а челобитной никакой отъ жены его, Гудимовой, в подачѣ мнѣ не было.

На 8-е: в прошломъ же 1750 году генваря 31 д. люди его, Гудимовы, на землю к Нещерову принадлежащую для взятья заготовленного сѣна ѣздили ль, и с полской стороны владѣле(цъ) Тиша-Быковской с подданными своими за спорную между ими землю во многолюдствѣ гвалтовно на тѣхъ его, Гудимовыхъ, людей нападеніе чинилъ ли, и одинадцать воловъ и шесть лошадей у тѣхъ его, Гудимовыхъ, людей заграблено ль, и оные его, Гудимовы, люди два человѣка отъ поляковъ биты ль и от того ль бою померли,—про то я не извѣстенъ, понеже никакова отъ него, Гудима, о томъ прошенія и челобитья в подачѣ не было; к тому жъ должно было ему, Гудиму, о таковой знатной обидѣ суда искать во учрежденной от Малороссійскаго краю пограничной коммиссіи, которой таковые обидные дѣла разсуждать и землялые споры разбирать и рѣшать точно поручено; а что касается до того, что якобы пограничные форпосты учреждены не при самой границѣ рубежа россійскаго, но будто со упущеніемъ за форпосты собственной его, Гудима, купленной земли в полскую сторону, но токмо какъ прежде сего к В. Г. С. я отвѣтствовалъ, такъ и нынѣ отвѣтствую: не точію его, Гудимовой, но и ничьей земли ни на одну четверть аршина никогда я в полскую сторону не уступалъ, но, по многой и вѣрней моей Е. И. В. службѣ и по присяжной моей должности, высоч. Е. И. В. интересы охранялъ и нынѣ охраняю и всегда того наблюдаю; а пограничные по сю сторону р. Днѣпра около Кіева по р. Стугнѣ и р. Ирпеню форпосты учреждены еще до бытности моей в Кіевѣ, в прошлыхъ давнихъ годехъ, когда еще оного села Нещерова за нимъ, Гудимомъ, и не было, а было за умершимъ кіев. полковникомъ Танскимъ; однакожъ, по здѣшней моей пограничной должности, и о тѣхъ пограничныхъ форпостахъ в ползу ему, Гудиму, в прошломъ 1750 году посылалъ я для достовѣрнѣйшого о тѣхъ фор-

постахъ и о спорной его, Гудима, съ поляками землѣ освидѣтельствованія нарочно штабъ-офицера премьеръ-майора Горбунова, которой что объ ономъ учинилъ, о томъ съ его, майорскаго, репорта для найлутчаго усмотрѣнія точную копію при семъ и В. Г. С. посылаю.

Что же касается противъ вышеобъявленного В. Г. С. писма, а имянно, что изволили В. Г. С. опредѣлить якобы о завладѣнной обуховскими жителями его, Гудимовой, пахатной земли и выпустошеніи лѣсу учинить в Кіев. полк. канцеляріи надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе по силѣ правъ малороссійскихъ, при нарочно повѣренномъ до того дѣла отъ меня; такожъ что касается по показаніямъ отъ него жъ, Гудима, до учрежденія форпостовъ, будто съ уступкою немалой части его, Гудима, земли в полскую сторону, то и о семъ ко узнанію, не затѣваетъ ли онъ, Гудимъ, показывать напрасно, изволили В. Г. С. приказать, наряди съ той же полк. канцеляріи и с полк. старшины и снабдя инструкціею, отправить на тѣ мѣста и учинить освидѣтельствованіе со опредѣленнымъ к тому от меня офицеромъ,—и о томъ В. Г. С. опредѣленіи ни в чемъ я не спорю, ибо селомъ Обуховымъ владѣю я не одинъ, и о спорной с поляками землѣ и о пограничнихъ форпостахъ соизволите В. Г. С. за благо усмотрѣть из вышеобъявленной сообщенной при семъ с репорта майора Горбунова копіи; но толко то едино я причитаю себѣ за немалую обиду, что от такова подозрительного и явного высоч. Е. И. В. указовъ нарушителя и противника, плута и пьяницы и винопродавцы Гудима всѣ его на меня указаніи лживые приняты, а на отправленномъ от меня, яко давного и заслуженого и в высоч. Е. И. В. интересахъ повѣренного генерала и генерала-губернатора, минувшаго отъ 19-го апрѣля сего 1751 года к В. Г. С. писменномъ отвѣтѣ—неувѣреность; да онъ же, Гудимъ, какъ вышеобъявлено, явной плутъ и указомъ противной и подозрителной и лживой человѣкъ и пьяница, и затѣмъ такова плута не толико за сотника, но по силѣ о таковыхъ противникахъ гетьманскихъ универсаловъ и за доброго козака я не признаваю, для того что во оныхъ гетьманскихъ универсалѣхъ точно повелѣваетъ таковыхъ указомъ и универсаломъ противниковъ и продерзостниковъ, неуказнымъ виномъ шинкователей, хотя бы наизнатнѣйшій кто былъ, из козачьего реестра выписать, с которымъ, яко с негоднымъ человѣкомъ, уже мнѣ и подъ слѣдствіемъ быть весьма обидно, ибо всѣ тѣ его плутскіи на меня показаніи затѣйные и лож-

ные; при томъ же истинно В. Г. С. доложу: ежели бы въ Кіевѣ, Нижнемъ городѣ, на Подолѣ, за столника (sic) офицера и солдатъ въ караулѣ во учрежденіи не было, то бы отъ него, Гудима, яко весьма продерзостного и нахалного человѣка, и смертные съ кіев. мѣщанами убивства послѣдовать могли, ибо и за тѣмъ карауломъ, по его нахальству, не только на улицахъ и на площади, но и при самой Кіев. ратушѣ отъ него, Гудима, яко весьма непостоянного и продерзкого человѣка, забойство и драки и похвалки бить до смерти происходили за то едино, дабы ему, Гудиму, въ воровскомъ его неуказномъ виномъ шинкованіи помѣшки не чинили. А по высоч. Е. И. В. имяннымъ указамъ точно повелѣваетъ кіев. мѣщанъ кіев. генералъ-губернаторомъ и губернаторомъ охранять и до обидъ не допускать; к тому жъ, какъ В. Г. С. доволно извѣстно, яко г. Кіевъ славной и пограничной, въ которомъ часто бываютъ иностранные люди, я же въ ономъ по высоч. Е. И. В. указомъ главнымъ состою командиромъ,—и въ такомъ случаѣ, будучи при такой главной командѣ, весьма ему, Гудиму, таковыхъ продерзостей и самовольскихъ и протчихъ противныхъ поступокъ и дракъ чинить неприлично и мнѣ то не безъобидно, а отъ иностранныхъ людей, которые по большой части и квартерами пребываніе имѣютъ въ Кіевѣ, Нижнемъ городѣ, на Подолѣ, и не безъ зазрѣнія происходитъ.

Буде же В. Г. С-ву вышеобъявленные его, Гудимовы, толь многіе самовольные и противные и нарушительные указомъ продерзости неимовѣрны, то не соизволите ль В. Г. С. повелѣть кого отъ себя нарочного на Подолъ прислать изслѣдовать. И того ради В. Г. С. покорнѣйше прошу приказать оного Гудима за вышеобъявленные его плутни и корчемство, а паче за противность и нарушеніе указовъ отъ сотничества отрѣшить или перевести изъ Кіева по воли Вашей въ другое мѣсто, а на его мѣсто опредѣлить другого достойного и добросовѣстного человѣка, дабы отнынѣ впредь болѣе отъ такова плута и весьма подозрительного и указамъ противного человѣка мнѣ обиды, а В. Г. С-ву докуки происходить не могло.

II.

Ордеры гетмана гр. К. Разумовскаго полковой кіевской старшинѣ: 1) отъ 25-го августа 1751 г.

Минувшаго февраля 18 д., въ бытность нашу въ С.-Петербургѣ, сотникъ кіевскій Павелъ Гудимъ подалъ намъ доношеніе о приклю-

ченныхъ ему якобы отъ г. генерала-аншефа кіевскаго генерала-губернатора и кав. Леонтьева обидахъ привлеканіемъ его въ свою команду, випустошеніемъ лѣса, при с. Нещеровѣ имѣющагося, непропускомъ въ тое село, учрежденіемъ форпостовъ не при самой границѣ рубежа россійскаго съ польскою стороною, но съ упущеніемъ за форпосты собственной его, сотника, купленной внутрь россійской границы земли немалого числа и другихъ обидахъ. И по тому доношенію, съ повелѣнія нашего, отъ присутствовавшихъ въ Генеральной канцеляріи гг. генеральной старшины писано къ оному г. генералу и генералу-губернатору о нечиненіи ему, сотнику, такихъ обидъ; а прошедшаго апрѣля 27 д. онъ, г. генералъ, въ присланномъ къ намъ писаніи, показалъ, что де ему, сотнику, таковыхъ обидъ никогда причиняемо не было, и самовольно къ командѣ его, г. генерала, не привлекано, и тое де все отъ него, Гудима, затѣяно напрасно, а Нещеровскій де лѣсъ состоитъ въ нероздѣлѣ зъ обывательми обуховскими, подданными его, г. генерала, и для того въ тотъ лѣсъ обуховцы для единыхъ дровъ въѣздъ имѣютъ, земли же не точію его, Гудима, но и ничіей другой въ польскую сторону и ни на едну четверть аршина не уступано, да и форпосты тамо по рѣкамъ Стугнѣ и Ирпеню учреждены еще до бытности въ Кіевѣ его, г. генерала и кав.; а при томъ объявлялъ же на оного сотника, Гудима, о происходившихъ якобы отъ него, Гудима, въ прошлыхъ годѣхъ [1])......... то потому.... Ген. канц. повелѣно по порядку въ полковой Кіевской канцеляріи въ силѣ правъ малороссійскихъ, при доказательствѣ по тому присланного отъ него г. генерала и кав. и отъ Кіевскаго магистрата учинить разсмотрѣніе и рѣшеніе. Нынѣ же онъ, Гудимъ, повторительно принеслъ намъ жалобу, прося объ оныхъ же происшедшихъ (убыткахъ) якобы отъ него, г. генерала, и вновь завладѣніемъ Нещеровской собственной нахатной земли на восемьдесятъ денъ, да вырубкою съ того жъ Нещеровскаго его, Гудима, лѣсу болѣе трехъ тысячъ деревъ въ с. Обуховъ на полисадникъ и рогатки, надлежащаго разсмотрѣнія. И понеже по таковымъ о земскихъ расправахъ дѣламъ всякаго званія и чина владѣльцы, имѣющіе въ Малой Россіи во владѣніи своемъ земли, по силѣ высоч. Е. И. В. указовъ, судамъ малороссійскимъ подлежатъ для разсмотрѣнія оныхъ дѣлъ по малороссійскимъ правамъ,

[1]) Верхней части листовъ и строкъ около четырехъ не достаетъ.

того ради, оное его, сотника, доношеніе у сего въ оригиналѣ прилагая, повелѣваемъ полк. Кіев. канцеляріи, что принадлежитъ до той якобы завладѣнной его, сотника Гудима, пахатной земли и выпустошенія лѣсу, учинить въ оной полк. Кіев. канцеляріи, по силѣ малорос. правъ, надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе при нарочно уповѣренномъ до того дѣла отъ него, г. генерала и кав.; а что касается по показаніямъ оного жъ сотника Гудима до учрежденія форпостовъ будто съ уступкою немалой части его, сотника, земли въ польскую сторону, изъ чего де причину возимѣли поляки оную присвоивать и его до владѣнія не допускать, а форпосты де на оной землѣ . . . . . . съ той же полк. канцеляріи изъ полковой старшины и снабдя инструкціею, отправить на тѣ мѣста, гдѣ якобы его земля за форпостами упущена а учинить освидѣтельствованіе съ опредѣленнымъ къ тому отъ него г. генерала и кав., офицеромъ, есть ли какая его, сотника, земля во упущеніи за форпостами и сколь много? и форпосты для какой способности на томъ, а не въ другомъ мѣстѣ учреждены? и чинится ли ему, сотнику, чрезъ то отъ польской стороны какова обида? и, что по освидѣтельствованію ихъ общему явится, о томъ намъ представить. Дабы же къ тому, за прибытіемъ старшины полкового, отъ него, г. генерала и кав., отправить кого пристойно изъ офицеровъ на тѣ пограничные земли, о томъ къ нему, г. генералу и кавалеру, отъ насъ писано.

2) отъ 31-го октября того же 1751 года.

(По прописаніи сущности перваго ордера): «но что по оному исполненіемъ отъ полк. Кіев. канцеляріи послѣдовало, репорта здѣсь въ полученіи не имѣется. А сего октября 11-го онъ же, г. генералъ и генералъ-губернаторъ и кав., между иннымъ письменно показывая, что де оной кіевскій сотникъ Гудимъ приносилъ намъ жалобу повторительно на него, г. генерала, во всемъ вышеписанномъ напрасно, затѣянно и ложно, а онъ де, сотникъ Гудимъ, многіе починилъ въ г. Кіевѣ самовольные нахальства, драки, противные и нарушительные указамъ продерзости и поступки, какъ въ томъ его, г. генерала и кав., письмѣ пространнѣе обстоятельно выражено, просилъ о тѣхъ его, Гудима, поступкахъ и продерзостяхъ изслѣдовать, а его, сотника Гудима, за явленные якобы плутни и корчемства, а паче за противность и нарушеніе указовъ отъ сотничества отрѣшить или перевесть

изъ Кіева въ другое мѣсто, а на его мѣсто опредѣлить другого достойного и добросовѣстного человѣка. И хотя отъ насъ къ оному г. генералу и кав. писано, показуя сіе, что, прежде окончанія надъ помянутымъ сотникомъ повелѣнного слѣдствія и узнанія въ чемъ-либо винности его, отъ команды его отрѣшать и на мѣсто его опредѣлять другого не слѣдуетъ; однако, дабы скорѣе повелѣнное надъ нимъ слѣдствіе могло быть окончено, того ради, сообща из оного его, г. генерала и кіевскаго генерала-губернатора и кав., письма при семъ въ полк. Кіев. канцелярію справочную копію, повелѣваемъ оной полк. канцеляріи, по силѣ прежнихъ ордеровъ, такъ по доношеніямъ часто упоминаемого сотника Гудима якобы въ завладѣніи его земли и выпустошеніи лѣсу и въ протчемъ, яко и по означенному его, г. генерала и кав., письму о починенныхъ якобы сотникомъ Гудимомъ въ г. Кіевѣ многихъ разныхъ самовольныхъ нахальствахъ, дракахъ и противныхъ указамъ поступкахъ и продерзостяхъ, учинить по силѣ правъ малороссійскихъ разсмотрѣніе и рѣшеніе при нарочно повѣренныхъ къ тому отъ него, г. генерала и кав., и отъ магистрату Кіевскаго, которые дабы были опредѣлены, о томъ и нынѣ къ нему, г. генералу и кав. Леонтьеву, писано. А что касается до учрежденія форпостовъ будто съ уступкою его, сотника, земли въ польскую сторону немалой части, то ко узнанію, не затѣваетъ ли онъ, сотникъ, того показывать напрасно, нарядя изъ старшины полковой и снабдя инструкціею, за силу прежняго ордера, буде не отправлено, то заразъ отправить на тѣ мѣста, гдѣ якобы та оного сотника земля за форпостами упущена, и учинить освидѣтельствованіе съ опредѣленнымъ къ тому отъ него, г. генерала и кав., офицеромъ, есть ли какая земля во упущеніи и сколь много? и форпосты для какой способности на томъ, а не въ другомъ мѣстѣ учреждены? и чинится ль ему, сотнику, чрезъ то отъ польской стороны какая обида?—и, что потому явится, о томъ намъ представить немедленно.

3) отъ 19-го ноября 1751 г.

На доношеніе ваше, взнесенное къ намъ на посланный отъ насъ ордеръ о учиненіи въ полк. Кіев. канцеляріи о приключенныхъ якобы отъ г. генерала-аншефа кіев. ген. губернатора и кав. Леонтіева сотнику кіев. Павлу Гудиму разныхъ обидахъ надлежащого по силѣ пра... мотрѣнія и рѣшенія при нарочно уповѣренномъ отъ него,

г. генерала губернатора и кав., и объ отправленіи полковой старшины къ освидѣтельствованію съ опредѣленнымъ отъ него жъ, г. ген. губернатора, офицеромъ форпостовъ, кои будто учреждены съ уступкою немалой части его, сотника, земли въ польскую сторону, съ представленіемъ, что де для того, по силѣ ордера нашего, форпостовъ освидѣтельствованія вся старшина полковая кіевская, по причинѣ имѣючогось на оную отъ его, г. генерала и кав., гнѣву и произносимыхъ похвалокъ за уписаніе полковою канцеляріею ранговыхъ его г. генерала и кав. селъ, не бывшихъ до того ни въ какой дачѣ, въ число тяглыхъ обывателей къ отбуванію общенародныхъ повинностей, ѣхать, дабы какова безчестія или увѣчья не воспослѣдовало, крайне опасны; а сверхъ того яко въ полк. канцеляріи чрезъ произвожденія о гайдамакахъ, бывшихъ въ Польшѣ на разбояхъ, слѣдствій умножилось дѣлъ, коихъ де въ разсмотрѣніи изъ старшины полковой три человѣка точію, грамоты и писать умѣющіе, находятся, и съ требованіемъ о нарядѣ кого зъ старшинъ другого полку ко освидѣтельствованію тѣхъ форпостовъ разсмотрѣнія,—чрезъ сіе вамъ повелѣваемъ для того форпостовъ освидѣтельствованія, заподлинно ли оные, какъ сотникъ Гудимъ показываетъ, на его собственной землѣ съ упущеніемъ въ польскую сторону немалого числа учреждены, изъ васъ старшинъ полковыхъ въ потребное время конечно отправиться одному надлежитъ безъ всякихъ отговорокъ, ибо то не отъ себе оный старшина, но по повелѣнію нашему учинить будетъ долженъ; да и тое освидѣтельствованіе потребно для увѣдѣнія, не затѣваетъ ли онъ, сотникъ, то показывать напрасно, о чемъ и къ оному г. генералу и кіев. ген. губернатору и кав. о бытіи у того освидѣтельствованія изъ полковой кіевской старшины отъ насъ писано.

III.

Челобитная Ивана Гудима отъ имени своего отца Павла въ Правител. Сенатъ,—въ концѣ ноября 1767 г.

1) Прошлаго 1760 г. апрѣля 19 дня, по прошенію маіора и бывшаго кіевскаго войта Ивана Сычевскаго, служителя его Петра Жураховскаго принялъ я за приказщика къ торговлѣ въ лавки съ такимъ договоромъ, чтобы ему, Жураховскому, подъ росписки въ моей записной книгѣ отъ мене деньги получая, въ лавку товары покупать

и оные продавать, а по окончаніи всякого года ращетъ менѣ давать, оказавшійся жъ барышъ межъ собою дѣлить по-поламъ, о чемъ съ онымъ Ж-мъ погодно заключаемы были контракты, что продолжалось между нами до прошлого 1765 г. ноября до 23 числа; а какъ того жъ года и мѣсяца, по учиненному ращету, оказалось на ономъ Ж-мъ моихъ торговыхъ денегъ 2360 руб., которые долженъ былъ онъ, въ силу означенныхъ контрактовъ, какъ и напредъ того происходило, при окончаніи ращетовъ мнѣ отдать, о чемъ о всемъ свидѣтельствоват могутъ его ручные имѣющіеся въ книгѣ моей записки и на 763 годъ данный имъ Ж-мъ мнѣ контрактъ, съ коего при семъ точную копію прилагаю.

2) Прошлого жъ 763 году, въ небытности моей въ Малой Россіи, онъ, Ж-скій, взялъ у жены моей данной было мнѣ мѣщ. кіев. Стефаномъ Дмитровичомъ вексель суммою въ 400 руб., а вмѣсто оного реченной Ж. на свое имя въ такой же суммѣ вексель написавъ и женѣ моей далъ; но какъ я прошлаго 1765 г. при прописанномъ ращетѣ вышеупомянутыхъ барышныхъ и по векселю надлежащихъ объявленныхъ 400 рублевъ востребовалъ, то оной Ж. мнѣ объявилъ, что вся вексельная и барышная сумма имъ употреблена якобы на покупку товаровъ, съ чего я не иное что заключилъ, какъ его Ж-го недѣльную отговорку, за что, а паче что со всей объявленной суммы началъ крайне малые барыши являть, я оного прикащикомъ болѣе держать у себя не пожелалъ, при чемъ послѣдовала между нами сдѣлка такова: я уступилъ ему всѣ означенные товары, а онъ на всю сумму далъ мнѣ два векселя, которыми обязался 600 руб. заплатить съ прописанного 765 г. сентября 11 дня въ шесть мѣсяцовъ, а 2160 руб. того жъ году ноября отъ 23 д. въ годъ; и когда оному шестисотному векселю срокъ кончился, то въ уплату оной Ж. мнѣ только далъ сто рублевъ, при чемъ вексель переписалъ и обязался тѣ остальные 500 руб. отъ того жъ мѣсяца и числа отдать въ годъ; а когда обоимъ векселямъ въ прошломъ 766 году въ мѣсяцахъ сентябрѣ и ноябрѣ сроки кончились, и востребовалъ я у него по тѣмъ векселямъ всей суммы, то онъ Ж. мнѣ объявилъ, что де одинъ только пятисотный вексель, а по другому точію третюю часть, т. е. 720 руб., тогда выплатитъ, а объ остальныхъ 1440 руб. просилъ меня съ кіев. мѣщанами разсрочки; которую разсрочку на прошеніе оныхъ и его Ж-го, за спросомъ бывшаго тогда въ Кіевѣ нотаріуса

Василія Москвитинова, яко онъ при томъ былъ и объявлялъ, что вексельной уставъ кредитору на векселѣ разсрочку чинить дозволяетъ, по сему векселю должно раздѣлить на три года деньги и давать ежерочно полную часть денегъ съ полнымъ процентомъ, и подъ тѣмъ имя и прозваніе свое я подписалъ и ту разсрочку въ книгу того жъ нотаріуса Москвитинова записалъ.

3) А когда оной Ж. усмотрѣлъ ту разсрочку, то и тѣмъ 1220 руб. деньгамъ въ платежѣ чинить проволочку началъ; почему я оные оба векселя чрезъ объявленного жъ нотаріуса въ надлежащее время протестовалъ и прошлого 766 г. декабря 15 д. въ Кіев. магистратъ съ прошеніемъ съ онымъ Ж-мъ поступленія по вексельному уставу доношеніе подалъ; по которому доношенію, а больше въ охраненіе вексельнаго устава, того жъ дня онъ Ж. въ тотъ магистратъ сысканъ и данною въ ономъ магистратѣ сказкою призналъ, что тотъ на немъ Ж. мой по векселямъ искъ справедливой, но къ платежу по тѣмъ моимъ векселямъ показалъ несостоятельнымъ; почему тотъ магистратъ, на основаніи векс. устава гл. 36, приговорилъ товары и имѣніе его Ж., чрезъ нарочныхъ переписавъ и оцѣнивъ, съ публичного торгу продать и меня по векселямъ удовольствовать. По коему опредѣленію товары и имущество, кое онъ объявилъ, переписано, оцѣнено и въ магистратъ для публичной продажи забрано. За наступленіемъ же тогда праздника Рожд. Хр. опредѣленнымъ продавать было не можно, почему и оной Ж. изъ-подъ караула на поруки свобожденъ; въ продолженіи чего онъ Ж., сыскуя способъ ко избѣжанію отъ надлежащаго съ него по векселямъ взысканія (и будучи извѣстенъ, что г. ген. анш. и кіев. ген. губернаторъ Ф. М. Воейковъ и ген. м. и кіев. об. ком. Елчаниновъ на меня гнѣвны и имѣютъ со мною приказную въ сумежныхъ грунтахъ ссору), для того измыслилъ подать въ Кіев. губ. канц. на меня наклонное челобитье, въ коемъ написалъ, будто бы онъ у меня прикащикомъ не былъ, а я у него изъ прописанной суммы якобы бралъ неуказные проценты, чего онъ никогда доказать не можетъ, ибо, кромѣ свидѣтелей о томъ, имѣю я его ручные письменные доказательства (съ коей челобитной выданную мнѣ копію изъ Кіев. губ. канц. для усмотрѣнія при семъ сообщаю); которой челобитной отъ оного Ж-го хотя оной губ. канц., въ силу малорос. правъ кн. Статутъ, розд. 4, арт. 65 и 88, тако жъ въ наблюденіе Соборнаго Уложенія гл. 10, п. 253 и Ген. Регл. гл. 19 напечатанныхъ, безъ

написанія свидѣтелей вовсе принимать не слѣдовало, однако принята и во всекрайнѣйшую мою обиду, а паче въ противность векс. устава, по рѣшенію оного магистрата, на коемъ онъ Ж. никакова недовольства не объявилъ, по векс. моему иску исполненія чинить и меня по векселямъ довольствовать оная губ. канц. магистрату Кіев. указомъ запретила, а по той его Ж. поклепной челобитной, въ противность малорос. правъ и высоч. грамоты блаж. и вѣчно дост. памяти гос. имп. Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійской, 1756 г. мая 13 дня къ малорос. гетману состоявшейся, всемилостивѣйше запрещено никому изъ генералитета, изъ великороссійскихъ командировъ никого изъ малороссіянъ подъ великороссійской судъ не привлекать, тако жъ и въ Ген. Регл. гл. 27 узаконено всякой народъ управлять по ихъ утвержденнымъ правамъ и привилегіямъ, оная Кіев. губ. канц. надо мною, въ силу указа о формѣ суда, судъ произвесть опредѣлила; и хотя въ оную губ. канц., со изъясненіемъ въ обстоятельствахъ сего дѣла, съ прописаніемъ приличныхъ законовъ, челобитную и доношеніе я подавалъ, но какъ на оные, такъ равно и на особо поданное г. ген. губ. Воейкову отъ меня доношеніе никакой резолюціи не получилъ, о чемъ всемъ съ прошеніемъ защиты малорос. ген. губернатору и кав. е. с гр. П. А. Румянцову подавалъ я двое доношенія, изъ коихъ по первому никакой резолюціи не получилъ, а другое не въ сходство моей просьбы за помѣтою мнѣ секретарь возвратилъ; кое подлинное для усмотрѣнія при семъ сообщаю.

4) Итакъ, по вышеписаннымъ обстоятельствамъ принужденнымъ я себя нашелъ В. И. В. въ Правит. Сенатъ представить: 1, что Кіев. губ. канц. отъ предписанного Ж-го челобитную, въ противность вышеписанныхъ законовъ, приняла неподлежащую до ея разсмотрѣнія, и рѣшенное въ магистратѣ Кіев., въ силу векс. устава, дѣло надъ законы по реченной челобитной пріостановила и меня, по силѣ указа, о формѣ суда состоявшагося, мимо команду мою и въ противность малорос. правъ, единственно для собственныя моея обиды и разоренія по причинѣ имѣющагося объявленныхъ персонъ на меня гнѣву, привлекла къ отвѣту неподлежаще; 2. оная канц. послѣднее дѣло предпочла первому, да еще состоящему въ вексельной претензіи, ибо ежели бы и доподлинно отъ меня произошло взятье неуказныхъ процентовъ, то оной Ж. имѣлъ свободу и долженъ напредъ того, гдѣ надлежитъ, протестовать или въ сказкѣ, взятой съ него въ магистратѣ Кіев., объявить,

а не тогда, когда уже по иску моему надъ нимъ поступлено въ силу векс. устава, оныя свои неправедныя оправданія и просьбы заносить.

И дабы высоч. В. И. В. указомъ повелѣно было сіе мое челобитье Правит. Сената въ 3-й департаментъ принять и, въ силу векс. устава, по рѣшенію Кіев. магистрата исполненіе учинить, а въ недостаткахъ по той моей вексельной претензіи (ибо онъ Ж. умышленно объявилъ свое къ платежу несостояніе), въ силу таможеннаго суда, его допросить и, въ сходство векс. устава, съ онымъ поступить; а за причиненные мнѣ чрезъ цѣлой годъ волокиту и убытки, отъ кого то произошло, по тому жъ векс. уставу, меня удовольствовать; надъ малороссійскіе жъ права неналежне по формѣ суда подъ судъ не привлекать, о чемъ В. И. В., куда надлежитъ, указы послать.

Примѣчаніе. По этой челобитной 11 генваря 1768 г. въ Правит. Сенатѣ *приказали* (какъ видно изъ указа на имя Воейкова): «буде подлинно такъ, какъ показанной проситель объявляетъ, Кіев. губ. канцелярія рѣшенное въ Кіев. магистратѣ дѣло его съ помянутымъ Ж-мъ остановила и его къ отвѣту привлекаетъ незаконно, то бъ въ такомъ случаѣ вы, г. генералъ-губернаторъ, сіе дѣло поручили разсмотрѣть и рѣшить, кому заблагоразсудите, и показать на обѣ стороны справедливость по законамъ и, что учинено будетъ, Сенату дать знать».

IV.

Доношеніе Павла Гудима въ учрежденную при Кіев. губ. канцеляріи пограничныхъ дѣлъ экспедицію,—отъ 12 декабря 1765 г.

«Прошедшаго 764 году, за силу высоч. Е. И. В. указа, отъ всѣхъ малороссійскихъ правленій и владѣльцовъ, коликое число малороссійскихъ козаковъ и посполитыхъ людей и съ чьего владѣнія въ Польскую область сойшло и гдѣ находится, именные списки взиманы; въ коемъ числѣ и о изошедшихъ изъ владѣнія моего села Нещерова и слободки Гудимовки подданныхъ имянной списокъ взятъ, которой уповательно и въ оной учрежденной экспедиціи имѣется, и что между протчихъ владѣльцовъ о изшедшихъ з Россіи в Польшу подданныхъ россійскихъ, въ томъ числѣ моихъ нещеровскихъ и слободскихъ подданныхъ (до состоянія въ Малой Россіи прошлогодной

податной избовой и подушной ревизіи и до опубликованія состоявшагось королевского о выдачѣ изъ Польши россійскихъ обывателей манифеста) изшедшихъ людехъ производится въ оной, резолюціи ожидать вслѣдствіе оной имѣю; сего жъ 765 году вновь съ оного моего села Нещерова и слободки Гудимовки, по сочиненіи уже помянутой ревизіи, до публикованія здѣсь и въ Польши прописанного королевского манифеста, подданныхъ моихъ семей пятьнадцать въ Польскую область бѣжали со всѣмъ ихъ болѣе двадцати лѣтъ въ подданствѣ въ меня нажитымъ имуществомъ; коихъ моихъ подданныхъ тамошніе губернаторы, иначе сказать приказчики, въ отмѣнность того манифеста, припимаютъ къ себѣ, укрываютъ и отъ подлежащаго нынѣшняго отъ тѣхъ подданныхъ по учиненіи ревизіи ежегодного рублеваго оклада защищаютъ; я же за нихъ принужденъ буду напрасно оплачивать (какъ то уже за первый нынѣшній кварталъ года за тѣхъ подданныхъ моихъ и заплатилъ), и ежели впредь мнѣ жъ доведется за оныхъ платить, то могу прійтить къ безвинному разоренію. Того ради, учрежденной по высоч. указу оной пограничной экспедиціи покорнѣйше прошу о выдачѣ на прежнее природное россійское жилище подданныхъ моихъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, куда надлежитъ, противъ приложенного регистра, къ кому жъ надлежитъ, писать и затѣмъ нарочного (хотя на мой счетъ) отправить и о семъ учинить милостивое опредѣленіе.

Абшитованный асаулъ полковый Павелъ Гудимъ, а за отлучкою его, по повелѣнію его жъ, сынъ его жъ войсковый товарищъ Григорій Гудимъ подписался.

Примѣчаніе. Въ приложенномъ реестрѣ значится бѣжавшихъ изъ с. Нещерова 12 хозяевъ и изъ слободки Гудимовки 3 хозяина, при чемъ каждый «съ женой и дѣтьми», одинъ—«съ матерью, братомъ и сестрой», одинъ съ тещей и тремя шуринами, такъ что, кромѣ дѣтей, бѣжавшихъ взрослыхъ лицъ оказывается 37. Въ реестрѣ обозначены и тѣ мѣста, въ которыхъ бѣжавшіе скрываются, и въ заключеніе говорится: «А зъ онихъ подданнихъ нѣкоторые задолжились мнѣ (Гудиму) до пятидесяти рублей денегъ, отъ которого долгу по болшой части и бѣжали».

V.

Рапортъ кіевскаго уѣзднаго стряпчаго Максима Иваненка губернскому прокурору Григорію Ивановичу Краснокутскому, — отъ 10-го іюня 1796 года.

Указомъ Кіев. уѣзд. суда, состоявшимся по указу Кіев. гражд. палаты, Кіев. ниж. земскому суду велѣно послѣдовавшій въ гражд. палату изъ Правит. Сената указъ по дѣлу, въ ономъ Сенатѣ рѣшенному, съ иску состоящаго въ казенномъ и ранговомъ кіев. оберъ-коменданта владѣніи казеннаго мѣстечка Обухова жителей Никиты Зленка и Ларіона Романка съ товарищи на коллежскаго ассесора, что нынѣ г. надворный совѣтникъ, Ивана Гудима-Левковича о завладѣніи имъ якобы самовольно лѣсами и лугами, принадлежащими къ тому м. Обухову, съ оставленіемъ оныхъ за отвѣтчикомъ Гудимомъ, при бытности со стороны казенной моей, учинить во всемъ точное по приложенному при томъ указѣ спорной земли плану исполненіе. Которой указъ Кіев. ниж. зем. судъ минувшаго мая 27 числа для исполненія объявилъ мнѣ, почему я, того жъ мая 28 числа, о отлучкѣ моей въ м. Обуховъ съ онымъ судомъ, доложась словесно Вашему Высокоблагородію и получа о отлучкѣ моей отъ В. В. позволеніе, отъѣхалъ съ тѣмъ судомъ въ м. Обуховъ. И, за прибытіемъ туда 29 числа мая, Кіев. ниж. зем. судъ далъ знать письменно обѣихъ половинъ, какъ казенной, такъ и оберъ-комендантской, войтамъ и прикащику о явкѣ ихъ и казенныхъ крестьянъ въ тотъ судъ къ урочищу вершины Сойчиной долины, гдѣ судъ, за явкою ихъ, объявля имъ Правит. Сената указъ, велѣлъ слѣдовать съ судомъ по граничнымъ знакамъ; но войты обѣихъ половинъ м. Обухова съ крестьянами весть судъ по тѣмъ гранямъ отказались; призваные же судомъ волостей Трипольской и Великобугаевской старосты и бывшіе съ ними крестьяне по гранѣ урочищемъ Сойчиною долиною до рѣчки Кобрина, а оттоль на мельницу обуховскаго жителя Зленка повели; и при семъ обводѣ видѣлъ я, что м. Обухова крестьянъ по лѣвую сторону Сойчиной долины многое число выстроенные домы, сады, огороды и хлѣбопашество; и какъ оконченъ сей обводъ, то, 31-го минувшого мая, за полученіемъ отъ В. В. мною ордера, которымъ мнѣ предписано въ самой скорости ѣхать въ Кіевъ и явиться у В. В., затѣмъ я тотъ же день въ 9 часу

по полуночи выѣхалъ въ Кіевъ, а ниж. зем. судъ, не взирая на ту мою отлучку, учинилъ безъ бытности моей подъ числомъ мая 30-го опредѣленіе, которымъ опредѣлилъ по вышепоименованнымъ обведеннымъ гранямъ по лѣвую сторону, въ силу указа Правит. Сената, лѣсу, лугамъ и малымъ чагирамъ и половинѣ Сойчиной долины оставаться во владѣніи Гудима-Левковича, а сверхъ того казенныхъ крестьянъ, въ томъ ниж. зем. суда опредѣленіи поименованныхъ, построеннымъ хатамъ и засѣянной рожи, подведя право книги Статутъ раздѣла 9, артикула 22 и книги Порядка на стр. 68, заключилъ оставаться жъ въ пользу Гудима-Левковича, чего, кажется, по мнѣнію моему, Кіев. ниж. зем. суду самимъ собою опредѣлять не слѣдовало, ибо указомъ Правит. Сената велѣно поискуеміе казенными крестьянами отъ Гудима-Левковича луга, лѣсъ и малые чагиры оставить Гудиму; слѣдовательно и надлежало то самое ниж. зем. суду исполнить, а къ выстроеннымъ избамъ и засѣянной ржѣ, такъ какъ на сей разъ подведенное судомъ статутовое право не объясняетъ, какимъ образомъ при исполненіи рѣшеній поступить, и, чтобы могл судъ сверхъ рѣшенія отъ себя что учинить, не наставляетъ, а повелѣваетъ засѣянное збожье арестовать, да и то, буде кто безъ иску самъ собою на чіей землѣ засѣетъ, оное, безъ отнесенія о томъ на разрѣшеніе высшей власти, дабы тѣмъ не сдѣлать казеннымъ крестьянамъ крайней обиды, касаться не было средства. Для того, прилагая при семъ съ того опредѣленія ниж. зем. суда копію, Вашему Высокоблагородію на благоразсмотрѣніе представляю.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ
ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ
(XVIII стол.).

Сообщилъ С. Голубевъ.

(Окончаніе).

по полуночи выѣхалъ въ Кіевъ, а ниж. зем. судъ, не взирая на ту мою отлучку, учинилъ безъ бытности моей подъ числомъ мая 30-го опредѣленіе, которымъ опредѣлилъ по вышепоименованнымъ обведеннымъ гранямъ по лѣвую сторону, въ силу указа Правит. Сената, лѣсу, лугамъ и малымъ чагирамъ и половинѣ Сойчиной долины оставаться во владѣніи Гудима-Левковича, а сверхъ того казенныхъ крестьянъ, въ томъ ниж. зем. суда опредѣленіи поименованныхъ, построеннымъ хатамъ и засѣянной рожи, подведя право книги Статутъ раздѣла 9, артикула 22 и книги Порядка на стр. 68, заключилъ оставаться жъ въ пользу Гудима-Левковича, чего, кажется, по мнѣнію моему, Кіев. ниж. зем. суду самимъ собою опредѣлять не слѣдовало, ибо указомъ Правит. Сената велѣно поискуеміе казенными крестьянами отъ Гудима-Левковича луга, лѣсъ и малые чагиры оставить Гудиму; слѣдовательно и надлежало то самое ниж. зем. суду исполнить, а къ выстроеннымъ избамъ и засѣянной ржѣ, такъ какъ на сей разъ подведенное судомъ статутовое право не объясняетъ, какимъ образомъ при исполненіи рѣшеній поступить, и, чтобы моглъ судъ сверхъ рѣшенія отъ себя что учинить, не наставляетъ, а повелѣваетъ засѣянное збожье арестовать, да и то, буде кто безъ иску самъ собою на чіей землѣ засѣетъ, оное, безъ отнесенія о томъ на разрѣшеніе высшей власти, дабы тѣмъ не сдѣлать казеннымъ крестьянамъ крайней обиды, касаться не было средства. Для того, прилагая при семъ съ того опредѣленія ниж. зем. суда копію, Вашему Высокоблагородію на благоразсмотрѣніе представляю.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ

ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ

(XVIII стол.).

Сообщилъ С. Голубевъ.

(Окончаніе).

Копія съ письма бываго виленского старшого іеромонаха Θеофана къ оберъ-секретарю Иностранной Коллегіи Андрею Никифоровичу Суровцову, отъ 15 генваря 1759 года, въ Санктпетербургѣ поданного.

По титулѣ: Было ль по чему преосвященному Санктпетербургскому предъ его сіятельствомъ графомъ канцлеромъ неслыханныя нарѣканія на мене произносить и существенно по этимъ своимъ нареканіямъ, отъ дѣла мене оторвавъ, съ Иностранной Коллегіи въ Святѣйшій Синодъ требовать,—можетъ о семъ всякъ разсудить съ доношенія, посланного отъ мене въ Святѣйшій Синодъ. И понеже еще прежде присланного на мене изъ Вильны доношенія нѣкоторые изъ Святѣйшаго Синода членовъ договорились между собою, какъ бы мене въ свои руки попасть и что со мною здѣлать, то тѣ всѣ ихъ нарѣканія, были только харя для прикрытія злохитрныхъ своихъ святительскихъ умышленій. Того ради, ваше высокородіе всепокорнѣйше прошу какъ копію доношенія, которое я сегожъ мѣсяца генваря 11 д. въ Святѣйшій Синодъ послалъ, такъ и другое мое здѣсь же приложенное доношеніе первѣе господамъ министрамъ представить, а потомъ къ его сіятельству графу канцлеру послать, дабы я доношеніемъ, при которомъ мене Иностранная Коллегія, прежде окончанія моего дѣла, въ Святѣйшій Синодъ имѣетъ отправить, не былъ преданъ за ревностные и вѣрноподданническіе мои труда въ очевидную погибель: ибо уже и солдаты съ Святѣйшаго Синода за мною посланы; а инако, находясь въ опасности здравія, чести и самой жизни, принужденъ буду самую Всемилостивую Государиню трудить.

Копія съ прошенія бываго виленского старшого іеромонаха Θеофана Его Высокопревосходительству Ивану Ивановичу Шувалову, отъ 24 д. генваря 1759 года, въ Санктпетербургѣ поданного.

По титулѣ: Вашего Высокопревосходительства являемая всѣмъ бѣднымъ и безпомощнымъ людямъ милость подала мнѣ дерзновеніе, а моя самокрайнѣшая нужда убѣдила мене Вашему Высокопревосходительству этимъ моимъ маловажнымъ прошеніемъ стужать, всепокорнѣйше доносить, коимъ образомъ я, нижайшій, будучи въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ благочестиваго россійскаго монастыря настоятелемъ, принялъ на себе трудъ какъ бы пастырскою ревно-

стію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, а высокоминистерскимъ пособіемъ государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи не только остатокъ нашего грекороссійскаго закона въ Польщѣ непоколѣбимо удержаться, но какъ бы и всѣ благочестивые монастырѣ и церкви по прежнему освободиться возмогли, которые польское римской вѣрѣ духовенство у единовѣрныхъ нашихъ не по какимъ правильнымъ причинамъ, но безсовѣстно, нагло, усильственно и съ премногимъ кровопролитіемъ отняло. О чемъ отъ мене въ Иностранную Коллегію по секретной экспедиціи пространное дѣло подано, которое утверждается на общенародныхъ узаконеніяхъ, на заключенныхъ между Россіею и Польщею вѣчномирныхъ трактатахъ и на имянныхъ Ея Императорскаго Величества нашей Всемилостивѣйшей Государини и дражайшаго Ея родителя высокославныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Первого указахъ; хотя же Иностранная Коллегія, показанное мое дѣло съ немалою радостію приняла и въономъ дѣлѣ всемѣрно и знатно труждается, однако изъ Святѣйшаго Синода членовъ преосвященной Санктпетербургской и его единомышленники, вмѣсто того, чтобъ мнѣ въ трудахъ моихъ общеполѣзныхъ и толь тяжелыхъ, по пастырскому своему долгу, вспоможеніе дѣлать, противнымъ образомъ, такъ жестоко на мене враждуютъ и гонятъ, что я, нынѣ по ихъ угроженіямъ и хитростнымъ проискамъ, не токмо съ моею честію и здравіемъ, но и съ самою жизнію въ опасности нахожусь. Того ради, яко бѣдной и безпомощной человѣкъ, въ глубочайшемъ моемъ смиреніи, къ стопамъ Вашего Высокопревосходительства припадаю и всепокорнѣйше прошу Святѣйшого Синода члену, преподобнѣйшому господину отцу Гедиону, архимандриту Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, милостиво зарекомендовать, дабы мужъ, которой, по силѣ божественныхъ правилъ и высокомонаршихъ Ея Императорскаго Величества указовъ, правосудіе безъ всякого пристрастія наблюдаетъ, мене отъ напрасного нападенія архіепископа Сильвестра и его единомысленниковъ до тѣхъ поръ въ Святѣйшемъ Синодѣ защищалъ, покамисть вышъреченное мое дѣло обстоятельно и совершенно не представится.

Экстрактъ съ указа въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ къ преосвященному Арсенію, митрополиту кіевскому, февраля 5 д. 1759 года состоявшагося.

По указу Ея Императорского Величества, Святѣйшій Синодъ, слушавъ взнесенного Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ на посланные въ оную Ея Императорского Величества изъ Святѣйшого Правительствующаго Синода указы о бывомъ виленскомъ старшомъ іеромонахѣ Ѳеофанѣ Леонтовичѣ, въ туюжъ Коллегію отосланномъ, къ надлежащему о показыванныхъ имъ, Леонтовичемъ, тамошнихъ заграничныхъ, до благочестія касающихся, обстоятельствахъ разсмотрѣнію, во отвѣтъ доношенія, коимъ, между протчаго, представлено, что оной Коллегіи нынѣ до его, іеромонаха Ѳеофана, никакой потребности нѣтъ, и по представленію Вашего Преосвященства можно его, Леонтовича, нынѣ къ Вашему Преосвященству отправить. А что де касается до учененныхъ имъ, Леонтовичемъ, по дѣлу о находящихся въ Польщѣ и Литвѣ грекороссійскаго закона людехъ, поданныхъ отъ него въ Коллегію (съ коего при томъ приложена копія, съ слѣдующими къ тому подлинными приложеніями и учиненными съ нѣкоторыхъ изъ нихъ переводами) пространныхъ представленій, то де оныя въ той Коллегіи уже разсмотрены и, по разсужденію оной же Коллегіи, всѣ тѣ представленнія имъ, Леонтовичемъ, неумѣренныя средства, за показанными въ томъ доношеніи резонами, отнюдь въ дѣйство произведены быть не могутъ. Развѣ не излишне бъ было приказать нынѣ назначенную имъ, Леонтовичемъ, въ доношеніи своемъ отъ имени грекороссійскія въ Польще церкви жалобу, на латинскомъ или польскомъ языкѣ, въ запасъ ему жъ, Леонтовичу, сочинить и на аппробацію Святѣйшому Синоду представить. Того ради приказали, по означенному въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ представленію, вышепомянутую жалобу, не разглашая и не объявляя никому, сочинить на россійскомъ и на латинскомъ или польскомъ языкахъ, подъ особливымъ Вашего Преосвященства наблюденіемъ, благопристойнымъ образомъ, въ подлежащихъ терминахъ, твердо и ясно, основательно и доказательно, съ вѣроятными доводами, порядочно и политично, со всякою умѣренностію. Потомъ же, оное его, іеромонаха Леонтовича, сочиненіе разсмотря Вашему Преосвященству во всемъ испытно, и, буди никакого

въ немъ сумнительства и противнаго не обращается, при доношеніи своемъ къ разсмотрѣнію прислать съ вѣрною оказіею въ Святѣйшій Сvнодъ.

Къ сему приложенію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ Доруминъ.

Д.—Копія съ доношенія, посланногоизъ Вильны въ Кіевъ касательно озлобленія и защищенія единовѣрныхъ нашихъ въ Польще людей.

Великому господину ясне въ Богу преосвященнѣйшему Тимоѳею Щербацкому, архіепископу митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малыя Россіи, покорнѣйшое доношѣніе.

Прошедшаго 1755 года, ноября 22 д., въ день погребенія покойнаго Самуила Журобинского, мѣщанина и купца знатнаго виленскаго благочестиваго, ишолъ я со всею братіею и братствомъ здѣшнимъ за тѣломъ помянутого господина, съ обыкновенною церемоніею и пѣніемъ грекороссійской церкви; а студенты здешніе езуитскіе, окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ и присовокупивъ къ себѣ немалое число изъ мѣщанской челяди обоего пола, почали шумѣть, набоженству нашему наругатся и съ пѣнія церкви нашей при погребеніи преставльшихся обыкновеннаго: *Святый Боже* et caet., безстуднымъ своимъ козлогласіемъ насмѣватся, грязью, кирпичами и каменіямъ на насъ бросать. На что смотря, единъ урмянинъ (котораго имя и прозваніе вѣстимо), или отъ студентовъ нарочно напрошенъ или самъ отъ себе такою ихъ продерзостію поощренъ, не усумнѣлся между нашихъ людей на лошади ворваться и іеромонаха, который предъ гробомъ умершого съ крестомъ ишолъ, плѣтью нещадно бить, а при томъ и на другихъ нашихъ же людей, которые около гроба ишли, лошадью наѣздить и плѣтью равгонять. Съ такою честію насъ помянутые студенты отъ ратушной площади ажъ до самой Острой брамы въ монастырь и въ церковь опровожали. Которое явственное безбожіе видячи, самые жъ римляне господа майстратовые и вся купецкая изба принуждены одни съ нихъ назадъ поворотится, а другіе въ доски, на публичной Острабрамской улицѣ стоящіе, схоронится. Какія еще пакости и неприличыя тѣжъ студенты во время надгробнаго пѣнія надъ помянутымъ господиномъ Журобинскимъ въ церквѣ на-

шой дѣлали, не только перомъ описыватъ, но и языкомъ сказывать трудно. Такой обиды не могучи я терпеть и съ немалаго помянутыхъ студентовъ числа нѣсколько самыхъ приводцовъ по имяни, прозванiю и какой кто школы записавъ, жалобу свою езуитамъ не единожды представлялъ и правосудiя просилъ; но въ отвѣтъ отъ нихъ сiе получилъ: съ тѣхъ де студентовъ одни бѣжали, другiе кармелитами стали, а третiе ни какимъ образомъ такого позору на себѣ имѣть не могутъ; и вы де, сизматики, напрасно на академiю нашу нападаете и честныхъ людей, а найпаче большихъ господъ, дѣтей порочите. На что мы, хотя и свидѣтелей изъ самыхъ римлянъ имъ езуитамъ представляли, однако ничего не успѣли. Потомъ, когда я господину бискупу здѣшнему на тѣхъ же студентовъ и мѣщанскихъ служителей жалобу приносилъ и просилъ, чтобъ онъ, яко первый здѣшнiй сенаторъ, высокоповелительный господинъ и премудрiй архипастырь, ко отвращенiю другихъ какихъ либо еше горшихъ безчинiй и большихъ опасностей повелѣлъ народу по всѣмъ церквамъ чрезъ проповѣдниковъ, а студентамъ чрезъ езуитовъ, такую продерзость запрѣтить, то господинъ бискупъ во отвѣтъ мнѣ сказалъ: я де народа удержать не могу и, чтобъ проповѣдники по церквамъ запрещали, никогда сего не здѣлаю, а вы де впредь можете умершихъ своихъ, безъ всякой церемонiи церкви вашей, тайно почью погребать. На что я когда ему мирные трактаты, конституцiи сеймовыя, разныхъ польскихъ государей привилегiи, всѣхъ чиновъ Речи-посполитой, въ томъ числѣ и бискуповъ виленскихъ, антецессоровъ его, клятвенные обѣщанiя, всякого польскаго государя присягу при коронацiи и нынѣ владѣющаго короля нѣсколько грамотъ къ нему жъ самому, бискупу виленскому, писанныхъ, въ защищенiе свободы благочестiя нашего представлялъ,—то мнѣ во отвѣтъ сказалъ езуита духовникъ его: всякожъ, а онъ самъ, бискупъ, и мы де имѣемъ конституцiи (отъ римскаго духовенства безъсовѣстно вымышленныя, понеже ихъ нигдѣ и никогда не публиковано и ни накакомъ сеймѣ не подтверждено), за силу которыхъ де несвободно вамъ во всемъ Польскомъ государствѣ ни единой церкви имѣть, а что де мы до сихъ поръ вамъ терпѣли, о томъ будетъ разсмотрѣнiе на слѣдующемъ сеймѣ.

Что же де касается грамотъ королевскихъ, ко мнѣ объ васъ писанныхъ, то Его де Величество самъ единъ не можетъ мнѣ ни въ чемъ указать. Этая явственная бискупская понаровка поводъ сту-

дентамъ подала и къ другой еще горшой продерзости, которая сего 756 года, марта 8 д., въ церквѣ нашей воспослѣдовала, о чемъ я тотъ часъ, чрезъ намѣстника здѣшняго Варлаама Владычку, къ езуитамъ записку, съ показаніемъ имени и прозванія тѣхъ студентовъ, послалъ на латинскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

Index ex multis paucorum, qui heri in templo nostro graeco-rossiaco, cultui divino dicato, quod loci omnibus gentibus sacrum augustumque est, sub initium lectionis Evangeliae de passionibus Domini ac Servatoris nostri Jesu Christi, obliti non solum christianismi, verum etiam gentilismi ac naturae suae humanae, vociferationibus horridis, clamoribus, obscoenis cantiunculis, quibus tota domus Dei personabat, plusquam belluino ferinoque more (proh, dolor! discipuli eruditissimorum virorum) debaulabantur.

На которую мою, свидѣтелми утвержденную, записку тожъ де я отъ езуитовъ и отъ бискупа во отвѣтъ получилъ, что и прежде. Изъ чего паки воспослѣдовало, что сего жъ 1756 году мая 28 д. тѣхъ же езуитовъ студенты, учинивъ нечаянное нападеніе на благочестивый монастырь, каменямъ большимъ и бервенямъ колокольню отбили, ворота монастырскіе и форту разламали, въ келіяхъ двери и замки поотбивали, окны на малыя части покрушили, монаховъ побили, бороды имъ повыривали, цѣлой монастырь пустынею здѣлали и при томъ неоднократно похвалки чинили на монастырь сей днемъ или ночью напасть, зажечь и въ конецъ разорить, монаховъ позабивать и благочестіе наше совсѣмъ отсюду искоренить. Отъ котораго страху монахи здѣшніе (где кой моглъ) крылись, а за монастыремъ живущіе благочестивые не смѣли изъ избъ своихъ на улицу выходить; и такъ монастырь нашъ цѣлую недѣлю всего церковного служенія принужденъ былъ лишится. Езуиты учениковъ своихъ за то не только не наказывали и не воздерживали, но и къ большему еще опасенію нашему поводъ имъ подавали похвалками своими, которыми всегда грозили, сказуя: ежели де студенты наши раззадіоратся, то кто ихъ воздержать можетъ; и учинять де сизматикамъ, что схотятъ. Господинъ бискупъ здѣшній, по прошенію моему, ни малѣйшой намъ въ такъ опасномъ случаи отрады не дѣлалъ; студентовъ не воздерживалъ; іезуитамъ не запрѣщалъ; езуиты не перестаютъ и теперь ябедей соплетать, яко бы я къ такому нападенію самъ поводъ подалъ, затягши насильно шести студентовъ въ монастырь, съ которыхъ пять въ

тюрму бросилъ, а шестаго невѣдомо гдѣ подѣлъ; и оные де студенты никакой обиды монастыру не дѣлали, какъ только близъ церкви нашой пилкою забавлялись. И потому, не только они, езуиты сами и бискупъ виленскій, въ Дрезденъ и въ Варшаву на мене писали, но и другихъ еще здѣшнихъ большихъ свѣтскихъ господъ просили, чтобъ и тѣ письмами своими въ Санктпетербургъ жалобу на мене приносили. Въ которыхъ своихъ ябедахъ езуиты весьма безстудно и противу совѣсти поступаютъ, ибо помянутое нападеніе здѣлалось во время крестнаго хожденія римского изъ катедры до кармелитовъ босыхъ мимо нашъ монастырь; для которой церемоніи по всѣмъ римскимъ монастырямъ (было) звонене, кромѣ нашего, за что немалое число студентовъ, раззадіорившись, вломились въ цвинтаръ нашъ и первые начали въ окна церковныя каменьямъ бросать; потомъ у колокольни замокъ отбивать. А когда увидѣли, что монаховъ два изъ монастыря бѣжатъ и именемъ префекта ихъ имъ грозятъ, то они, бросивши каменьямъ на монаховъ, изъ цвинтаря въ крестное хожденіе пошли, а два студенты остались въ цвинтарѣ; коихъ я приказалъ до тѣхъ поръ изъ монастыря не выпустить, покамѣсть іеромонахъ, посланный отъ мене къ префекту езуитскому, который въ помянутомъ кармелитскомъ монастырѣ, тутъ же съ нами въ сосѣдствѣ находящемся, на праздникѣ былъ, съ извѣстіемъ не поворотится и кого ни есть отъ префекта не приведѣтъ для увѣренія, что я отъ студентовъ заподлинно изобижденъ, и не (езуиты сказуютъ) напрасно на академію ихъ нападаю и честныхъ людей безвинно порочу. Студенты, тутъ же съ префектомъ бывшіе на праздники, послушавъ отъ іеромонаха моего представляемую префекту обиду и что въ доказательство оной два студенты мною удержаны до опредѣленія его, тотъ часъ, съ праздника побѣжавъ, начали ломится въ монастырскія наши ворота. Которое насиліе хотячи я отъ монастыря отвратить, съ помянутыхъ двоихъ студентовъ взялъ подписку своеручную, съ показаніемъ: кто именно окна въ церквѣ повыбивалъ и кто замокъ у колокольни отбилъ, приказалъ ихъ съ келіи своей со всякою честію за ворота монастырскія выпустить, какъ и прежде, ни единого слова противного никто якъ здѣсь въ монастырѣ не говорилъ. Которые два студента, вышедши за ворота, хотя многократно другихъ отъ насилія удерживали и сказывали, что они отъ мене ни въ чемъ не изобиждены, только что имена тѣхъ своеручно записали, которые

монастырю обиду здѣлали; однако, товарищи ихъ, на всѣ тѣ слова не взирая, отъ намѣренія своего не престали, покамѣсть монастыря не разорили. Что сей мой доносъ предъ Вашимъ Преосвященствомъ по всему вѣрный и неложный, въ томъ можетъ вся братія сего монастыря и братство, такожъ и офицеръ россійскій, капитанъ Ямбурскаго драгунского полку, господинъ фонъ-Зиферетъ, присягу учинить и своеручно подписатся; весь магистратъ и цѣлая изба купецкая засвидѣтельствуетъ какъ о семъ случаи, такъ и о другихъ обидахъ, которіе намъ здѣсь ради единого благочестія отъ римскихъ поповъ (и) студентовъ дѣлаются.

Писалъ я о семъ тотъ часъ къ министру россійскому господину Гросу въ Дрезденъ, который представленною своею Его Королевскому Величеству польскому о показанныхъ обидахъ нашихъ промеморіею исходатайствовалъ, что Его Величество для учиненія немедленной сатисфакціи двѣ грамоты,—едну къ бискупу виленскому, а другую къ гетману великому Великаго Княжества Литовскаго, яко воеводѣ города Вильня, приказалъ написать; но и по сей часъ еще отнюдь ничего ни о сатисфакціи ни объ инквизиціи не слыхать. Ибо этіе и другіе какъ большіе, такъ и меньшіе, господа смотрять не много не только на указы, но и на прошеніе королевское, отъ чего происходитъ, что въ обидахъ нашихъ всѣ мирные трактаты, всѣ сеймовыя конституціи, всѣ польскихъ государей клятвенныя обѣщанія, всѣ ихъ привилегіи и грамоты, всѣ нашего россійского министерства домагательства, ни мало намъ не пользуютъ: хотя мы въ здѣшнихъ судахъ, гдѣ и какимъ образомъ надлежитъ, по колько десятковъ лѣтъ, съ немалымъ трудомъ и денежнымъ урономъ, милости просимъ.

Правда, что польское министерство намъ за обиду нашу въ здешнихъ судахъ искать не только не воспящаетъ, но еще и показуетъ, въ какомъ именно судѣ и какъ правосудіе получить, да благочестіе наше, которое намъ, а найпаче духовенству здѣшнему, солью есть въ очахъ, понуждаетъ ихъ различными злохитрными образы насъ уводить и безконечную намъ волокиту дѣлать. Умѣютъ они весьма искусно мягкими и умащенными (которые суть стрѣлы) министерскими своими обнадеживаніями и королевскими обѣщаніями покрывать, въ чомъ не одиножды и росписуются; за которое ихъ мнимое доброхотство и въ правосудіи безпристрастіе министерство

наше россійское по премногу имъ благодаритъ и насъ въ польскихъ судахъ не отступно милости просить (которой мы ежегодно около ста червонныхъ приносимъ на жертву) понуждаетъ, не взирая они, наши господа министры, на то, что отъ двадцати и болѣе лѣтъ, по силѣ помянутыхъ министерства польскаго обнадеживаній и королевскихъ обѣщаній, ни единое исполненіе въ обидахъ нашихъ чинимо не было, хотя мы непрестанно по судамъ здѣшнимъ бѣдствуемъ и останнюю денгу, къ крайнему убогихъ нашихъ монастырей разоренію, теряемъ.

Образецъ хитрости министровъ и судей польскихъ, которымъ они насъ и министровъ нашихъ чрезъ такъ много лѣтъ водятъ и уводятъ, есть слѣдующій: въ судахъ, трибунальномъ и надворномъ королевскомъ, по здѣшнему ассесорія называемомъ, всякого челобитчика и отвѣтчика дѣло вписуется по реестру; которыхъ дѣлъ собирается обыкновенно до колька сотъ и до тысящи слишкомъ, а рѣшится развѣ нѣсколько десятковъ, за краткость полугодичного сроку, для показанныхъ судовъ опредѣляемаго.

Потому всякъ праведной истецъ чрезъ благодетелей, пріятелей и немалую денежную сумму всемѣрное стараніе прилагаетъ, чтобъ его дѣло съ отвѣтческою стороною подъ высокимъ нумеромъ вписано было и къ рѣшенію судовому пришло; а вопреки, неправедный отвѣтчикъ чрезъ тоежъ помянутое средство, сугубо еще употребляемое, всѣми силами тщится, чтобъ дѣло его съ челобитчикомъ подъ самымъ нижшимъ нумеромъ вписано было и, слѣдовательно, къ разсмотрѣнію въ судѣ никакимъ образомъ прійтить не могло. Буди же иногда челобитческая сторона чрезъ сильнѣйшихъ друговъ своихъ и большіе датки преодолѣетъ, то отвѣтчикъ можетъ ослушнымъ стать, и либо дѣло свое съ единаго, напримѣръ, ассоссоріяльного суда въ другой трибунальной перенесть и вновъ производить начать, либо въ томъ же судѣ на троихъ срокахъ не явиться, а на четвертомъ, три обвинительные декреты, за ослушность его на него изданные, королевскимъ пособительнымъ (по здешнему глейтъ называемымъ) писаніемъ уничтожить, себе очистить и челобитчику своему по прежнему новую волокиту дѣлать. Буди же бы еще и другой разъ тая жъ челобитческая сторона его отвѣтчика преодолѣла и декретъ обвинительный четвертый, уже изданный на него было, по которому декрету силенъ истецъ свое отобрать и изъ имѣнія отвѣтческаго за проторы и убытки себе наградить: тогда надлежитъ истцу,

испросивъ въ судѣ начальника коего и придавъ ему нѣсколько шляхты, къ отвѣчику своему своему послать съ требованіемъ возвращенія неправильно имъ, отвѣтчикомъ, завладѣнного добра, противъ котораго поѣзду онъ, отвѣтчикъ, боронится словесно и помянутаго начальника съ товарищи отправляетъ обратно. Потомъ, онъ же, истецъ, собравъ другой поѣздъ, посылаетъ къ немужъ, отвѣтчику, съ вышъпомянутымъ требованіемъ; противъ котораго поѣзду онъ же, отвѣтчикъ, боронится письменно и начальника судового къ завладѣнному собою добру не допущаетъ. За третимъ разомъ тотъ же истецъ, собравъ шляхты, подданыхъ своихъ и другихъ наемныхъ (сколько возможно) людей, на сопротивника своего нападаетъ насильно, вооруженною рукою; а сопротивникъ, такожъ не малое число людей при себѣ имѣя, насиліе насиліе насиліемъ отражаетъ. Въ какомъ случаи, ужасные и несказанные побои, забойства и кровопролитія обыкновенно приключаются. Наконецъ, что касается привращенія, отнятого добра, декретомъ трибунальскимъ либо ассессоріальнымъ истцу присужденнаго, то, кто дужшій, тотъ лучшій.

Отсюду можно усмотрѣть, какъ намъ, подлого состоянія людямъ, съ единаго подаянія милостини бѣдственное пренитаніе имѣющимъ, да паче всего еще въ самовольномъ и неукротимомъ благочестоненавистномъ народѣ Польскомъ, въ вѣрѣ несогласнымъ будущимъ, за обиду свою съ господиномъ Масальскимъ, фельдмаршаломъ литовскимъ, съ господиномъ Пискевичемъ, бискупомъ жмудскимъ, съ господиномъ Ивановскимъ, старостою минскимъ, и протчіими большими господами, графами и князями въ вышеписанныхъ здѣшнихъ судахъ исправится и обвинительный декретъ на нихъ получить? А буде бы паче чаянія (чего еще всѣ министровъ нашихъ крѣпчайшія устныя и письменныя домогательства, всѣ государей польскихъ до канцлеровъ въ ассесоріи и до маршаловъ въ трибунали о обидахъ нашихъ чувствительно писанныя грамоты отъ пятьдесяти болѣе лѣтъ до сихъ поръ не доказали и до конечнаго истребленія греческой вѣры отсюду не докажутъ) и здѣлалось сіе, чтобъ показанный обвинительный декретъ на ихъ изобидѣтелей нашихъ изданъ былъ; то какъ намъ, комарамъ, на, ихъ, слоней, нападать и драку съ ними дѣлать?

Того ради его превосходительство, Римской имперіи графъ фонъ-Кейзерлингъ, бывой прежде при польскомъ дворѣ россійскій министеръ, который, или тяжесть и предъ господами польскими огиду

защищенія монастырей и церквей здѣшнихъ благочестивыхъ изъ себе сбросить умысливъ, или въ лѣсти и коварствѣ господина Ржишевского и господъ министровъ польскихъ, отъ духовенства своего научаемыхъ, не остерегся, склоняясь на злохитренной совѣтъ ихъ, мнѣніе свое въ Иностранную Коллегію представилъ, чтобъ, намъ, не утруждая польского и россійского двора, за обиды свои въ здѣшнихъ надлежащихъ судахъ искать, то есть, о разореніи благочестія у самыхъ разорителей милости просить, всѣ монастыри и церкви благочестивыя здѣсь находящіясь, онъ, господинъ Кейзерлингъ, погубилъ и папѣ римскому видимо въ руки отдалъ; ибо понеже 1, въ Россіи, которой прежде едино польскіе господа и духовенсгво опасаясь, благочестію нашему обидъ дѣлать не дерзали, мнѣніе его, господина Кейзерлинга, принято за непоколебимо; 2, въ здѣшнихъ судахъ, до которыхъ насъ хитрость министровъ польскихъ чрезъ господина Кейзерлинга отсылаетъ, дѣлается намъ при крайнемъ убожествѣ разорѣніе, посмѣяніе, наруганіе, безконечная волокита и отчаяніе, а изобидѣтелямъ нашимъ и всякому здѣшнему господину, пану и мужику оттуду безопасность и поощрѣніе болѣе еще насъ изобиждать, теперь уже намъ ни отнятыхъ монастырей, церквей, маетностей и грунтовъ когда было добится, ни тѣхъ, которыми еще до времени со страхомъ и трепетомъ владѣемъ, удержать, ни гоненій, насилій, побоевъ и забойствъ, которые намъ почти ежеденно единаго ради благочестія приключаются, отъ себе отвратить никакой надежды нѣтъ.

Надлежало было его превосходительству господину Кейзерлингу изрядной сей и самой легчайшой (на словахъ и бумаги) проэкта своего образецъ дѣйствіемъ подтвердить и, по крайней мѣрѣ, единъ монастырь либо церковь благочествую у римлянъ отобрать и насъ впредь суммою денежною довольною, въ здѣшнихъ судахъ необходимо намъ нужною, снабдѣть; а понеже сіе ни нашею долговременною и непрестанною, съ немалымъ денежнымъ урономъ, въ силу его проэкта, по судамъ здѣшнимъ волокитою, ни его самого о насъ высокоминистерскимъ у короля польского предстательствомъ и найкрѣпчайшимъ у министровъ польскихъ, а паче во время ассесоріи у канцлера, а во время трибуналу у маршалка, неоднократнымъ домогательствомъ здѣлатся не могло; то мы нынѣ въ семъ мнѣніи находимся, что ежели намъ здѣсь, за всеусерднѣйшимъ хадатайствомъ и всемѣрнымъ домогательствомъ министра россійского господина Гросса, въ силу

указа, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, въ Иностранную Коллегіи посланного съ еднимъ (Мартинъ Доманскій называемымъ) мужикомъ, да къ томужъ еще декретомъ, и столько магдебурскому виленскому, но и надворному королевскому ослушнымъ, чрезъ нѣсколько годовъ исправится нельзя, то пуще еще зъ большимъ какимъ-либо господиномъ, а найпаче духовнымъ, развѣ послѣдуя проэкту господина Кейзерлинга, и тѣ монастыри, которые еще до времени держимъ, на датки, въ здѣшнихъ судахъ вымогаемые, изнурить, разорить и впустѣ оставить. И прежде проэкта господина Кейзерлинга всѣ антецессори, довольную денгу въ монастырѣ виленскомъ имѣя, въ обидахъ своихъ, недремлющимъ окомъ правъ и судовъ здѣшнихъ по колько десятковъ лѣтъ наблюдали, но въ отраду себе ничего большъ не получили, кромѣ отъсрочныхъ, то есть, безонечно волокитныхъ (по здѣшнему ремессы называемыхъ) декретовъ, которыхъ не единъ сундукъ въ монастырѣ нашемъ въ целости хранится, и тѣмъ только единымъ утѣшаемся; а монастырей, маетностей и грунтовъ отнятыхъ, какъ они, антецессори, прежде, такъ и мы нынѣ лишаемся.

Что касается обхожденія нашего, зъ здѣшними господами свѣцкими, духовными и народомъ, которое, яко немиролюбное, гордое, свирѣпое, задіорливое, неучтивое и всякимъ безчиніямъ подверженное, всего нещастія нашего здѣсь сказуется быть виною; то сіе тогда развѣ статься можетъ, когда едина овца между тысячью волковъ рѣзвится начнетъ, а соль очамъ пріятна и любима будетъ. Единымъ словомъ сказать: аще бысьмы были отъРима, Римъ убо свое любилъ бы; а понеже несьми отъ Рима, сего ради не навидитъ насъ Римъ. Отъ коей единой ненависти всѣ вражды, гоненія, всѣ бѣды и обиды на насъ возстаютъ, которыя злохитренная поповъ римскихъ ябеда вышпомянутыми пороками безсовѣстно вымышленными и нами безстудно причитаемыми, весьма искусно покрываетъ, а насъ не только предъ дворомъ польскимъ, но чрезъ министровъ нашихъ, ложными своими представленіями обольщенныхъ, и предъ дворомъ россійскимъ въ огиду, омерзеніе и крайнюю немилость приводитъ чтобъ намъ, за обиды свои отъ нихъ учиненныя, и жалобъ приносить нельзя было.

Какая вина была іеромонаха Порфирія Жураховского, котораго я отсюду въ деревню здѣшняго дѣвичого монастыря, называемую Жабовищизна къ подданнымъ тамошнимъ благочестивымъ, для дѣйствія таинствъ церкви нашей, послалъ, что его въ переѣздѣ зъ помянутой

дѣвичой деревни до Минска чрезъ село Буцевичи, попъ унѣятской Буцевицкой, сего 8 д. августа, различными безчестными и нещадными побоями до полусмерти прибилъ, мѵро, возъ, коня и другія вещи забралъ и на унѣю подписатся принудилъ?

Какая вина была и самого отца старшого, игумена Сильвестра Добрыни, который сего жъ мѣсяца 13 д. къ празднику Успѣнія Пресвятой Богородицы въ Вевейской монастырь ѣхалъ, что его шляхтичъ здѣшній Саваневскій, съ товарищи своими, за Руднѣцкими воротами нападши о полудни, при всенародно по щокамъ билъ, за волоса рвалъ, канакъ съ него сорвалъ и обухомъ нѣсколько ударовъ по спинѣ далъ, возъ и лошадей забралъ, потомъ господаря нашего монастырского, который отца старшого после той конфузіи обратно въ монастырь отпроважалъ, до полусмерти порубилъ?

Какая жъ вина и моя, что мене студенты езуитскіе (какъ выше прописано) столько изобидѣли и монастырь разорили? Въ которой такъ знатной обидѣ моей господинъ Ржишевскій, нашего россійскаго въ Варшавѣ посольства секретарь, яко вѣрноприсяжный церкви римской сынъ, болѣе повѣрилъ бискупскому, нежели моему истинному и свидѣтельствомъ самихъ же римлянъ подкрѣпленному доносу, и такъ (думаю) въ Иностранную Коллегію прописалъ, а отътуду въ Святѣйшій Синодъ представлено будетъ: ибо онъ, господинъ Ржишевскій, въ письмѣ своемъ ко мнѣ мене обвиняетъ и властію бискупа виленского, силою духовенства римского, самовольствомъ студентовъ езуитскихъ и свободою народа Польского жестоко стращаетъ.

Хотя же какъ прежде моей обидѣ, такъ и нынѣ о помянутыхъ вновь приключившихся двоихъ, не преминулъ тотъ часъ къ министру россійскому для предъотвращенія всякихъ ябедъ, за извѣстіе написать, а здѣсь въ городѣ протестъ учинить, въ трибуналъ челобитную подать, сумму денежную, правомъ опредѣленную, надлежаще уплатить и при томъ господина маршалка и депутатовъ неоднократно всепокорнѣйше просить, чтобъ они, въ разсужденіи всѣхъ тѣхъ правъ, за силу которыхъ благочестіе наше здѣсь ненарушимо должно хранимо быть, высокомилостивое разсмотрѣніе учинивъ, изобидѣтелей нашихъ безъ наказанія, во образецъ протчиимъ, не оставили; однако, господинъ маршалокъ Флемингъ съ депутатами до тѣхъ поръ съ приговоромъ и децизіею въ дѣлѣ нашомъ промедлѣли, покамѣсть въ судахъ трибунальныхъ дни отсрочные не наступили, въ которые челобитчикамъ

вышпоказанныя ремиссы, то есть, отсрочные, или паче безконечно волокитные, декреты до предьбудущихъ на другомъ мѣстѣ трибунальныхъ судовъ выдаются.

По случаю прибывшого въ здешнее литовское мѣстечко, Ковно называемое, россійскаго офицера, написалъ было нѣкто изъ знатной шляхты сюды къ господину маршалку Флемингу, яко бы тотъ офицеръ нарочно отправленъ былъ изъ Санктпетербурга въ Вильню для слѣдствія не только о недавно воспослѣдовавшихъ, но и обо всѣхъ прежде въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ учиненныхъ благочестію нашему обидахъ; которое писаніе господинъ маршалокъ получивъ и, во время феерверка на день рожденія короля польского, призвавъ къ себѣ офицера россійского драгунского Ямбурскаго полку капитана господина фонъ-Зейферта, объявилъ ему, господину капитану, езуитской въ разсмотрѣніи обиды нашей обманъ, а свое безчестіе, и при томъ просилъ, чтобъ онъ, господинъ капитанъ, мнѣ совѣтовалъ жалобу, на езуитовъ представленную, безъ всякого сумнѣнія и опасенія возобновить, а я (де), съ моей стороны, всемѣрное стараніе приложу, чтобъ монастырь тотъ грекороссійской, за обиды свои желаемую сатисфакцію получилъ.

Езуиты также неотступнымъ своимъ прошеніемъ и клятвенными обязательствы начали убѣждать господина Филипповича, регента здѣшняго магистрата, чтобъ онъ мене съ ними въ примиріе приводилъ, на что я склонясь приобѣщался. Когда же въ три дни потомъ извѣстіе пришло, что тотъ россійской въ мѣстечкѣ Ковнѣ переиздомъ бывой офицеръ отправленъ изъ Санктпетербурга не въ Вильню, для показанного слѣдствія, но въ Дрезденъ для другихъ интересовъ; то господинъ маршалокъ, не смотря уже и на многократное мое прошеніе, дѣло наше въ трибуналѣ по прежнему на волокиту пустилъ, а езуиты о примирѣніи не только и слышать не хотѣли, но и похвалки еще на мене пуще, нежели прежде, дѣлать начали. Отсюду явно видно показуется, что въ здѣшнихъ судахъ и господахъ неправосудіе, а въ попахъ безсовѣстіе и безстудные ябеды, и чтобы враги наши злохитрные, самовольные и своевольные никогда насъ такъ сильно изобиждать не дерзали, буде бы намъ вышъпоказанное мнѣніе господина Кейзерлинга препятствіемъ не было.

Того ради да благоволитъ Ваше ясне въ Богу Преосвященство о всѣхъ этихъ моихъ представленіяхъ высокомилостиво разсмотрѣть и

для удержанія благочестія нашего здѣсь, отчаянно уже колеблющагося, всевозможное архипастырское стараніе приложить.

О семъ доноситъ и проситъ Вашего ясне въ Богу Преосвященства всенижайшій послушникъ монастыря виленского благочестиваго старшій, іеромонахъ Θеофанъ Леонтовичъ Доруминъ.

Августа 29 д. 1756 года. Вильня.

ДД.—Изясненія намѣренія и силы доношенія съ Вильни въ Кіевъ, отъ виленского старшого іеромонаха Θеофана къ преосвященному митрополиту Тимоθею посланного, августа 29 дня 1756 года.

Въ этомъ моемъ доношеніи, сверхъ многихъ и превеликихъ обидъ, за старшенства моего благочестивому виленскому монастырю и всему тамошнему православному народу приключившихся, и сверхъ ревностныхъ моихъ противо виленскому епископу и противо протчимъ святого благочестія врагамъ подвиговъ, министерское графа Кейзерлинга, бывого при королевско-польскомъ дворѣ нашего россійского посла, мнѣніе о средствахъ пособія грекороссійскому нашему въ Польще благочестію, въ Иностранную Коллегію представленное и по разсужденію оной же Коллегіи мнимое найлучшое и весьма основательное, мною іеромонахамъ Θеофаномъ, зъ существа самыхъ же основательныхъ Польского государства законовъ и учрежденій, впрямъ основательно и всеобстоятельно опровержено.

Хотя же бывый тогда кіевскій, а нынѣ московской, митрополитъ преосвященный Тимоθей, этое мое съ Вильни въ Кіевъ присланное доношеніе получа, раздраженъ святительскимъ по святомъ благочестіи духомъ, оное въ оригиналѣ при приватныхъ, пастырской ревности преисполненныхъ, ко всякому Святейшого Синода члену письмахъ съ Кіева немедленно въ Святѣйшій Синодъ послалъ съ тѣмъ своимъ богомудро пастырскимъ намѣреніемъ, что такое мое доношеніе послано будетъ немедленно жъ и изъ Святѣйшаго Синода при указѣ въ Иностранную Коллегію, дабы государственная Иностранныхъ дѣлъ Коллегія въ означенномъ моемъ доношеніи злохитрные польского духовенства и министерства на святое наше грекороссійское въ Польще благочестіе замахи, красивою государственныхъ Польской области узаконеній харею прикрытые и чрезъ россійского нашего въ Варшавѣ министра

графа Кейзерлинга въ Иностранную Коллегію, а оттуду въ Святѣйшій Синодъ представленные, какъ въ зерцалѣ, усмотрѣвъ, и оные злоковарные ихъ замахи, съ крайнимъ своимъ негодованіемъ, вдругъ бросивъ, предприняла другіе какіе сильные, скородѣйствительные и полезные средства къ защищенію единовѣрныхъ своихъ въ Польскомъ государствѣ исповѣдниковъ, которые, по заключеніи вѣчномирныхъ между Россіею и Польщею въ 1686 году трактатовъ и по принятіи ихъ, единоутробной нашей по православно-восточной матерѣ братіи, въ россійскую нашу протекцію, седьмъдесятъ лѣтъ уже единого ради своего благочестія горько и безпреривно страждутъ. Однако, воспоминаемое мое доношеніе изъ Святѣйшаго Синода въ оригиналѣ либо въ точной копіи, кромѣ экстракта нѣкоторыхъ обидъ, въ Иностранную Коллегію не послано, понеже показанное графа Кейзерлинга мнѣніе, по разсужденію Иностранной Коллегіи, мнимое найлучшое и восьма основательное, указомъ въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, декабря 13 д. 1750 года состоявшимся, къ явновидной, немедленной и непрѣмѣнной всего нашего грекороссійского въ Польще благочестія погибели, накрѣпко подтверждено и такимъ образомъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, по совѣту и по предводительству преосвященного Сильвестра, архіепископа Санктпетербургского, судилъ за благо лутше удержаніемъ такого моего доношенія всю свою въ польскомъ Египтѣ страждующую паству, кровію Христовою искупленную и отъ святѣйшихъ константинопольскихъ патріарховъ себѣ, верховнымъ россійскимъ пастырямъ, вѣчного ради живота вовѣренную, волкамъ хищнымъ на разстерзаніе подать, нежели посланіемъ онаго жъ моего доношенія при указѣ въ Иностранную Коллегію показуемаго графа Кейзерлига мнѣніе и Иностранной же Коллегіи объ этомъ его мнѣніи разсужденіе, а свое подтвержденіе, отмѣнить.

Копія съ письма бывого виленского старшого іеромонаха Ѳеофана Леонтовича къ его сіятельству (прежде вице-канцлеру, а нынѣ) великому государственному канцлеру графу Михайлѣ Иларіоновичу Воронцову съ Вилни, отъ 21 д. априля 1757 года.

По титулѣ: Вашего Сіятельства всѣмъ извѣстныя высокія добродѣтели, а паче ко святому благочестію ревность въ интересахъ, го-

сударственной пользы касающихся, глубокое министерское разсужденіе, всякому безпомощному и безнадежному всегда являемая милость, подають мнѣ со дерзновеніемъ симъ моимъ маловажнымъ писаніемъ Ваше Сіятельство трудить и у Вашего Сіятельства единственнѣ милости и защищенія искать и всенижайше просить, дабы Ваше Сіятельство по высокоминистерскому своему и безпристрастному разсужденію въ дѣлѣ моемъ зъ епископомъ виленскимъ и протчими здѣшними римскими попами, указали высокомилостиво не прежде обо мнѣ ко удовольствованію прихотѣй его, епископа, по предстательству за нимъ секретаря господина Ржичевского, резолюцію какую либо учинить и въ Святѣйшій Синодъ представить, какъ по прочтеніи моего, въ Святѣйшемъ Синодѣ нынѣ имѣющагося, на его, епископа, и на прочихъ изобидѣтелей доношенія. А потомъ если государственная Иностранныхъ дѣлъ Коллегія заблагоразсудитъ мене, по прошенію враговъ моихъ, отсюду смѣнить или по волѣ поповъ римскихъ жить приказать и господина Ржичевского слушаться; то, понеже я нималѣйше не сумнюся, что Святѣйшій Синодъ по представленію Иностранной Коллегіи сіе здѣлаетъ, того ради всенижайше прошу мене, преждѣ представленія оного, чрезъ кого ни есть увѣдомить приказать, ибо, какъ о томъ господинъ Ржичевскій провѣдаетъ, и тотъ часъ къ патрону своему, епископу виленскому, благодѣтелю, и езуитамъ напишетъ, то я здѣсь (какъ похвалки дѣлаются) не только вѣчного безчестія, но и горькой наглой смерти избѣжать не могу.

Естли врагамъ нашимъ въ помянутомъ моемъ доношеніи прописанныя продерзости прощены будутъ; то мы всѣ здѣсь, въ Литвѣ и въ Коронѣ находящіеся благочестивые, принуждены будемъ, кромѣ нестерпимаго стыда, кромѣ несносныхъ досадъ, ругательствъ и осмѣяній, въ крайнее отчаяніе, въ радсужденіи удержанія здѣсь благочестивой грекороссійской вѣры, прійтить. Будеже за показанныя обиды повелѣно будетъ, обыкновеннымъ образомъ, намъ самимъ въ надлежащихъ здѣшнихъ судахъ милости просить или посланнику россійскому Его Величества короля польского и министровъ здѣшнихъ за ними трудить; то чтожъ се намъ иное будетъ, какъ не прежняя столѣтная, многоубыточная и всебезнадежная безконечная волокита? А при томъ тѣжъ самые прежде случающіеся насилія, безчестія, побои, забойства, церквей, монастырей и всего имущества нашего отнятіе

и конечное грекороссійской вѣры отсюду истребленіе! Не престаетъ господинъ епископъ виленскій и теперь какъ самъ собою, такъ и чрезъ другихъ знатнѣйшихъ польскихъ свѣцкихъ господъ, министру нашему, его превосходительству господину Гросу, жалобы приносить, чтобъ онъ на мене (куды надлежитъ) писалъ; которыхъ его жалобъ прикраски суть многія различныя и весьма легко обманчивыя, но я, Ваше Сіятельство, о сію только единую милость всенижайше прошу: всѣмъ на мене его, епископа, и прочихъ здѣшнихъ господъ писаніямъ до тѣхъ поръ не вѣрить, покамѣстъ мнѣ оправданіе принесть не повелѣно будетъ, на что несумѣнно надѣясь пребываю.

Изъясненіе намѣренія и силы означенного письма, съ Вильни въ Санктпетербургъ посланного въ вышъ показанномъ годѣ и мѣсяцѣ.

Етое письмо къ Его Сіятельству графу Михайле Илларіоновичу написать принялъ я дерзновеніе, потому что Его Сіятельство россійскаго нашего въ Варшавѣ посольства секретаря Яна Ржичевского въ безприкладной милости содержитъ и всѣмъ его реляціямъ, представленіямъ и мнѣніямъ по дѣлу защищенія находящихся въ Польше грекороссійского закона людей, въ Иностранную Коллегію присылаемымъ, твердо и несумѣнпо вѣритъ. А онъ, секретаръ Ржичевскій, будучи исповѣданіемъ римляпинъ и потому, за силу основательныхъ римской церкви правилъ, не могучи въ пунктѣ защищенія православно-восточныхъ нашихъ въ Польще исповѣдниковъ Россійскому государству никакими мѣрами вѣрнымъ быть, представляетъ отъ себе, по наущенію злоковарного польского духовенства и министерства, въ россійскую Иностранныхъ дѣлъ Коллегію, подъ видомъ всесовершенного своего въ польскихъ государственныхъ законахъ, учрежденіяхъ и обыкновеніяхъ искусства, такіе красивые и легко обманчивые мнѣнія, которыми всегда, какъ прорывами, на свою мельнипу воду тягнетъ, и такъ тотъ мнимый грекороссійского нашего въ Польще благочестія защитникъ, господинъ секретарь Ржичевскій злохитрными своими мнѣніями, въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію не только самъ собою, но и грекороссійскихъ нашихъ въ Варшавѣ находящихся министровъ, якобы въ пользу и отъ разоренія въ защиту воспоминаемого оного въ Польской области благочестія представляемыми, все оное бѣдное благочестіе разорилъ, разоряетъ и

въ конецъ разоритъ. И потому ежели бы вышъ показанное мое доношеніе, на которое я въ этомъ моемъ къ Его графскому Сіятельству письмѣ, какъ на непреоборимую стѣну, ссылаюсь, послано было изъ Святѣйшого Синода въ Иностранную Коллегію, то часто воспоминаемый россійского нашего въ Варшавѣ посольства секретарь не дерзалъ бы уже болѣе такими своими плутовскими представленіями и мнѣніями, первѣе въ Варшавѣ россійскихъ нашихъ министровъ, потомъ чрезъ министровъ Иностранную Колегію, а чрезъ Иностранную Коллегію Святѣйшій Синодъ, безсовѣстно смущать и тѣмъ точно православно-восточную нашу въ Польскомъ государствѣ церковь, бѣднѣ разоряемую, пуще еще разорять не дерзалъ бы. Такъ же и превеликій мой, а паче Божій, врагъ и всего нашего въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ благочестія разоритель, епископъ виленскій, со всѣми своими духовнаго и мирскаго чина единомисленники мене и всѣхъ нашихъ, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ находящихся, благочестивыхъ людей негодными оклеветаніями, первіе чрезъ дрожайшаго римской своей церкви сына, секретаря Ржичевского, предъ россійскими нашими въ Варшавѣ министрами, потомъ чрезъ министровъ предъ Иностраннпю Коллегіею, а чрезъ Иностранную Коллегію предъ Святѣйшимъ Синодомъ, безсовѣстно и безступдно маралъ. Не былъ бы и я по такимъ его, виленскаго епископа, сатанинско-хитростнымъ оклеветаніямъ отъ виленского старшинства всему тамошнему благочестію на горкій плачъ, на вѣчный студъ и на крайнее отчаяніе съ безчестіемъ отрѣшенъ. Не пришелъ бы и благочестивый оный виленскій монастырь въ такіе многотрудные и зѣло опасные, въ коихъ нынѣ находится, обстоятельства. Но что дѣлать? Тако изволися святѣйшему нашему всероссійскому папѣ Сильвестру І-му, архіепископу Санктпетербургскому.

Къ сему приложенію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ Доруминъ.

Е.—Копія съ доношенія, поданного отъ іеромонаха Ѳеофана Леонтовича, августа 29 д. 1758 года, въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію.

Покорное доношеніе. Показалъ я, нижайшій, въ сказкѣ моей, сего 1758 года іюня 6 дня въ Святѣйшій Синодъ поданной, что естли виленскому и прочимъ благочестивымъ грекороссійскаго закона людямъ, въ Польской области отъ давныхъ временъ въ несносныхъ

и непрестанныхъ гоненіяхъ находяшимся, никакой помощи не здѣлается, то они, благочестивые, принуждены будутъ въ самой скорости употребить такихъ средствъ, коихъ Россійскому государству немало порока, а въ полезныхъ намѣреніяхъ урону несумѣнно и непремѣнно послѣдовать можетъ. Которое мое мнѣніе изъясняю теперь слѣдующими пунктами:

1. Какъ Его Величество король прусской польскихъ кальвиновъ, которые, ради закона своего, чрезъ много лѣтъ въ непрестанныхъ бѣдствіяхъ находились, прошедшаго 1756 года письмами своими къ Его Величеству королю польскому и къ министрамъ тамошней Республики, такожъ къ князю Радивилу, хоружому Великого Княжества Литовского, отправленными, надъ чаяніе скородѣйствительно и многополѣзно защитилъ, а при томъ ихъ же, кальвиновъ, честностію королевскаго своего пароля обнадежилъ, что, по природному ихъ, кальвиновъ, съ протчею римскаго закона шляхтою равенству, всѣ ихъ шляхетскія давнія вольности, всѣ въ Польской державѣ государственные чины и преимущества, на основаніи узаконенныхъ всею Польскою республикою привилегій, генеральныхъ миролюбныхъ договоровъ, сеймовыхъ конституцій и клятвенныхъ всякого польского государя при коронаціи обѣщаній имъ, кальвинамъ, его жъ прусского короля сильнымъ ходатайствомъ немедленно привращены быть имѣютъ: то находящейся въ Польскомъ государствѣ православно-восточнаго исповѣданія народъ, которому неисчислимые озлобленія отъ троихъсотъ лѣтъ нестерпимо и безпрерывно причиняются, разсуждая себѣ нынѣ первѣе то, что показанные кальвинскаго закона протестанты, которые въ томъ же Польскомъ государствѣ такимъ же несноснымъ и безпрестаннымъ гоненіямъ чрезъ сто семдесятъ лѣтъ подвержены были, теперь, оставя обыкновенный польскихъ судовъ порядокъ и узаконенные ихъ права, сыскали для протестанского своего исповѣданія такъ скорую, дѣйствительную и полѣзную протекцію. Такожъ реченный православно-восточный въ Польще народъ, разсуждая и то, что государственная всероссійская Иностранныхъ дѣлъ Коллегія съ 1686 года по нынѣшній 1758 годъ всеудобовозможными и неусыпными своими стараніями, всемѣрными и найкрѣпчайшими у министерства и самаго Его Величества короля польского домогательствами не только ни едину благочестивую въ Польще церковь привратить, но ниже обиды, тамошнему благочестію безпреривно продолжающіяся, пресѣчь и от-

вратить возмогла, а и въ нынешномъ 1758 году, Святѣйшій Всероссійскій Синодъ (какъ изъ указовъ тогожде Святѣйшаго Синода, въ Иностранную Коллегію также къ преосвященному бѣлорусскому и къ прочимъ польскаго благочестія настоятелямъ, отъ 17 д. сентября, посланныхъ, явствуетъ) намѣренъ къ привращенію благочестивыхъ въ Польской области церквей и къ пресѣченію и предотвращенію отъ тамошнего благочестія обидъ тѣ же средства употребить, которыми уже поляки благочестивой въ Польще законъ, совсѣмъ почти истребили. Потомъ, означенной православно-восточной Польской области народъ, разсуждая и то, что естли имъ, благочестивымъ, теперь на надежду, въ помянутомъ Святѣйшаго Синода указѣ объявленную, положится, а протестантовъ, кои ихъ, благочестивыхъ, въ силу своей мирно-союзной съ ними дружбы, тайными и явными образами до сихъ поръ, какъ ни есть удерживали, остатся; то поляки греческой ихъ въ своемъ государствѣ законъ въ единъ годъ до послѣдней души искоренятъ. Наконецъ, тотъ же православно-восточной народъ, разсуждая и сіе, что король прусской, защищая въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ кальвинскія церкви, въ томъ числѣ и ихъ благочестивую, въ Кейданахъ находящуюся, церковь защитилъ, чрезъ что имъ, благочестивымъ, не только къ догадыванію возможной протекціи случай подалъ, но чрезъ депутатовъ, изъ кальвинскаго Синода въ Берлинъ, вышпоказанного 1757 года отправленныхъ, и точно объявить сказалъ, что онъ сильнымъ своимъ королевскимъ ходотайствомъ какъ протчія греческаго ихъ закона церкви и монастыри защитить, такъ и имъ самымъ, православне-восточнымъ, по природному ихъ съ протчею римского закона шляхтою равенству, всѣ ихъ шляхецкія давныя вольности и всѣ въ Польскай державѣ государственные чины и преимущества привратить готовъ, на основаніи тѣхъ же предреченыхъ, всею Польскою республикою узаконенныхъ привилегій, генеральныхъ договоровъ, сеймовыхъ конституцій и клятвенныхъ всякого польского государя при коронаціи обѣщаній (кои всѣ здѣсь подъ нумеромъ 1 прилагаются) и на основаніи миролюбной ихъ, благочестивыхъ, съ протестантами заключенной и клятвенными обязательствами утвержденной вѣчной дружбы, которую подъ нумеромъ 2 прилагаю. И того ради, упоминаемые, въ Польскомъ государствѣ обрѣтающіеся, грекороссійского закона люди съ общекупнаго согласія намѣрены въ семъ же 1758 году на кальвинской синодъ собраться, показан-

ную свою миролюбную давную дружбу вновъ подтвердить и у Его Величества короля прусского обѣщанной себѣ протекціи просить, какъ о томъ благочестивое виленское братство въ заручной своей и въ письмѣ къ россійскому посланнику князю Волконскому, отъ 2 д. февраля въ Варшаву посланномъ, обстоятельно и ясно упоминаетъ,—которая заручная и письмо подъ нумеромъ 3 прилагаются.

2, Король прусской, которой политическіе свои интересы вездѣ и всегда на крѣпко наблюдаетъ, объявя себе общимъ протестантовъ и диссидентовъ (въ какомъ бы они государствѣ ни были) защитникомъ, всѣхъ ихъ сердца и любовь такъ къ себѣ склонилъ и привязалъ, что они природныхъ своихъ государей, подъ видомъ только почитая, ему, защитнику своему, искренно вѣрныя и всѣ удобвозможныя прислуги оказываютъ, чего очевиднымъ доказательствомъ суть толь многія нещастливыя ея величества королевиной венгерской съ королемъ прускимъ баталіи, за единое почти письмо, тутъ же подъ нумеромъ 4 приложенное, которое онъ, пруской король, о протестантахъ венгерскихъ къ бреславскому епископу князю Шафкочу такъ дѣйствительно написалъ, что самъ папа и ея королевино величество принуждены нѣсколько десятковъ церквей кальвинамъ венгерскимъ немедленно возвратить.

Послѣдовательно, естли сему неспокойному хитрому государю удасться и въ Польской области, по намѣренію его, не только протестантского, но и греческого закона людей защитить и въ первобытное всѣхъ чиновъ и преимуществъ состояніе привесть; то отъсюду легко можно заключить, какіе онъ, король, по извѣстнымъ польского самовольного, непостоянного, непримирительнаго и неклятвохранительнаго народа правомъ, всегда себѣ успѣхи, а сосѣднимъ государствомъ пакости, безъ всякихъ искуповъ и трудовъ причинять можетъ.

Буди же государственная Иностранныхъ дѣлъ Коллегія, которая недремлющимъ окомъ вредъ и опасность отъ государства своего предоврашаетъ, а пользу его и успѣхи всемѣрно наблюдаетъ, за благо усмотритъ, чтобъ означенныхъ, не только своего грекороссійского, но и протестантского закона, людей въ высочаюшую и найкрѣпчайшую всероссійскую протекцію принявъ, оныхъ какъ при ненарушимомъ исповѣданіи вѣры, такъ и при прежде бывомъ всѣхъ вольностей и чиновъ достоинствѣ удержать; то я сіе государственой

такая послѣдняя клятва, будучи первой и правильной ихъ клятвѣ противна, такъ есть недѣйствительна и бездѣльна, что ниже разрѣшенія отъ духовной власти требуетъ.

Въ твердое и несумнительное доказательство этихъ римского папы шести правилъ представляю государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи четыри документа: письмо короля прусского къ бреславскому епископу Шафкочу, подъ нумеромъ 4 приложенное; въ которомъ своемъ писмѣ король прусской вышъпоказанные папскіе правила называетъ ученіемъ римской церквѣ безсовѣстнымъ, безстуднымъ, за которое (де) богомерзкое ученіе всякъ человѣкъ, правду любящій, срамлятся долженъ. Второй документъ прилагаю подъ нумеромъ 6, небольшую печатную книгу, архіепископомъ гнезенскимъ и епископомъ виленскимъ апробованнную; которой книги упоминаемое римского папы и всѣхъ его тайныхъ совѣтниковъ ученіе на латинскомъ языкѣ точно такъ гласитъ, какъ я оное здѣсь, въ вышь писанныхъ шести правилахъ, на русскомъ изобразилъ. Въ той же самой книги напечатана имѣется и присяга, которую Его Величество король польской и всѣ сенаторы какъ духовнаго, такъ и мирскаго, чина обовязуютъ себе по предреченнымъ римского папы правиламъ всенепремѣнное исполненіе чинить, а насъ, диссидентовъ, пуще турковъ, жидовъ и язычниковъ ненавидѣть и истреблять.

Третій документъ представляю живого и всевѣрнѣйшого свидѣтеля, самую государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію; которой Коллегіи на прилагаемыя старательства и на чинимыя двору и министерству польскому неоднократныя представленія, а найпаче на письменные въ 1743 и 1744 годѣхъ ко всѣмъ чинамъ Рѣчи-посполитой и къ Его Величеству королю польскому отправляемые найкрѣпчайшія домагательства, не только ни единой блачочестивой, прежде отнятой церкви не возвращено; но и болѣе еще церквей, монастырей и ихъ принадлежностей отнято, при такихъ же нагло усильственныхъ обидахъ, тиранскихъ мученіяхъ и всеконечныхъ разорѣніяхъ, какъ и прежде.

Четвертый документъ въ заключеніе привожу: супостата моего, епископа виленского, первѣйшаго литовскаго сенатора, которой, когда мнѣ въ прошеніи моемъ за обиды, благочестивымъ монастырямъ отъ уніятовъ и римлянъ причиненныя и причиняемые, такожъ въ домагательствѣ свободного православныхъ церквей погорѣвшихъ стро-

енія, а обветшавшихъ возобновленія, отказался онъ, епископъ, судами и сеймами Польского своего народа державного государства, а я ему, епископу, на то отвѣтствовалъ, что всѣ упоминаемые суда и сеймы, въ разсужденіи удовольствія за обиды, наши по содержанію извѣстныхъ въ духовномъ римского папы регламентѣ узаконенныхъ правилъ не иное что суть, какъ единой злохитрной обманъ ко всеконечному благочестія нашего разорѣнію изобрѣтенъ, да притомъ ему жъ, виленскому епископу, объявилъ, что я не стану, по примѣру моихъ антецессоровъ, въ неправедныхъ польскихъ судахъ, напрасною и всѣубыточною волокитою крайне убогихъ своихъ монастырей разорять, а ни генеральныхъ согласныхъ сеймовъ, то есть, конца безъ конца дожидатся; но намѣренъ такого способу искать, которой бы непремѣнно его, епископа, принудилъ къ немедленному учиненію правосудія и къ возвращенію всѣхъ благочестивыхъ уніатами и римлянами неправедно и разбойнически завладѣнныхъ церквей: то реченный епископъ, послышавъ отъ мене етые слова, въ такую робость пришолъ, что всѣмъ виленскимъ уніатамъ на крѣпко приказалъ съ тѣхъ монастырей и церквей, которые они, уніаты, у насъ отняли, деньги, крѣпости и лутшую церковную утварь въ другіе римскіе монастыри переносить, и отъ того времени онъ же, епископъ, началъ всесильное и всемѣрное старательство прилагать какъ бы мене не только зъ города Вильны, но и со всего Великаго Княжества Литовскаго выжить. Къ какому своему предпринятому намѣренію помянутой епископъ, съ тамошнимъ своимъ злохитрнымъ духовенствомъ, не усумнился, ради пользы своей церкви, на мене многіе и разные неслыханные и неудобьвѣримые пороки вымышлять и оные мнѣ безстудно причитать; кои виленского епископа напрасныя на мене клеветы и ябеды опровергаются не только благочестивого виленского братства письмомъ и заручною, подъ нумеромъ 2 приложенною, но и офицеровъ россійскихъ и самыхъ уніатовъ и римлянъ свидѣтельствомъ, которое подъ нумеромъ 4 прилагаю.

4, Понеже папа и его попы всему злу суть начало, а мірская римского закона власть не только папѣ, но и послѣднѣйшому его попу во всѣхъ предпріятіяхъ ни малѣйшаго препятствія здѣлать не можетъ; то я, въ разсужденіи того, къ немедленному и совершенному пресѣченію обидъ, единовѣрнымъ нашимъ въ Польще причиняемыхъ, лучшаго средства не обрѣтаю, какъ первое сіе: поминувъ

польского короля и все его министерство, прицѣпится прямо къ римскому духовенству слѣдующимъ образомъ: послать съ Иностранной Коллегіи ко всѣмъ въ Россійскомъ государствѣ находящимся римскимъ попамъ указы съ такимъ изъясненіемъ, что естли впредь благочестивымъ нашимъ въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ возбранено будетъ церкви обветшавшія возобновлять, а погорѣвшія либо развалившіяся вновь строить, то и имъ, римскимъ попамъ, всѣ ихъ въ Россійской державѣ церкви запечатаются. Естли тамъ у единовѣрныхъ нашихъ монастырь какой либо церковъ отнята будетъ, то и здѣсь у нихъ, римскихъ поповъ, всѣ церкви ихъ отоймутся. Ежели тамъ православнымъ нашимъ въ отправленіи церковныхъ публичныхъ обрядовъ здѣлаются какія нападѣнія, ругательства и побои, то и имъ, римскимъ попамъ, не миновать здѣсь публичного русскимъ кнутомъ наказанія. Словомъ сказать, какія бъ тамъ обиды благочестію нашему и людямъ, оное благочестіе содержащимъ, ни приключились, то имъ, римскимъ попамъ, дожидаться здѣсь за всѣ тѣ обиды не только равномѣрнаго, но и сторическаго воздаянія, и что въ случаѣ неудовольствія съ ихъ поповской стороны, по предписаннымъ Иностранной Коллегіи угроженіямъ непременное исполненіе воспослѣдовать имѣетъ.

Государственная Иностраннныхъ дѣлъ Коллегія сама примѣтитъ, что они, попы, такой указъ тотъ часъ отправлятъ въ Римъ къ папѣ, а папа, которому все его духовенство, а пайпаче езуиты, коихъ и мы въ Литвѣ имѣемъ, очень жалки суть, получа оной указъ, немедленно напишутъ подъ проклятіемъ къ архіепископу гнѣзненскому и епископу виленскому, чтобъ они всему своему духовенству накрѣпко запретили чужихъ церквей въ Польщѣ и Литвѣ не искать, когда самокрайнѣйшая нужда приходитъ своихъ въ Россіи лишиться. Которое единое римского папы писаніе всѣхъ нашихъ въ Польще и въ Литвѣ благочестивыхъ далеко лутше и дѣйствительнѣе защититъ, нежели тысящные польскихъ судовъ декреты, сеймовыя конституціи и клятвенные самихъ королей и всѣхъ чиновъ Речи-посполитой обѣщанія.

5, Касательно другаго средства къ пресѣченію обидъ, единовѣрнымъ нашимъ въ Польще причиняемыхъ, надлежитъ отъ Иностранной Коллегіи въ Святѣйшій Синодъ доношеніе послать слѣдующаго содержанія: понеже государственная Иностранныхъ дѣлъ Коллегія не

только съ многихъ вѣрныхъ и основательныхъ документовъ довольно усмотрѣла; но и изъ самаго дознанія чрезъ такъ долгое время всесовершенно увѣдала и увидѣла, что, въ разсужденіи защищенія благочестивыхъ нашихъ въ Польще озлобляемыхъ людей, весь полячеcкой приказной, въ силу ихъ правъ производимой, порядокъ есть единая всеубыточная и безконечная къ крайнему и прочихъ еще тамошнихъ благочестивыхъ самоубогихъ монастырей разоренію волокита; всѣ ассесоріальные и трибунальные, съ жесточайшимъ на разорителей грекороссійскаго въ Польще благочестія прещеніемъ, декреты, такожъ королевскіе указы и привилегіи, узаконенныя на генеральныхъ сеймахъ конституціи и самые клятвенные обѣщанія не иное что суть, какъ гнилая подпора и всепагубная надежда, а Иностранной Коллегіи предпріемлемые въ томъ же защищенія дѣлѣ, въ силу мирныхъ съ Польщею трактатовъ и въ силу сосѣдно-союзной съ поляками дружбы, всѣ удобъвозможные старательства и чинимыя чрезъ россійскихъ своихъ въ Варшавѣ посланниковъ польскому двору и министерству неоднократныя представленія и найкрѣпчайшія домагательства такожъ не иное что оказались быть, какъ большой и долговременной напрасной трудъ; того ради, не соблаговолитъ ли Святѣйшій Синодъ къ преосвященному бѣлорусскому и къ прочимъ благочестивымъ въ Коронѣ и въ Литвѣ монастырей настоятелямъ указы послать, дабы они всѣ вдругъ, оставя обыкновенный польскихъ правъ порядокъ, о семъ единственнѣ всемѣрное и неусыпное попеченіе возымѣли, какъ бы вѣрные, основательные и обстоятельные могли собрать документа въ такой силѣ: гдѣ, когда, кимъ, почему и коимъ нападенія образомъ благочестивой какой монастырь либо церковь или церковное добро отнято; такожъ: гдѣ, когда, отъ кого, почему и какія кому съ благочестивыхъ напасть, обида и смерть приключилась; а о всемъ томъ: въ какомъ году, въ коемъ судѣ и по сколько разъ чинимы были домогательства, и что по тѣмъ домогательствамъ воспослѣдовало въ резолюціи къ удовольствію за обиды? Этые Святѣйшаго Синода ко всѣмъ благочестивымъ польскихъ монастырей настоятелямъ съ прискою упоминаемаго Иностранной Коллегіи доношенія посыланные указы такую тамъ въ Польще силу и дѣйствіе возымѣютъ, что не только наши единовѣрные, но и протестанты предпринятое свое въ разсужденіи извѣстной и въ третемъ пунктѣ сего жъ моего доношенія упомянутой протекціи небезопасное

намѣреніе оставятъ, а польскіе папы и господа въ такую робость прійдутъ, что безъ всякихъ Иностранной Коллегіи трудовъ и домогательствъ начнутъ церкви и церковные добра благочестивымъ нашимъ возвращать, разсуждая то, что Иностранная всероссійская Коллегія, оставя обыкновенный поляческихъ ихъ судовъ и правъ порядокъ, на который они, поляки, чрезъ триста лѣтъ злохитрно и безсовѣстно ссылаясь, грекороссійской въ Польще законъ совсѣмъ почти истребили, намѣрена нынѣ другимъ способомъ съ ними поляками управиться.

6, Третое средство, надлежащее къ защищенію и къ пользѣ православно-восточныхъ нашихъ въ Польской области людей, можетъ быть таковое: сочинить на латинскомъ языкѣ скрыптъ, которому дать имя: жалоба грекороссійской въ Польще церкви на римского папу и на поляческіе права. Этую жалобу раздѣлить на пункта, а въ тѣхъ пунктахъ прдставить съ вѣрными основательными и всеобстоятельными документами требуемые доказательства, а именно:

Въ первомъ пунктѣ собрать трактаты, права, законы и присяги; коихъ трактатовъ, правъ, законовъ и присягъ на основаніи утверждаются благочестивыхъ въ Польще людей равная съ другими римскаго закона поляками въ вѣрѣ и въ публичнихъ церковныхъ обрядахъ свобода, такожъ ко всякимъ государственнымъ чинамъ и достоинствамъ.

Въ другомъ пунктѣ показать, какъ они, римского исповѣданія поляки, въ явную всѣмъ своимъ предъреченнымъ трактатамъ, правамъ, законамъ и присягамъ противность содержащихъ въ Польще греческой законъ людей не по какимъ безчиніямъ и преступленіямъ, но единствѣннѣ ради благочестія чрезъ триста лѣтъ озлобляютъ, публично безчестятъ, гонять, всего имѣнія лишаютъ, въ ссылку посылаютъ, въ тюрмы бросаютъ, тиранско мучатъ, на висѣлицахъ вѣшаютъ, въ рѣкахъ топятъ, головы имъ рубятъ, живыхъ и мертвыхъ сожигаютъ; благочестивые же ихъ монастыри и церкви нагло и разбойнически нападая, съ кровопролитіемъ отнимаютъ или грабятъ, палятъ, до основанія разоряютъ, либо къ крайнему грекороссійскаго закона поруганію на жидовскія корчмы и на татарскіе мечети обращаютъ. А въ протчія позосталія православно-восточныя церкви, во время отправленія божественныя службы, не только съ огненнымъ оружіемъ входя, но и на лошадяхъ визжая, на олтары святыя стрѣляютъ; священниковъ, престолу Божію предстоящихъ, дулами

бьютъ, саблями колютъ, за волоса по всей церквѣ таскаютъ, горящими свѣщами бороды имъ опаляютъ, очи выжигаютъ, образа Пречистой Богоматери и другихъ угодниковъ ругаютъ, разбиваютъ, изъ церкви выбрашуютъ; а икону самаго Сына Божія Распятаго, ударивъ о землю и вытащивъ вонъ, по улицамъ въ гнои и гразѣ публично волочатъ, ногами топчутъ, ножами колютъ, а при томъ богохульно кричатъ: «для чего не мстишся за обиду свою отступнически Боже».

Въ третомъ пунктѣ прописать, что хотя упоминаемые православно-восточные, вѣдая всесовершенно и наблюдая неусыпно обыкновенный правъ и законовъ Польскаго государства порядокъ, за показанныя свои обиды не только въ ассесоріяльныхъ, трибунальныхъ и реляційныхъ королевскихъ судахъ, но и на самыхъ генеральныхъ сеймахъ, найкрѣпчайшія и неоднократныя домогательства дѣлали; а по тѣмъ ихъ домогательствомъ воспослѣдовали премногіе означенныхъ судовъ декреты, королевскіе указы, привилегіи и сеймовыя конституціи съ жесточайшимъ на изобидителей и разорителей греко-россійскаго благочестія прещеніемъ; однако, реченнымъ благочестивымъ тѣ же, что и преждѣ, нагло усиленные озлобленія причинятся и безпрерывно продолжатся не престаютъ.

Въ четвертомъ пунктѣ изъяснить, что помянутые благочестивыми въ Польще людьми исходатайствованные декреты, указы, привилегіи и конституціи, силы и дѣйствія своего имѣть не могутъ не за упорствомъ и вольностію тамошняго народа, но по извѣстному и въ третомъ пунктѣ сего жъ моего доношенія шестьма правилами изображенному римского папы ученію; коего ученія въ непремѣнное исполненіе польскіе духовнаго и мірскаго чина сенаторы и самъ Его Величество король присягою себе обовязуютъ, о чемъ я въ томъ же третомъ доношенія моего пунктѣ подъ правиломъ шестымъ упомянулъ, съ приложеніемъ вѣрного печатного документа. И потому всѣ вышъреченные, по домогательствомъ православно-восточныхъ людей, въ защищеніе греческого ихъ въ Польще закона состоявшіеся декреты, указы, привилегіи и конституціи не иное что суть, какъ единой злохитрной обманъ, изобрѣтенъ для того, чтобъ упоминаемые благочестивые, положась на оную гнилую состоявшихся декретовъ указовъ, привилегій и конституцій подпору, до тѣхъ поръ и другихъ государей милости и протекціи не искали, покамѣстъ греческое ихъ благочестіе всековарными и неусыпными римскаго духовенства

замахами и нестерпимо и безпрерывно причиняемыми озлобленіями въ конецъ не истребится; изъ чего надлежитъ несумѣнно наводить и твердо заключать, что содержащей въ Польще греческую вѣру народъ тогда развѣ можетъ дождатся отвращенія непрестанно происходящихъ обидъ, а возвращенія отнятыхъ своихъ монастырей и церквей, когда либо вышъ показанное въ пунктахъ шести правильное ученіе римского папы отмѣнится или Польской народъ римскую вѣру оставитъ, либо когда (какъ римское духовенство съ общекупнаго согласія сказуетъ) всѣ благочестивые въ Польской области люди римской законъ пріймутъ или съ Польского государства выйдутъ.

Въ пятомъ пунктѣ изобразить, что вѣчный и непоколибимый общенародныхъ правъ законъ есть таковъ: когда между двома примиряющимися народами съ общаго ихъ согласія на какихъ договорахъ трактатъ заключается; то ни единъ народъ, въ противность постановленнымъ отъ себе въ ономъ трактатѣ договорамъ, что либо предпринять не силенъ, развѣ бы тотъ ихъ трактатъ другимъ потомъ трактатомъ, съ общаго ихъ же обоихъ примиряющихся народовъ согласія заключеннымъ, былъ уничтоженъ. А понеже благочестивыхъ Польского государства жителей свобода въ вѣрѣ и въ публичныхъ церковныхъ обрядахъ, такожъ вся ихъ шляхецкая вольность и ко всѣмъ государственнымъ чинамъ достоинство утверждается на основаніи трактатовъ, между народами коронным, литовскимъ, и русскимъ съ общаго согласія, подъ клятвеннымъ обязательствомъ, заключенныхъ и потомъ не единожды вновь съ общаго тѣхъ же троихъ примиряющихся народовъ согласія, накрѣпко потвержденныхъ, то поляки римского исповѣданія въ томъ поступаютъ весьма несправедливо, безразсудно и безстудно, когда въ причиненіи благочестивымъ Польской области людямъ обидъ, защищаютъ себѣ нѣкоторыми своими правами, ибо такіе ихъ права 1, не суть трактаты, но приватной только Польского государства законъ; 2, тѣ ихъ права изданы отъ единаго римской вѣры народа, безъ согласія другихъ еще двоихъ выщереченныхъ примиряющихся народовъ; 3, показуемые ими римскаго закона поляками права состоялись не только въ нарушеніе прежде, издавна уже, всѣми трома народами съ общаго согласія, подъ присягою заключенныхъ и не единожды вновь накрѣпко подтвержденныхъ трактатовъ, кои въ противность премногимъ на генеральныхъ сеймахъ узаконеннымъ конституціямъ; 4, по

заключеніи мирныхъ между Россіею и Польщею въ 1686 году трактатовъ, какъ Россія не можетъ внутрь своей державы, въ отмѣнность постановленнымъ въ оныхъ трактатахъ съ поляками договорамъ, что либо узаконять, такъ и Польща не должна и не сильна приватными государства своего законами мирные съ Россіею трактаты въ девятомъ пунктѣ нарушать.

Въ шестомъ пунктѣ упомянуть, что, сколько бъ какихъ бы жалобъ и нарѣканій на настоятелей тамошнихъ монастырей и на прочихъ благочестивыхъ людей отъ польской стороны не происходило; то тѣ всѣ жалобы и нарѣканія отъ злохитрныхъ и ненавистныхъ святого благочестія враговъ безсовѣстно суть вымышлены и безстудно невиннымъ людямъ причтенны, а то существительно для того, чтобъ ихъ, бѣдныхъ благочестивыхъ, въ такую огиду и омерзеніе привесть, дабы имъ, яко съ Россійскимъ государствомъ единовѣрнымъ и по содержанію мирныхъ съ Польщею трактатовъ въ россійскую протекцію взятымъ, за обиды свои предъ дворомъ россійскимъ (которого еще единого поляки опасаясь, грекороссійской въ Польще вѣры совсѣмъ истребить не дерзаютъ) и жалобъ приносить нельзя было.

Какъ польское министерство предъ россійскимъ нашимъ въ Варшавѣ посланникомъ начнетъ нарѣкать на Иностранную Коллегію, что она въ противность природнаго закона дѣлаетъ, оставя самыхъ разорителей греческой въ Польще вѣры въ спокойности, привязуется въ Россіи къ невинному римскому духовенству и что таяжъ Иностранная Коллегія противу всѣхъ общенародныхъ правъ поступаетъ, повелѣвая единовѣрнымъ своимъ, въ Польской области обрѣтающимся, обыкновенный всѣхъ полскихъ судовъ порядокъ оставить, которому порядку и они, грескаго закона люди, за силу и за долгъ подданства своего, равно съ другими подлежатъ: то нашъ россійскій посланникъ (естли этое мое мнѣніе по разсужденію Иностранной Коллегіи окажется быть не худо) можетъ имъ, польскимъ министрамъ, помянутую грекороссійской церкви жалобу на латинскомъ языкѣ подать, а при томъ въ отвѣтъ представить слѣдующіе резоны: хотя какъ всему свѣту, такъ и Россійского государства духовному и мірскому чину, довольно есть извѣстно римскаго папы ученіе, по которому ученію надлежитъ непременно озлоблять и мучить тѣхъ людей, кои его, папу, за главу церкви признать не хотятъ, однако государственная Иностранныхъ дѣлъ Коллегія никогда сего надѣятся не могла, чтобъ

римской папа показаннымъ своимъ ученіемъ моглъ такъ разумное польское министерство плѣнить и чрезъ то къ нарушенію мирныхъ съ Россіею трактатовъ привесть. Такожъ всероссійская Иностранная Коллегія до сихъ поръ нималѣйше не усумнивалась о честности пароля польскихъ министровъ, которымъ паролемъ они Иностранную Коллегію не единожды накрѣпко обнадежили, а въ вѣрность того и своеручно подписались, что по домогательствомъ Иностранной Коллегіи имѣетъ воспослѣдовать благочестивымъ Польскаго государства жителямъ въ отвращеніи обидъ, а возвращеніи церквей всесовершенное удоволствіе, безъ различія лицъ и вѣры и безъ всякого пристрастія.

А понеже Иностранная Коллегія изъ собственного дознанія чрезъ 162 года всесовершенно усмотрѣла, что присланная съ Польщи отъ грекороссійской церкви на римского папу и на поляческіе права жалоба во всѣхъ своихъ пунктахъ есть вѣрна, основательна и справедлива; того ради и россійское министерство, оставя нынѣ всѣ поляческіе отзывы на тамошніе ихъ суда, права и сеймы, принуждено уже другихъ надежнѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ употребить, которыми бы можно было, въ силу мирныхъ съ Польщею трактатовъ, единовѣрнымъ своимъ миръ и безопасность здѣлать, а не правильно и съ кровопролитіемъ отнятые монастыри и церкви привратить. Я могу въ томъ Иностранную Коллегію крѣпко обнадежить, что показанная жалоба и представленіе вмѣстѣ чрезъ россійскаго посланника резоны приведутъ польское министерство въ нечаянное недоумѣніе и превеликое удивленіе, наипаче потому, что такимъ образомъ все ихъ польскихъ министровъ, отъ давныхъ временъ укриваемое, къ нему недоброхотство, вся коварная и злохитрная дружба, весь безсовѣстной и безтудной обманъ и всѣ лестные съ нижайшими польского ихъ манеру уклонами чинимые комплементы предъ очи имъ представлятся. И для того они, министры, опасаясь дабы Россійское государство, сообща и другимъ поляческимъ ихъ союзникомъ означенную жалобу (по которой всякъ государь, римскимъ ученіемъ неплѣненный, правильную войну узналъ бы), не начало само собою, то есть, отправленіемъ въ Польщу команды, благочестивые монастыри и церкви отбирать, принуждены будутъ оную россійскимъ посланникомъ поданную жалобу немедленно изъ Варшавы въ Римъ къ папѣ послать и притомъ себѣ извинять, что они

Польскаго государства министры, римской же церкви сыны, теперь, по извѣстному его, папы, ученію, исполненіе чинить не въ состояніи. Папа, который, въ случаи самокрайнѣйшія нужды, всѣ свои законы отмѣнять дозволяетъ, и упоминаемое его о гоненіяхъ диссидентовъ ученіе имъ, польскимъ министрамъ, до времени отмѣнитъ доеволитъ. Изъ чего несумѣнно и непременно воспослѣдуетъ, что единовѣрнымъ нашимъ Польского государства жителямъ всѣ происходящія обиды всесовершенио пресѣкутся; благочестивые монастыри и церкви починять или вновь строить во всей Коронѣ и Литвѣ нѣкто не возбранитъ; польское министрство домогательства Иностранной Коллегіи, въ разсужденіи возвращенія благочестивыхъ монастырей, церквей, и ихъ принадлежностей, начнетъ въ особливѣйшемъ почтеніи имѣть и по онымъ ея домогательствомъ немедленное исполненіе дѣлать. А Иностранная Коллегія, по аппробаціи этихъ моихъ троихъ проэктовъ и по произведеніи ихъ въ дѣло, получитъ съ Польщи въ три мѣсяци отъ тамошнихъ своихъ единовѣрныхъ не жалобы, по прежнему, на римское духовенство и на другихъ поляковъ приносимыя, но всепокорнѣйшее съ похвалою и славою благодареніе за ея, Иностранной Коллегіи, толь сильную дѣйствительную и немедленную протекцію, здѣланную всему тамошнему благочестію, безъ нарушенія мирныхъ съ Польщею трактатовъ, безъ всякого кровопролитія, безъ малѣйшаго другихъ поляческихъ союзниковъ огорченія и безъ дальшихъ впредь ея жъ, Иностранной Коллегіи, въ томъ дѣлѣ тяжелыхъ и долговременныхъ затрудненій. А дабы по предъпринятому Россійскаго государства намѣренію, пособіемъ Иностранной Коллегіи, могло воспослѣдовать не только всесовершенное и немедленное благочестивыхъ монастырей, церквей и людей возвращеніе, но и никогда непрерывно тѣхъ же благочестивыхъ монастырей, церквей и людей зъ добромъ порядкѣ и при святомъ благочестіи удержаніе; обидъ же всѣмъ тамошнимъ благочестивымъ происходившихъ, происходящихъ и впредь произойтить имущихъ найкрѣпчайшое предотвращеніе; то надлежитъ непременно въ Польще съ россійской стороны учредить комисара, въ силу опредѣления, въ 1722 году состоявшагося, по имянному указу блаженныя, высокославныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго; которого высокомонаршого указа и несказанно изрядного опредѣленія въ непремѣнное, дѣйствительное и немедленное исполненіе, имѣю я потомъ въ разсужденіе государ-

ственной Коллегіи особливой проэктъ подать, и въ ономъ проэктѣ касательно реченнаго комисара съ основательными всего резонами представить о его должности, командѣ, штатѣ, ученіи, чинѣ чести и о приличіи случая, по которому онъ, комисаръ, обрѣтая въ Польской области Россійскому государству знатную пользу самолегчайшимъ образомъ причинять можетъ, о семъ доноситъ.

На подлинномъ подписъ таковъ: Къ сему приложенію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Θеофанъ Леонтовичъ Доруминъ.

29 августа 1758 года. Санктпетербургъ.

XXXI.

Объясненіе іеромонаха Θеофана Леонтовича Дорумина, поданное въ Кіев. дух. консисторію по поводу взведенія на него обвиненій въ бытность его старшимъ виленскаго монастыря.

1761 г., авг. 21 дня.

Въ Духовную Митрополіи Кіевскія Консисторію покорнѣйшое отвѣтное доношеніе отъ бывого виленского старшого іеромонаха Θеофана Леонтовича о жалобахъ съ Польщи, а именно, противу представленіи виленского епископа Зѣнковича и литовского референдара Масальского.

Отвѣтъ на первой пунктъ о вербосвятіи и о другихъ публичныхъ греко-россійской церкви церемоніяхъ.

Церковь, находящаяся въ Рыбной улицѣ, посредѣ города Вильни, не есть и не была уніятская, но издревле наша благочестивая, о чемъ не только цѣлому городу Вильнѣ, но и всему Великому Княжеству Литовскому вѣстимо и многими отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ привилегіями, всему благочестивому въ Коронѣ и въ Литвѣ народу, а найпаче Виленскому братству, жалованными, такожъ конституціями, на генерально-согласныхъ сеймахъ узаконенными, та виленская приходская церковь, храмъ Воскресенія Господня, при благочестіи вѣчно непоколебимо утверждена; послѣдовательно, такая церковь принадлѣжала до моей власти. При освященіи же вербы засталъ я оную свою благочестивую церковь заперту,

потому что купцы римского и уніятского исповѣданія, которые въ поруганіе и поношеніе греко-россійскому нашему благочестію, въ благочестивой оной каменной церквѣ стѣну на многихъ мѣстахъ проламавъ, лавки себѣ подѣлали; опасаясь, дабы я, освятя во оскверненномъ ими домѣ Божіемъ вербу, лавокъ ихъ, яко мѣстъ купленныхъ, до основанія не разламалъ, оную нашу благочестивую церковь, со всѣхъ сторонъ накрѣпко заперли. Уніяты же и римляне возимѣли претенсіи свои къ воспоминаемой нашей церквѣ, потому что они такую церковь обетшалую уже и валяющуюся благочестивымъ нашимъ въ Вильнѣ исповѣдникамъ починять до тѣхъ поръ возбраняли, покамѣсть всѣ церковныя копулы, на сводъ каменной упавъ, внутръ не проломились и въ церквѣ грекороссійское наше священно-служеніе имѣть не пресѣкли. По коемъ разэреніи стояла та церковь впустѣ до 1757 года; въ которомъ годѣ, когда я отъ королевского архитектора Ивана Гловбица заподлинно увѣдомился, что уніятскій митрополитъ Флоріанъ Гребницкій поступаетъ ему архитектору 10000 золотыхъ польскихъ на возобновленіе оной нашей благочестивой церкви; то я, хотячи за силу государственныхъ поляческихъ узаконеній всенародно освидѣтельствоваться и показать, что такая въ Вильни на рынку стоящая Свято-Воскресенская церковь принадлежитъ до моей власти, а не до его, митрополита уніятского Гребницкого, нарочно для того предъ оною церквою вербу святилъ; съ чего и послѣдовало, что милостію всещедрого Бога такой нашей благочестивой церкви на злочестивую унію возобновлять онъ, митрополитъ Гребницкій, и по нынѣ не дерзаетъ.

А допрашивать мене, святилъ ли я вербу на Воскресеніе Лазарево и чинилъ ли я въ городѣ Вильнѣ по главнымъ улицамъ крестные ходы и публичныя процессіи недозволеннымъ образомъ, противъ всякого добраго порядка, обыкновенія и правъ, такъ есть удивительно и умомъ человѣческимъ непостижимо, какъ бы мене, по представленіямъ того жъ виленского епископа и литовского референдара, допрашивано, придержался ли я въ Вильнѣ со всѣмъ тамошнимъ благочестивымъ народомъ, православно-восточной греческой вѣры? Ибо благочестиваго, въ Коронѣ и Литвѣ обрѣтающагося, народа какъ исповѣданіе греческой вѣры, такъ и всѣ церковные обряды и публичныя церемоніи, на единомъ основаніи миролюбно заключенныхъ и присягами запечатлѣнныхъ трактатовъ, основательныхъ польского

государства узаконеній, генерально-сеймовыхъ конституцій, клятвенныхъ всякого польского государя и всѣхъ чиновъ Речи-посполитой обѣщаній, вѣчно непоколебимо утверждаются и совершенно свободно, какъ самому римскому духовенству, дозволяются. О коей совершенной всего благочестиваго въ Польской области народа свободѣ въ исповѣданіи греческой вѣры и въ отправленіи публичныхъ церковныхъ обрядовъ всему свѣту довольно извѣстно, кромѣ единой Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи, которой подъ командою благочестивый Виленскій монастырь состоитъ. Пусть же теперь ново опредѣленный виленскій старшій на мнѣ кается, и этие запросы, отъ Духовной Консисторіи мнѣ учиненные, въ незабвенной памяти содержа, крѣпко опасается, чтобъ ему, въ Вильню прибывъ и благочестивую свою церковь первый разъ увидѣвъ, крестного знаменія на себѣ не положить по греческому обыкновенію; ибо какъ виленскій епископъ, и литовскій референдаръ о томъ (куды надлежитъ) представлятъ, то онъ, старшій, за такую свою въ Вильнѣ противъ всякого доброго порядка, обыкновенія и правъ продерзость, здѣсь въ Россіи на осѣмъ лѣтъ подъ слѣдствіе попадетъ.

При освященіи вербы на рынкѣ, какія было мнѣ другія еще церемоніи распространять съ найвящшею гордостію и неумѣренностію, когда со мною не было болѣе іеромонаховъ, какъ только два человѣка, да іеродіяконъ четвертый. Но я думаю, что собраніе подъ тотъ случай премногихъ виленскихъ обывателей на рынокъ и присовокупленіе къ намъ въ ходъ всего россійского воинства, такожъ отданіе строемъ фронтовымъ чести этому нашему ходу отъ главного на рынкѣ тогда состоящаго россійского караула, онъ, виленскій епископъ, за найвящшую гордость и неумѣренность мнѣ причитаетъ.

А чтобъ въ городѣ Вильнѣ самые престарѣлые люди такихъ нашихъ публичныхъ грекороссійской церкви церемоній не помнили, да и ниодинъ съ антецессоровъ моихъ такой себѣ вольности не претендовалъ,—это есть явновидная ложъ; ибо довольное число и молодыхъ людей съ уніятовъ и римлянъ въ Вильнѣ обрѣтается, которые не только отъ предковъ своихъ слыхали, но и сами какъ въ вербоносныхъ, такъ и въ другихъ публичныхъ церкви нашей ходахъ, съ недавными моими антецессорами, какъ то: Іеронимомъ Волчанскимъ, Сильвестромъ Лянцкороньскимъ и Мельхиседекомъ Богдановичемъ всегда присутствовали. Загородное же урочище, называемое Роса, на

которомъ создана была благочестивая святого Георгія каменная церковь, и по нынѣ въ завладѣніе злочестивыхъ поповъ не пришло, понеже покойный Волчанскій обычай имѣлъ ежегодно на томъ церковищи вербу святить и въ городъ несть.

Во утвержденіе вышъ показанной своей явновидной лжи представляетъ виленскій епископъ два доказательства: 1, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ римская вѣра господствуетъ; 2, что Вильня есть главный литовскій городъ, въ которомъ самъ епископъ живетъ. Но гдѣ то и въ какихъ Польского государства трактатахъ, узаконеніяхъ, конституціяхъ, клятвенныхъ обѣщаніяхъ и королевскихъ привилегіяхъ онъ, епископъ, начиталъ, чтобъ намъ, благочестивымъ, не имѣть свободнаго въ греческой вѣрѣ исповѣданія и въ публичныхъ церкви нашей обрядахъ отправленія по тѣмъ провинціямъ, гдѣ римская вѣра господствуетъ, и по тѣмъ городамъ, гдѣ римскіе епископы резыденціи свои имѣютъ. По окончаніи первой лжи принимается епископъ виленскій и референдаръ литовскій за другую, еще большую и красивѣйшую ложь: будьто бы литовскій въ городѣ Вильнѣ находящійся народъ, которому сродная есть по римской вѣрѣ ревность, будучи жестокими моими поступками уже огорченный, имѣлъ на мене смятеніемъ востать, ежели бы его епископская умѣренность народа отъ таковаго намѣреваемаго смятенія не отвлекала. Но куда бы была этѣмъ обоимъ большимъ римскаго закона господамъ ложь ихъ изрядно удалась, ежели бы были при представленіи на мене своихъ жалобъ, этую римскую пословицу предъ очима имѣли: *mendax debet esse memor*, то есть: *кто брешетъ, тотъ долженъ опасатся, чтобъ не пробрехаться*; ибо господинъ епископъ единого и тогожде своего представленія въ первомъ пункте стращаетъ мене народнымъ смятеніемъ за освященіе мною вербы, а въ другомъ пункте говоритъ: «въ надеждѣ де на находящееся въ Вильнѣ россійское войско безмѣрно во всемъ сталъ онъ (грекороссійскій старшій) отваженъ».— Да и какъ же можно было виленскому народу при вербосвятіи на мене смятеніемъ востать, когда въ то время столько было россійского войска въ Вильнѣ, сколько въ полѣ травы? Паче еще при воспоминаемой оной церемоніи весь тамошній литовскій римскаго и уніятского закона народъ такую учтивость и благоговѣніе къ обрядамъ греко-россійской нашей церкви оказалъ, что, къ превеликому всероссійскаго воинства удивленію, знатное число обоего пола, вербу съ

нами на ринкѣ поднявъ, до самой нашей церкви добропорядочно и благоговѣйно несли. И тако господинъ епископъ виленскій, выдуманнымъ отъ себе народнымъ смятеніемъ секретаря россійскаго нашего въ Варшавѣ посольства Ржичевского стращая, не мене, грекороссійскаго въ Вильнѣ старшого, отъ какого то смертного бѣдствія предостерегаетъ, но своихъ римскихъ исповѣдниковъ отъ любви и склонности къ грекороссійскому нашему закону заблаговременно отвращаетъ, понеже ему, епископу, не безъизвѣстно, что не только по разнымъ мѣстамъ Великого Княжества Литовского, но и въ самомъ городѣ Вильнѣ немалое число между уніятами и римлянами какъ съ мѣщанства, такъ и съ знатной шляхты, потаенныхъ греко-россійскихъ исповѣдниковъ обрѣтается. Сверхъ этихъ моихъ противу первого пункта виленскимъ епископомъ и литовскимъ референдаромъ на мене представляемаго оправдательныхъ отвѣтовъ, ссылаюсь еще на заручную всего благочестивого Виленского братства, подъ № 3-мъ, и на заручную россійскихъ нашихъ штабъ и оберъ офицеровъ, въ бытность мою въ благочестивомъ виленскомъ монастырѣ настоятелемъ въ самомъ городѣ Вильнѣ находившихся, подъ № 7-мъ, въ нелицезрительномъ моимъ приуготовленіи, въ Духовную Митрополіи Кіевскія Консисторію Іюня 20 дня 1761 года поданномъ, между приложеніями къ доношенію, въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію, августа 29 дня прошлого 1758 года отъ мене представленному, обрѣтающіяся которыми двома заручными епископъ виленскій и референдаръ литовскій не только отъ всего благочестиваго Виленскаго братства, отъ россійскаго нашего офицерства и отъ протестантского въ Вильнѣ купечества, но и отъ самыхъ своихъ чадъ, то есть, отъ уніятовъ и римлянъ, во всѣхъ своихъ, въ вышьпоказанномъ первомъ пунктѣ на мене представленныхъ, безсовѣстныхъ, безстудныхъ и самыхъ негодныхъ оклеветаніяхъ, сильно и отнюдь не оспоримо изобличаются.

Отвѣтъ на второй пунктъ о мѣщанинѣ виленскомъ Мартинѣ Доманскомъ.

Супостатъ мой, епископъ виленскій, по обыкновенной всему римскому духовенству въ политическихъ дѣлахъ хитрости, къ ложному своему на мене представленію дѣлаетъ себѣ красивый приступъ по случаю находившагося въ Вильнѣ россійскаго войска, на которое

въ надеждѣ яко бы я безмѣрно во всемъ сталъ быть отваженъ, каждому гордые угрозы чинилъ и самовластно, а не по приказному порядку, по обыкновенію и по узаконеннымъ Польскаго государства учрежденіямъ поступалъ. Коихъ моихъ яко бы непорядочныхъ поступокъ въ неоспоримое доказательство представляетъ, онъ, епископъ, обиду, виленскому мѣщанину Мартину Доманскому мною причиненную. Но я обстоятельнымъ всего нашего монастырского съ означеннымъ виленскимъ мѣщаниномъ дѣла представленіемъ покажу и докажу, что онъ, епископъ, въ своихъ на мене по дѣлу нашему съ оннымъ виленскимъ мѣщаниномъ представленіяхъ, безсовѣстно поступилъ и безстудно проврался.

1749 года, въ случившійся въ городѣ Вильнѣ большій пожаръ, не только самъ благочестивый виленскій монастырь, но и всѣ того монастыря камяницы и лавки тѣмъ же пожаремъ разорились. Монастырь виленскій, за обыкновенную свою скудость будучи не въ состояніи камяницы свои и лавки починять, роздалъ на починку виленскимъ купцамъ по контракту, съ означеніемъ сроку пожилыхъ въ монастырскомъ ими купцами починенномъ строеніи годовъ и съ опредѣленіемъ ежегодного между тѣмъ въ монастырь платежа. Таковыхъ виленскихъ купцовъ въ числѣ сыскался и воспоминаемый виленскій же купецъ и мѣщанинъ Мартинъ Доманскій, который договорился съ виленскимъ монастыремъ двѣ монастырскія лавки въ камяницы, великая Гелда прозываемой, находящіяся, на починку взять; срокъ пожилыхъ въ тѣхъ двоихъ монастырскихъ лавкахъ годовъ ему, Доманскому, по смерть означить и ежегодного между тѣмъ въ монастырь платежа сто золотыхъ польскихъ опредѣлить. По которому своему съ монастыремъ договору онъ, Доманскій, самъ и контрактъ написалъ и тогожъ 1749 года, іюня 29 дня, въ монастырь къ подпису принеслъ; почему таковый его, Доманского, контрактъ рукою антецессора моего Сильвестра Добрыны закрѣпленъ. А то въ разсужденіе не предпринято, что онъ, Доманскій, съ своей стороны, виленскому монастырю реверсала въ томъ не далъ, и что онъ же, Мартинъ Доманскій, будучи уже человѣкъ лѣтъ болѣе пятдесяти, написалъ такъ контрактъ на имя не свое, но своего сына Стефана, которому не было тогда лѣтъ еще двадцати; и тако бы виленскому монастырю долго было дожидаться, покаместъ бы срокъ пожилыхъ годовъ за починку монастырскихъ лавокъ, смертію Стефана Доман-

ского означенный, вышолъ. Которой своей обманнической хитрости, а благочестивому виленскому монастырю знатной и столь долговременной обиды во утвержденіе, онъ же, Мартинъ Доманскій, тогожъ 1749 года іюля 12, вышьпоказанный свой контрактъ далъ на Виленскомъ урядѣ въ книги записать; между тѣмъ тогожъ 1749 года съ едной монастырской лавки здѣлалъ себѣ шинкъ, безъ волѣ и вѣдома виленского монастыря. По окончаніи первого 749 года, уплативъ прежде востребованнія съ тѣхъ двоихъ лавокъ виленскому монастырю годовую наемную, контрактомъ опредѣленную, сумму, за другій 1750 годъ, и по многократнымъ уже виленского монастыря требованіямъ и домогательствомъ, означеннаго годового платежа дать не похотѣлъ; а за востребованіемъ виленского монастыря, дабы ему, Доманскому, съ тѣхъ двоихъ монастырскихъ, яко издревле крѣпостныхъ, лавокъ, уступить, не уступилъ. Когда же монастырь, по совѣту и дозволенію Виленского магистрата, тѣ двѣ лавки, яко свои собственныя, монастырскими замками замкнулъ и печатьми запечаталъ, то онъ, Мартинъ Доманскій, съ сыномъ своимъ Стефаномъ, такіе монастырскіе замки поотбивалъ и печати поотривалъ. Такимъ образомъ, будучи благочестивый виленскій монастырь не въ состояніи самъ собою съ жильцемъ своимъ Мартиномъ Доманскимъ поуправиться, принужденъ былъ на урядѣ виленскомъ первіе въ нижномъ, то есть, бургомистерскомъ судѣ на сего изобидѣтеля своего милости просить. Въ который судъ Мартинъ Доманскій призванъ потаился, что никакого контракту на торговлю лавки отъ греко-россійского монастыря не бралъ; но тѣми двома лавками, къ коимъ греко-россійскій монастырь нѣкоторую претенсію дѣлаетъ, онъ, Доманскій, яко своими собственными, владѣетъ. Въ которой своей безсовѣстной и безъстудной лжѣ когда онъ, Доманскій, отъ греко-россійского нашего монастыря самымъ же тѣмъ контрактомъ, который, взявъ въ монастырѣ, на уряде виленскомъ 1749 года іюля 12 д. въ книги записать далъ, предъ судомъ изобличился; то въ нижнемъ ономъ бургомистерскомъ судѣ, тогожъ 1750 года 24 д., состоялся декретъ, чтобъ онъ, Доманскій, по силѣ контракта, отъ грекороссійского нашего монастыря, имъ, Доманскимъ, взятого, годовый платежъ, сто золотыхъ польскихъ, за двѣ монастырскія лавки надлежащій, на урядѣ положилъ; но онъ, Доманскій, такому магистратскому декрету явился ослушенъ. Потомъ 1751 года, когда грекороссійскій нашъ монастырь запозвалъ его жъ,

Доманского, въ верхній магдебургскій виленской судъ, въ которомъ судѣ состоялся декретъ тогожъ 1751 года, іюня 2 д., въ такой силѣ, чтобъ монастырскія наши лавки, которыя Доманскій неправедно и неправильно себѣ присвояетъ, урядовою печатью запечатать, и запечатаны; но онъ, Доманскій, не только тѣ урядовыя печати отъ лавокъ нашихъ оторвалъ, но и на самый урядъ бранные и грозительные слова произносилъ. Почему грекороссійскій нашъ монастырь, разсуждая Мартина Доманскаго такое безстрашіе и продерзость, а декретовъ виленскихъ магистратскихъ и магдебурскихъ слабость, судилъ за благо бить челомъ на него, Доманского, въ ассесоріальный (надворный королевскій) судъ. Въ которомъ судѣ состоялся декретъ 1752 года, генваря 20 дня, не только обоихъ вышьпоказанныхъ магистратскихъ и магдебурскихъ города Вильни декретовъ потвердительный, но и самому отвѣтчику нашему, Мартину Доманскому, подъ опасеніемъ неминуемаго жестокого штрафа, на-крѣпко въ томъ притвердительный, дабы онъ, Доманскій, весь годовый платежъ, монастырю нашему за двѣ лавки надлежащій, безъотлагательно (заплатилъ) либо съ лавокъ уступилъ; но онъ, Доманскій, и по самому тому надворныхъ королевскихъ судовъ докрету ни единаго исполненія не учинилъ. Въ томъ же 1752 году, іюля 15 дня, по многократному монастыря нашего прошенію и домогательству, состоялся въ магистратѣ виленскомъ, во исполненіе предреченнаго въ надворнихъ королевскихъ судахъ состоявшагося декрета, декретъ таковъ, чтобъ Мартинъ Доманскій на срокъ тогожъ іюня 15 д. весь годовый платежъ монастырю нашему безспорно отдалъ, а буде отдать не похощетъ, то лавки монастырскія, со всѣми его, Доманского, въ тѣхъ лавкахъ находящимися товарами, тогожъ іюля 15 д. съ магистрату запечатать; но онъ, Доманскій, показуемаго за всѣ года монастырю нашему надлежащаго платежа ни на срокъ, ни по прошествіи сроку не уплатилъ; товары свои съ монастырскихъ нашихъ лавокъ всѣ ночью выносивъ и вывозивъ, этими товарами на другій день въ камяницы виленского войта Минькевича торговать началъ, лавки наши, въ коихъ его товары находились, пустыя, своими замками позамыкалъ; а когда опредѣленные съ магистрату для запечатанія съ товарами его, Доманскаго, монастырскихъ нашихъ лавокъ прійшли, то онъ, Доманскій, ворота съ приходу къ тѣмъ лавкамъ замкнувъ, печатать не допустилъ. Когда же другой разъ тѣже съ виленского уряду

опредѣленные нечаянно къ лавкамъ прибыли и оныя урядовою печатью запечатали, то онъ, Доманскій, урядовыя тѣ печати оторвавъ, замки свои отомкнувъ, монастырскій нашъ каменный погребъ, подъ тѣмижъ нашими лавками находящійся, весь разломалъ и кирпичъ себѣ забралъ. Греко-россійскій нашъ монастырь, въ разсужденіи такихъ чрезвычайныхъ отвѣтчика своего Мартина Доманского продерзостей, принужденъ былъ паки, тогожъ 1752 года, въ надворный королевскій судъ, его, Доманского, запозвать; коего суда въ началѣ онъ, Доманскій, призвавъ къ себѣ стряпчаго нашего монастырского іеромонаха Іннокентія Болдишевского, нарочно по дѣлу нашему съ нимъ, Доманскимъ, въ городъ Гродно отправленного, съ тѣмъ іеромонахомъ примирился и требуемую нами отъ него, Доманского, съ лавокъ нашихъ за всѣ года денежную сумму сполна уплатить обѣщался. За которое его, Доманского, примиреніе и обѣщаніе въ надеждѣ, когда показанный монастыря нашего стряпчій позывъ свой, противко Доманскаго записанный, съ книгъ надворного королевскаго суда вычернилъ и съ города Гродна отъѣхалъ; то онъ, Доманскій, тогда злоковарно, позывъ свой противо насъ въ тѣже надворно-королевско-судебныя книги для причтенія намъ ослушности записалъ. Самъ виленскій магистратъ, разсуждая, наконецъ, что по дѣлу нашему съ Доманскимъ чрезъ такъ долгое время ни монастырю нашему по жалобамъ, непрестанно приносимымъ, удоволствія здѣлать, ни въ силѣ декрета, въ надворныхъ королевскихъ судахъ состоявшагося, исполненія учинить, а ни себе отъ клопотъ и огорченій, урядовой своей чести предосудительныхъ, никакими мѣрами избавить не можетъ, составилъ декретъ въ томъ же 1752 году, сентября 23 дня, слѣдующаго содержанія: 1, чтобъ Мартинъ Доманскій съ двоихъ монастырскихъ, яко нашихъ собственныхъ, издревле крѣпостныхъ лавокъ непремѣнно уступилъ и денежную сумму за всѣ года, съ тѣхъ лавокъ монастырю нашему надлежащую, безотлагательно, подъ опасеніемъ за ослушность наказанія и двойного денежного штрафа, уплатилъ; 2, монастырскія наши лавки поручить бы намъ по прежнему въ вѣчное наше владѣніе, опредѣленными съ уряду людьми, въ три дни отъ числа, въ декретѣ прописанного; 3, за проторы и убытки удовольствовалъ бы насъ онъ, Доманскій, по показанію нашихъ замѣтокъ; 4, за ослушность магистратскимъ магдебурскимъ и королевскимъ декретамъ, за отбитіе урядовыхъ замковъ, за ото-

рваніе упривилiованныхъ печатей, за обезпокоеніе, презрѣніе и поношеніе всего уряду, взять съ него, Доманскаго, и съ его сына Стефана, и съ его тещи Громовичевой, штрафу 900 золотыхъ польскихъ, а его самого, и сына его Стефана, и тещу его Громовичеву посадить въ тюрму при виленской ратушѣ на цѣлую недѣлю. Но онъ, Мартинъ Доманскій, таковому магистратскому декрету не только во всѣхъ четырехъ пунктахъ явился ослушенъ, но когда съ магистрату, въ разсужденiи такой его ослушности, лавки наши монастырскія по прежнему замкнуты и запечатаны, то онъ, Доманскій, въ началѣ трибунальныхъ, въ городѣ Вильнѣ отправляющихся, судовъ, магистратскіе замки отбилъ и упривилiованныя ихъ печати оторвалъ.

Бѣдный нашъ грекороссійскій монастырь принужденъ уже остатнюю деньгу потерять, а такого беззаконнаго своего отвѣтчика, Мартина Доманского, еще третій разъ въ надворный королевскій судъ запозвать. Въ которомъ судѣ 1753 года, октября 9 дня, состоялся декретъ, съ тѣмъ уговоромъ и угроженіемъ, что ежели Мартинъ Доманскій поупрямится денежную сумму монастырю нашему съ двоихъ часто воспоминаемыхъ лавокъ, за четыри года имъ, Доманскимъ, заведенную, немедленно сполна уплатить, а предбудущаго 1754 года, въ надворный нашъ королевскій судъ стать; то съ нимъ, Доманскимъ, впредь поступать въ силѣ учрежденныхъ Польскаго государства законовъ, какъ съ баннитомъ и съ шельмою. Но онъ, Доманскій, этого угрозительного королевскаго декрета такъ сильно спужался, что не только на означенный декретомъ срокъ, то есть, 1754 года, въ надворный королевскій судъ не явился, годовой денежной контрактомъ уговоренной съ двоихъ лавокъ суммы монастырю нашему не уплатилъ и монаховъ нашихъ, къ ему, Доманскому, за показуемою долговою суммою съ монастыря многократно посылаемыхъ, всегда скверно ругая, съ безчестіемъ прогонялъ; но 1757 года и самый тотъ монастыря нашего домъ, въ которомъ онъ, Доманскій, двѣ лавки только по контракту съ 1749 года отъ насъ держалъ, со всѣми лавками, погребами и жильями въ томъ домѣ обрѣтающимся, онъ, Доманскій, регенту канцеляріи повѣта Ошмянского за 1000 талярей (а тотъ домъ достался греко-россійскому нашему монастырю по декрету виленского магистрата въ 10000 талярей), яко свое собственное добро уступить договорился; и уже бы былъ онъ же, Доманскій, цѣлый тотъ монастыря нашего домъ

повѣренному, отъ означеннаго Ошмянскаго регента нарочно съ тѣмъ намѣреніемъ въ Вильню присланному, за показуемый безцѣнокъ продалъ и въ вѣчное владѣніе отдалъ, ежели бы я былъ его, Доманского, въ такой злодѣйской хитрости плѣтьми не предварилъ, вѣдая всесовершенно, что изрядный тотъ каменный и бѣдному нашему монастырю, яко на самомъ рынкѣ состоящій, много-прибыльный и необходимо-нужный домъ, пропалъ бы былъ вѣчными часы такъ точно, какъ и всѣ наши благочестивые, уніятами и римлянами разбойническо-завладѣнные монастыри, церкви и ихъ принадлежности; ибо ежели греко-россійскому нашему монастырю не только по своимъ всеудобъвозможнымъ старательствамъ и въ судебныхъ Великаго Княжества Литовскаго мѣстахъ надлежащимъ порядкомъ домогательствомъ, но и по чинимымъ въ силу указа, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію въ 1752 году посланнаго, чрезъ россійскаго нашего въ Варшавѣ посланника господина Гросса канцлеру литовскому князю Чарторижскому неоднократнымъ представленіямъ, нельзя было управиться съ нимъ, Мартиномъ Доманскимъ, виленскимъ мужикомъ,—то что было ужъ думать о вышьпоказанномъ Ошмянскомъ регентѣ, который не только есть знатный шляхтичъ, но и самъ приказный человѣкъ. Какъ скоро мнѣ о воспоминаемомъ Мартина Доманского съ регентомъ Ошмянскимъ за цѣлую нашу монастырскую камяницу злоковарномъ договорѣ вѣдомость пришла, то я пошелъ самъ въ магистратъ и въ полномъ магистратскомъ засѣданіи началъ всѣхъ господъ судей всепокорнѣйше просить, дабы они, въ разсужденіи такъ знатной обиды монастырю нашему отъ Ошмянскаго регента, чрезъ злодѣйскую Мартина Доманского хитрость послѣдовать имѣющей, за силу шести магистратскихъ и королевскихъ декретовъ противо отвѣтчика нашего Мартина Доманского состоявшихся, непремѣнное и всеконечное исполненіе учинивъ, монастырскія наши издревле крѣпостныя лавки, Мартиномъ Доманскимъ неправедно и неправильно завладѣнныя, урядовою своею властію по прежнему намъ въ вѣчно-наслѣдственное владѣніе поручили. По которому моему представленію и прошенію приданы мнѣ были тотъ часъ съ магистрату два урядовые начальники: одинъ магистрата виленского райца Андрей Корбутовичъ, а другій магдебурыи виленской регентъ Томашъ Филиповичъ; кои два начальники, когда со мною къ Мартину Доманскому

пришли и именемъ не только всего виленского магистрата, но и самого его польско-королевскаго величества, монастырскія наши лавки поручать мнѣ начали; то онъ, Доманскій, весь магистратъ всенародно безчестными и скверными словами ругая, начальниковъ тѣхъ двоихъ и мене съ безчестіемъ и угроженіемъ побоевъ прогналъ. Я по такимъ обстоятельствамъ разсуждая, что отвѣтчикъ нашъ Мартинъ Доманскій ни виленского магистрата, ни самого своего государя, польского короля, не слушается, а какъ бы не только тѣ двѣ лавки, но и вся наша монастырская камяница, регенту Ошмянскому не досталась (дѣло времени не терпитъ), судилъ за благо россійскому нашему генералу господину Даревскому, который тогда въ монастырѣ нашемъ квартерою стоялъ, по дѣлу нашему съ Доманскимъ всю гисторію обстоятельно росказать; а во увѣреніе того самые подлинные виленско-магдебургскіе и королевскіе, противо его, Доманскаго, состоявшіеся декреты представить и у Его Превосходительства совѣта и вспоможенія просить. Который нашъ россійскій генералъ господинъ Даревскій, по выслушаніи отъ мене всей оной обстоятельной гисторіи и по вычитаніи всѣхъ означенныхъ подлинныхъ декретовъ, въ отвѣтъ мнѣ сказалъ: вашъ де отвѣтчикъ Мартинъ Доманскій давно уже обявленъ баннитомъ и шельмою надворныхъ королевскихъ судовъ декретомъ: а за силу де вашихъ поляческихъ государственныхъ узаконеній, ктобы баннита и шельму какъ ни изобидѣлъ либо въ смерть его убилъ, за то ни самъ онъ, баннитъ, за себе, ни другій кто за него, ни въ какомъ судѣ не истецъ; на семъ основаніи можно де вамъ и съ Мартиномъ Доманскимъ, какъ съ шельмою поступивъ, лавки свои отобрать, регенту Ошмянскому въ руки не допустить. А дабы де, при отобраніи вами монастырскихъ своихъ лавокъ, не могло какое смятеніе отъ него бездѣльника послѣдовать, то я де офицеру, при россійскомъ нашемъ на рынкѣ караулѣ находящемуся, прикажу, для безопасности вашей и вашихъ людей нѣсколько человѣка солдатовъ придать. По такому совѣту, отъ господина генерала Даревского мнѣ поданному, испросивъ я паки у магистратѣ тѣхъ же двоихъ, что и прежде, урядовыхъ начальниковъ, пошелъ къ Мартину Доманскому для отобранія монастырскихъ своихъ лавокъ. Которые два начальники, когда начали его, Доманского, именемъ магистратскимъ и королевскимъ къ отдачѣ лавокъ уговаривать и декреты, какъ виленско-магдебурскіе, такъ и королевскіе,

при всенародно предъ нимъ читать; то онъ, Доманскій, всѣ тѣ декреты у регента Филипповича съ рукъ вырвавъ и на землю бросивъ, началъ скверноми словами магистратъ бранить, а райцу, регента и мене съ безчестіемъ отъ лавокъ гонить. На что я ему, Доманскому, сказалъ: «развѣ вамъ, господинъ Доманскій, по вашихъ магдебурскихъ и королевскихъ декретахъ, нашъ еще московскій декретъ написать»?— Даромъ де, пиши и московскій: мнѣ и въ томъ нужды нѣтъ.—По которыхъ его, Доманского, словахъ приказалъ я монастырскимъ своимъ четыремъ служителямъ, его, господина Доманского, на куль соломы положить и ему, Мартину Доманскому, 100 плѣтей, а сыну его Стефану 50 дать. Потомъ, лавки свои съ товарами его, Доманского, замкнувъ и печатьми не магистратскими, которыя онъ нѣсколько разъ отривалъ, но своими монастырскими запечатавъ, россійскій караулъ, отъ господина генерала Даревского испрошенный, къ лавкамъ приставилъ. Который караулъ при тѣхъ лавкахъ чрезъ три недѣли стоялъ, покамѣсть онъ, Доманскій, монастырю нашему надлежащей отъ него должной суммы, а именно, 3000 золотыхъ польскихъ, не уплатилъ. По которой уплаткѣ немедленно онъ, Мартинъ Доманскій, всѣ свои товары съ лавокъ нашихъ въ цѣлости забралъ, а мы монастырскія наши лавки по прежнему въ мирное владѣніе приняли. Которого моего всего объ немъ, Мартинѣ Доманскомъ, неложного представленія во увѣреніе прилагаю Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи подъ литерою А, указъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнодъ подъ литерою Б, декретъ магдебуріи виленскій подъ литерою В, декретъ надворныхъ королевскихъ судовъ подъ литерою Г, квитанцію отъ греко-россійского нашего монастыря Мартину Доманскому, за 3000 золотыхъ польскихъ данную, подъ литерою Д, реестръ, по коимъ именно монастырскимъ претенсіямъ взято съ него, Доманского, 3000 золотыхъ польскихъ.

Чего всего въ разсужденіи, какъ я моглъ по этимъ епископскимъ и референдарскимъ представленіямъ противу справедливости и правъ поступать? Какъ моглъ безопасность виленскихъ граждапъ, правами столь утвержденную, нарушить? Какъ же моглъ и виленскій магистратъ, почитая обиду одного Доманского изъ своихъ за свою общую, ему, виленскому епископу, своему протектору, сильныя жалобы на мене приносить? Ибо сіе такъ точно было бы бездѣльно и посмѣянія достойно, какъ и то, ежели бы кто виленскому мѣща-

нину, яко злодѣю, по королевскому декрету голову отрубилъ, а литовскій бы референдаръ представлялъ, что тѣмъ безопасность виленскихъ гражданъ нарушена; виленскій же епископъ говорилъ бы, что въ томъ виленскій магистратъ, который особливѣйшія привилегіи имѣетъ, почитая обиду одного изъ своихъ за свою общую, ему, епископу, яко протектору своему, сильныя жалобы приносилъ. Вить это всякому вѣстимо да и всегосвѣтными правами утверждено, чта шельма отъ честныхъ людей выключается, а потому и въ числѣ мѣщанъ не считается, послѣдовательно и всѣ свои права и привилегіи теряетъ; а буде я Мартину Доманскому сто плетей далъ не яко шельмѣ, но яко честному человѣку и виленскому упривиліованному мѣщанину, то где тотъ протестъ, который на мене отъ Доманского въ магистратѣ принятъ? и где тотъ протестъ, который на мене жъ отъ виленского магистрата въ надворный королевскій судъ посланъ? где и тая претенсія, которую бы къ россійскому нашему генералу господину Даревскому за приданныхъ мнѣ для отобранія лавокъ солдатовъ и за приставленный къ запечатаннымъ Доманского товарамъ караулъ онъ же, виленскій епископъ, дѣлалъ? Нигде ничего о томъ не слыхать. Стыдно было виленскому епископу во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, где ни есть, про Доманского спомянуть; но здесь у насъ въ Россіи, чрезъ прѣсное свое исчадіе господина Ржишевского, сыскалъ онъ, епископъ, случай польского своего шельму честнымъ человѣкомъ дѣлать, господиномъ называть и всѣми мѣрами защищать, а то единственнѣ для того, чтобъ по этому случаю обиды, мною яко бы честному и невинному человѣку причиненной, мене, обмаравъ, съ благочестивого виленского монастыря прогнать. Весь виленскій магистратъ и въ помышленіи своемъ не имѣлъ ему, епископу, на мене за Доманского жалобы приносить; ибо когда на другой день Свѣтлаго Христова Воскресенія случилось быть всему магистрату у него, епископа, съ поздравленіемъ, и онъ, епископъ, началъ имъ представлять, что здѣшній де сизматическій игуменъ позавчерашнего дни здѣлалъ початокъ козацкого своего правосудія первіе отъ васъ, мирского чина людей, после де пріймется за уніятское духовенство, которое многія сизматицкія церкви во владѣніи своемъ имѣетъ, а потомъ де доберется и до мене; и для того де надлежитъ намъ всѣмъ сіе чувствовать и заблаговременно опасатся, чтобъ этотъ злый и всехитростнивый сизматикъ,

пользуясь случаемъ многочисленного россійского нынѣ въ нашемъ государствѣ находящагося войска, не воскресилъ намъ Хмельницщины на нашу погибель. На которые его епископскіе слова первый виленского магистрата бургомистеръ Янъ Кибортъ въ отвѣтъ сказалъ: «что де касается къ дѣлу Доманского, то мы всѣ магистратомъ здешнему сизматицкому игумену попремного благодарствуемъ, что онъ обиду нашу и безчестіе отомстилъ, и которого безприкладного злодѣя плута и шельму не могли мы по паутиннымъ нашимъ законамъ не только городомъ Вильнею, но и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, чрезъ осѣмъ лѣтъ укротить, того онъ четырма монастырскими людьми да двѣма плетьми въ четверть часа всесовершенно укротилъ и намъ всѣмъ въ магистратѣ и въ городѣ тихомиріе здѣлалъ».

Это суть мои противу представленій отъ виленского епископа Зѣнковича да литовского референдара Масальского, въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію, а оттуду въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, на мене присланныхъ, оправдательные отвѣты; съ которыхъ ихъ поляческихъ представленій, а моихъ отвѣтовъ всякъ можетъ нынѣ явновидно усмотрѣть, что не только дробные, но и самые крупные, то есть референдары, епископы и сенаторы, господа поляки, пуще брешутъ, нежели нашіе русскіе собаки, и что я, по такимъ ихъ поляческимъ ложнымъ представленіямъ и негоднымъ оклеветаніямъ, напрасно, прежде востребованія отъ мене отвѣта, въ Вильнѣ отъ настоятельского правленія отрѣшенъ, а здѣсь въ Россіи четвертый ужъ годъ подъ слѣдствіемъ стражду. О которомъ моемъ, по представленіямъ виленского епископа и литовского референдара, отрѣшеніи православные могилевскіе мѣщане, извѣстясь, написали письмо, 1758 года генваря 27 дня, къ благочестивому Виленскому братству слѣдующаго содержанія: «слухъ де всенародный носится по всей Литвѣ, что вашъ виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ сего текущаго генваря 6 дня въ день Богоявленій Господнихъ съ монастыря своего со всѣмъ тамошнимъ православнымъ народомъ и россійскимъ воинствомъ на рѣку Вилѣю до горы ногами ишолъ; въ соломяные колоколы звонилъ; съ пушокъ травяныхъ такъ громко палилъ, что папу въ Римѣ перепугалъ; погруженіемъ креста въ воду рѣку Вилѣю зажеглъ и до каплѣ выжеглъ. Какъ де виленскій епископъ и литовскій референдаръ объ этихъ его, старшого, непорядочныхъ поступкахъ и продерзостяхъ россійскаго въ

Варшавѣ посольства къ секретарю господину Ржишевскому напишутъ, а онъ, Ржишевскій, высокоминистерскимъ своимъ, на основаніи государственныхъ нашихъ поляческихъ узаконеній, мнѣніемъ подкрѣпитъ и съ египетской епископа виленского да референдаря литовского тьмы полудневный свѣтъ здѣлаетъ, — то вашъ де старшій горчайшею смертію постраждетъ».

Къ сему отвѣтному доношенію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Θеофанъ Леонтовичъ Доруминъ.

Августа 21 дня 1761 года. Въ катедральномъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ.

XXXII.

Отвѣтное донесеніе іеромонаха Θеофана Леонтовича о взятыхъ имъ изъ виленскаго монастыря бумагахъ.

1761 г., сент. 3 дня.

Въ Духовную Митрополіи Кіевскія Консисторію покорнѣйшое отвѣтное доношеніе отъ бывого виленского старшого іеромонаха Θеофана Леонтовича во взятыхъ съ виленского монастыря бумагахъ.

Сколько числомъ и какихъ именно монастырскихъ бумагъ взялъ я съ собою при отъиздѣ моемъ съ Вильни въ Санктпетербургъ,— и тія нынѣ бумаги всѣ въ цѣлости Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи представляю подъ нумерами чтырма, а именно:

Подъ № 1-мъ—точныя копіи съ троихъ высокомонаршихъ грамотъ, благочестивому виленскому монастырю, въ 703, въ 708 и въ 753 годахъ, всемилостивѣйше пожалованныхъ; такожъ и книгу, съ которою было, въ силѣ тѣхъ высокомонаршихъ грамотъ, самые старшіе или монахи виленского монастыря, обыкновенно въ два года въ Россійское государство пріѣзжая, собираютъ милостинного отъ всероссійскихъ христолюбцовъ подаянія до двухъ тысячей рублей на предбудущіе два года.

Подъ № 2-мъ—копіи съ крѣпостей и привилегій какъ самого виленскаго, такъ и протчихъ благочестивыхъ монастырей и ихъ принадлежностей, въ вѣдомствѣ виленского старшенства находящихся.

Подъ № 3-мъ—жалобы и тяжбы въ судебныхъ Польскаго государства мѣстахъ по отнятію благочестивыхъ монастырскихъ принадлежностей, въ вѣдомствѣ виленскаго старшенства находившихся.

Подъ № 4-мъ—приказные Россійскаго государства дѣла по нуждамъ виленскаго монастыря.

Этыя всѣ бумаги какъ благочестивое Виленское братство, съ общекупного согласія (о чемъ я нелицезрительного моего пріуготовленія во второй опасности обстоятельно упомянулъ), самопроизвольно мнѣ при отъѣздѣ моемъ съ Вильнѣ въ Санктпетербургъ дало, такъ и я самъ, на прошеніе ихъ благочестивого братства склонясь, охотно съ собою взялъ не для того, чтобъ, взятіемъ тѣхъ бумагъ съ виленского монастыря, монастырь виленскій и все тамошнее благочестіе (по мнѣнію покойного преосвященного Санктпетербургского Сvльвестра) разорить; но для того, чтобъ, представленіемъ ихъ въ Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ и въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію, монастырю виленскому и всему тамошнему благочестію (по премудрому Его Сіятельства князя Козловскаго, Святѣйшаго Сvнода оберъ-прокурора, разсужденію) немедленно и благонадежно пособить: ибо, по отнятіи у насъ благочестивыхъ нашихъ монастырей, церквей и ихъ принадлежностей, когда мы такіе бумаги, на коихъ крѣпости и привилегіи отнятого у насъ добра изображенны, содержимъ при благочестивыхъ нашихъ въ Польще монастырѣхъ чрезъ нѣсколько десятковъ или сотъ лѣтъ за крѣпкими замками, то пользуемся столько этими нашими бумажными правами, сколько хозяинъ пользуется ключами, когда воръ унесетъ сундукъ съ деньгами.

Къ сему отвѣтному доношенію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Өеофанъ Леонтовичъ.

Въ катедральномъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ.
Сентября 3 дня 1761 года.

I-ое приложеніе къ отвѣтному доношенію іеромонаха Өеофана о взятыхъ съ виленского монастыря бумагахъ.

Въ книгѣ рукописной, подъ зеленымъ бархатомъ оправленной, старинной на собраніе милостини церковного ради иконостасного украшенія братству крестоносному, при церквѣ православно-греческой виленской Сошествія Святого Духа обрѣтающемуся, року 171, мѣсяца декабра 22 дня, въ коей сколько копій съ жалованныхъ на тотъ виленской Свято-Духовъ монастырь государственныхъ грамотъ взя-

тыхъ, и въ коихъ годѣхъ оные наданы; такожъ сколько и отъ кого именно на тотъ виленскій монастырь милостинного подаянія, и на какой страницѣ, и въ какомъ году, ниже сего въ учиненномъ о томъ росписѣ значитъ. 1761 года, сентября 11 дня.

1. Грамота благочестивѣйшаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и при сынѣ своемъ благородномъ царевичѣ и великомъ князѣ Алексѣи Петровичѣ, за прошеніемъ преосвященного Стефана, митрополита рязанскаго и муромского и администратора трону патріарского, пожалована на тотъ виленскій монастырь для пріѣзду по милостину изъ виленского монастыря въ царствующій градъ Москву,— 1703 года, февраля 28 дня.

Подлѣнная грамота писана подъ золотомъ на паргаментѣ. Подлѣнная подписана: государственной посольской канцеляріи діякъ Михайло Радостановъ. У той же грамоты печать государственная на красномъ воску въ серебраной коробкѣ, и сквозь той коробки продѣты золотые и серебреные шнуры.

2. Грамота благочестивѣйшаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, при сынѣ своемъ благородномъ царевичѣ и великомъ князѣ Алексѣи Петровичѣ, на тотъ же вышпрописанный виленскій Свято-Духовъ монастырь въ подтвержденіе пріѣздить изъ виленского монастыря въ два года, по пяти человѣкъ, въ царствующій градъ Москву по милостину, жалованная въ 1708 году, февраля 2 дня.

Подлѣнная грамота писана подъ золотомъ на паргаментѣ. Подписалъ тую грамоту государственной посольской канцеляріи дякъ Михайло Радостановъ. У той же грамотѣ подлѣнной печать государственная на красномъ воску въ серебренной коробкѣ, у той же коробкѣ сквозь продѣты золотые и серебраніе шнуры.

3. Грамота благочестивѣйшыя великія государини императрицы Анны Іоанновны за ходатайство и прошеніе преосвященнаго Ѳеофана, архіепископа Великаго Нова-Града и Великихъ Лукъ, и вѣце-президента Святѣйшого Правительствующаго Всероссійского Сvнода, жалованная на тотъ же виленскій монастырь въ подтвержденіе въ дважъ года за показанною милостинею въ царствующій градъ Москву пріѣздить; которой милостини къ пятидесяти рублямъ еще прибавлено пятьдесятъ рублевъ,—1733 года, сентября 12 дня.

Подлинная писана на александрійской бумаги въ золотыхъ берегахъ, въ которой подписались: смиренный Ѳеофанъ, Божіею милостію архіепископъ Великого Нова-Города и Великихъ Лукъ; смиренный Леонидъ, Божіею милостію архіепископъ сарскій и подонскій; смиренный Питиримъ, архіепископъ нижегородскій и алаторскій; Иларіонъ, архимандритъ новоспасскій; Варсонофій, архимандритъ соловецкій; Іоаннъ, протопопъ благовѣщенскій.

У той же грамотѣ печать государственная такова же, какова и на тѣхъ, только съ кистями серебранными жъ.

Сколько кто милостинного подаянія на тотъ виленскій монастырь и въ какомъ году, мѣсѣцѣ и числѣ далъ, и на какой пагинѣ въ той книзѣ написано.

1747 года, марта 17 д. Генералъ-аншефъ, сенаторъ дѣйствительный камергеръ и кавалеръ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ—*десять рублевъ.*

Тогожъ года, априля 15 д. Генералъ-маіоръ и кавалеръ святыя Анны князь Владимиръ Петровичъ Долгоруковъ—*пять рублевъ.*

Года, мѣсяца и числа не означено, далъ и панъ Семеновъ *два рубли.*

1750 года, далъ для помяновенія себе Ѳеодосій, архіепископъ с. петербургскій и архимандритъ Невского монастыря, *двести рублевъ.*

1747 года, той же Ѳеодосій, архіепископъ петербургскій и архимандритъ Невского монастыра, на строеніе оной обители далъ *пятдесятъ рублевъ.*

На строеніе тоежъ обители дано, а отъ кого и якого года не означено, *пять рублевъ.*

А отъ другого *два червонцы.*

Его преподобіе отецъ Ѳеодоръ Дубянскій далъ *два рублѣ.*

1745 года, дано отъ Захаріи, епископа переяславского, *пятнадцать рублевъ.*

Дано отъ стряпчого Свято-Троецкого Сергіева монастыря его милости пана Іосифа Страшкевича, 729 года, рублевъ (?) [1].

[1] Въ рукописи пробѣлъ.

1744 г., дано тожъ отъ тогожъ *двадцать рублевъ*.

Дано отъ Іоанна Григоріева сына Ушакова, а какого года, мѣсяца и числа не прописано, *тридцать рублевъ*.

Такожъ отъ Іоанна Каменскаго дано *рубль*.

1744 мая 29 д., дано отъ болярина Льва Кириловича Нарышкина *десять рублей*.

1729 году, дано на помяновеніе государини царицы Наталіи Кирилловны, болярина Кирилла и протчихъ, *шестьнадесять рублевъ*.

1740 года, дано отъ Варсонофія, архимандрита соловецкаго, члена синодального, *десять рублевъ*.

Дано въ складъ *шестьнадцать алтынъ четыри деньги*, а отъ кого и якого года не прописано; итого *сорокъ семь копѣекъ*.

1707 году, дано отъ болярина Өеодора Алексѣевича Головина на евангеліе *пятнадцать рублевъ*.

1744 года, дано отъ архимандрита тихвинского Андріана Занкевича *пять рублевъ*.

1744 года, дано отъ намѣстника Троицкой лавры Өеодосія Янковского *двадцать рублевъ*.

1744 года, дано отъ соборного Троицкого монастыра Іннокентія Григоріевича *десять рублевъ*.

1744 года, отъ іеромонаха Іосифа Буринского, Троицкой лавры гробового, *чтири рубли*.

Дано отъ проповѣдника монастыра Троицкого Сергіева Панкратія Чарниского *пять рублевъ*.

1747 года, дано отъ отца Іоасафа, презеса кадецкого корпуса, *пять рублевъ*.

1747 года, отъ іеромонаха Варөоломея (?)

Дано отъ эконома Сергіевой Троецкой лаври іеромонаха Мисаила *десять рублевъ*.

Дано отъ намѣстника А. Н. Т. *чтыри рубли*.

Отъ пѣвчихъ дому ея свѣтлости княгинѣ Черкасской дано *единъ рубль и двадцать копѣекъ*.

1747 года, дано отъ іеромонаха Пафнутія *два рубли*.

Дано отъ іеромонаха Варсонофія *одною рубля*.

1749 года, дано отъ преосвященного смоленского Гедеона Вишніовского *сто рублей*.

1750 года, дано отъ духовника преосвященного переяславскаго ієромонаха Іосифа *тридцать рублей.*

Дано отъ архимандрита крутицкого.

1747 года, дано отъ архимандрита спасского.

Дано отъ игумена батуринского Пахомія.

Дано отъ архимандрита воскресенского Іларіона.

Дано отъ іеромонаха Якова Блонѣцкого.

Дано отъ архимандрита святогорского Іосифа изъ обители тоей же

1747 г., дано отъ архимандрита Геннадія Соловецкого.

Дано на церковь отъ доброхотного дателя.

177 года, дано на позолотку евангелія отъ игумена Петра Садовского денегъ *восьмъ червонныхъ.*

173 года, дано *десять рублевъ.*

1700 года, пожаловала государиня царевна Наталія Алексѣевна ефимковъ.

Дано отъ священника Димитрія.

Дано отъ капитана-командира Ипата Калиннича Муханова.

1751 года, дано отъ полковника Донского войска Михаила Себрякова.

Дано отъ князя Александра Репнина талярей.

Дано отъ Петра Ивановича Панина.

Дано отъ княгини Маріи Θеодоровны Вяземской.

1744 года, дано *едного рубля.*

Дано отъ доброхотныхъ дателей *чтири рубли.*

1726 года, дано отъ Іоанна Стефановича Стрешнева

1726 года, дано отъ Θеодора Солодовникова.

Дано отъ дѣвицы Елены *двадцать копѣекъ.*

Дано *одного таляра.*

1726 года, дано на помяновеніе Іоанна Трубецкого.

1746 года, дано на помяновеніе и на милостину за преосвященнаго Кипріана.

1744 года, дано *два рубли* на помяновеніе.

Дано на помяновеніе.

Дано отъ нѣкоего Евсигнія на помяновеніе.

Дано на помяновеніе *пятьдесятъ копѣекъ.*

Дано отъ секретаря Семена Маслова *шестьнадцать алтинъ и четыре деньги.*

Далъ порутчикъ Герасимъ Кирилловъ.

Дано отъ Петра Новикова единъ рубль.

Дано на помяновеніе.

Дано отъ Антона Грибцова.

Дано отъ капитана Стефана Нестерова.

Дано отъ Саввы Михайлова Кудрашова.

1707 года, дано отъ Андрея Александровича Бѣляева.

1702 года, дано на иконостасное строеніе.

Дано отъ маіора Заборовского.

Дано отъ доброхотовъ двоихъ.

Дано на помяновеніе.

Дано оть дому князя Трубецкого.

Дано отъ секретара Семена Селезнева.

Дано отъ Ивана Ржевитинова.

Дано на помяновеніе.

1740 года, дано отъ протопопа санктпетербургского Михаила Слонского.

Дано на помяновеніе сродниковъ отъ священника Стефана Навроцкого.

170 года, дано отъ іеродіакона Іосифа тогожъ виленского монастыря денегъ рублей.

Дано *едного рубля.*

Дано отъ доброхотныхъ дателей.

Дано такожъ отъ доброхотныхъ дателей.

Прописанную здѣ книгу, кромѣ изображенныхъ денегъ, принялъ и расписался старшій виленскій игуменъ іеромонахъ Сиеъ Гамалѣя.

2-ое приложеніе къ отвѣтному доношенію іеромонаха Ѳеофана о взятыхъ съ виленского монастыра бумагахъ.

Крѣпости и привилегіи начального виленского и приписныхъ монастырей со всѣми ихъ принадлежностями.

Книга копій съ крѣпостей, наданыхъ на виленскій Сошествія Святого Духа монастырь, именуемая выпись трибунальска, въ переплетѣ, только безъ оправы; въ 77 листахъ, писанныхъ русскимъ и польскимъ діалектомъ, а единъ листъ въ окончаніи чистый, неписанный; въ началѣ оной книги на первомъ листу цѣфѣрной нумеръ та-

ковъ: 103. Надписъ же въ оной книги польскимъ діалектомъ таковъ: Wypis trybunalski a. 1596 july 4 dnia przedaży j. msci pana Romana Wolowicza, starosty rogaczewskiego y koniawskiego, jch msciom panom jey msci paniey woiewodziney brzeskiey y smolenskiey.

Русскимъ діалектомъ: Выпись съ книгъ правъ судовъ головныхъ трибунальскихъ лѣта отъ нарожденія Сына Божія тысяча пятьсотъ девятдесятъ шостого, мѣсяца іюля 4 дня.

Грамота отъ князя Великого Княжества Литовского Казимѣра-Яна Сапѣги священникомъ грекороссійскимъ во вѣчность надана въ городѣ Сапежинѣ 1687 года марта 14 д. до церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ томъ, дабы уніатскіе попы никакого препятствія не чинили грекороссійскимъ священникомъ во взятіи у прихожанъ тоей же церкви за крещеніе по шести грошей литовскихъ, за вѣнчанье по пятнадцати грошей, за молитву съ кропиломъ по три гроши, и о протчемъ. При оной же грамотѣ приложены двѣ печати: една Казимѣра-Яна Сапѣги большая восковая, другая сургучева писара Александра.

Писаніе на польскомъ діалектѣ до княжны Каролины Сапѣжиной отъ прихожанъ церкви Благовѣщенской, съ прошеніемъ о дозволеніи вышнаписанную Благовѣщенскую церковь, начатую строить, достройкою въ окончаніе привесть; въ поллиста; на другомъ боку поллиста чистого написано тако: «Тѣмъ временемъ дозволяется церковъ подчиняти до дальшого и совершеннѣйшого, за еи, Сапежины Каролиновой, пріездомъ, разсмотрѣнія. Априля 30 дня 1739 года.» Подписъ таковъ. «Каролина Сапежина.» На томъ письмѣ притиснена печать черного сургучу.

Копія позву о грунтахъ, наданая отъ Августа, польского короля, Третого грекороссійскимъ друйскимъ монахомъ, на которыхъ грунтахъ былъ друйскій монастырь, а по згорѣніи того монастыря друйскіи бернадинѣ, хотя завладѣли тѣмъ самоправно грунтомъ, съ грекороссійскими забойство учинили; въ поллиста; 1741 года маіа 26 дня.

Грамота на церковь друйскую Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, отъ Николая Одинского, подскарбія надворного Великого Княжества Литовского, надана, о неимѣніи изъ уніятовъ никому никакого дѣла до вышписанной церкви, кромѣ оной быть подъ вѣдомомъ единого виленского монастыря; а буди бы кто неналежне имѣлъ какую претенсію, то на такого противника штрафу наложено

на монастырь виленскій платить таляровъ битыхъ пятдесятъ; въ поллиста; подписался саморучно подъ тѣмъ тако: Миколай-Францѣшекъ Одинскій, подскарбій Великого Княжества Литовского. Въ тое время владѣлъ городомъ Друйскимъ, и печать его сургучемъ притиснена,— 175 года декабра 12 дня.

Грамота, въ поллиста, на польскомъ діалектѣ, данная на вышписанную Благовѣщенскую церковь отъ Александра-Павла Сапѣги, маршалка надворного Великого Княжества Литовского и старосты, съ позволеніемъ на тую церковь имѣть заводъ рыболовный и хуторъ. На оной же грамотѣ саморучно подписался тако: Александеръ-Павелъ Сапѣга, маршалекъ надворный и староста Великого Княжества Литовского, и печать его большая на воску приложена; 1694 анно, генвара 5 дня; оная же грамота подтверждена 1741 года іюля 7 дня Babeліною княжною Яблуновскою.

Грамота, въ поллиста, на польскомъ діалектѣ, данная отъ Александра грабіи Sapiehy, маршалка Великого Княжества Литовского и великого старосты, о дозволеніи имъ коштомъ на мѣстѣ погорѣлой церкви въ томъ мѣстѣ Сапежинѣ другую вновь строить, съ запрещеніемъ уніятамъ той грекороссійской церквѣ никакой не чинить обиды, а священнику, при той церквѣ находящемусь, за крещеніе грошей по шесть литовскихъ и за протчее взымать; подписался тако: Александеръ-Павелъ Сапѣга, маршалекъ Великого Княжества Литовского; съ приложеніемъ большой на воску его печати; 1702 года, декабра 28 дня; подтвердила Каролѣна Радзивилова Яблоновска 1741 іюля 7 дня.

Грамота, въ поллиста, на польскомъ діалектѣ, отъ Каролѣны княжны Радзивиловой грабѣной наданная, о построеніи на мѣсто погорѣлой церкви въ мѣстѣ Сапежинѣ вновь другой обывателямъ Сапежинымъ; въ Вилнѣ дана 1741 года іюля 10 д.; при печати ея малой сургучевой; на коей подписалась: Каролѣна княжна Радзѣвилова Яблоновска.

Грамота, въ поллиста, на польскомъ діалектѣ, отъ Казѣмира-Леона грабѣ, старосты, о дачѣ имъ на Благовѣщенскую друйскую церковь семи пляцовъ пустыхъ по-узъ помѣжниковъ, зъ едной стороны отъ Двины рѣки зъ пляцомъ Лаврѣна Шостака, а зъ другой стороны Филипа Патера Жилѣцы, которіе граничатъ до рову; да на шпиталь пляцъ между помѣжниками, по правой руки Венедикта

Зубковича, а по другой сторонѣ козака Артимовича Ткача. Подписался, съ приложеніемъ своей сургучемъ печати малой: Казѣмиръ Сапѣга, староста волпѣнскій. 1724 года іюня 11 дня.

На сей же грамотѣ подтверждено Николаемъ Лопацѣнскимъ, подчашимъ мѣцѣскимъ, дабы къ вышписаннымъ грунтамъ никто никакой претенсіи не имѣлъ, и на томъ онъ саморучно подписался тако: Николай Лопацѣнскій, подчашій мѣцѣскій. 1743 года октября 15 дня.

Писаніе на польскомъ діалектѣ, въ поллиста, отъ мѣщанъ друйскихъ до княжны Каролины Сапежины, съ прошеніемъ данные отъ антецессоровъ еи на церковь Благовѣщенскую друйскую права и привилегіи конфѣрмовать; съ объявленіемъ, что, по сгореніи той Благовѣщенской церкви, другой вновь строить друйскіи бернадинѣ препятствуютъ; на коемъ писаніи зъ резолюціею написано: дозволяется строить вышписанную церковь; и на томъ она, Каролѣна, съ приложеніемъ своей черной печати, подписалась: Каролѣна Сапежина. 1739 года сентября 5 дня.

Выпись, въ листъ, на польскомъ языкѣ, данная 1742 года мѣсяца марта 2 дня, зъ ратуши майдебурии мѣста Сапежина Друи, о грунтахъ, належащихъ до вышписанной церкви Благовѣщенской, съ прописаніемъ о тѣхъ грунтахъ свидѣтелей друйскихъ; при коей выписѣ приложена урядовая на воску печать, а подписъ таковъ: Михаилъ Зѣнкевичъ, писарь мѣста Сапѣжина Друи.

Замѣтка на польскомъ діалектѣ, въ поллиста, сколько всей суммы отъ 1738 года по пожару Свято-Благовѣщенской друйской въ мѣстѣ Сапежинѣ церкви до 760 года издержано денегъ.

Копія письма на польскомъ діалектѣ, въ поллиста, епископа виленского Іоанна Зенковича о запрещеніи имъ сооружать на старомъ мѣстѣ сгорѣвшей благочестивой друйской церкви; 1754 года августа 2 дня.

Писаніе на польскомъ діалектѣ, въ поллиста, къ старшому виленскому отъ братства Друйского съ прошеніемъ дозволить церковь заложить, съ объявленіемъ, что они въ постройки оной рачительное стараніе имѣтъ имутъ и благодарятъ за игумена іеромонаха Пахомія; февраля 23 дня 1757 года.

Писаніе на польскомъ діалектѣ къ старшему виленскому отъ тогожъ Друйского братства, въ поллиста, съ представленіемъ о не-

допущеніи въ Друи войтомъ друйскимъ и бернадинами церкви строить и о произношеніи ими, войтомъ съ бернадинами, похвалокъ: «тую церковь, если устроятъ, спалить и ихъ повѣшать;» съ прошеніемъ о защищеніи ихъ отъ того; которое писаніе получено 1757 года мѣсяца мая 9 дня.

Писаніе на польскомъ діалектѣ, въ поллиста, отъ игумена друйского зъ братствомъ, съ прошеніемъ о недопущеніи ихъ къ римской реліи за чинимымъ на ихъ отъ уніатовъ гоненіемъ; зъ Друи, 1757 года мѣсяца ноября 12 дня.

Писаніе на польскомъ діалектѣ, въ поллиста, отъ игумена друйского іеромонаха Пахомія о объветшалости друйской [1]); 1757 года ноября 12 дня.

Копія письма на польскомъ діалектѣ всероссійскаго генерала-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина къ виленскому епископу Михаилу Зенковичу о дозволеніи устроить въ мѣстѣ Друи благочестивой церкви; съ Ковна, отъ 19 іюня 1757 года.

Копія съ письма жмудского епископа Антонія Тишкевича, на польскомъ діалектѣ, къ всероссійскому генералу-фельдмаршалу Степану Федоровичу Апраксину о дозволеніи имъ въ городѣ Друи благочестивую церковь устроить; съ Ковно отъ 23 іюня 1757 года (сіи копіи писемъ на единомъ листу писаны).

Писаніе къ старшому виленскому Ѳеофану Леонтовичу, въ полшести строфахъ, отъ всероссійского генерала-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина, на листу, о предложеніи имъ генералу-маіору Даревскому о вспоможеніи казаками къ состроенію въ Кейданахъ и Друи церквей Божіихъ; 1757 года 16 августа; сіе письмо за его печатью въ ковертѣ.

Выпись зъ книгъ главныхъ трибунальскихъ, наданная на виленскій монастырь, о грунтахъ и протчихъ принадлежностяхъ, отъ короля польского Владислава Четвертого въ подтвержденіе крѣпостей виленскихъ, наданыхъ отъ короля польского Іоанна-Казимѣра такожъ и другихъ; подписъ рукою при той грамотѣ приложенъ писара Нарушевича; съ приложеніемъ при той грамотѣ королевской печати; а буди бы кто, въ нарушеніе правъ королевскихъ, отважился виленскій Свято-Духовъ монастырь самовольно обидѣти, то повиненъ бу-

---

[1]) Пробѣлъ въ рукописи.

детъ штрафу десяти тысячей копъ литовскихъ платити: половину въ королевскій судъ, а другую половину на сторону обидимого; 1638 года, мѣсяца декабря 9 дня.

1585 года, мѣсяца іюля 1 дня, Стефанъ Баторій, на діалектѣ латинскомъ, въ листъ, надалъ вольности, при печати, будовать и поновлять церкви и кляшторы, подъ № 4, при литери десятой, на той же крѣпости подписалъ тако: Александеръ Массальскій, маршалокъ трибунальскій. А въ низу отмѣчено: Его Королевского Величества люде закона греческого абы во всемъ ихъ набоженствѣ пребывали.

Въ копіи нѣкоторыхъ превилегіовъ, числомъ шести, наданыхъ на всякіе вольности церковные и ихъ порядки, къ братству виленского Свято-Духова монастыря надлежащіе, въ десяти листахъ состоятъ.

Выписано польскимъ діалектомъ, на первоначальномъ листу, копіями, для лутшаго и первѣйшаго всякому впредь наставленія вѣдомостей и объясненія нѣкоторихъ привилегіовъ, подтвержденія свободы и вольности народу Россійскому цѣлой Короны Польской и Великого Княжества Литовского исповѣданія греческаго православного, неуніятской вѣры, всему братству, монастырамъ, мѣстамъ, мѣстечкамъ и всякого званія людямъ, достоинства войскового, шляхетского и мѣщанского, духовного и ихъ старшинству, также на вѣчное владѣніе во всѣ времена, отъ короліовъ польскихъ и Великаго Княжества Литовского пановъ наданныхъ и отъ цѣлой Рѣчи-посполитой неоднократно въ сеймахъ подтвержденныхъ и аппробованыхъ, а особливо монастыру виленскому братскому, православному церкви Святого Духа, въ мѣстѣ Вилнѣ будучей, служащихъ и принадлижащихъ, и другіи права, привилегія и инныя вольности имъ, православному Виленскому братству, наданные.

Привилегіумъ, данное на виленскій Свято-Духовъ монастырь отъ короля польского Жигмунта Третего на сеймѣ варшавскомъ, о бытіи тому виленскому монастырю безъ нарушенія въ содержаніи по правиломъ святыхъ отецъ благочестія; на коемъ привилегіи король Жигмундъ польскій Третій, съ притисненімъ своей печати, подписался. 1607 года іюня 8 дня; а подъ тѣмъ Захарія Яловѣцкій, писарь.

Выписанное привилегіумъ подтверждено двома королями польскими Яномъ-Казимѣромъ и Владиславомъ Четвертымъ, при печати великой, подписался подъ печатю Криштофъ, подканцлеръ Великого

Княжества Литовского, 1571 года. Меморіялъ о различности отъ короля Владислава между православными и уніятами; при печати земской, подписались: Ярославъ-Александеръ, жмудскій подкоморый въ Вильнѣ; Михаилъ Головинъ, писарь; Казимѣръ Ганзевичъ, съ протчими, 1641 года.

Привилегіумъ Яна-Казимѣра, короля польского, наданное монастырамъ благочестивымъ, состоящимъ какъ въ Коронѣ Польской, такъ и въ Литвѣ Великого Княжества Литовского, дабы оные благочестивые монастырѣ отъ уніятовъ никакихъ утѣсненій и обидъ не имѣли; а подъ тѣмъ мѣсто печати, и подписались: Янъ-Казимѣръ, король польскій, 1650 года февраля 12 дня; Іоаннъ Гржибковскій, каштелянъ варшавскій.

Привилегіумъ Яна-Казѣмира, король польского, наданное въ подтвержденіе бывшого короля жъ польского первого Владислава диплома, на сеймѣ елекційномъ 1632 года данного, объ отправленіи въ православныхъ церквахъ служебъ и протчихъ церемоній церковныхъ по обычаю грекороссійскому и о дозволеніи каменное и деревянное строеніе, яко то шпиталѣ, школѣ, семинаріи и типографіи христіанскому народу имѣть; мѣсто печати великой коронной окружено; 1663 года ноября 24 дня; подписался Николай Пражековскій, бискупъ луцкій. Correxit Sadowski.

Выпись зъ книгъ трибунальскихъ, въ Вильнѣ отправованыхъ, данная отъ короля Яна-Казимѣра 1649 года на сеймѣ коронацѣйномъ въ подтвержденіе правъ, наданныхъ отъ короля польского Владислава Четвертого на благочестивый Свято-Духовъ виленскій монастырь, о свободномъ и безъпрепятственномъ отъ кого-либо тѣми грунтами и протчими къ тому монастыру принадлежитостьми владѣніи; мѣсто печати земской новогродской окружено; подъ тою выписью нодписался: Константій Пацъ, chorąży nadworny W. X. L., marszałek trybunalskj. Бонѣславъ Унзовскій, писарь.

Грамота короля польского Августа Второго, при печати его большой на воску, данная на благочестивый Сошествія Святого Духа виленскій монастырь, съ позволеніемъ тому монастыру по преданію святыхъ отецъ имѣть священослуженіе безъпрепятственно и той церкви принадлежащимъ людемъ содержать православное исповѣданіе грекороссійской вѣры; 1705 года, мѣсяца ноября 14, № 29, подъ

литерою X; подписался тако: Augustus rex. Кизенскій писарь, секретарь покоевый его королевского величества.

Копія грамоты Владислава Четвертого, короля польского (на срединѣ зъ двома дѣрками, мышами проѣденными), наданная на виленскій благочестивый монастырь, до движимыхъ и недвижимыхъ вещей, наданныхъ отъ доброхотныхъ дателей, никому зъ уніятовъ не имѣть ни подъ какимъ видомъ претенсій; дана въ Warszawie na seymu walnym, 1638 года, мѣсяца априля 27 дня; подписался.... мѣсто печати Великого Княжества Литовского окружено.

Пункта, наданные отъ Владислава, короля польского, благочестивому Великого Княжества Литовского грекороссійскому народу о свободномъ и безъпрепятственномъ въ благочестивыхъ грекороссійскихъ церквахъ отправленіи по христіанскому порядку священнослуженій; даны на сеймѣ избранія короля Владислава, при бытности депутатовъ зъ сенату и епископа познанского Адама Новодворского и протчихъ Речи-посполитой, при печати на воску королевской, съ подписомъ его руки.

Листъ на русскомъ діалектѣ короля польского Яна-Казимѣра, при печати его большой подъ воскомъ, наданный на благочестивый виленскій монастыръ и благочестивое братство, о бытіи подъ защищеніемъ королевскимъ домамъ Виленского благочестивого братства и людямъ, въ нихъ живущимъ, духовнымъ и свѣцкимъ, и о освобожденіи братскихъ домовъ отъ чиншовъ, податей платежа и отъ всихъ повинностей мѣстскихъ, и увольненіи отъ постоевъ гостей въ домахъ братскихъ, и о свободномъ содержаніи училищъ; подтвердилъ Владиславъ царь; Станѣславъ Нарушкевичъ, писарь Великого Княжества Литовского; дня 22 мѣсяца декабра року 1650.

Право зъ уряду виленского на латинскомъ діалектѣ въ Литвѣ о наданѣ въ мѣстѣ Вильнѣ на монастырь благочестивый виленскій Сенчиловою лавки первой, которая называется Сенчиловская; при печати урядовой, подписалъ Алексій Кончевскій, писарь Его Королевского Величества; 1750 года октября 6 дня.

Право зъ уряду виленского, на латинскомъ съ польскимъ діалектомъ, на двохъ листахъ съ половиною, при печати урядовой подъ воскомъ, съ протяженіемъ чрезъ тую печать краснымъ шелкомъ, о принятіи на тотъ виленскій монастырь лавки мѣщанина виленского и купца Матвея Кужелевича, въ урочище подъ каменицею, Великая

Гелда названномъ, Александромъ Фальковскимъ, Богданомъ Борановскимъ, Шабаномъ Кулаковскимъ по оцѣнкѣ въ суммѣ 6000 золотыхъ польскихъ, состоящей по-узъ крамами зъ единой стороны монастыра благочестивого виленского, зъ другой стороны по-узъ пивницу тогожъ монастыра; 1750 года дня 13 октября; подписался Алексѣй Кончискій, секретарь Его Королевского Величества и писарь виленскій.

Выпись зъ книгъ Его Королевского Величества бурмистровскихъ, радзецкихъ виленскихъ, 1757 года мѣсяца марта 26 дня, въ томъ, что житель виленскій купецъ (кой уже умре) Антонъ Дорофіевичъ, зъ женою его Христиною, взялъ въ позыку въ виленскомъ монастырѣ за трома облѣкгами денегъ, за первымъ на золотыхъ польскихъ тысячу восѣмъсотъ, за другимъ на таляровъ битыхъ сто, а за третимъ на чирвоные пятьдесятъ, а всѣхъ по изчисленію троихъ облѣкговъ должна Дорофѣевичева жена Христина монетою на польскіе золотые три тысячи чтириста шестьдесятъ три и грошей десять въ виленскій монастырь уплатить; при печати на воску городовой виленской, подписался Александьръ Кончевскій, Его Королевского Величества секретарь. Correxit Czerkas; подъ тѣмъ отмѣчено: Decret między ich mosciami xięz. bazylianami grekorusskiemi, w Wilnie przy cerkwi Sw. Ducha będącemi, a między szlachetnemi p. p. Szyszkami y Dorofiewiczami.

По сему реестру всѣ дѣла принялъ и расписался старшій виленскій игуменъ іеромонахъ Сиѳъ Гамалѣя.

3-ое приложеніе къ отвѣтному доношенію іеромонаха Ѳеофана о взятыхъ съ виленского монастыря бумагахъ: жалобы и тяжбы виленского монастыря въ судебныхъ Польского государства мѣстахъ по отнятію благочестивыхъ монастырей и ихъ принадлежностей.

Указъ къ старшему виленскому іеромонаху Сільвестру Добринѣ о нечиненіи препятствія архимандриту слуцкому Михаилу Козачинскому вслѣдствіи обидъ, минскому монастыру причиненныхъ, 1752 года состоявшійся, въ единъ листъ.

Указъ изъ духовной консисторіи именемъ преосвященнѣйшаго о отобраніи соломерецкого и селецкого монастырей просить варшавского резидента, 1753 года состоявшійся, въ еденъ листъ.

Копія указа къ слуцкому архимандриту Михаилу Козачинскому ѣхать въ Минскъ для слѣдствія обидъ, причиненныхъ братству Минскому въ отобраніи церквей и маетностей, и о нечиненіи препятствія ему, архимандриту, отъ старшого виленского, 1753 года, въ единъ листъ.

Копія доношенія въ Святѣйшій Сѵнодъ, отъ старшого виленского Сульвестра Добрины поданного, съ сообщеніемъ писанія отъ намѣстника старшинства виленского Варлаама Владычка о разныхъ причиненныхъ виленскому монастыру обидахъ, 1752 года, въ три листа.

Доношеніе въ Святѣйшій Сѵнодъ отъ намѣстника монастыря виленского іеромонаха Варлаама Владычка, съ сообщеніемъ синодального указа и росписей, сколько благочестивыхъ монастырей, подчиненныхъ виленскому, состоитъ и сколько на унію превратились, 1750 года, въ шести листахъ.

Крѣпости наданныхъ земель (и) подданныхъ изъ маетностей отъ князей православного исповѣданія, на польскомъ діалектѣ, въ разныхъ годѣхъ, въ четырнадцати листахъ.

Екстрактъ разныхъ дѣлъ старшинства виленского, сочиненный въ шести листахъ, на польскомъ діалектѣ.

Реестръ монастырей и церквей православного исповѣданія, разными годами насильно на унію забранныхъ отъ 1734 года, въ шести листахъ, на польскомъ діалектѣ сочиненный.

Пункта причиненныхъ обидъ разными годами православному блачочестію, на польскомъ діалектѣ, 1740 года, въ четырехъ листахъ выписаны.

Реестръ правъ судебныхъ, отъ братства Виленского старостою мѣнскимъ Ивановскимъ показанныхъ, на польскомъ діалектѣ, въ двоихъ листахъ.

Обиды благочестію въ отнятіи добръ церковныхъ чрезъ уніятовъ найпаче Свято-Троецкой церкви, на польскомъ діалектѣ, въ четырехъ листахъ.

Протестація о (за)братіи на унію виленского монастыра Свято-Троицкой церкви со всѣми церковными добрами базиліанами, на польскомъ діалектѣ, въ двоихъ листахъ написанная, 1600 года.

Крѣпость на виленскій монастырь отъ архіепископа полоцкаго Іосафата, при печати, въ двоихъ листахъ наданная, 1619 года.

Крѣпость, наданная въ уступкѣ отписаннаго двора на виленскій монастырь отъ мѣщанина виленского Кушнера Сидора Никитича, за печатью, въ единъ листъ, 1621 года.

Крѣпость, наданная отъ жительки виленской Богдановой Соломиренской Евы Борколабовны, на дворъ погорѣлый въ томъ Виленскомъ мѣстѣ, при четырехъ печатѣхъ, въ два листа, 1611 года.

Протестація о недозволеніи мѣщанину виленскому Іоанну Довмонту, хоружому великомирскому, надавать грунта своего на виленскій монастырь, въ двоихъ листахъ, при единой печати, на польскомъ діалектѣ, 1599 года.

Крѣпость, наданная на грунтъ, виленскому монастыру дарованный отъ виленской мѣщанки Александровой Ярославовой Воловичовны, при единой печати, на двоихъ листахъ, 1614 года, на польскомъ діалектѣ.

Крѣпость, данная мѣщанину виленскому Стефану Юсиповичу отъ мѣщанки виленской Богдановой Соломеренской Евы Борколабовны, о взятіи у него денегъ копъ грошевыхъ сто и о дозволеніи ему, Стефану, будоватся на грунтѣ, при четырехъ печатехъ, въ два листа, 1611 года.

Крѣпость, данная отъ княгинѣ Елены Соломерецкой Богдановой виленскому монастыру на дарованную въ мѣстѣ Виленскомъ камяницу, за печатью и подписаніемъ рукъ, въ два листа, 1622 года.

Крѣпость, наданная виленскому монастыру отъ мѣщанина виленского Андрея Иллича Собачича, о опредѣленіи на тотъ монастырь камяницы и части маетности своей, въ единъ листъ, безъ печати, 1625 года.

Крѣпость, данная отъ мѣщанки виленской Даріи Ярмолянки, о владѣніи виленскому мѣщанину Станиславу еи домомъ властнымъ за вызыченные тридцать копъ денегъ, при печати, въ два листа, 1620 года.

Крѣпость, наданная отъ мѣщанина виленского Лукаша Омеляновича в дачи виленскому монастыру на вѣчное владѣніе двора и добръ своихъ, безъ печати, въ единомъ листу, 1625 года.

Крѣпость, наданная виленскому монастыру отъ жителя виленскаго Андрея Филипповича на грунтъ, по измертвіи въ повѣтрѣ своихъ родителей оставшійся, при печати, въ два листа, 1609 года.

Крѣпость, наданная на грунтъ, въ Вильнѣ состоящій, виленскому монастыру отъ мѣщанина виленского, старосты кормяловского и пана Кигинского, безъ печати, въ единъ листъ, 1615 года.

Крѣпость, данная виленскому монастыру отъ мѣщановъ виленскихъ Пасника и Мартина Конвисора, в дачѣ на виленскій монастырь грунта, при печати единой, въ двоихъ листахъ, 1601 года.

Крѣпость, данная отъ мѣщанина виленского Богдана Котлубдая, о уступкѣ грунта виленскому монастыру, на листу, данная митрополиту кіевскому Ипатію, при единой печати, въ два листа, 1612 года.

Крѣпость, данная виленскому монастыру отъ мѣщанина виленского Ивана Андріевича на Благовѣщенскую церковь, на каждый годъ по осми копъ литовскихъ давать, въ едномъ листу, безъ печати, 1601 года.

Крѣпость, намѣстнику троцкому Криштофу Быховцу отъ мѣщанина троцкого Григорія Барановского на грунтъ, прозываемый Прудищо Соломонорское, данная, при единой печати, на двоихъ листахъ, 1614 года.

Крѣпость, наданная на грунтъ отъ мѣщанина повѣту Троцкого Богдана, при единой печати, въ двоихъ листахъ, 1613.

Протестація, данная отъ мѣщанина новгородского Андрея Обринского на грунтъ, Подоревщина званый, въ четырехъ листахъ, при единой печати, 1645 года.

Уступка въ продажѣ грунту Евфимовичемъ писару Яну за копъ десять литовскихъ, въ единъ листъ, безъ печати, 1625 года.

Крѣпость, данная виленскому монастыру отъ мѣщанина виленского Петра Ивановича, на камяницу, отъ него на церковь даровану, при единой печати, за подписомъ рукъ, въ двоихъ листахъ, 1612 года.

Уступка въ продажѣ грунта своего мѣщаниномъ новгородскимъ Станѣславомъ Станѣславовичемъ, въ четырехъ листахъ, при двоихъ печатехъ, 1510 года.

Крѣпость о раздѣлѣ грунтовъ и добръ подвоеводимъ замку литовского Антономъ Аврамовичемъ зъ своими сродниками, въ два листа, при единой цечати, 1602 года.

Выпись причиненныхъ обидъ виленскому монастыру отъ мѣщанъ виленскихъ, при единой печати, въ двоихъ листахъ, 1611 года.

Реляція о отобраніи грунтовъ отъ виленского монастыра мѣщанами виленскими, въ двоихъ листахъ, при единой печати, 1609 года.

Писаніе къ виленскому уряду, на польскомъ діалектѣ, при троихъ печатехъ, въ динъ листъ, о грунтахъ и добрахъ церковныхъ.

Крѣпость о подареніи грунта виленскому монастыру отъ Яна Жигмунта, на польскомъ діалектѣ, въ единомъ листу, при печати, 1670 года.

Листъ отъ гетмана Михаила Казиміра къ шляхтичу Творовскому съ прошеніемъ о уступки грунта и о нечиненіи обидъ, въ двоихъ листахъ, при печати, 1667 года.

Протестація о забратіи безправильно ко завладѣнію добрами и грунтами шляхтича виленского Богдана Турецкого монашествующими виленскими, на едномъ листу, безъ печати, на польскомъ діалектѣ.

Крѣпость, данная на грунтъ виленскому монастыру отъ виленской шляхты, въ двоихъ листахъ, безъ печати, 1636 года.

Листъ заставный братства виленского Свято-Троицкого, которымъ пущаетъ домъ Петру Божинскому на шесть годъ за 400 копъ литовскихъ, въ пяти листахъ, при печати, 1591 года.

Крѣпость, наданная отъ мѣщанина виленского Яня Кельбова, въ томъ, что обѣщался, по умертіи жены своей Аврамовичъ, построити церковь, на единомъ листу, при едной печати, 1622 года.

Крѣпость, наданная виленскому монастыру отъ мѣщанки виленской Евдокіи Константиновны, что часть дому своего и маетности часть даровала, въ едномъ листу, безъ печати, 1625 года.

Протестація о задержаніи грунтовъ, наданныхъ виленскому монастыру мѣщанами виленскими Посниковымъ, Мартиномъ Конвисаремъ, въ двоихъ листахъ, при едной печати, 1601 года.

Мандатъ, отъ короля польского Стефана данный, о задержаніи денегъ осьми копъ чрезъ семъ лѣтъ мѣщаниномъ виленскимъ Андреевичемъ, въ двоихъ листахъ, при едной печати, 1609 (?) года.

Письмо депутатовъ и шляхтичей благочестивыхъ, собравшихся на Минскій трибуналъ, къ канцлеру литовскому о баниціи православныхъ священниковъ отъ Потея уніата и вольности домовъ братскихъ въ Вильнѣ, на четырехъ листахъ, при тридцати шести печатехъ, за подписаніемъ каждого руки, на польскомъ діалектѣ, 1628 года.

Крѣпость, наданная Виленскому братству о выплаченіи двоихъ тысячъ талярей мѣщаниномъ виленскимъ Григоріемъ Священникомъ,

въ двоихъ листахъ, при единой печати, на польскомъ діалектѣ, 1732 года, августа шестнадцатого дня.

По сему реестру всѣ дѣла остатки принялъ и расписался старшій виленскій игуменъ Сиѳъ Гамалѣя.

4-е: опись дѣламъ при отвѣтномъ бывого старшого виленского іеромонаха Ѳеофана доношеніи, подъ нумеромъ 4 приложеннымъ.

Копія доношенія, на едномъ листѣ, къ преосвященному митрополиту (что нынѣ московскій) Тимоѳею отъ старшого виленского Сульвестра Добрины зъ братіею, 753 года генваря отъ 17 дня, съ прошеніемъ благословенія репаровать виленского монастыря церковь.

Копія доношенія, на едномъ листѣ, старшого виленскаго Сульвестра, сентября отъ 27 дня 754 года, къ томужъ преосвященному Тимоѳею, съ прошеніемъ по протчемъ въ виленской Свято-Духовской церквѣ престолъ поближе къ вратамъ въ пропорцію олтара перенесть.

Копія видѣнія, на едномъ листу, за рукоприкладствомъ тогожъ старшого Сульвестра, сентября 27 дня 754 года составленного, что́ изъ жалованной отъ Ея Императорского Величества на репарацію виленского монастыра церкви шестотысячной суммы употреблено и что́ на лицо имѣется, подлинный указъ, на едномъ листу, отъ его преосвященства митрополита Тимоѳея къ старшому виленскому Сульвестру генваря 5 дня 755 года отпущенный, о дозволеніи обветшалости виленского монастыра и приписныхъ оному подчинять и вновь строить, кромѣ излишества.

Копія доношенія, на одномъ листѣ, въ Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, отъ кого именно и якого года, мѣсяца и числа, не означено, о згорѣніи виленского монастыря и о прибавки къ годовой сторублевой дачи государственной милостини и для ежегодного впредь подаянія утвердить грамотою.

Указъ Святѣйшого Правительствующого Сунода, генваря 23 дня 751 года, на имя старшого виленского Сульвестра состоявшійся, о дозволеніи на возобновленіе погорѣвшого виленского монастыря спрашивать милостыни чрезъ одинъ годъ въ Санктпетербургѣ и въ иныхъ тамо прописанныхъ городахъ.

Копія доношенія на имя Высокомонаршое, 749 года мѣсяца декабря, на едномъ листѣ, отъ кого именно не означено, о выдачѣ

указного денежного жалования, за 748 и 749 года недоданного, и церковныхъ троихъ круговъ книгъ и о протчемъ.

Термѣны челобитенъ на имя Высокомонаршое отъ старшого виленского Сильвестра о выдачѣ пожалованныхъ на репорацію виленскаго монастыра шести тысѣчи рублевъ и о прибавкѣ къ сту рублямъ на братію государственной милостини, на трохъ съ половиною листахъ.

Термѣны двоихъ писемъ, польскимъ діалектомъ, на едномъ листѣ, 749 года, въ мѣсяцѣ августѣ составленныхъ: 1, отъ старшого виленскаго къ Ржишевскому благодарственное за ходатайство въ дозволеніи репараціи церкви; 2, отъ Ржишевского къ старшому виленскому отвѣтное.

Копія сvнодального определенія, на едномъ листѣ, за рукоприкладствомъ Святѣйшого Сvнода членовъ, априля 27 дня 752 года состоявшагося, о средствіи пересылки пожалованныхъ денегъ Антіохійскому патріяршу престолу на оплату долговъ да на возобновленіе погорѣвшого виленского монастыря шести тысячъ рублевъ.

Копія указа сvнодального, въ листъ, 752 года априля 30 дня въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ посланного, съ требованіемъ пожалованную отъ Ея Императорскаго Величества сумму ко отданію святѣйшему патріярху и виленскому старшому, принявъ чрезъ вексли, перевесть къ находящимся въ Константинополѣ и въ Польской области россійскимъ резидентамъ, которія бы деньги препоручены были отъ нихъ, резидентовъ, антіохійскому патріарху и виленскому старшому съ росписками.

Копія сvнодального указа, на едномъ листѣ, тогожъ года и числа въ канцелярію сvнодалную экономического правленія объ отпускѣ вышъ прописанныхъ денегъ, 9 тысячъ рублевъ въ контору Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи.

Копія доношенія въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, на едномъ листѣ, а якого года, мѣсяца и числа и отъ кого именно не означено, съ прошеніемъ, не повелѣно ль будетъ пожалованную на виленскій монастырь шестотысячную сумму, для безъубыточного оному монастыру тоей суммы полученія, поручить купцамъ или иностраннымъ посланникамъ, и о протчемъ.

Двѣ термѣны доношеній, на двохъ листахъ, въ Вифляндскую губернскую канцелярію отъ старшого виленского Сѵльвестра, 752

года августа 3 составленныхъ, о выдачѣ, по присланнымъ въ ту Вифляндскую канцелярію изъ Сvнода указамъ, на виленскій монастырь шести тысячей рублевъ изъ Рижской рентереи, и о протчемъ.

Указъ подлинный синодальный, на двохъ листахъ, къ старшому (подъ) № 888 состоявшійся, о переводѣ пожалованной на виленскій монастырь суммы не чрезъ Иностранную Коллегію и вексель, но чрезъ статсъ-контору Рыжскую и губернскую канцелярію, и на что оная сумма должна издерживана быть, и о протчемъ.

Указъ сvнодольный, на двохъ листахъ, къ томужъ старшому виленскому зъ братіею, подъ № 1597, августа 31 дня 752 года состоявшійся, о приниманіи въ виленскій монастырь пожалованной шестотысячной суммы по частямъ отъ рижского протопопа Николая Ростовецкого съ росписками и о употребленіи оной на церковное и монастырское возобновленія, и о протчемъ.

Двѣ термѣны доношеній отъ старшого виленского Сильвестра въ Святѣйшій Сvнодъ, на двохъ листахъ, съ представленіемъ средствій о пересылкѣ пожалованныхъ на виленскій монастырь денегъ, и о протчемъ.

Копія доношенія отъ старшого виленского, на едномъ листу, въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, съ прошеніемъ представить съ той Коллегіи въ Святѣйшій Сvнодъ о прииcканіи способа къ безъубыточной въ виленскій монастырь пересылкѣ шести тысячей рублевъ.

Термѣны доношеній въ Святѣйшій Сvнодъ и въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію о выдачѣ для проѣзду въ Вильну пашепортовъ по причинѣ приключившихся за два годищною отлучкою разореній.

Письмо инотаціональное къ графу, а къ коему именно не означено, отъ духовника, а отъ коего также не означено, о шести тысячахъ и о прибавкѣ къ сту рублямъ милостини, доношеніе къ преосвященному Сvмону, а къ коему именно не означено, о выдачѣ благословительного указа и книги къ испрошенію въ епархіи его преосвященства на виленскій монастырь милостини; прошеніе объ томъ же къ игумену Елеазаровскому; якіи всѣ термѣны на трохъ листахъ съ половиною.

Указъ сvнодальный, на едномъ листу, къ старшому виленскому Сильвестру, 751 года іюля 1 дня, подъ № 520, состоявшійся, о поз-

воленіи въ Санктпетербургѣ и въ протчіихъ по пути къ Ригѣ городѣхъ милостини на возобновленіе виленского монастыра испрашивать.

Разныи копіи, а именно: доношеніе старшого виленского Сильвестра съ Москвы, декабра 14 дня 752 года, къ преосвященному кіевскому митрополиту Тимоѳею пущенное, съ прошеніемъ по поданному отъ его, старшого виленского Сильвестра, въ Сунодъ о репараціи погорѣлого виленского монастыра и о протчемъ, доношенію интерцедовать къ духовнику и къ графу Алексѣю Разумовскому, такожъ объ опредѣленіи въ марковскій монастырь игумена.

Копія письма къ полковнику Коченевскому, а когда и отъ кого писанного не означено, о пособіи старшому виленскому Сильвестру въ прошеніи на починку виленского монастыря Высочайшей милостини; копія письма къ графу Алексѣю Разумовскому въ такой же силѣ; копія указа сунодального къ преосвященному митрополиту Тимоѳею, 752 года априля 30 пущенного, о имѣніи попеченія, чтобъ жалованные на виленскій монастыръ шесть тысячъ деньги на нужнѣйшія церковныя и монастырскія потребы употребляемы были, и о протчемъ.

Копія доношенія на оной указъ въ Святѣйшій Синодъ отъ его преосвященства митрополита Тимоѳея, тогожъ 752 года іюня отъ 6 дня отпущенного.

Копія доношенія отъ старшого виленского Сильвестра къ его преосвященству митрополиту Тимоѳею, 752 года априля отъ 25 дня, съ прошеніемъ благословительного указа на возобновленіе и освященіе виленской Свято-Духовской церкви.

Копія грамоты отъ его преосвященства митрополита Тимоѳея къ старшему виленскому Сульвестру, тогожъ 752 года іюня 4 дня отпущенной, о позволеніи и по окончаніи освятить ту виленскую Свято-Духовскую церковъ.

Копія письма къ духовнику и московского Благовѣщенского собора протоіерею благодарительного за приложенное раченіе о пожалованіи къ репараціи погорѣлого виленского монастыра шести тысячи рублевъ; якіе всѣ копіи на пяти листахъ съ половиною.

Копія опредѣленія сунодального, на одномъ листу, 749 года ноября 17 дня состоявшегося, о выдачѣ жалаванной на виленской монастыръ суммы за 748 и 749 года—291 рубля 28 копѣекъ.

Копія доношенія московской типографской конторы и реестра, на едномъ листѣ, сколько именно и какихъ книгъ изъ московской типографіи на виленскій монастырь выдано.

Копія доношенія, на единомъ листѣ, въ Святѣйшій Синодъ, 711 года іюня 13 дня поданного, а отъ кого именно не означено, о книгахъ необходимо въ виленскій монастырь нужныхъ и сколько послѣ пожара въ монастырѣ осталось книгъ; да на томъ же листѣ термѣна письма отъ старшого виленского до казначея Сергіевой лавры о принятіи и о пересылкѣ книгъ, если выданы будутъ съ конторы.

Подлинное письмо оной лавры казначея іеромонаха Мануила къ старшему виленскому, что книги, съ московской типографіи на виленскій монастырь выданые, имъ, Мануиломъ, приняты и о возможной оныхъ за великимъ числомъ пересылки, коихъ вѣсомъ десять пудъ 31 фунтовъ.

Подлинный указъ синодальный, въ листъ, къ старшему виленскому Сильвестру, 751 года іюня 25 дня состоявшійся, о выдачѣ безъденежно зъ московской типографіи разныхъ книгъ, въ томъ указѣ означенныхъ.

Письмо, на поллистѣ, къ графу, а къ якому не показано, отъ старшого виленского съ прошеніемъ ходатайства о выдачѣ шести тысячей рублевъ на виленскій монастырь и о прибавкѣ къ сто рублевой дачѣ на пропитаніе братіи милостини.

Прошеніе въ провинціальный Псковскій магистратъ, на поллистѣ, отъ іеромонаха Климента, съ прошеніемъ на виленскій монастырь милостинного подаянія.

Термѣны доношеній, на поллистѣ, въ Святѣйшій Синодъ о выдачи въ виленскій монастырь антиминсовъ и пашепорта для проѣзду чрезъ Ригу за рубежъ до Вильнѣ іеромонаху Іннокентію, такожъ о рукоположеніи монаха Ефрема во іеродіакона.

Термѣны доношеній въ Святѣйшій Сvнодъ, на поллистѣ, о книгахъ церковныхъ, въ виленскій монастырь надобныхъ, и о выдачѣ въ той же монастырь Святого Мира.

Реестръ, за рукоприкладствомъ старшого виленского Сильвестра 749 года декабря 19 дня составленный, на поллистѣ, съ показаніемъ сколько надлежитъ въ виленскій монастырь церковныхъ книгъ.

Доносеніе отъ старшого виленского Сульвестра къ его преосвященству митрополиту Тимоѳею, 752 года априля отъ 29 дня, о пожаловании на виленскій монастыръ шести тысячъ и съ прошеніемъ благословенія къ возобновленію и посвященію виленской церкви.

Термѣна доношенія, на поллистѣ, въ Святѣйшій Сунодъ отъ старшого виленского Сульвестра съ прошеніемъ выдачи въ виленскій монастыръ славено-россійской новопечатной Библіи.

Копія выписѣ, на едномъ листу, о пріѣзжающихъ съ виленского монастыря духовныхъ персонахъ въ Москву за жалованьемъ и о производжени имъ кормовыхъ денегъ.

Копія письма на польскомъ діалектѣ, въ поллиста, отъ іеромонаха Иннокентія Григоровича Домедицкого.

Письмо на польскомъ діалектѣ, въ поллиста, отъ іеромонаха Сергіевой лавры Иннокентія Григоровича до старшого виленского Леонтовича.

Копія письма на польскомъ языкѣ, въ поллиста, отъ Яна Павловича до кустоша бернардинского.

Письмо на польскомъ языкѣ, въ листъ, отъ приказного Сергіевой лавры Страшкевича до братства Виленского, съ обѣщаніемъ прислать тому братству чрезъ вѣрную оказію сто рублей на звонъ.

Указъ отъ его преосвященства митрополита Тимоѳея, 753 года іюля отъ 7 дня, къ старшому виленскому, въ листъ о возвращеніи іеромонаха Болдишевского зъ слуцкого въ виленскій монастыръ и о учинени справки, почему надлежалъ соломерецкій монастыръ до кутеенского.

По сему реестру всѣ дѣла безъ остатка принялъ и расписался старшій виленскій игуменъ іеромонахъ Сиѳъ Гамалѣя.

XXXIII

Отвѣтное донесеніе іеромонаха Өеофана Леонтовича въ Кіевскую духовную консисторію, въ коемъ, оправдываясь отъ взведенныхъ на него бывшимъ минскимъ игуменомъ Өеофаномъ Яворскимъ обвиненій, яркими красками характеризуетъ бѣдственное состояніе православія въ польскихъ областяхъ.

1761 г, сентября 10.

Въ Духовную Митрополіи Кіевскія Консисторію покорнѣйшое отвѣтное доношеніе отъ бывого виленского старшого іеромонаха Өеофана Леонтовича о жалобахъ съ Польщи, а именно, противо доношенія минского игумена Өеофана Яворского.

Показуемый прежде минскій, а нынѣ пинскій, игуменъ Өеофанъ Яворскій гдѣ родился? кимъ и въ какую вѣру крестился? гдѣ въ монашество постриженъ и отъ кого во пресвитера рукоположенъ?— никому неизвѣстно; о семъ только между протчими и достовѣрными людьми пречестный Кіево-Печерскія лавры соборный старецъ, бывый заграничного благочестивого дятловицкого монастыря игуменъ Звѣрака довольно вѣдаетъ, что онъ, Өеофанъ Яворскій, за преосвященного митрополита кіевского Рафаила, съ Польщи отъ уніятовъ въ Кіевъ пришолъ и покойнымъ преосвященнымъ Рафаиломъ былъ отъ уніятскихъ заблужденій разрѣшенъ. Во время же шествія Ея Императорского Величества въ Кіевъ, 744 года, онъ, Яворскій, съ Кіева въ Польщу тайно бѣжалъ и тамъ по прежнему на свою блевотину возвратился. А въ бытность въ вышъ показанномъ благочестивомъ заграничномъ дятловицкомъ, Кіево-Печерской лаврѣ подсутственномъ, монастырѣ, Іоасафа Сіеміецкого игуменомъ, который нынѣ въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ архимандритомъ, онъ же, Өеофанъ Яворскій, въ тотъ дятловицкій монастырь, невѣдомо отъкуду, приблукался, и предреченымъ дятловицкимъ игуменомъ Іоасафомъ Сіеміецкимъ былъ вторично (сколько намъ въ Россіи вѣстимо) отъ уніятского своего раскола разрѣшенъ и къ священнодѣйствію допущенъ. Когда же въ показуемый дятловицкій монастырь на мѣсто воспоминаемого игумена Іоасафа Сіеміецкого опредѣленъ былъ игуменомъ вышъозначенный Кіево-Печерскія лавры

Крѣпость, наданная въ уступкѣ отписаннаго двора на виленскій монастырь отъ мѣщанина виленского Кушнера Сидора Никитича, за печатью, въ единъ листъ, 1621 года.

Крѣпость, наданная отъ жительки виленской Богдановой Соломиренской Евы Борколабовны, на дворъ погорѣлый въ томъ Виленскомъ мѣстѣ, при четырехъ печатѣхъ, въ два листа, 1611 года.

Протестація о недозволеніи мѣщанину виленскому Іоанну Довмонту, хоружому великомирскому, надавать грунта своего на виленскій монастырь, въ двоихъ листахъ, при единой печати, на польскомъ діалектѣ, 1599 года.

Крѣпость, наданная на грунтъ, виленскому монастыру дарованный отъ виленской мѣщанки Александровой Ярославовой Воловичовны, при единой печати, на двоихъ листахъ, 1614 года, на польскомъ діалектѣ.

Крѣпость, данная мѣщанину виленскому Стефану Юсиповичу отъ мѣщанки виленской Богдановой Соломеренской Евы Борколабовны, о взятіи у него денегъ копъ грошевыхъ сто и о дозволеніи ему, Стефану, будовател на грунтѣ, при четырехъ печатехъ, въ два листа, 1611 года.

Крѣпость, данная отъ княгинѣ Елены Соломерецкой Богдановой виленскому монастыру на дарованную въ мѣстѣ Виленскомъ камяницу, за печатью и подписаніемъ рукъ, въ два листа, 1622 года.

Крѣпость, наданная виленскому монастыру отъ мѣщанина виленского Андрея Иллича Собачича, о опредѣленіи на тотъ монастырь камяницы и части маетности своей, въ единъ листъ, безъ печати, 1625 года.

Крѣпость, данная отъ мѣщанки виленской Даріи Ярмолянки, о владѣніи виленскому мѣщанину Станиславу еи домомъ властнымъ за вызыченные тридцать копъ денегъ, при печати, въ два листа, 1620 года.

Крѣпость, наданная отъ мѣщанина виленского Лукаша Омеляновича в дачи виленскому монастыру на вѣчное владѣніе двора и добръ своихъ, безъ печати, въ единомъ листу, 1625 года.

Крѣпость, наданная виленскому монастыру отъ жителя виленскаго Андрея Филипповича на грунтъ, по измертвіи въ повѣтрѣ своихъ родителей оставшійся, при печати, въ два листа, 1609 года.

Крѣпость, наданная на грунтъ, въ Вильнѣ состоящій, виленскому монастыру отъ мѣщанина виленского, старосты кормяловского и пана Кигинского, безъ печати, въ единъ листъ, 1615 года.

Крѣпость, данная виленскому монастыру отъ мѣщановъ виленскихъ Пасника и Мартина Конвисора, в дачѣ на виленскій монастырь грунта, при печати единой, въ двоихъ листахъ, 1601 года.

Крѣпость, данная отъ мѣщанина виленского Богдана Котлубдая, о уступкѣ грунта виленскому монастыру, на листу, данная митрополиту кіевскому Ипатію, при единой печати, въ два листа, 1612 года.

Крѣпость, данная виленскому монастыру отъ мѣщанина виленского Ивана Андріевича на Благовѣщенскую церковь, на каждый годъ по осми копъ литовскихъ давать, въ едномъ листу, безъ печати, 1601 года.

Крѣпость, намѣстнику троцкому Криштофу Быховцу отъ мѣщанина троцкого Григорія Барановского на грунтъ, прозываемый Прудищо Соломонорское, данная, при единой печати, на двоихъ листахъ, 1614 года.

Крѣпость, наданная на грунтъ отъ мѣщанина повѣту Троцкого Богдана, при единой печати, въ двоихъ листахъ, 1613.

Протестація, данная отъ мѣщанина новгородского Андрея Обринского на грунтъ, Подоревщина названый, въ четырехъ листахъ, при единой печати, 1645 года.

Уступка въ продажѣ грунту Евфимовичемъ писару Яну за копъ десять литовскихъ, въ единъ листъ, безъ печати, 1625 года.

Крѣпость, данная виленскому монастыру отъ мѣщанина виленского Петра Ивановича, на камяницу, отъ него на церковь даровану, при единой печати, за подписомъ рукъ, въ двоихъ листахъ, 1612 года.

Уступка въ продажѣ грунта своего мѣщаниномъ новгородскимъ Станѣславомъ Станѣславовичемъ, въ четырехъ листахъ, при двоихъ печатехъ, 1510 года.

Крѣпость о раздѣлѣ грунтовъ и добръ подвоеводимъ замку литовского Антономъ Аврамовичемъ зъ своими сродниками, въ два листа, при единой цечати, 1602 года.

Выпись причиненныхъ обидъ виленскому монастыру отъ мѣщанъ виленскихъ, при единой печати, въ двоихъ листахъ, 1611 года.

Реляція о отобраніи грунтовъ отъ виленского монастыра мѣщанами виленскими, въ двоихъ листахъ, при единой печати, 1609 года.

Писаніе къ виленскому уряду, на польскомъ діалектѣ, при троихъ печатехъ, въ единъ листъ, о грунтахъ и добрахъ церковныхъ.

Крѣпость о подареніи грунта виленскому монастыру отъ Яна Жигмунта, на польскомъ діалектѣ, въ единомъ листу, при печати, 1670 года.

Листъ отъ гетмана Михаила Казиміра къ шляхтичу Творовскому съ прошеніемъ о уступки грунта и о нечиненіи обидъ, въ двоихъ листахъ, при печати, 1667 года.

Протестація о забратіи безправильно ко завладѣнію добрами и грунтами шляхтича виленского Богдана Турецкого монашествующими виленскими, на едномъ листу, безъ печати, на польскомъ діалектѣ.

Крѣпость, данная на грунтъ виленскому монастыру отъ виленской шляхты, въ двоихъ листахъ, безъ печати, 1636 года.

Листъ заставный братства виленского Свято-Троицкого, которымъ пущаетъ домъ Петру Божинскому на шесть годъ за 400 копъ литовскихъ, въ пяти листахъ, при печати, 1591 года.

Крѣпость, наданная отъ мѣщанина виленского Яня Кельбова, въ томъ, что обѣщался, по умертіи жены своей Аврамовичъ, построити церковь, на единомъ листу, при едной печати, 1622 года.

Крѣпость, наданная виленскому монастыру отъ мѣщанки виленской Евдокіи Константиновны, что часть дому своего и маетности часть даровала, въ едномъ листу, безъ печати, 1625 года.

Протестація о задержаніи грунтовъ, наданныхъ виленскому монастыру мѣщанами виленскими Посниковымъ, Мартиномъ Конвисаремъ, въ двоихъ листахъ, при едной печати, 1601 года.

Мандатъ, отъ короля польского Стефана данный, о задержаніи денегъ осьми копъ чрезъ семъ лѣтъ мѣщаниномъ виленскимъ Андреевичемъ, въ двоихъ листахъ, при едной печати, 1609 (?) года.

Письмо депутатовъ и шляхтичей благочестивыхъ, собравшихся на Минскій трибуналъ, къ канцлеру литовскому о баниціи православныхъ священниковъ отъ Потея уніата и вольности домовъ братскихъ въ Вильнѣ, на четырехъ листахъ, при тридцати шести печатехъ, за подписаніемъ каждого руки, на польскомъ діалектѣ, 1628 года.

Крѣпость, наданная Виленскому братству о выплаченіи двоихъ тысячъ талярей мѣщаниномъ виленскимъ Григоріемъ Священникомъ.

въ двоихъ листахъ, при единой печати, на польскомъ діалектѣ, 1732 года, августа шестнадцатого дня.

По сему реестру всѣ дѣла остатки принялъ и расписался старшій виленскій игуменъ Сиѳъ Гамалѣя.

4-е: опись дѣламъ при отвѣтномъ бывого старшого виленского іеромонаха Ѳеофана доношеніи, подъ нумеромъ 4 приложеннымъ.

Копія доношенія, на едномъ листѣ, къ преосвященному митрополиту (что нынѣ московскій) Тимоѳеею отъ старшого виленского Сѵльвестра Добрины зъ братіею, 753 года генваря отъ 17 дня, съ прошеніемъ благословенія репаровать виленского монастыря церковь.

Копія доношенія, на едномъ листѣ, старшого виленскаго Сѵльвестра, сентября отъ 27 дня 754 года, къ томужъ преосвященному Тимоѳеею, съ прошеніемъ по протчемъ въ виленской Свято-Духовской церквѣ престолъ поближе къ вратамъ въ пропорцію олтара перенесть.

Копія видѣнія, на едномъ листу, за рукоприкладствомъ тогожъ старшого Сѵльвестра, сентября 27 дня 754 года составленного, чтó изъ жалованной отъ Ея Императорского Величества на репарацію виленского монастыра церкви шестотысячной суммы употреблено и чтó на лицо имѣется, подлинный указъ, на едномъ листу, отъ его преосвященства митрополита Тимоѳея къ старшому виленскому Сѵльвестру генваря 5 дня 755 года отпущенный, о дозволеніи обветшалости виленского монастыра и приписныхъ оному подчинять и вновь строить, кромѣ излишества.

Копія доношенія, на одномъ листѣ, въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, отъ кого именно и якого года, мѣсяца и числа, не означено, о згорѣніи виленского монастыря и о прибавки къ годовой сторублевой дачи государственной милостини и для ежегодного впредь подаянія утвердить грамотою.

Указъ Святѣйшого Правительствующого Сѵнода, генваря 23 дня 751 года, на имя старшого виленского Сѵльвестра состоявшійся, о дозволеніи на возобновленіе погорѣвшого виленского монастыря спрашивать милостыни чрезъ одинъ годъ въ Санктпетербургѣ и въ инныхъ тамо прописанныхъ городахъ.

Копія доношенія на имя Высокомонаршое, 749 года мѣсяца декабря, на едномъ листѣ, отъ кого именно не означено, о выдачѣ

указного денежного жалования, за 748 и 749 года недоданного, и церковныхъ троихъ круговъ книгъ и о протчемъ.

Термѣны челобитенъ на имя Высокомонаршое отъ старшого виленского Сульвестра о выдачѣ пожалованныхъ на репорацію виленскаго монастыра шести тысѣчи рублевъ и о прибавкѣ къ сту рублямъ на братію государственной милостини, на трохъ съ половиною листахъ.

Термѣны двоихъ писемъ, польскимъ діалектомъ, на едномъ листѣ, 749 года, въ мѣсяцѣ августѣ составленныхъ: 1, отъ старшого виленскаго къ Ржишевскому благодарственное за ходатайство въ дозволеніи репараціи церкви; 2, отъ Ржишевского къ старшому виленскому отвѣтное.

Копія сунодального опредѣленія, на едномъ листѣ, за рукоприкладствомъ Святѣйшого Сунода членовъ, априля 27 дня 752 года состоявшагося, о средствіи пересылки пожалованныхъ денегъ Антіохійскому патріаршу престолу на оплату долговъ да на возобновленіе погорѣвшого виленского монастыря шести тысячъ рублевъ.

Копія указа сунодального, въ листъ, 752 года априля 30 дня въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ посланного, съ требованіемъ пожалованную отъ Ея Императорскаго Величества сумму ко отданію святѣйшему патріярху и виленскому старшому, принявъ чрезъ вексли, перевесть къ находящимся въ Константинополѣ и въ Польской области россійскимъ резидентамъ, которія бы деньги препоручены были отъ нихъ, резидентовъ, антіохійскому патріарху и виленскому старшому съ росписками.

Копія сунодального указа, на едномъ листѣ, тогожъ года и числа въ канцелярію сунодалную экономического правленія объ отпускѣ вышъ прописанныхъ денегъ, 9 тысячъ рублевъ въ контору Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи.

Копія доношенія въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, на едномъ листѣ, а якого года, мѣсяца и числа и отъ кого именно не означено, съ прошеніемъ, не повелѣно ль будетъ пожалованную на виленскій монастырь шестотысячную сумму, для безъубыточного оному монастыру тоей суммы полученія, поручить купцамъ или иностраннымъ посланникамъ, и о протчемъ.

Двѣ термѣны доношеній, на двохъ листахъ, въ Вифляндскую губернскую канцелярію отъ старшого виленского Сульвестра, 752

года августа 3 составленныхъ, о выдачѣ, по присланнымъ въ ту Вифляндскую канцелярію изъ Сvнода указамъ, на виленскій монастыръ шести тысячей рублевъ изъ Рижской рентереи, и о протчемъ.

Указъ подлинный синодальный, на двохъ листахъ, къ старшому (подъ) № 888 состоявшійся, о переводѣ пожалованной на виленскій монастырь суммы не чрезъ Иностранную Коллегію и вексель, но чрезъ статсъ-контору Рыжскую и губернскую канцелярію, и на что оная сумма должна издерживана быть, и о протчемъ.

Указъ сvнодольный, на двохъ листахъ, къ томужъ старшому виленскому зъ братіею, подъ № 1597, августа 31 дня 752 года состоявшійся, о приниманіи въ виленскій монастырь пожалованной шестотысячной суммы по частямъ отъ рижского протопопа Николая Ростовецкого съ росписками и о употребленіи оной на церковное и монастырское возобновленія, и о протчемъ.

Двѣ термѣны доношеній отъ старшого виленского Сильвестра въ Святѣйшій Сvнодъ, на двохъ листахъ, съ представленіемъ средствій о пересылкѣ пожалованныхъ на виленскій монастырь денегъ, и о протчемъ.

Копія доношенія отъ старшого виленского, на едномъ листу, въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, съ прошеніемъ представить съ той Коллегіи въ Святѣйшій Сvнодъ о приисканіи способа къ безъубыточной въ виленскій монастырь пересылкѣ шести тысячей рублевъ.

Термѣны доношеній въ Святѣйшій Сvнодъ и въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію о выдачѣ для проѣзду въ Вильну пашепортовъ по причинѣ приключившихся за два годищною отлучкою разореній.

Письмо инотаціональное къ графу, а къ коему именно не означено, отъ духовника, а отъ коего такожъ не означено, о шести тысячахъ и о прибавкѣ къ сту рублямъ милостини, доношеніе къ преосвященному Сvмону, а къ коему именно не означено, о выдачѣ благословительного указа и книги къ испрошенію въ епархіи его преосвященства на виленскій монастырь милостини; прошеніе объ томъ же къ игумену Елеазаровскому; якіи всѣ термѣны на трохъ листахъ съ половиною.

Указъ сvнодальный, на едномъ листу, къ старшому виленскому Сильвестру, 751 года іюля 1 дня, подъ № 520, состоявшійся, о поз-

воленіи въ Санктпетербургѣ и въ протчіихъ по пути къ Ригѣ городѣхъ милостини на возобновленіе виленского монастыра испрашивать.

Разныи копіи, а именно: доношеніе старшого виленского Сильвестра съ Москвы, декабра 14 дня 752 года, къ преосвященному кіевскому митрополиту Тимоѳею пущенное, съ прошеніемъ по поданному отъ его, старшого виленского Сульвестра, въ Сунодъ о репараціи погорѣлого виленского монастыра и о протчемъ, доношенію интерцедовать къ духовнику и къ графу Алексѣю Разумовскому, такожъ объ опредѣленіи въ марковскій монастырь игумена.

Копія письма къ полковнику Коченевскому, а когда и отъ кого писанного не означено, о пособіи старшому виленскому Сильвестру въ прошеніи на починку виленского монастыря Высочайшей милостини; копія письма къ графу Алексѣю Разумовскому въ такой же силѣ; копія указа сунодального къ преосвященному митрополиту Тимоѳею, 752 года априля 30 пущенного, о имѣніи попеченія, чтобъ жалованные на виленскій монастыръ шесть тысячъ деньги на нужнѣйшія церковныя и монастырскія потребы употребляемы были, и о протчемъ.

Копія доношенія на оной указъ въ Святѣйшій Синодъ отъ его преосвященства митрополита Тимоѳея, тогожъ 752 года іюня отъ 6 дня отпущенного.

Копія доношенія отъ старшого виленского Сильвестра къ его преосвященству митрополиту Тимоѳею, 752 года априля отъ 25 дня, съ прошеніемъ благословительного указа на возобновленіе и освященіе виленской Свято-Духовской церкви.

Копія грамоты отъ его преосвященства митрополита Тимоѳея къ старшему виленскому Сулвьестру, тогожъ 752 года іюня 4 дня отпущенной, о позволеніи и по окончаніи освятить ту виленскую Свято-Духовскую церковъ.

Копія письма къ духовнику и московского Благовѣщенского собора протоіерею благодарительного за приложенное раченіе о пожалованіи къ репараціи погорѣлого виленского монастыра шести тысячи рублевъ; якіе всѣ копіи на пяти листахъ съ половиною.

Копія опредѣленія сунодального, на едномъ листу, 749 года ноября 17 дня состоявшегося, о выдачѣ жалаванной на виленской монастыръ суммы за 748 и 749 года—291 рубля 28 копѣекъ.

Третяя радость, подъ литерою В, что декретомъ, въ ассесоріяльномъ судѣ, тогожъ 754 года состоявшимся, велено, дабы обыватель виленскій Мартинъ Доманскій, за силу декретовъ магдебурскихъ, въ виленскомъ магистратѣ на него состоявшихся, которымъ онъ явился ослушенъ, до конечнаго имѣющейся между нимъ, Доманскимъ, и виленскимъ монастыремъ тяжбы въ самомъ ассессоріяльномъ судѣ рѣшенія виленскому нашему монастырю годовый платежъ за двѣ лавки, на срокъ въ контрактѣ означенный, безъспорно давалъ, опасаясь на себе за ослушность королевскому декрету неминуемаго штрафа.

Отвѣтъ Ѳеофана Леонтовича. А онъ, Мартинъ Доманскій, показуемаго королевского въ ассессоріяльномъ судѣ Ѳеофаномъ Яворскимъ выстряпанного декрета такъ сильно спужался, что не только по оному грозному декрету въ виленскій монастырь годовой за двѣ лавки контрактомъ уговоренной суммы уплатить не похотѣлъ, но и монаховъ съ виленского монастыря, къ нему, Доманскому, за тѣмъ годовымъ платежемъ посылаемыхъ, скверно ругая, съ безчестіемъ прогонялъ.

Четвертая радость, подъ литерою Г, что тогожъ 754 года декретъ въ ассесоріяльномъ судѣ состоялся таковъ: благочестивому нашему Свято-Петропавловскому, въ городѣ Минскѣ находящемуся, монастырю, по претенсіи своей за заставную денежную сумму, вольно съ кагаломъ жидовъ минскихъ, надворнымъ королевскимъ декретомъ ослушныхъ, яко съ шельмами, поступить: старшину кагалу минского чрезъ магистратъ Минскій либо самовластно подъ караулъ взять; товары ихъ и денежныя суммы вездѣ, внутрѣ и внѣ государства, арестовать; лавки и школу, въ Минскѣ имѣющіяся, запечатать.

Отвѣтъ Ѳеофана Леонтовича. Этотъ надворныхъ королевскихъ судовъ декретъ, Ѳеофаномъ Яворскимъ выстряпанный, куды заказался для минскихъ жидовъ страшенъ, а для нашего благочестивого монастыря красенъ! Но оны, іудеи, о такомъ короля польского декретѣ провѣдавъ, сыскали себѣ тамже въ Минскѣ у іудейского своего царя господина Ивановского, старосты минского, такъ сильную протекцію, что и по нынѣ за оною его протекціею, какъ за каменною стѣною, живутъ и житимутъ, а на насъ и на наши къ нимъ, жидамъ, за толь знатную денежную сумму отъ многихъ лѣтъ претенсіи, ежегодные въ судебныхъ мѣстахъ съ немалыми

Доносеніе отъ старшого виленского Сvльвестра къ его преосвященству митрополиту Тимоѳею, 752 года априля отъ 29 дня, о пожалованіи на виленскій монастырь шести тысячъ и съ прошеніемъ благословенія къ возобновленію и посвященію виленской церкви.

Термѣна доношенія, на поллистѣ, въ Святѣйшій Сvнодъ отъ старшого виленского Сvльвестра съ прошеніемъ выдачи въ виленскій монастырь славено-россійской новопечатной Библіи.

Копія выписѣ, на едномъ листу, о пріѣзжающихъ съ виленского монастыря духовныхъ персонахъ въ Москву за жалованьемъ и о произвожденіи имъ кормовыхъ денегъ.

Копія письма на польскомъ діалектѣ, въ поллиста, отъ іеромонаха Иннокентія Григоровича Домедицкого.

Письмо на польскомъ діалектѣ, въ поллиста, отъ іеромонаха Сергіевой лавры Иннокентія Григоровича до старшого виленского Леонтовича.

Копія письма на польскомъ языкѣ, въ поллиста, отъ Яна Павловича до кустоша бернардинского.

Письмо на польскомъ языкѣ, въ листъ, отъ приказного Сергіевой лавры Страшкевича до братства Виленского, съ обѣщаніемъ прислать тому братству чрезъ вѣрную оказію сто рублей на звонъ.

Указъ отъ его преосвященства митрополита Тимоѳея, 753 года іюля отъ 7 дня, къ старшому виленскому, въ листъ о возвращеніи іеромонаха Болдишевского зъ слуцкого въ виленскій монастырь и о учиненіи справки, почему надлежалъ соломерецкій монастырь до кутеенского.

По сему реестру всѣ дѣла безъ остатка принялъ и расписался старшій виленскій игуменъ іеромонахъ Сиѳъ Гамалѣя.

шеніе; котораго доношенія по подачи, еще три года безпрерывно онъ же, Ивановскій, благочестивому тому прилуцкому монастырю обиды и озлобленія (какъ ему было угодно) причинялъ, а 1740 года самъ, въ многолюдствѣ на благочестивый тотъ монастырь напавъ и игумена Іосифа Стефановича безчеловѣчно мучивъ, съ монастыря съ братіею прогналъ; всю церковную утварь и монастырское имущество разграбилъ; вотчину монастырскую, прозываемую Стуковичи, со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, отнялъ; о коихъ его, Ивановского, внутрь отечества разбойническихъ и правами польскими накрѣпко запрещенныхъ поступкахъ когда въ томъ же 740 году старшій виленскій Іеронимъ Волчанскій чрезъ Свято-Петропавловского минского игумена Семесія Залуцкого, въ главномъ Великаго Княжества Литовского трибуналѣ (сдѣлалъ) представленіе (и) декретъ трибунальный на показанного Ивановского состоялся съ жестокимъ прещеніемъ о непремѣнномъ и немедленномъ возвращеніи имъ, Ивановскимъ, нагло усильственно отнятого благочестиваго прилуцкого монастыря: то онъ, Ивановскій, спужався такого жестокого трибунального декрету, вдругъ въ томъ прилуцкомъ монастырѣ благочестивую Свято-Троецкую церковь до основанія разломалъ, а съ монастыря мызу себѣ здѣлалъ. 1742 году по челобытью виленского монастыря велено указомъ надворнаго королевского суда ему жъ, Ивановскому, въ означенной судъ къ отвѣту непремѣнно явиться; но онъ, Ивановскій, какъ трибунальныхъ судовъ прещенія и угроженія ни вочто вмѣнилъ, такъ и самого королевского указа не послушался. 1753 году за такую имъ, Ивановскимъ, оказанную противность состоялся въ томъ же надворномъ королевскомъ судѣ обвинительный на него, Ивановского, декретъ, и того декрета за силу отправленъ былъ съ того жъ королевского суда писарь стародубовскій Пржездіецкій для преврученія намъ во владѣніе по прежнему благочестивого нашего прилуцкого монастыря; но онъ, Ивановскій, показуемаго писаря Пршездіецкого къ тому не допустилъ, возбраняя ему, Пршездіецкому, словесно; буде же бы и другій еще въ томъ же королевскомъ судѣ обвинительный на него жъ, Ивановского (какъ Яворскому думалось), состоялся декретъ, и по этому декрету отправленъ бы кто былъ съ того жъ суда для возвращенія намъ прилуцкого нашего монастыря; то онъ, Ивановскій, и противъ другого такого къ нему поѣзду боронился бы письменно, то есть, лоскуткомъ бумаги, на воротахъ прибитымъ.

соборный старецъ Іустинъ Звѣрака, и по вступленіи его, новоприбываго игумена Іустина, въ настоятельское дятловицкого монастыря правленіе донесено было отъ братіи тогожъ монастыря, что ново-разрѣшенный отъ уніятского нечестія іеромонахъ Ѳеофанъ Яворскій въ обрядахъ церковныхъ и въ священнодѣйствіи показуетъ на себѣ примѣтки подозрительного отъ уніи къ нашей православно-восточной церквѣ обращенія,—то онъ, Яворскій, испросивъ себѣ обманическо у игумена своего Іустина Звѣраки въ Кіевъ ради поклоненія святымъ мѣстамъ пашепортъ, тамъ же въ Польще по разнымъ благочестивымъ и уніятскимъ монастырямъ скитался; потомъ, 750 года въ благочестивый виленскій Свято-Духовъ монастырь къ намѣстнику Варлааму Владычкѣ нагъ и босъ, какъ отъ виселицы оторвався, прибѣжалъ. И понеже Варлаамъ Владычка человѣкъ простодушенъ и въ правахъ польскихъ крайне неискусенъ, то Яворскій пустомолотною языка своего трещоткою намѣстнику Владычки такъ сильно голову набилъ и забилъ, что онъ, Владычка. не помѣщая уже въ сердци своемъ таковой несказанной сновидимой радости, не моглъ къ начальнику своему Сильвестру Добрынѣ, 750 года въ Санкт-Петербургѣ находящемуся, о Ѳеофанѣ Яворскомъ скоропостижно не написать: Господь де многомилостивый послалъ намъ нынѣ съ небесъ ангела, а не человѣка, который (де) глубоко проницательнымъ своимъ умомъ и безприкладнымъ искуствомъ въ польскихъ правахъ, и обыкновеніяхъ, и политическихъ обхожденіяхъ, не только благочестивые монастыри, церкви и ихъ приналежности, уніятами и рымлянами у насъ отнятіе, въ самократчайшемъ времени и самолегчайшимъ образомъ по-прежнему намъ привратитъ, но и всѣ (де) клопоты, обиды и бѣды, впредь намъ отъ уніятовъ и рымлянъ причинятся имѣющіе, самъ на себе озметъ, а мы (де) за его премудрою головою будемъ только сидѣть въ покою, какъ у Бога за дверми. Старшій виленскій Сильвестръ Добрына, получа въ Санкт-Петербургѣ такое отъ намѣстника своего Владычки письмо, обрадовался и самъ радостію превеликою; ибо ему уже безсовѣстныя напасти и нестерпимые клопоты отъ судебныхъ поляческихъ мѣстъ довольно надокучили: найпаче, когда, по наущенію злоковарного римского и уніятскаго духовенства, со всѣхъ сторонъ отъ свѣцкой команды въ одинъ день до двадцяти позывовъ присылается, съ коихъ и на единъ отвѣтствовать человѣку, къ поляческимъ правамъ и хи-

въ которой всебезпорядочной и пребеззаконной, польскими законами утвержденной, перемѣнѣ не сильно уже первое судебное мѣсто, напримѣръ, ассесоріальное, нашему отвѣчикъ челобитчику нималѣйше препятствовать; и для того самъ президентъ ассессоріяльного суда великій литовскій канцлеръ князь Чарторижскій принужденъ за нами о непринятіи на насъ позыву отъ Ивановского въ трибуналъ писать не промеморіею, но просительными письмами. Образецъ же безсовѣстія, хитрости и беззаконного судебныхъ поляческихъ мѣстъ порядка, которымъ насъ въ трибуналѣ отвѣтчикъ нашъ, староста минскій Ивановскій, болѣе еще изобидѣть хотѣлъ и которымъ беззаконнымъ судебнымъ порядкомъ мы, благочестивые, болѣе еще монастырей и церквей законно потеряли, есть слѣдующій: когда мы по отнятію благочестивыхъ монастырей въ надворный королевскій судъ адресуемся и за ремиссами, съ оного жъ королевского суда намъ выданными, до тѣхъ поръ проторимся и убыточимся, покамѣсть у насъ денегъ ничего не останетъ; тогда отвѣтческая наша сторона, перемѣнився съ отвѣтчика въ челобитчика, бетъ челомъ на насъ въ томъ же ассессоріяльномъ либо въ другомъ трибунальномъ судѣ, а именно, о неправедной и неправильной нашей къ нему, челобитчику, претенсіи; о напрасныхъ и чести его предосудительныхъ отъ насъ въ судѣ на него жалобахъ и порицаніяхъ; о долговременной и въ многихъ его, челобитчика, велико-важныхъ дѣлахъ помѣшательной чрезъ насъ волокитѣ, и о знатныхъ ему жъ, челобитчику, по причинѣ нашего позыву причиненныхъ проторахъ и убыткахъ. По которому его, челобитчика, въ судъ ассессоріяльный или трибунальный на насъ, благочестивыхъ, представленію, судъ оный подлинно къ немедленному, непремѣнному и всеконечному въ томъ же самомъ годѣ дѣла нашего съ нимъ, челобитчикомъ, рѣшенію приступивъ, опредѣленіе заключаетъ и декретъ вдругъ выдаетъ. Коего декрета за силу, силенъ онъ, нашъ челобитчикъ, за всѣ свои вышпоказанныя четыри къ намъ претенсіи денежну суму толикимъ числомъ, коликимъ отъ него, челобитчика, по его благоусмотрѣнію въ судъ представится, на насъ, благочестивыхъ, тотъчасъ доправить; въ случаи же скудости требуемаго денежного числа, другіи еще благочестивыи какіи-либо, сверхъ перваго, имъ, челобитчикомъ, уже завладѣнного, нашего монастыря, у насъ за долги отобрать; съ которыми пустонадежными ко благочестивымъ нашимъ дѣламъ въ судебныхъ поляческихъ мѣ-

монашествующій самъ только одинъ, въ навечеріи праздника Рождества Христова, за нѣкоторымъ бѣглымъ, мимо монастырь его проѣзжающимъ монахомъ, а не такъ за монахомъ, какъ того монаха за имуществомъ, въ погоню отлучился; то тѣ его, Яворского, великіе друзья, предреченнаго Свято-Троецкаго минского монастыря уніяты, отправивъ въ день праздника Рождества Христова въ ономъ благочестивомъ соломерецкомъ монастырѣ уніятскую свою службу и всѣхъ благочестивыхъ парохіянъ, коихъ знатное число обрѣталось, въ унію мучительско правративъ, самымъ тѣмъ монастыремъ и всѣми его принадлежностями вѣчно завладѣли. А пастырь добрый, благочестивый отецъ игуменъ Ѳеофанъ Яворскій, поворотясь съ охотничого своего лову, по праздникѣ Рождества Христова въ три дни, въ соломерецкій свой монастырь и не заезжалъ, но поѣхалъ прямо въ Вильню съ благополучнымъ извѣстіемъ, что безъприкладнымъ своимъ искусствомъ въ правахъ, обыкновеніяхъ и политическихъ обхожденіяхъ Польского государства монастырь одинъ благочестивый уже пріобрѣлъ.

753 года, живучи онъ, Яворскій, въ виленскомъ монастырѣ при крайней нищетѣ и скудости, вѣдая же, что старшій виленскій Сильвестръ Добрына поворотился съ Санкт-Петербурга не съ голыми руками, началъ чрезъ намѣстника Варлаама Владычку отцу Добрынѣ представлять и совѣтовать, чтобъ онъ, Добрына, избавляя себе отъ вѣчнаго какъ въ Польще, такъ и въ Россіи, порока и нарѣканія, по причинѣ двоихъ благочестивыхъ, сіелецкого и соломерецкаго, за старшинства его, Добрини, въ унію отъбывшихъ монастырей, избралъ его, Ѳеофана Яворского, полномощнымъ стряпчимъ и послалъ бы въ ассесоріальный (королевскій надворный) судъ, а онъ (де), Яворскій, по искусству своему въ правахъ, обыкновеніяхъ и обхожденіяхъ Польского государства и по горячести своей къ святому благочестію, всемѣрное и всеудобвозможное старательство приложитъ не только въ показуемомъ ассесоріальномъ судѣ обыкновеннымъ судебныхъ поляческихъ мѣстъ порядкомъ дѣло монастыря виленского производить, но и самому канцлеру Великаго Княжества Литовского, князю Чорторижскому, ассесоріального оного суда на мѣстѣ королевского президенту, о обидѣ святого благочестія съ дерзновеніемъ, яко и знатный Польского государства (какъ онъ, Яворскій, самъ себѣ фастаетъ) шляхтичъ, устно и всеобстоятельно представлять, дабы ко удовольствованію его, отца Добрыни, вышереченные два благочестивые сіелецкій

да соломерецкій монастыри возвращены были непременно и неукоснительно. Хотя же у насъ въ Россіи старого соловя баснями не кормятъ, однако въ Польще Өеофану Яворскому удалось старшого виленского отца Добрыну къ тому склонить, что онъ, Добрына, ему, Яворскому, полномощіе въ стряпчествѣ поручивъ и тридцять червонцевъ на производство дѣла давъ, отправилъ его, Яворского, съ приданнымъ къ нему помощникомъ въ ассесоріальный судъ. Въ которомъ судѣ полномощный и всеблагонадежнѣйшій оный виленского монастыря стряпчій, Өеофанъ Яворскій, своимъ въ приказныхъ поляческихъ дѣлахъ искусствомъ и у самого канцлера князя Чарторижского шляхетскимъ авторитетомъ что за тридцять червонцовъ выстряпалъ и чего доказалъ? Этое показуется съ письма россійского посланника господина Гроса изъ Дрездена, отъ 25 д. ноября 753 года; въ которомъ своемъ письмѣ онъ, господинъ Гросъ, на жалобу старшимъ виленскимъ Сильвестромъ Добриною, по окончаніи воспоминаемого въ томъ же 753 году производившагося ассесоріальноro суда и по возвращеніи отътуда Өеофана Яворского въ Вильню, о безъсовѣстной и безстудной поляческой хитрости и о безконечной и святому благочестію всепагубной ассесоріального суда волокитѣ, ему, россійскому посланнику, яко единому своему благонадежному защитнику приносимыя, отвѣтствуя пишетъ: «съ полученного (де) мною отъ вашего преподобія письма, къ особливому моему сожалѣнію, усмотрѣлъ я, коимъ образомъ въ ассесоріальномъ судѣ даже до нынѣ конечного опредѣленія еще не учинено о возвращеніи единовѣрнымъ вашимъ на унію отнятыхъ церквей, монастырей и протчаго».

754 года, онъ же, вышьпоказанный полномощный виленского монастыря стряпчій Өеофанъ Яворскій, пользуясь користнымъ себѣ находящагося тогожъ де, что и въ прошломъ 753 году, ассесоріяльного суда случаемъ, началъ старшому своему, отцу Сильвестру Добринѣ, совѣтовать, что весьма-бъ (де) изрядно было, въ нынѣшномъ ассесоріяльномъ судѣ не о двоихъ только селецкомъ да соломерецкомъ, но обо всѣхъ вдругъ благочестивыхъ и виленскому старшинству принадлежащихъ на унію отнятыхъ монастыряхъ челобитствовать: ибо (де) такимъ образомъ можно будетъ удобняе канцлера литовскаго князя Чарторижского въ большое сожалѣніе привесть и къ скорѣйшому провосудію склонить, когда онъ, канцлеръ, и самъ усмотритъ, что толикое число благочестивыхъ монастырей отъ вилен-

ского старшинства нагло усильственымъ разбойническимъ нападеніемъ на унію отнято, а по ежегоднымъ всѣхъ виленскихъ старшихъ отъ полтораста лѣтъ слишкомъ въ надлежащемъ судѣ челобитьямъ и по многимъ въономъ же судѣ состоявшимся съ жесточайшимъ на изобидѣтелей прещеніемъ декретамъ ни единого благочестиваго монастыря не возвращено. О которыхъ (де) всѣхъ благочестивыхъ разнымъ временемъ отъ виленского старшинства на унію отнятыхъ монастыряхъ имѣетъ онъ, Яворскій, въ предъбудощомъ ассессоріальномъ судѣ, по особливому своему въ приказныхъ поляческихъ дѣлахъ искусству и по шляхецкому авторитету, такъ сильно и дѣйствительно стряпать, чтобъ всѣ тѣ благочестивые, уніятами и римлянами завладенные, монастыри въ настоящемъ 754 году единолично и непремѣнно возвращены были; коихъ (де) благочестивыхъ монастырей за возвращеніемъ послѣдуетъ ему, виленскому старшему, въ Польще отъ благочестиваго народа превеликое и вѣчное благодареніе, а въ Россіи отъ духовной своей команды знатная и мздовоздательная похвала, ибо (де) онъ, отецъ Добрына, радѣтелнымъ своимъ старшинства виленского правленіемъ во единъ годъ докажетъ того, чего всѣ его антецессоры чрезъ полтораста лѣтъ доказать не могли. Этотъ воспоминаемый Өеофана Яворского совѣтъ, когда показался отцу Добрынѣ, яко совѣтъ Божій, то онъ, Добрына, такому своему благообразному совѣтнику, Өеофану Яворскому, тотъчасъ не только 74 червонцы съ казны монастырской выдавъ, но и всѣ платья зъ себе отъ ряски до рубашки даривъ, отправилъ его, Яворского, въ Варшаву къ находящимъ ассесоріяльнымъ судамъ. Съ коихъ судовъ онъ, полномощный виленского монастыря стряпчій, безприкладной въ приказныхъ поляческихъ дѣлахъ вѣжливецъ и премудрій совѣтникъ, Өеофанъ Яворскій, съ чѣмъ поворотился, какую полезную и радостную вѣдомость отцу Добрини и всѣй виленского монастыря братіи и братству за 74 червонцы привезлъ,—саморучная его, Яворского, писулька, на запросъ отца Добрыни поданная, очевидно показуетъ. Которую писульку, лутшаго ради достовѣрія, прилагаю Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи подъ № 1 съ лѣтерами русскими, силу всякого дѣла означающими и распредѣляющими. Въ этой приложенной писулькѣ благовѣтствуется монастырю виленскому отъ Өеофана Яворского:

Перва радость, подъ литерою А, что всѣ дѣла виленского монастыря были въ судѣ ассесоріяльномъ слушаны, только въ долгій

ихъ сторонъ тѣсныхъ и зѣло трудныхъ [illegible] чины государя императора Петра I, которая [illegible] слѣдовала. И на семъ то основаніи, польскіе [illegible] отвѣтѣ на взнесенную россійскимъ нашимъ [illegible] номъ Гросомъ самому его польско-королевскому [illegible] морію, того жъ 1754 года октября 6 дня ему, [illegible] руками какъ коронныхъ, такъ и литовскихъ канцлеровъ [illegible] цлеровъ, поданномъ, что̀ въ пользу грекороссійскаго [illegible] ще благочестія и обѣщали,—во всемъ солгали, и [illegible] польскомъ опомъ благочестіи по подаваемымъ отъ [illegible] го въ Варшавѣ министерства его королевскому величеству [illegible] моріямъ, а по чинимымъ ко всему польскому министерству [illegible] снымъ и письменнымъ ходатайствамъ, будутъ оны, польскіе господа министры, плутать и лгать, покамѣсть православно-восточнаго нашего исповѣданія въ Польской своей области совсѣмъ не истребять. И потому нѣтъ ничего чуднѣе, какъ, по мнѣнію россійского нашего министра графа Кейзерлинга, въ указѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, декабря 13 дня 1750 года состоявшемся, изображенному, ему, графу Кейзерлингу, или другому какому россійскому нашему при польско-королевскомъ дворѣ обретающемуся министру ходатайствомъ своимъ въ подкрѣпленіи челобитныхъ, отъ православно-восточнаго въ Польще народа къ нему, россійскому министру, пересылаемыхъ, у польского министерства и у самого короля то дѣйствовать, чего самъ государь Петръ I, всей Европѣ гроза, польскимъ министрамъ страхъ, а королю ихъ Августу Второму другъ, братъ, отецъ, благодѣтель и отнятого польского престола дародатель, многими своими высокомонаршими грамотами, ко его величеству Августу Второму и ко всей республикѣ Польской чувствительно отправляемыми, за упорствомъ римского и уніятского духовенства воздѣйство произвесть не могъ, какъ о томъ самъ же неложный свидѣтель, блаженной памяти государь императоръ въ вышъпоказанной своей высокомонаршей грямотѣ ко его величеству Августу II и ко всѣмъ чинамъ Польского государства отправленной, свидѣтельствуетъ: «и хотя де мы о семъ Вашему Королевскому Величеству какъ чрезъ грамоты наши, такъ и чрезъ министровъ нашихъ, представленія чинили, прося Ваше Королевское Величество дружебно, дабы, по договорамъ вѣчнаго мира, духовнымъ и мірскимъ греческаго исповѣданія людямъ,

нагло-усильственно отнятыхъ монастырей, а отвѣтческой сторонѣ, то есть, всѣмъ духовнымъ и мірскимъ господамъ, оными благочестивыми монастырями завладѣвшимъ, въ тотъ же ассессоріяльный судъ, до которого, въ силу сеймовыхъ конституцій, всѣ жалобы по отнятію благочестивыхъ монастырей и церквей принадлежатъ, являться къ отвѣту на очную ставку для непремѣнного и всеконечного въ томъ же 755 году тяжбъ своихъ съ виленскимъ монастыремъ рѣшенія». Которого зѣло радостного и преблагонадежного въ вышьреченомъ ассессоріяльномъ судѣ по дѣламъ виленского монастыря состоявшагося опредѣленія во утвержденіе выданы, за большими Великого Княжества Литовского печатьми, на всякой благочестивой отъ старшинства виленского отнятой монастырь ремиссы, то есть, отсрочные до предыдущаго 755 года декреты.

Отвѣтъ Θеофана Леонтовича. А понежѣ по этимъ ремиссамъ стряпчіе виленского монастыря, всегда заблаговременно въ означенный ассессоріяльный судъ съ довольною денежною суммою отправляемые, не только въ показанномъ 755 году, но ниже въ 56, 57 и 58 годѣхъ, могли что-либо по жалобамъ своимъ, въ ономъ ассессоріяльномъ судѣ надлежащею приказною строкою представляемымъ, къ удовольствованію монастыря виленского получить или, по крайней мѣрѣ, другіе такіежъ наглоусильственные святому благочестію озлобленія происходящіе пресѣчь, а происходить же имѣющіе предотвратить: ибо всѣ дѣла ихъ, стряпчихъ, виленского монастыря приходили къ обѣщанному въ вышьпомянутыхъ, въ виленскій монастырь чрезъ Яворского данныхъ, ремиссахъ непремѣнному и всеконечному судебному рѣшенію, не въ самомъ началѣ, но по окончаніи ассессоріальныхъ судовъ, въ отсрочныхъ дняхъ, въ которыхъ челобитчики, коихъ дѣла не рѣшены, отправляются обратно до другихъ на предъбудущій годъ ассессоріяльныхъ судовъ; того ради таковыя ремиссы даны были зъ ассесоріяльнаго въ Варшавѣ суда Яворскому въ руки, первѣе, для забавы отъ скуки, а другое, для того, чтобъ Яворскій, положась твердо съ виленскимъ монастыремъ на оныя пустонадежныя ремиссы и не утруждая двора польского, а наипаче россійского, съ показуемыми ремиссами ежегодно въ судѣ ассессоріяльномъ являлся и до тѣхъ бы поръ проторился и убыточился, покамѣстъ бы въ казнѣ виленского монастыря ничего не остало.

Третя радость, подъ литерою В, что декретомъ, въ ассесоріяльномъ судѣ, тогожъ 754 года состоявшимся, велено, дабы обыватель виленскій Мартинъ Доманскій, за силу декретовъ магдебурскихъ, въ виленскомъ магистратѣ на него состоявшихся, которымъ онъ явился ослушенъ, до конечнаго имѣющейся между нимъ, Доманскимъ, и виленскимъ монастыремъ тяжбы въ самомъ ассессоріяльномъ судѣ рѣшенія виленскому нашему монастырю годовый платежъ за двѣ лавки, на срокъ въ контрактѣ означенный, безъспорно давалъ, опасаясь на себе за ослушность королевскому декрету неминуемаго штрафа.

Отвѣтъ Феофана Леонтовича. А онъ, Мартинъ Доманскій, показуемаго королевского въ ассессоріяльномъ судѣ Феофаномъ Яворскимъ выстряпанного декрета такъ сильно спужался, что не только по оному грозному декрету въ виленскій монастырь годовой за двѣ лавки контрактомъ уговоренной суммы уплатить не похотѣлъ, но и монаховъ съ виленского монастыря, къ нему, Доманскому, за тѣмъ годовымъ платежемъ посылаемыхъ, скверно ругая, съ безчестіемъ прогонялъ.

Четвертая радость, подъ литерою Г, что тогожъ 754 года декретъ въ ассесоріяльномъ судѣ состоялся таковъ: благочестивому нашему Свято-Петропавловскому, въ городѣ Минскѣ находящемуся, монастырю, по претенсіи своей за заставную денежную сумму, вольно съ кагаломъ жидовъ минскихъ, надворнымъ королевскимъ декретомъ ослушныхъ, яко съ шельмами, поступить: старшину кагалу минского чрезъ магистратъ Минскій либо самовластно подъ караулъ взять; товары ихъ и денежныя суммы вездѣ, внутрѣ и внѣ государства, арестовать; лавки и школу, въ Минскѣ имѣющіяся, запечатать.

Отвѣтъ Феофана Леонтовича. Этотъ надворныхъ королевскихъ судовъ декретъ, Феофаномъ Яворскимъ выстряпанный, куды заказался для минскихъ жидовъ страшенъ, а для нашего благочестивого монастыря красенъ! Но оны, іудеи, о такомъ короля польского декретѣ провѣдавъ, сыскали себѣ тамже въ Минскѣ у іудейского своего царя господина Ивановского, старосты минского, такъ сильную протекцію, что и по нынѣ за оною его протекціею, какъ за каменною стѣною, живутъ и житимутъ, а на насъ и на наши къ нимъ, жидамъ, за толь знатную денежную сумму отъ многихъ лѣтъ претенсіи, ежегодные въ судебныхъ мѣстахъ съ немалыми

проторами и убытками позывы и на королевскіе надворные декреты съ посмѣяніемъ плюютъ и плюватимутъ.

Пятая радость, подъ литерою Д, что въ позывѣ зъ старостою минскимъ Іозефомъ Ивановскимъ онъ, Яворскій, какъ прежде въ судѣ ассессоріяльномъ 753 года декретъ въ пользу виленского монастыря получилъ, такъ и настоящаго 754 года моглъ бы былъ другій еще декретъ на негожъ, Ивановского, получить о непремѣнномъ и всеконечномъ возвращеніи благочестивого прилуцкого монастыря, старшинству виленскому подсутственного, имъ, Ивановскимъ, завладѣнного, ежелибъ (де) были присланы ему, Яворскому, въ Варшаву съ виленского монастыря королевскія привилегіи и декретъ на означенного Ивановского, въ ассессоріальномъ судѣ состоявшійся, за недопущеніе имъ, Ивановскимъ, къ прилуцкому монастырю писара стародубовского господина Пршездзіецкого, который нарочно отправленъ былъ зъ ассессоріяльного суда, ради превруче́нія намъ во владѣніе по прежнему воспоминаемаго нашего монастыря.

Отвѣтъ Θеофана Леонтовича. Сей благочестивый Свято-Троецкій прилуцкій монастырь, сооруженъ 1635 году отъ покойной Анны, съ фамиліи князей Огинскихъ, супруги господина Стеткіевича, подкоморого браславского, и пребывалъ чрезъ сто лѣтъ при святомъ благочестіи во всякомъ тихомиріи. А въ 1736 году вышьозначенный староста минскій Іозефъ Ивановскій, положивъ намѣреніе прилуцкимъ тѣмъ монастыремъ завладѣть, не имѣя же единой правильной къ такому монастырю претенсіи, умыслилъ происки и прицѣпки дѣлать разореніемъ грунтовъ и озлобленіемъ поданныхъ показуемаго прилуцкаго монастыря, который, знатной обиды не могучи снесть, другія же въпредъ приключитися имѣющія отъ негожъ, Ивановского, наглости хотячи предъотвратить, игуменъ того монастыря Діонисій Саевичъ, когда, за силу поляческихъ правъ, посторонними людьми освидѣтельствовался, въ Минскій городъ (въ минскую канцелярію) протестъ подалъ; а ему, Ивановскому, яко противной сторонѣ, нотификацію учинилъ; то онъ, Ивановскій, не взирая на всѣ тѣ поляческихъ своихъ правъ порядки, послалъ отъ себе самовластно знатное число людей въ прилуцкій тотъ монастыръ и приказалъ помянутого игумена Діонисія Саевича за такія его якобы продерзости нещадно наказать; о какомъ нападеніи и мучительствѣ подано отъ прилуцкого монастыря тогожъ 1736 году въ городъ Минскій доно-

шеніе; которого доношенія по подачи, еще три года безпрерывно онъ же, Ивановскій, благочестивому тому прилуцкому монастырю обиды и озлобленія (какъ ему было угодно) причинялъ, а 1740 года самъ, въ многолюдствѣ на благочестивый тотъ монастырь напавъ и игумена Іосифа Стефановича безчеловѣчно мучивъ, съ монастыря съ братіею прогналъ; всю церковную утварь и монастырское имущество разграбилъ; вотчину монастырскую, прозываемую Стуковичи, со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, отнялъ; о коихъ его, Ивановского, внутрь отечества разбойническихъ и правами польскими накрѣпко запрещенныхъ поступкахъ когда въ томъ же 740 году старшій виленскій Іеронимъ Волчанскій чрезъ Свято-Петропавловского минского игумена Семесія Залуцкого, въ главномъ Великаго Княжества Литовского трибуналѣ (сдѣлалъ) представленіе (и) декретъ трибунальный на показанного Ивановского состоялся съ жестокимъ прещеніемъ о непремѣнномъ и немедленномъ возвращеніи имъ, Ивановскимъ, нагло усильственно отнятого благочестиваго прилуцкого монастыря: то онъ, Ивановскій, спужався такого жестокого трибунального декрету, вдругъ въ томъ прилуцкомъ монастырѣ благочестивую Свято-Троецкую церковь до основанія разломалъ, а съ монастыря мызу себѣ здѣлалъ. 1742 году по челобытью виленского монастыря велено указомъ надворнаго королевского суда ему жъ, Ивановскому, въ означенной судъ къ отвѣту непремѣнно явиться; но онъ, Ивановскій, какъ трибунальныхъ судовъ прещенія и угроженія ни вочто вмѣнилъ, такъ и самого королевского указа не послушался. 1753 году за такую имъ, Ивановскимъ, оказанную противность состоялся въ томъ же надворномъ королевскомъ судѣ обвинительный на него, Ивановского, декретъ, и того декрета за силу отправленъ былъ съ того жъ королевского суда писарь стародубовскій Пржездіецкій для превручения намъ во владѣніе по прежнему благочестивого нашего прилуцкого монастыря; но онъ, Ивановскій, показуемаго писаря Пршездіецкого къ тому не допустилъ, возбраняя ему, Пршездіецкому, словесно; буде же бы и другій еще въ томъ же королевскомъ судѣ обвинительный на него жъ, Ивановского (какъ Яворскому думалось), состоялся декретъ, и по этому декрету отправленъ бы кто былъ съ того жъ суда для возвращенія намъ прилуцкого нашего монастыря; то онъ, Ивановскій, и противъ другого такого къ нему поѣзду боронился бы письменно, то есть, лоскуткомъ бумаги, на воротахъ прибитымъ.

поліи Кіевскія Консисторіи подлинную покойного Богдановича записку подъ литерою Д, на листахъ первомъ и четвертомъ, подъ замѣтками 213, находящуюся. По которому его, покойного Богдановича, опредѣленію и по сей подлинной записки, какъ антецессоръ мой Сильвестръ Добрына, такъ и я самъ, во всемъ поступалъ, а крѣпостой вотчины Жабовщизны отъ минского дѣвичого монастыря не отнималъ и монахинямъ минскимъ подлежащаго на содержаніе ихъ уроку съ вотчины ихъ Жабовщизны, покойнымъ Богдановичемъ опредѣленного, не возбранялъ, какъ Θеофанъ Яворскій безовѣстно и безстудно представляетъ, въ чемъ и нынѣ не только отъ тѣхъ же минского дѣвичого монастыря монахинь, но и отъ посторонних города Минска обывателей изобличится можетъ.

Воспоминаемый минскій дѣвичій монастырь смѣженъ есть съ минскимъ благочестивымъ же мужескимъ монастыремъ и отдѣляется отъ оного единою только тѣсною улочкою, и за тѣмъ, особенной своей церкви не имѣя, сообщается въ одну благочестивую Свято-Петропавловскую церковь, въ мужескомъ монастырѣ состоящую.

Въ произдѣ моемъ 755 года на виленское старшинство чрезъ городъ Минскъ, засталъ я въ показуемомъ минскомъ дѣвичомъ монастырѣ три монахини; а именно: первую, монастыря того правленіе содержащую, Варвару Бунцевичовну, другую Екатерину Лункіевичовну, а третію Анастасію Соболевскую. Двѣ монахини, Варвара и Екатерина, тогда жъ мене всеприлежнѣйше просили, чтобъ я имъ дозволилъ на прежнее свое пребываніе въ дѣвичій монастырь переселится; но я въ такомъ ихъ прошеніи отказалъ имъ до разсмотрѣнія. Когда же и за прибытіемъ моимъ въ Вильню, тѣ же двѣ монахини многократными письмами означенное свое прошеніе повторяли и усугубляли, то я принужденъ былъ 1756 года въ Минскъ написать, чтобъ помянутыя двѣ монахинѣ въ Вильню ѣхали, а третія бы, Анастасія Соболевская, въ минскомъ своемъ дѣвичомъ монастырѣ, до присылкѣ другихъ съ Вильнѣ монахинь пребывая, въ отчину свою Жабовщизну, для лучшаго въ хозяйствѣ порядку и успѣху, временемъ съѣзжала; но она, монахиня Анастасія, оставя въ Минскѣ дѣвичей свой монастырь и церковь, въ вотчину Жабовщизну, которая отъ города Минска разстояніемъ въ пяти миляхъ состоитъ и церкви благочестивой ни внутрь себе, ни по окрестнымъ странамъ

въ которой всебезпорядочной и пребеззаконной, польскими законами утвержденной, перемѣнѣ не сильно уже первое судебное мѣсто, напримѣръ, ассесоріальное, нашему отвѣчикъ челобитчику нималѣйше препятствовать; и для того самъ президентъ ассессоріяльного суда великій литовскій канцлеръ князь Чарторижскій принужденъ за нами о непринятіи на насъ позыву отъ Ивановского въ трибуналъ писать не промеморіею, но просительными письмами. Образецъ же безсовѣстія, хитрости и беззаконного судебныхъ поляческихъ мѣстъ порядка, которымъ насъ въ трибуналѣ отвѣтчикъ нашъ, староста минскій Ивановскій, болѣе еще изобидѣть хотѣлъ и которымъ беззаконнымъ судебнымъ порядкомъ мы, благочестивые, болѣе еще монастырей и церквей законно потеряли, есть слѣдующій: когда мы по отнятію благочестивыхъ монастырей въ надворный королевскій судъ адресуемся и за ремиссами, съ оного жъ королевского суда намъ выданными, до тѣхъ поръ проторимся и убыточимся, покамѣсть у насъ денегъ ничего не останетъ; тогда отвѣтческая наша сторона, перемѣнився съ отвѣтчика въ челобитчика, бетъ челомъ на насъ въ томъ же ассессоріяльномъ либо въ другомъ трибунальномъ судѣ, а именно, о неправедной и неправильной нашей къ нему, челобитчику, претенсіи; о напрасныхъ и чести его предосудительныхъ отъ насъ въ судѣ на него жалобахъ и порицаніяхъ; о долговременной и въ многихъ его, челобитчика, велико-важныхъ дѣлахъ помѣшательной чрезъ насъ волокитѣ, и о знатныхъ ему жъ, челобитчику, по причинѣ нашего позыву причиненныхъ проторахъ и убыткахъ. По которому его, челобитчика, въ судъ ассессоріяльный или трибунальный на насъ, благочестивыхъ, представленію, судъ оный подлинно къ немедленному, непремѣнному и всеконечному въ томъ же самомъ годѣ дѣла нашего съ нимъ, челобитчикомъ, рѣшенію приступивъ, опредѣленіе заключаетъ и декретъ вдругъ выдаетъ. Коего декрета за силу, силенъ онъ, нашъ челобитчикъ, за всѣ свои вышьпоказанныя четыри къ намъ претенсіи денежну суму толикимъ числомъ, коликимъ отъ него, челобитчика, по его благоусмотрѣнію въ судъ представится, на насъ, благочестивыхъ, тотъчасъ доправить; въ случаи же скудости требуемаго денежного числа, другіи еще благочестивыи какіи-либо, сверхъ перваго, имъ, челобитчикомъ, уже завладѣнного, нашего монастыря, у насъ за долги отобрать; съ которыми пустонадежными ко благочестивымъ нашимъ дѣламъ въ судебныхъ поляческихъ мѣ-

стахъ при большой печати выдаваемыми ремиссами, или отсроченными до второго Христова пришествія декретами, також съ предреченными, отвѣтческой стороны въ челобитческую злохитрно премѣнительными и въ судахъ ассесоріальномъ или трибунальномъ къ явновидному святого благочестія искорененію заключенными и закрѣпленными опредѣленіями, стоять и нынѣ при благочестивыхъ нашихъ монастыряхъ большіе сундуки, наполненные отъ древнихъ временъ, чрезъ дворянъ, бароновъ, графовъ, князей, секретарей, судей, тайныхъ совѣтниковъ, канцлеровъ и сенаторей, по святомъ своемъ грекороссійскомъ въ Польще благочестіи всемѣрно и всесильно до конца жизни ревновавшихъ и стряпческую должность на собстевнныя свои персоны бравшихъ, но съ безъотвѣтственнымъ, безстуднолживымъ, клятвопреступнымъ и всековарнѣйшимъ римскаго въ Польще закона духовенствомъ и министерствомъ ничево неуспѣвшихъ.

Седмая радость, подъ литерою Ж, что Ѳеофанъ Яворскій, будучи въ Варшавѣ, россійскому нашему посланнику господину Гросу и россійского посольства секретарю Ржичевскому о всѣхъ обидахъ, благочестивымъ монастырямъ, въ вѣдомствѣ старшинства виленского находящимся, причиненныхъ, обстоятельно представлялъ; по которому его, Яворского, представленію россійскій посланникъ господинъ Гросъ подалъ его польско-королевскому величеству промеморію. Которой премоморіи вслѣдствіе, по повелѣнію самого короля, господа сенаторы и министры, его королевскому величеству присутствующіе, сочинили рѣшительные пункта о обыдахъ, грекороссійскому нашему въ Польще благочестію отъ римского и уніятского духовенства приключившихся, и объ усильственномъ завладѣніи благочестивыхъ монастырей, къ вѣдомству виленского старшинства принадлежащихъ; и на этихъ рѣшительныхъ пунктахъ какъ коронные, такъ и литовскіе канцлеры и вице-канцлеры, собственноручно подписався, россійскому посланнику господину Гросу отдали, а господинъ Гросъ тѣжъ самые пункта экстрактомъ, за рукою своею и печатью, ему, Яворскому, въ пользу виленского монастыря сообщилъ. Сверхъ того, онъ же, господинъ Гросъ, написалъ еще два инстанціяльние письма къ литовскому канцлеру и вицеканцлеру для предбудущихъ въ 1755 году ассесоріяльныхъ судовъ, дабы въ тѣхъ предъбудущихъ судахъ могло послѣдовать по дѣлу отнятыхъ отъ виленского старшинства благочестивыхъ монастырей всеконечное и совершенное удовольствіе.

не имѣетъ, съѣхала на всегдашнее пребываніе; въ которой вотчинѣ, несходно прикащицею будучи, не только хозяйства не смотрѣла, но и готовые припасы всѣ расточила и съ сосѣдними соломерецкими уніатскими монахами въ подзорное и соблазнительное знакомство войшла. Почему я приказалъ ей, монахинѣ Анастасіи, съ вотчины Жабовщизны немедленно въ минскій свой дѣвичій монастырь ступать; пребывая же неисходно и честно въ монастырѣ, церковь только да келію вѣдать, а въ Жабовщизну никогда не ѣздить. Которого моего приказу въ исполненіе, принуждена была она, монахиня Анастасія, въ минскомъ своемъ дѣвичомъ монастырѣ по большой части пребывать. Что же касается къ честному и безподозрительному ея обхожденію, то самъ пречестный отецъ игуменъ минскій Ѳеофанъ Яворскій, оставя въ мужескомъ своемъ монастырѣ игуменскую келію, преселился къ ней, монахинѣ Анастасіи, въ дѣвичій монастыръ. О которомъ новообручническомъ Ѳеофана Яворского съ монахинею Анастасіею Соболевскою купножительствѣ когда начали въ городѣ Минскѣ между римлянами и уніатами скверные слухи происходить, а ко мнѣ въ Вильню не только отъ благочестивого Минского братства, но и отъ самыхъ же римлянъ горкопечальные письма проходить, то я Минскому братству соблазнительного и обоимъ тѣмъ минскимъ, мужескому и дѣвичему, монастырямъ зѣло опасного дѣвицы Анастасіи съ старцемъ Ѳеофаномъ купножительства къ пресѣченію хотя многократно въ Минскъ къ Ѳеофану Яворскому и къ Анастасіи Соболевской, съ прещеніемъ, увѣщаніемъ и угрожаніемъ писалъ, дабы или онъ, Яворскій, оставя дѣвичій монастырь, самъ въ мужскій уступилъ, или она, Соболевская, оставя Яворского, сама въ Вильню приѣзжала; но они обое, не взирая ни малѣйше на такіе мои многократные представленія, пребыли въ союзѣ своемъ неразлучно. 1757 года априля въ среднихъ числѣхъ, по вступленіи всероссійской нашей арміи въ Польщу, когда россійскіе наши офицеры, съ города Минска въ Вильню къ генералу Даревскому по командѣ пріѣзжающіе, начали мнѣ о томъ же всенародно-соблазнительномъ Ѳеофана Яворского съ монахинею Анастасіею безчинствѣ согласно доносить, да при томъ и на мене самого нарѣкать, что я такимъ скверным дѣламъ въ поношеніе грекороссійского нашего между иновѣрными благочестія явновидно дѣятся допущаю, то я, судивъ за благо лучше тую діяволомъ сочетанную двойцу и усильственно разлучить, нежели православно-восто-

скипетръ отсѣкаетъ. И потому не дивно, что покойный король польскій Августъ II, хотя высокославныя памяти всероссійскому нашему государю императору Петру I, яко другу, брату, благодѣтелю и отнятого польского престола databased дародателю, былъ столь одолженъ, что чего бы для родного своего отца не здѣлалъ, для Петра бы Первого несуменно здѣлалъ; и хотя онъ же, покойный Августъ II, какъ премудрый государь, суевѣрными римскаго папы и всего его духовенства законами плѣняемъ не былъ, а однако по грамотѣ блаженныя памяти государя императора Петра I касательно всѣхъ нашихъ грекороссійскихъ исповѣдниковъ, въ Коронѣ и въ Литвѣ озлобляемыхъ, съ Москвы, отъ 7 дня мая 722 года, къ его королевскому величеству и ко всѣмъ Польскаго государства чинамъ отправленной, удовольствія здѣлать не моглъ, ибо его польско-королевское величество, получа таковую Петра I грамоту, какъ только началъ премудрыми своими совѣтами духовного и мирскаго чина сенаторей къ исполненію требуемаго всероссійскимъ нашимъ государемъ императоромъ Петромъ I удовольствія всемѣрно склонять, то Станиславъ Мембекъ, архіепископъ гнѣзненскій, а всего Польскаго государства примасъ, который въ великоважныхъ государственныхъ дѣлахъ обыкновенно именемъ всего сената и всей Польской республики государю своему, польскому королю, представленія дѣлаетъ, пришедъ къ покойному королю Августу II, съ такимъ дерзновеніемъ, представленіемъ, а паче угроженіемъ отозвался: ежели (де) Ваше Величество отъ намѣренія своего, которое нынѣ грекороссійской отступнической, въ Польскомъ нашемъ государствѣ находящейся, церквѣ въ пользу, а нашей римской благочестивой во вредъ предпріемлете, не попрестанете, то изволите вѣдать, что римскій папа, которому отъ Бога и отъ Сына Божія дадеся всяка власть на небеси и на земли и который во всей вселенной есть царь царей и государь государей, какъ силенъ былъ прежде намъ, духовнымъ и мірскимъ Польскаго государства сенаторамъ, указать, чтобъ мы, ради спасенія погибающихъ лютеранскимъ зловѣріемъ въ спасеніи душъ, Ваше Величество съ саксонского курфиства на польскомъ престолѣ посадили; такъ силенъ есть и нынѣ тотъ же римскій папа духовному и мірскому Польскаго государства сенату повелѣть, чтобъ мы Ваше Величество польскаго престола лишили. По которомъ его, польскаго примаса, угрозительномъ представленіи, находился покойный король Августъ II въ обстоятельствахъ съ обо-

ихъ сторонъ тѣсныхъ и зѣло трудныхъ до самой блаженной кончины государя императора Петра I, которая въ 1725 году воспослѣдовала. И на семъ то основаніи, польскіе господа министры въ отвѣтѣ на взнесенную россійскимъ нашимъ посланникомъ господиномъ Гросомъ самому его польско-королевскому величеству промеморію, того жъ 1754 года октября 6 дня ему, господину Гросу, за руками какъ коронныхъ, такъ и литовскихъ канцлеровъ и вице-канцлеровъ, поданномъ, что̀ въ пользу грекороссійскаго нашего въ Польще благочестія и обѣщали,—во всемъ солгали, и до тѣхъ поръ о польскомъ ономъ благочестіи по подаваемымъ отъ россійского нашего въ Варшавѣ министерства его королевскому величеству промеморіямъ, а по чинимымъ ко всему польскому министерству словеснымъ и письменнымъ ходатайствамъ, будутъ оны, польскіе господа министры, плутать и лгать, покамѣсть православно-восточнаго нашего исповѣданія въ Польской своей области совсѣмъ не истребять. И потому нѣтъ ничего чудняе, какъ, по мнѣнію россійского нашего министра графа Кейзерлинга, въ указѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, декабря 13 дня 1750 года состоявшемся, изображенному, ему, графу Кейзерлингу, или другому какому россійскому нашему при польско-королевскомъ дворѣ обретающемуся министру ходатайствомъ своимъ въ подкрѣпленіи челобитныхъ, отъ православно-восточнаго въ Польще народа къ нему, россійскому министру, пересылаемыхъ, у польского министерства и у самого короля то дѣйствовать, чего самъ государь Петръ I, всей Европѣ гроза, польскимъ министрамъ страхъ, а королю ихъ Августу Второму другъ, братъ, отецъ, благодѣтель и отнятого польского престола дародатель, многими своими высокомонаршими грамотами, ко его величеству Августу Второму и ко всей республикѣ Польской чувствительно отправляемыми, за упорствомъ римского и уніятского духовенства воздѣйство произвесть не моглъ, какъ о томъ самъ же неложный свидѣтель, блаженной памяти государь императоръ въ вышъпоказанной своей высокомонаршей грямотѣ ко его величеству Августу II и ко всѣмъ чинамъ Польского государства отправленной, свидѣтельствуетъ: «и хотя де мы о семъ Вашему Королевскому Величеству какъ чрезъ грамоты наши, такъ и чрезъ министровъ нашихъ, представленія чинили, прося Ваше Королевское Величество дружебно, дабы, по договорамъ вѣчнаго мира, духовнымъ и мірскимъ греческаго исповѣданія людямъ,

въ Коронѣ и въ Литвѣ гоненіе и обѣды чинить запрещено было; но однакожъ католики и уніяты не только отъ тѣхъ своевольствъ никогда не престали, но и вящше оное гоненіе и обѣды греческого исповѣданія людямъ сугубили и продолжали».

Это есть основательныхъ Польского государства законовъ свойство и учрежденіе; это судебныхъ поляческихъ мѣстъ правосудіе и дѣйство; это великодержавного государя польского короля власть и сила; это всего польского министерства къ намъ въ Польще греко-россійскаго исповѣданія людямъ нелѣстная и безпристрастная благосклонность; это благочестивыхъ нашихъ самыхъ мудрѣйшихъ и искустнѣйшихъ стряпчихъ, остатнюю бѣдную милостинную деньгу на приказный поляческій порядокъ теряющихъ, успѣхъ и надежда; это намъ россійского въ Варшавѣ посольства, по подаваемымъ за нами самому королю промеморіямъ и по чинимымъ всему польскому министерству представленіямъ, подкрѣпленіе и защита; это всѣмъ нашимъ въ Польще жалобамъ по отнятію благочестивыхъ монастырей, церквей и ихъ принадлежностей рѣшеніе и конецъ.

Зачѣмъ же было донощику моему, бывому минскому игумену Ѳеофану Яворскому, въ доношеніи своемъ къ россійскому нашему въ Варшавѣ министру господину Гросу, съ Пинска, отъ 8 іюня 1757 года, посланномъ, этакую негодную ябеду соплѣтать и явновидную ложь на мене представлять, что будучи онъ, Яворскій, въ минскомъ монастырѣ игуменомъ принялся было за дѣла, благочестивому оному минскому монастырю многополезные, яко всѣхъ принадлежностей онаго монастыря касающіяся, и по тѣмъ дѣламъ въ судъ было вступилъ какъ съ мірскими господами, такъ и съ духовенствомъ римского и уніятского закона, и только было за прилежнымъ его, Яворского, старательствомъ время приспѣло, чтобъ всѣ тѣ дѣла въ пользу минскаго монастыря къ совершенному рѣшенію и окончанію привесть; но чрезъ причиненное мною, Ѳеофаномъ Леонтовичемъ, виленскимъ старшимъ, оному минскому монастырю насиліе, а ему, Яворскому, самому безчестіе и крайнюю обиду, всѣ вышпоказанные монастырскіе многополезные дѣла, а его, Яворского, по тѣмъ дѣламъ долговременные и тяжелые труда, безъ бытности его, Яворскаго, вовся уничтожатся, съ чего имѣетъ послѣдовать благочестивому оному минскому монастырю крайне бѣдственное разореніе. Да зачѣмъ же было и россійскому нашему въ Варшавѣ министру господину Гросу, не во-

стребовавъ отъ мене прежде отвѣта, на такой его, Яворского, негодной ябедѣ и явновидной лжѣ, какъ на Евангеліи Христовомъ, утвердясь, представленіями своими государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію и Святѣйшій Правительствующій Синодъ смущать, а чрезъ то не только мене, невинного человѣка, изобѣжать, но и благочестивый виленскій монастырь и все наше тамошнее православіе разорять?

Другій пунктъ жалобы, отъ него жъ, Ѳеофана Яворского, на мене внесенной, состоитъ въ томъ, что я, виленскій старшій Ѳеофанъ Леонтовичъ, причитаю себѣ верховную власть и надъ благочестивымъ минскимъ монастыремъ, въ противность грамотамъ и привилегіамъ королей польскихъ. Этотъ другій жалобы пунктъ хотя есть такъ нестерпимо и безстудно ложный, что однако, понеже команда повелѣваетъ, а я при постригѣ въ монашество на послушаніе командѣ обѣщался, того ради, плѣняя разумъ мой, не только ученіемъ просвященный, но и самый природный, въ послушаніе команды, отвѣтствую: въ двоихъ привилегіахъ всему благочестивому Виленскому братству отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, въ первой, отъ Владислава IV 1633 года марта 18 дня, въ другой отъ Яна-Казиміра 1649 года февраля 16 дня, всемилостивѣйше пожалованныхъ, на листу пятомъ, подъ замѣткою 213, въ старопольскомъ нарѣчіи точно гласитъ: «который то отъ нихъ (виленского монастыря братіи и всего благочестивого братства) згодне обранный архимандрита, маетъ радити и справовати и въ послушенствѣ своемъ мѣти не только той брацкій виленскій монастырь, але и вси монастыри, подъ владзою монастыря виленского знайдуючіися теперъ, яко монастырь минскій святыхъ апостолъ Петра и Павла; съ коихъ двѣ привилегіи первую подъ литерою А, другую подъ литерою Б, Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи прилагаю. Этихъ двоихъ привилегій вслѣдствіе, обрѣтаются и нынѣ при благочестивомъ виленскомъ монастырѣ всѣхъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ съ 1649 года отъ Яна-Казиміра по 1736 годъ отъ Августа III потвердительныя грамоты и привилегіи, коимъ бы я въ противность верховную себѣ власть надъ минскимъ монастыремъ причиталъ, пусть донощикъ мой, Ѳеофанъ Яворскій, самъ покажетъ. Да и Святѣйшему жъ Синоду и Кіевской катедрѣ отъ давныхъ временъ вѣстимо, что минскій Свято-Петро-Павловскій монастырь находится въ вѣдомствѣ

виленского старшинства. Почему какъ указами Святѣйшого Синода, такъ и грамотами преосвященныхъ митрополитовъ кіевскихъ былъ всегда тотъ минскій монастырь поручаемъ антецессорамъ моимъ, такожде и мнѣ, чего во увѣреніе прилагаю Духовной Консисторіи подъ литерою В подлинную грамоту мнѣ, Ѳеофану Леонтовичу, августа 26 дня 755 года отъ преосвященного Тимоѳея, митрополита въ то время кіевского, а нынѣ московского, на виленское старшинство жалованную; въ которой грамотѣ, между протчаго, прописано: «того ради мы, пастырь, въ силѣ онаго Ея Императорскаго Величества указа, ему, Ѳеофану Леонтовичу, въ вѣдомство и смотрѣніе его всѣ къ тому виленскому монастырю принадлежащіе монастыри, какъ оные издревле состояли подъ вѣдѣніемъ старшихъ виленскихъ, а именно, минскій въ воеводствѣ Минскомъ, поручили».

И какъ же мнѣ не горько и не обидно за то страдать подъ отвѣтомъ и подъ слѣдствіемъ, что я себе причитаю власть надъ тѣмъ монастыремъ, который мнѣ указомъ Святѣйшого Синода и грамотою епархіального моего архіерея порученъ? Не это ли было у покойнаго преосвященного санкпетербурского Сильвестра настоящее кальвинскаго Бога правосудіе, который бѣдного человѣка за то вѣчнымъ огнемъ мучитъ, что онъ Его божественную волю и приказъ исполнилъ.

Съ этой одной явновидной, безсовѣстной и безстудной Ѳеофана Яворского на мене ябеды и лжи, яко бы я неправильно себѣ верховную власть надъ минскимъ монастыремъ причиталъ, нельзя было и на другихъ его же, Ѳеофана Яворского, яко подозрительного и вѣры недостойного человѣка, представленіяхъ утверждатся, понеже, по нещастію моему, что я въ оправданіе мое ни представляю, кажется быть невѣроятно, а что враги мои на мене представляютъ, пріемлется за неоспоримую истину. Того ради Духовной Консисторіи всепокорнѣйше прошу всѣмъ моимъ, на этотъ вторый жалобѣ пунктъ оправдательнымъ отвѣтамъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ повѣрить, что врагъ мой, Ѳеофанъ Яворскій, самъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ мене за начальника и властелина своего признаетъ; которое его подлинное письмо Духовной Консисторіи подъ литерою Г прилагаю.

Третій пунктъ жалобы, отъ него жъ, Ѳеофана Яворского, на мене представленной, состоитъ въ томъ, что я, виленскій стар-

шій Ѳеофанъ Леонтовичъ, съ дѣвичого минского монастыря всѣхъ монахинь, и въ томъ числѣ монахиню Анастасію Соболевскую, въ Вильню насильно забралъ и вотчину ихъ, прозываемую Жабовщизна, въ противность сооружительскимъ крѣпостямъ и королевскимъ грамотамъ, у нихъ, монахинь, отнялъ. На мѣсто же и житло всѣхъ тѣхъ монахинь, въ Вильню насильно забранныхъ, въ дѣвичій ихъ минскій монастырь одного же нашого человѣка римлянина опредѣлилъ и тому римлянину какъ вышьпоказанную дѣвичьяго минскаго монастыря вотчину въ совершенное владѣніе поручилъ, такъ и въ той вотчинѣ находящагося прикащика іеромонаха подъ слушаніе и въ команду отдалъ. На который третій жалобы пунктъ, въ отвѣтъ представляю: по измѣртвіи остатней въ минскомъ благочестивомъ дѣвичомъ монастырѣ игуменіи Елены, прозваніемъ Ментицкой, шляхтичь литовскій прозываемый Арамовичъ, учинивъ нѣкоторыя къ оному дѣвичому монастырю отъ себе претенсіи, у минскихъ монахинь крѣпостную ихъ вотчину Жабовщизну отнялъ и этою вотчиною, какъ своею собственною, владѣлъ по 1748 годъ. Въ 1748 году, покойный антецессоръ мой Мельхиседекъ Богдановичь, взявъ съ казны виленского монастыря 4000 золотыхъ польскихъ, то есть 500 талярей битыхъ, и показаннаго шляхтича Арамовича, по бывшимъ отъ него претенсіямъ, удовольствовавъ, вотчину дѣвичого минского монастыря Жабовщизну по прежнему (sic)......

А понеже въ минскомъ ономъ дѣвичомъ монастырѣ монахинь уже не остало, то онъ, виленскій старшій Богдановичъ, дозволивъ съ виленского дѣвичого монастыря самоубогшимъ монахинямъ въ опустѣлый тотъ минскій дѣвичій монастырь преселится, упоминаемую вотчину Жабовщизну имъ, новопреселеннымъ монахинямъ, въ крѣпостное владѣніе поручилъ; наблюдая же онъ, мой покойный антецессоръ и виленского своего убогого монастыря снабдѣніе и пользу здѣлалъ письменное за рукою своею тогожъ 1748 года опредѣленіе въ такой силѣ: вотчиною дѣвичого минского монастыря Жабовщизною прикащику управлять; монахинямъ съ минского монастыря, въ вотчину свою Жабовщизну очередно пріѣзжая, добропорядочного хозяйства и прикащика самого надсматривать; съ вотчины оной Жабовщизны на содержаніе ихъ минского монастыря монахинь подлежащій урокъ давать, а въ виленскій Свято-Духовъ монастырь до уплатки вышьпоказанныхъ чотырохъ тысячей золотыхъ польскихъ, въ мѣсто проценту, пашнею, сѣномъ и другими харчевыми припасами брать, чего всего во увѣреніе прилагаю Духовной Митро-

поліи Кіевскія Консисторіи подлинную покойного Богдановича записку подъ литерою Д, на листахъ первомъ и четвертомъ, подъ замѣтками 213, находящуюся. По которому его, покойного Богдановича, опредѣленію и по сей подлинной записки, какъ антецессоръ мой Сильвестръ Добрына, такъ и я самъ, во всемъ поступалъ, а крѣпостой вотчины Жабовщизны отъ минского дѣвичого монастыря не отнималъ и монахинямъ минскимъ подлежащаго на содержаніе ихъ уроку съ вотчины ихъ Жабовщизны, покойнымъ Богдановичемъ опредѣленного, не возбранялъ, какъ Ѳеофанъ Яворскій безовѣстно и безстудно представляетъ, въ чемъ и нынѣ не только отъ тѣхъ же минского дѣвичого монастыря монахинь, но и отъ постороннихъ города Минска обывателей изобличится можетъ.

Воспоминаемый минскій дѣвичій монастырь смѣженъ есть съ минскимъ благочестивымъ же мужескимъ монастыремъ и отдѣляется отъ оного единою только тѣсною улочкою, и за тѣмъ, особенной своей церкви не имѣя, сообщается въ одну благочестивую Свято-Петропавловскую церковь, въ мужескомъ монастырѣ состоящую.

Въ произдѣ моемъ 755 года на виленское старшинство чрезъ городъ Минскъ, засталъ я въ показуемомъ минскомъ дѣвичомъ монастырѣ три монахини; а именно: первую, монастыря того правленіе содержащую, Варвару Бунцевичовну, другую Екатерину Лункіевичовну, а третію Анастасію Соболевскую. Двѣ монахини, Варвара и Екатерина, тогда жъ мене всеприлежнѣйше просили, чтобъ я имъ дозволилъ на прежнее свое пребываніе въ дѣвичій монастырь переселится; но я въ такомъ ихъ прошеніи отказалъ имъ до разсмотрѣнія. Когда же и за прибытіемъ моимъ въ Вильню, тѣ же двѣ монахини многократными письмами означенное свое прошеніе повторяли и усугубляли, то я принужденъ былъ 1756 года въ Минскъ написать, чтобъ помянутыя двѣ монахинѣ въ Вильню ѣхали, а третія бы, Анастасія Соболевская, въ минскомъ своемъ дѣвичомъ монастырѣ, до присылкѣ другихъ съ Вильнѣ монахинь пребывая, въ отчину свою Жабовщизну, для лучшаго въ хозяйствѣ порядку и успѣху, временемъ съѣзжала; но она, монахиня Анастасія, оставя въ Минскѣ дѣвичей свой монастырь и церковь, въ вотчину Жабовщизну, которая отъ города Минска разстояніемъ въ пяти миляхъ состоитъ и церкви благочестивой ни внутрь себе, ни по окрестнымъ странамъ

не имѣетъ, съѣхала на всегдашнее пребываніе; въ которой вотчинѣ, несходно прикащицею будучи, не только хозяйства не смотрѣла, но и готовые припасы всѣ расточила и съ сосѣдними соломерецкими уніатскими монахами въ подзорное и соблазнительное знакомство войшла. Почему я приказалъ ей, монахинѣ Анастасіи, съ вотчины Жабовщизны немедленно въ минскій свой дѣвичій монастырь ступать; пребывая же неисходно и честно въ монастырѣ, церковь только да келію вѣдать, а въ Жабовщизну никогда не ѣздить. Которого моего приказу въ исполненіе, принуждена была она, монахиня Анастасія, въ минскомъ своемъ дѣвичомъ монастырѣ по большой части пребывать. Что же касается къ честному и безподозрительному ея обхожденію, то самъ пречестный отецъ игуменъ минскій Ѳеофанъ Яворскій, оставя въ мужескомъ своемъ монастырѣ игуменскую келію, преселился къ ней, монахинѣ Анастасіи, въ дѣвичій монастырь. О которомъ новообручническомъ Ѳеофана Яворского съ монахинею Анастасіею Соболевскою купножительствѣ когда начали въ городѣ Минскѣ между римлянами и уніятами скверные слухи происходить, а ко мнѣ въ Вильню не только отъ благочестивого Минского братства, но и отъ самыхъ же римлянъ горкопечальные письма проходить, то я Минскому братству соблазнительного и обоимъ тѣмъ минскимъ, мужескому и дѣвичему, монастырямъ зѣло опасного дѣвицы Анастасіи съ старцемъ Ѳеофаномъ купножительства къ пресѣченію хотя многократно въ Минскъ къ Ѳеофану Яворскому и къ Анастасіи Соболевской, съ прещеніемъ, увѣщаніемъ и угрожаніемъ писалъ, дабы или онъ, Яворскій, оставя дѣвичій монастырь, самъ въ мужскій уступилъ, или она, Соболевская, оставя Яворского, сама въ Вильню пріѣзжала; но они обое, не взирая ни малѣйше на такіе мои многократные представленія, пребыли въ союзѣ своемъ неразлучно. 1757 года априля въ среднихъ числѣхъ, по вступленіи всероссійской нашей арміи въ Польщу, когда россійскіе наши офицеры, съ города Минска въ Вильню къ генералу Даревскому по командѣ пріѣзжающіе, начали мнѣ о томъ же всенародно-соблазнительномъ Ѳеофана Яворского съ монахинею Анастасіею безчинствѣ согласно доносить, да при томъ и на мене самого нарѣкать, что я такимъ сквернымъ дѣламъ въ поношеніе грекороссійского нашего между иновѣрными благочестія явновидно дѣятся допущаю, то я, судивъ за благо лучше тую діяволомъ сочетанную двойцу и усильственно разлучить, нежели православно-восто-

чный нашъ законъ въ дальшее поруганіе, а благочестивые два минскіе монастыри въ римское завладѣніе допустить, послалъ съ Вильни въ Минскъ намѣстника іеромонаха Самуила Окинчица, который монахиню Анастасію убѣдилъ немедленно въ Вильню ѣхать, а Яворского, яко застарѣлого злодѣя, схватить не моглъ.

Этую гисторію Ѳеофана Яворского съ монахинею Анастасіею Соболевскою вѣдая, легко можно догадаться, коихъ ради причинъ онъ, Яворскій, въ доношеніи своемъ ставя монахинь, съ Минска въ Вильню якобы насильно забраныхъ, имена и прозванія, единую только самопослѣднѣйшую, Анастасію Соболевскую, по имени и по прозванію упоминаетъ; то есть первая причина: кто кого покоротше знаетъ, тотъ того и по имени глашаетъ; а другая причина: опасался Ѳеофанъ Яворскій, когда по доношенію его указомъ Святѣйшаго Синода повелѣно мнѣ, старшему виленскому, будетъ всѣхъ монахинь, съ минского монастыря въ Вильню забранныхъ, обратно съ Вильни въ Минскъ отправить, дабы одна монахиня Анастасія Соболевская, въ томъ указѣ не была пропущена и мною въ Вильнѣ за подзоръ съ нимъ, Яворскимъ, удержана: ибо въ той одной монахинѣ болѣе было ему, Яворскому, нужды, нежели въ протчихъ всѣхъ. Во увѣреніе и прежде честныхъ и добропорядочныхъ монахини Анастасіи Соболевской поступокъ, прилагаю Духовной Консисторіи письменное антецесора моего Сильвестра Добрини и виленского намѣстника Варлаама Владички подлинное доказательство подъ литерою Е. Которого доказательства, на первомъ листу, подъ замѣткою 273, на старшенскій запросъ отца Добрыни, за прибытіемъ его съ Санкпетербурга 1742 года, всѣ ль принадлежащихъ къ виленскому старшенству монастырей начальники на прежнихъ своихъ мѣстахъ находятся или кои по преступленіямъ своимъ перемѣнены, и по какимъ именно,—того жъ письменно подлинного доказательства, второго листа на оборотѣ, подъ замѣткою 213, намѣстникъ Владычка съ братіею отвѣтствуетъ: монахиню де Анастасію (Соболевскую) перемѣнено съ вотчины Жабовщизны по тому, что она надъ вотчиною Жабовщизною самовластіе себѣ причитала; ордеровъ отъ мене, намѣстника, старшенскимъ именемъ Вашего Преподобія къ ней посылаемыхъ, не слушалась: дерево возить съ лѣсу вотчины Жабовщизны на заборъ опустѣлого минского дѣвичего монастыря не допустивъ, смѣжному шляхтичу Волотковичу мельницу построить на монастырскомъ берегу, безъ

вѣдома виленского старшенства, дозволила; пахатную землю и сѣножаты смѣжнымъ владѣльцамъ, мимо вѣдома нашего, позаводила; всѣ хлѣбные припасы и запасы съ вотчины расточила; многимъ постороннимъ людямъ задолжалася; съ вотчиною Жабовщизною отъ старшинства виленского отбится и подъ власть архимандріи слуцкой отдатся искала и во всю свою бытность въ Жабовщизнѣ блядовала. А въ доказательство и прежде честныхъ поступокъ Ѳеофана Яворского и безподзорного съ нею жъ, монахинею Анастасіею, знакомства ссылаюсь на живого и нынѣ въ Кіевѣ находящагося свидѣтеля, антецессора моего Свято-Петро-Павловского глуховского архимандрита Сильвестра Добрыну, предъ которымъ, въ бытность его виленскимъ старшимъ, она, монахиня Анастасія Соболевская, въ глаза ему, Ѳеофану Яворскому, выговаривала, что онъ, минскій игуменъ Ѳеофанъ, къ ней было, монахинѣ Анастасіи, въ вотчину Жабовщизну пріѣзжаетъ, съ нею гуляя предъ музыкантами танцуетъ и въ Жабовщизнѣ неоднократно ночуетъ, по избѣжаніи Ѳеофана Яворского съ минского мужеского монастыря въ Пинскъ, а по взятіи мною монахини Анастасіи съ минского жъ дѣвичого монастыря въ Вильню, прислалъ я немедленно въ Минскъ на мѣсто Яворского игуменомъ виленского монастыря проповѣдника Николая Данилевского. А понеже Порфирій Жураховскій, которого я, по высылки монахини Анастасіи съ Жабовщизны въ минскій дѣвичій монастырь, съ виленского монастыря въ Жабовщизну отправилъ, такъ ради преподаянія церковныхъ требъ благочестивымъ нашимъ въ Жабовщизнѣ подданнымъ, по отнятіи на унію близъ состоящаго соломерецкого парохіального ихъ монастыря, какъ и ради исправленія прикащицкой должности въ вотчинѣ оной Жабовщизнѣ,—онъ, іеромонахъ Порфирій, не единожды мнѣ представлялъ, что ему, яко къ хозяйскимъ дѣламъ незаобыклому и въ правахъ Польскаго государства неискусному, ни вотчинного хозяйства въ добромъ порядки содержать, ни земли и подданныхъ отъ непрестанной окрестной претенсіи боронить всячески нельзя, то я человѣка, въ хозяйствѣ и въ правахъ искусного, шляхтича осѣдлого и литовского трибуналу стряпчего Людвика Заіончковского, пріискавъ и ему квартеру, во время трибунальныхъ минскихъ судовъ необходимо нужную, въ опустѣломъ минскомъ дѣвичомъ монастырѣ съ его, Людвика, законною, а не (какъ Яворскій поступалъ) беззаконною женою безденежно уступивъ, приказалъ означенному іеромонаху Порфирію,

въ вотчинѣ Жабовщизнѣ прикащицкую должность исправляющему, отъ помянутого шляхтича Людвика Заіончковского всегда въ хозяйскомъ приказномъ порядкѣ, а не въ римской вѣрѣ и монашествѣ, наставленія требовать: вотчины же Жабовщизны оному шляхтичу Людвику въ совершенное владѣніе (какъ Яворскій душевредничитъ) никогда я не поручалъ, о чемъ самъ сукцессоръ мой Авраамъ Флоринскій, нынѣ въ Кіевѣ находящійся, пусть засвидѣтельствуетъ, ибо, за прибытіемъ его, Флоринского, съ Кіева въ Жабовщизну, онъ, шляхтичъ Людвикъ Заіончковскій, ни вочто не мѣшался.

Четвертый пунктъ жалобы, имъ же, Өеофаномъ Яворскимъ, на мене приносимой, состоитъ въ томъ, что я, старшій виленскій, прислалъ съ Вильни монаховъ, чтобъ его, Яворского, съ минского монастыря тайнымъ образомъ подхватить. Каковый навѣтъ и безчестіе онъ, Яворскій, предотвращая припужденъ былъ, оставя минскій монастыръ, всего своего монашескаго имѣнія лишится и чрезъ то въ крайнее разореніе прійти.

Котораго четвертого пункта на содержаніе отвѣтствую: причины, по коимъ я минского игумена Өеофана Яворскаго въ Вильню схватить хотѣлъ, а когда онъ, Яворскій, съ минскаго монастыря тайно бѣжалъ, я все его монашеское имущество въ Вильню забрать приказалъ, суть слѣдующія:

Первая причина: По опредѣленіи въ 1755 году Өеофана Яворского въ благочестивый минскій монастыръ во игумена, начали тамошніе римскіе попы и церковные причетники на благочестивый нашъ въ городѣ Минскѣ народъ жесточае, нежели прежде, свирѣпѣть: вѣдая они, римскіе попы, то, что новоопредѣленный сизматицкій минскій игуменъ Өеофанъ Яворскій, яко человѣкъ въ приказныхъ Польского государства дѣлахъ предъ всѣми сизматицкихъ въ Польще монастырей начальниками искуснѣйшій, начнетъ минское свое благочестіе отъ всѣхъ причиняемыхъ обидъ приказнымъ порядкомъ защищать. Въ какомъ своемъ мнѣніи они, римскіе попы, и не ошиблись, ибо онъ, Яворскій, ни малѣйшей, не только существительной, но и мнимой обиды не пропустилъ, о которой бы немедленно въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ не представлялъ, думая, что такими своими приказными представленіями и домогательствами, всѣ обиды минскому своему благочестію не только прежде причиненныя наградитъ, причиняемыя пресѣчетъ, но и причинятся имѣющія предот-

вратитъ; но сіе только удивленія достойно, что сколь болѣе тотъ нашъ приказный человѣкъ Ѳеофанъ Яворскій минское свое благочестіе приказнымь Польского государства порядкомъ защищалъ, столь вящшіе озлобленія и разоренія бѣдному оному благочестію, не только одного года и одного мѣсяца, но и тогожде самого дня, въ который онъ, Яворскій, жалобу свою на римскихъ поповъ въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ приносилъ, тѣми жъ римскими попами причинятся не преставали. Чего въ несумнѣнное доказательство прилагаю Духовной Консисторіи, подъ литерою Ж, саморучные его, Яворского, жалобъ представленія; подъ литерою З—подлинное его жъ, Яворского, къ антецессору моему Сильвестру Добринѣ письмо; а другое въ такой же силѣ и отъ него жъ, Яворского, ко мнѣ, іеромонаху Ѳеофану, съ Минску въ Вильню присланное; письмо приложилъ я уже Духовной Консисторіи между приложеніями къ тому жъ доношенію подъ литерою Г; коихъ всѣхъ троихъ приложеній въ 10 пунктахъ представляются мною различныя ужасныя обиды, грекороссійскому нашему въ городѣ Минскѣ благочестію отъ римскихъ и уніатскихъ поповъ причиненныя. Я, благочестивого виленского монастыря старшій, а протчихъ, въ томъ числѣ и минского, виленскому старшинству подсутственныхъ, монастырей главный начальникъ, вѣдая всѣ злоковарные римского и уніатского духовенства на благочестивое наше въ Польще исповѣданіе замахи, а по тѣмь ихъ поповскимъ замахамъ судебныхъ Польского государства мѣстъ въ обидахъ, благочестію нашему причиняемыхъ, неправосудіе и безконечную волокиту, написалъ къ минскому игумену Ѳеофану Яворскому, дабы онъ, оставя разоряемое минское благочестіе приказнымъ своимъ порядкомъ защищать, или пуще еще разорять, дожидался терпеливо, безъ проторовъ и убытковъ, покамѣстъ я въ пользу грекороссійского нашего не только при минскомъ, но и при протчихъ, въ вѣдомствѣ виленского старшинства состоящихъ, монастыряхъ православно-восточного народа съ самимъ виленскимъ епископомъ другимъ приказнымъ порядкомъ не управлюсь, чего въ исполненіе когда началъ я виленскому епископу обо всѣхъ многоразличныхъ и ужасныхъ обидахъ, благочестивому нашему минскому народу отъ римского и уніятского духовенства приключившихся, на основаніи вѣрнаго изслѣдованія и доказательства, представлять, а онъ, епископъ, мнѣ въ отвѣтъ на то обыкновенніе свои вербовые колеса указывать, то я предъ нимъ, епископомъ, по многихъ разго-

ворахъ и спорахъ, наконецъ, съ тѣмъ отозвался, что я ни всенародно-согласныхъ сеймовъ, ни новыхъ въ пользу нашу конституцій дожидатся не стану, но принужденъ буду немедленно самъ прямо въ Санктъпетербургѣ въ государственную Иностранныхъ дѣль Коллегію представить, ежели мнѣ онъ, виленскій епископъ, въ домогательствѣ моемъ за всѣ вышъозначенныя въ городѣ Минскѣ воспослѣдовавшія обиды такого удовольствія не здѣлаетъ, 1, дабы церковныя минского монастыря вещи, римскими города Минска попами разбойнически отнятыя, были вь цѣлости возвращены; 2, сами наглоусильственные римскіе попы и причетники, яко нарушители мирныхъ трактатовъ и привилегій, были надлежаще, во образецъ и протчіимъ, наказаны; 3, запретительные ордеры отъ него, виленского епископа, къ предотвращенію всякихъ благочестію нашему приключитися имѣющихъ обидъ не только города Минска, но и протчихъ мѣстъ, къ римскимъ и уніятскимъ попамъ, гдѣ благочестивые наши монастыри обрѣтаются, были въ сильныхъ терминахъ посланы, а 4, мнѣ бы съ тѣхъ епископскихъ ордеровъ точныя копіи за его жъ, виленского епископа, рукою и печатью были сообщены.

Этотъ мой приказной порядокъ, которымъ я грекороссійское свое въ городѣ Минскѣ разоряемое благочестіе предъ виленскимъ епископомъ защищалъ, привелъ его, епископа, въ такое недоумѣніе, что онъ, погубивъ всѣ свои политическіе коварства и министерскія хитрости, коими было прежде антецессоровъ моихъ водитъ и проводитъ, принужденъ былъ въ Варшаву россійского нашего посольства къ секретарю, а римской своей церкви къ присному исчадію, господину Ржичевскому написать и въ такихъ ему, епископу, съ обѣихъ сторонъ зѣло трудныхъ обстоятельствахъ отъ него, Ржичевского, совѣта и помощи требовать; на что онъ, нашъ россійскій секретарь Янъ Ржичевскій, ему, виленскому епископу, въ отвѣтъ написалъ: я де нынешнего въ сизматицкомъ виленскомъ монастырѣ игумена Ѳеофана къ приказному Польского нашего государства порядку никакими мѣрами принудить не могу, ибо де, по случающимся греческому ихъ исповѣданію обидамъ, сколько я ему, игумену, судебные здѣшніе мѣста ни представляю, то онъ на всѣ мои таковые представленія и совѣты, съ посмѣяніемъ отвѣтствуя, самъ прямо въ Иностранную Коллегію адресуется. А какъ де прежде, въ разсужденіи разоренія сизматицкому виленскому монастырю, мая 28 дня 1756 года, отъ езуитскихъ студентовъ

приключившагося, по письму его, виленского сизматицкого игумена, въ Санкпетербургъ къ вицеканцлеру графу Михайлѣ Иларіоновичу съ Вильны, отъ 4 дня іюня 1756 года, отправленному, Ваше Преосвященство и Великаго Княжества Литовского гетманъ, яко города Вильни воевода, получили отъ его королевского величества грамоты въ сильныхъ терминахъ, такъ де и нынѣ не надобно ни малѣйше сумнится, чтобъ жалобы его, виленского игумена Ѳеофана, по минскому дѣлу въ Иностранной Коллегіи не были выслушаны; Вашему жъ де Преосвященству по домогательствомъ его, сизматицкого игумена Ѳеофана, запретительные ордеры въ защищеніе сизмы по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оная обрѣтается, отъ себе посылать, а паче еще съ тѣхъ ордеровъ точныя копіи за рукою и печатью Вашего жъ Преосвященства ему, сызматику, сообщать крайне не слѣдуетъ, ибо де сіе имѣетъ быть не только римской нашей католической церквѣ вредительно, но и мудрости, вѣрности, ревности и чести Вашего Преосвященства зѣло предосудительно. Я де, по любвѣ моей и должности, которыми къ римской церквѣ привязанъ, въ нынѣшнихъ Вашего Преосвященства обстоятельствахъ лутшаго совѣта не обрѣтаю, какъ, оставя виленского сизматицкаго старшого Ѳеофана, съ однимъ только минскимъ игуменомъ Ѳеофаномъ Яворскимъ воспоминаемое минское дѣло примиреніемъ уничтожить; а онъ де, Яворскій, по письму моему, съ римскимъ и уніятскимъ нашимъ города Минска духовенствомъ въ примиреніе прійти не откажется.

Такого писанія и совѣта отъ россійского нашего въ Варшавѣ секретаря господина Ржичевского по полученіи, отправилъ немедленно епископъ виленскій племянника своего Зеновича, епископа жъ аллелуйского, въ городъ Минскъ; отъ котораго епископа благочестивый нашъ отецъ игуменъ минскій Ѳеофанъ Яворскій, взявъ себѣ посулы 60 червонцовъ, со всѣми въ городѣ Минскѣ благочестія нашего врагами, безъ всякихъ договоровъ, мимо вѣдомо мое и дозволеніе, тотчасъ примирился, а я, виленскій старшій, съ вышъ означеннымъ моимъ предложеніемъ, въ защищеніе грекороссійского нашего не только въ городѣ Минскѣ, но и по протчимъ мѣстамъ, озлобляемого благочестія, намѣреваемымъ, въ посмѣяніи остался.

Другая причина, что онъ, минскій игуменъ Ѳеофанъ Яворскій, не только при антецессорѣ моемъ Добринѣ, но и во всю мою бытность главнымъ виленского монастыря начальникомъ, всегда и

вездѣ клеветалъ, яко бы наше, россіяновъ, въ польскихъ правахъ неискусство и грубіянское съ политичнымъ польскимъ народомъ обхожденіе было самою причиною обидъ и разореній, греко-россійскому нашему въ Польще благочестію приключающихся, и ежели бъ де намъ, польскимъ уроженцомъ, досталось здѣшнихъ благочестивыхъ монастырей главными начальниками быть, то бы де всѣ дѣла другимъ порядкомъ пошли. Которыми своими хотя негодными, однако красивыми, оклеветаніями онъ, Яворскій, въ подсутственныхъ виленскому старшинству монастыряхъ не только братію и начальниковъ, но и весь благочестивый народъ такъ сильно смущалъ и насъ, россіяновъ, огорчалъ, что въ 1754 году всѣхъ приписныхъ монастырей начальники и самого главного виленского монастыря братство съ общекупнаго согласія въ Варшаву россійского нашего посольства къ секретарю господину Ржичевскому писали и просили съ тѣмъ непремѣннымъ договоромъ, чтобъ, по увольненіи Сильвестра Добрины отъ виленского старшинства, никто иной старшимъ виленскимъ не былъ, кромѣ Өеофана Яворского или Спиридона Гриневицкого, либо Іакинөа Пелкинского.

Но я только сему немало удивляюсь, какъ тѣ наши премудрые сумазброды и разумные невѣгласы, Польского государства уроженцы, на то не оглянутся, что мы, россіяне, заграничныхъ благочестивыхъ монастырей начальники, когда которого съ нихъ же самыхъ, польскихъ уроженцовъ, въ трибуналъ или въ ассесорію по дѣламъ благочестивыхъ нашихъ монастырей отправляемъ, всегда озметъ съ монастыря денегъ купу да привезетъ только отътуду пукъ ремиссъ (отсрочныхъ декретовъ), какъ дурень ступу. Не вчера ушъ, не мы, россіяне, но они, польскіе бѣглецы, въ подлѣжащихъ судебныхъ мѣстахъ приказнымъ Польского государства порядкомъ, благочестіе свое защищаютъ; да много ль благочестивыхъ монастырей и церквей отобрали, много ль защиты и безопасности благочестію своему здѣлали,— пусть сами покажутъ. А что денегъ на проторы и убытки издержали, можно бы (за) цѣлое Великое Княжество Литовское заплатить.

Ежели господамъ протестантамъ, которые и понынѣ дворянъ, бароновъ, графовъ, генераловъ и мужей, не только въ правахъ польскихъ, но и въ другихъ высокихъ ученіяхъ предъ католиками гораздо искуснѣйшихъ, а паче всего, между самыми депутатами въ трибулалѣ, пріятелей и сродниковъ всегда довольное число имѣютъ, единого

ради съ котоликами въ вѣрѣ несогласія, нельзя было судебнымъ Польского государства порядкомъ, чрезъ сто семьдесятъ лѣтъ, правосудія и милости получить безъ протекціи прусского короля: то имъ, нашимъ вышпоказаннымъ троимъ самохваломъ, прошакамъ, глупакамъ, а паче всего Польской области мужикамъ, какъ возможно будетъ когда либо тѣмъ же судебнымъ Польского государства порядкомъ благочестіе свое защитить, Іону отъ чрева китова исторгнуть и сотъ меду отъ шершней оборонить? Лутче вѣдалъ права польскіе, хитрость поповскую и пристрастіе судейское покойный преосвященный бѣлорусскій Іеронимъ Волчанскій, который самъ былъ Польского государства уроженецъ, знатной дворянинъ, мужъ глубокаго разсужденія не только въ ученіяхъ схоластическихъ, но и въ правахъ польскихъ, по свидѣтельству самыхъ же супостатовъ, весьма искусенъ, но въ отвѣтѣ своемъ на рефлексіи коадьютора виленского Сапѣги къ секретарю россійского нашего въ Варшавѣ посольства Ржичевскому, 1754 года съ Могилева посланномъ, за крайнюю невозможность почитаетъ, чтобъ намъ грекороссійское наше блачочестіе, въ Польскомъ государствѣ озлобляемое и разоряемое, судебнымъ Польского государства порядкомъ защитить, а въ доказательство такого своего премудрого разсужденія онъ же, покойный епископъ бѣлорусскій, между протчими своими основательными и сильными резонами полагаетъ сей: враги де наши, которые насъ и благочестіе наше изобиждаютъ, сами же собою либо чрезъ своихъ друзей, пріятелей, сродниковъ, а въ обидѣ нашей по всему сообщниковъ, и въ судахъ здѣшнихъ засѣдаютъ, и насъ, челобитчиковъ своихъ, судятъ.

Трет я причина, что онъ же, минскій игуменъ Ѳеофанъ Яворскій, по неоднократнымъ моимъ, какъ вышеупомянуто, совѣтамъ, увѣщаніямъ, приказамъ и угрожаніямъ, съ минского дѣвичого монастыря отъ монахинѣ Анастасіи Соболевской разлучиться не хотѣлъ,— съ чего послѣдовало грекороссійскому нашему монашескому чину предъ уніятами и римлянами безчестіе, православному минскому народу явновидная соблазнь, всероссійскому нашему воинству отъ иновѣрныхъ грекороссійского нашего закона поношеніе, а двоимъ благочестивымъ минскимъ, мужескому и дѣвичому, монастырямъ крайняя опасность, ибо по случаямъ таковыхъ не только существительнихъ, но и мнимыхъ безчиній, многіе благочестивые монастыри нападеніемъ римского либо уніятского духовенства вѣчно пропали.

Четвертая причина, что, наконецъ, онъ же, Өеофанъ Яворскій, по многократнымъ моимъ угрозительнымъ письмамъ, къ нему, Яворскому, за всѣ вышьозначенные его, Яворского, продерзостные, непорядочные и безчинные поступки въ Минскъ отправленнымъ, не надѣясь уже далѣе на настоятельскомъ правленіи (остаться) благочестивого минского монастыря скарбця тайнымъ образомъ, чрезъ замокъ и печать Минского братства, вси крѣпости и привилегіи обоихъ благочестивыхъ, мужеского и дѣвичого, минскихъ монастырей, оныя нѣкоторому минскому мужику-уніяту въ сохраненіе отдалъ и минского Свято-Троецкого монастыря съ уніятами за цѣну тѣхъ крѣпостей и привилегій уговариватся началъ, о чемъ я, получа съ Минска отъ достовѣрныхъ людей извѣстіе, принужденъ былъ немедленно намѣстника виленского старшинства іеромонаха Самуила въ Минскъ отправить такъ для предупрежденія злодѣйства, Өеофаномъ Яворскимъ намѣреваемого, какъ и для сысканія самого Яворского въ Вильню къ отвѣту, а найпаче по тому, что онъ, Яворскій, показалъ уже по себѣ и въ 1754 году такую жъ точную примѣтку и всѣ бы былъ крѣпости отнятыхъ благочестивыхъ монастырей, въ вѣдомствѣ виленского старшинства состоявшихъ, онъ же, Яворскій, тѣмъ же самымъ уніятскимъ монахамъ, съ которыми по отнятію благочестивыхъ нашихъ а именно, купятицкого, новодворского монастырей, въ надворномъ королевскомъ судѣ правовался, за уговоренную цѣну продалъ, ежели бы былъ слуцкой архимандріи намѣстникъ іеромонахъ Иннокентій Болдышевскій да литовскихъ судовъ стряпчій Орлицкій, на тотъ часъ въ томъ же ассесоріальномъ судѣ случившіеся, письмомъ своимъ съ Варшавы, антецессора моего Сильвестра Добрину не предостерегли и у него, Яворского, по письменному Добрыни прошенію, всѣхъ тѣхъ крѣпостей не отобрали.

Сколько и какихъ именно вещей Өеофаномъ Яворскимъ, въ минскомъ монастырѣ якобы оставленныхъ, забрато въ Вильню, собственноручный его жъ, Яворскаго, реестръ показуетъ, который Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи прилагаю подъ литерою I. Этого своего реестра во увѣреніе хотя Өеофанъ Яворскій, при самомъ окончаніи тогожъ реестра, собственноручно крѣпитъ, что все не ложно быть, совѣстно засвидѣтельствую и въ томъ саморучно подписуюся, однако вѣрить ему, Өеофану Яворскому, въ томъ и полагатся на его совѣсть не слѣдуетъ, ибо онъ, Яворскій, довольныя уже

примѣтки недостовѣрія и безсовѣстія, какъ со всего дѣла да и изъ самыхъ же его, Яворского, собственноручныхъ письменныхъ видовъ явствуетъ, по себѣ показалъ. Сколько же и какихъ именно вещей заподлинно онъ, Яворскій, въ Минску отбѣжалъ, а виленскій намѣстникъ Самуилъ въ Вильню съ собою привезлъ,—въ томъ увѣряетъ реестръ, по которому я всѣ тѣ его, Яворского, вещи при братіи виленского монастыря принималъ и потомъ какъ самыя вещи, такъ и реестръ, въ особливомъ чуланѣ за замкомъ оставилъ.

А пусть бы довелося виленскому монастырю и по сему собственноручному его, Яворского, реестру всѣ вещи ему возвратить, то долженъ онъ, Яворскій, первѣе уплатить минскому монастырю 60 червонцевъ, которые (какъ вышеупомянуто) отъ племянника епископа виленского за обиды, минскому монастырю причиненныя, взявъ, на себе издержалъ, а виленскому монастырю 104 червонцы, которые онъ же, Яворскій, въ 1753 и 54 годѣхъ взявъ съ казны виленского монастыря въ Варшаву, оные въ Варшавѣ не на проторы и убытки, но на свои пустошныя прихоти (какъ о томъ марковскій игуменъ Іакиноъ Пелкинскій предъ Добриною сознаъ) издержалъ; и для того, возвратясь съ Варшавы, антецессору моему Сильвестру Добринѣ въ означенныхъ 104 червонцахъ никакого отчету не далъ, о чемъ реестра виленского монастыря свидѣтельствуютъ, которыя я между приложеніями къ отвѣтному моему противу представленій виленского епископа доношенію подъ литерою Д представилъ.

Пятый пунктъ жалобы, отъ тогожъ игумена Ѳеофана Яворского на мене представленной, состоитъ въ томъ, что я съ виленского монастыря шести монашествующихъ, а именно, іеромонаха Владиміра, іеродіакона Ѳеофана, іеродіакона Рувима, іеродіакона Давида, іеродіакона Мартиніана да монаха Зѣновія прогналъ и городского слугу подрадилъ на виленской площадѣ зъ барабаннымъ боемъ трубить, чтобъ тѣхъ монаховъ вездѣ по дорогамъ хватано и въ виленскій монастырь привожено,—съ чего послѣдовало благочестивому въ Польще закону и монашескому чину крайнее бизчестіе.

Которого пятого пункта на содерженіе отвѣтствую: донощикъ мой Ѳеофанъ Яворскій, во утвержденіе и подкрѣпленіе обиди, мною ему причиненной, ссылается еще на обиду и виленского монастыря монашествующимъ, отъ мене же приключившуюся; но какъ самъ онъ, Яворскій, будучи бездѣльникъ, съ минского монастыря отъ мене бѣ-

жалъ, такъ и протчіе ему жъ подобные бездѣльники и въ виленскомъ монастырѣ за добропорядочного моего настоятельскаго правленія удержатся не могли; а что отъ начальника, по многократному его увѣщанію и наказанію, бездѣльники бѣгаютъ и по другимъ мѣстамъ слабшой для своихъ безчиній команды, а паче понаровки, ищутъ,—это какъ благочестиваго нашего закона предъ иновѣрными не порочитъ и монашеского чина не безчеститъ, такъ и начальнику за непорядочные поступки причитатся никакими мѣрами не можетъ, ибо и отъ самыхъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода членовъ бездѣльники часто бѣгаютъ. Съ тѣхъ шести монашествующихъ, мною съ виленского монастыря прогнанныхъ, четырехъ засталъ я за прибытіемъ моимъ въ Вильню, о которыхъ житіи и обхожденіи пусть самъ антецессоръ мой Сильвестръ Добрина, тутъ же нынѣ находящійся, засвидѣтельствуетъ, а о двоихъ, съ Кіева мною въ Вильню при выѣздѣ моемъ взятыхъ, всѣмъ здѣсь въ катедральномъ монастырѣ вѣстимо, что іеромонахъ Владиміръ и въ 1748 году съ Вильни отъ антецессора моего, покойного Мельхиседека Богдановича, въ превеликомъ подозрѣніи бѣжалъ, а іеродіаконъ Давидъ, по указу преосвященнаго митрополита Тимоѳея, съ зарубежа сысканъ, за побѣгъ свой плѣтми нещадно наказанъ, клубука лишенъ и въ поварню братерскую опредѣленъ, при выѣздѣ же моемъ въ Вильню мнѣ отданъ; да къ тому жъ и сіе всѣмъ намъ не безизвѣстно, что обыкновенно какъ въ старшіе виленскіе тѣхъ опредѣляютъ, которыхъ отсюду сбуваютъ, такъ и старшимъ виленскимъ съ монашествующихъ тѣ поручаются, которые здѣсь не годятся. Что же касается къ трубѣ и барабанному бою на виленской площадѣ по моему требованію, то сіе здѣлалось ради двоихъ малыхъ, единого Антона съ Кіева, а другого Дениса съ Чернигова, мною для клироса въ Вильню взятыхъ, съ виленского же нашего монастыря невѣдомо где дѣвавшихся, о чемъ прошлого 1766 года іюля 14 дня не только въ книгахъ виленского магистрата замѣчено, дабы по объявленіи подъ трубою городского слуги никто съ тамошнихъ обывателей не дерзалъ двоихъ малыхъ, возрастомъ и примѣтами означенныхъ, въ благочестивомъ виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ находящихся, яко россійскихъ подданныхъ и отъ родителей мнѣ порученныхъ, къ себѣ подговаривать либо крѣпостить, но и въ монастырскомъ расхожомъ реестрѣ записано, а не (какъ Яворскій безсовѣстничитъ) ради вышъпоказанныхъ

шести монашествующихъ, съ виленского благочестиваго монастыря бѣжавшихъ, ибо 1, всѣ тѣ монашествующіе бѣжали съ монастыря не вдругъ, но по-единцемъ, и не іюля 15 дня, но гораздо прежде, въ разныхъ мѣсяцехъ и числѣхъ; 2, самъ донощикъ мой Ѳеофанъ Яворскій съ собою не согласенъ, представляя, что я шести монашествующихъ съ виленского монастыря отъ себе прогналъ и приказалъ тѣхъ же монашествующихъ вездѣ по дорогамъ хватать и въ монастыръ къ себѣ приводить. Буде я ихъ прогналъ, то мнѣ ушъ нужды не было за ними, яко за бездѣлниками, посылать, но радостенъ я былъ, что паства моя отъ паршивыхъ овецъ и отъ соблазна предъ иновѣрными очистилась; о которой моей радости свидѣтельствуетъ письмо мое съ Вильни въ Могилевъ, къ преосвященному Георгію, епископу бѣлорусскому, отъ 6 мая того жъ 1757 года писанное.

Это суть пункта жалобы отъ бывого минского игумена Ѳеофана Яворского чрезъ россійское наше въ Варшавѣ посольство въ Иностранную Коллегію, съ Иностранной Коллегіи въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, а съ Свѣтѣйшаго Синода въ Кіево-митрополитанскую катедру на мене взнесенной.

Вотъ по какимъ жалобамъ да и по чіимъ указомъ Святѣйшого Правительствующаго Синода, прежде востребованія у мене отвѣта, непорядочные поступки мнѣ причтены, я съ виленского старшинства съ безчестіемъ отрѣшенъ, на всю Россію и Польщу злодѣемъ опубликованъ и подъ слѣдствіемъ четвертый уже годъ горько стражду и погибаю.

Къ сему отвѣтному доношенію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ.

Въ катедральномъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ. Сентября 10, 1761 г.

Отдѣлъ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.

«Исторія Запорожскихъ козаковъ» Д. И. Эварницкаго. Спб. 8°. Томъ 1-й. 1892. VII+542 стр. и 22 рисунка. Томъ 2-й. 1895. 624 стр. и 1 планъ.

Г. Эварницкій считается спеціалистомъ по знанію Запорожья. Занимаясь исторіею послѣдняго, онъ преимущественно «изучалъ топографію Запорожскаго края».—«Изученію топографіи края авторъ всегда придавалъ огромное и первѣйшее значеніе, и потому, прежде чѣмъ взяться за изображеніе историческихъ судебъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ, онъ много разъ объѣзжалъ всѣ мѣста бывшихъ сѣчей, много разъ плавалъ по Днѣпру, спускался черезъ пороги, осматривалъ острова, балки, лѣса, шляхи, кладбища, церковныя древности, записывалъ козацкія пѣсни, народныя преданія, вскрывалъ погребальные курганы и изучалъ всѣ, болѣе или менѣе значительныя, частныя и общественныя, собранія запорожскихъ древностей. Во всемъ этомъ онъ руководился исключительно любовью (и ничѣмъ другимъ) (?) къ запорожскимъ козакамъ»... Эти слова г. Эварницкаго изъ предисловія къ первому тому, даютъ читателю право смотрѣть на автора изданной имъ нынѣ «Исторіи», какъ на самостоятельнаго историка Запорожья. Первый серьезный дебютъ г. Эварницкаго по изученію Запорожья заключался въ его книгѣ—«Запорожье въ остаткахъ и преданіяхъ народа», изданной въ 1888 г., въ двухъ томахъ, со множествомъ рисунковъ. По содержанію своему «Запорожье» явилось книгою очень неопредѣленнаго содержанія: тутъ была претензія и на ученость и на *живой разсказъ*, переходившій иногда въ безсодержательную болтовню (I, 147, 163 и друг.). Главное, впрочемъ, содержаніе книги заключалось въ описаніи той «топографіи Запорожскаго края», изученію которой авторъ, по его словамъ, «всегда придавалъ огромное и первѣйшее значеніе», не объясняя, впрочемъ, почему, а

лучшую часть «Запорожья» составляли многочисленные рисунки, преимущественно вещей запорожской старины изъ богатаго собранія А. Н. Поля († 1890 г.)[1], который, по словамъ г. Эварницкаго, «ведетъ свой родъ по женской линіи отъ наказного атамана (?) малороссійскихъ козаковъ Павла Полуботка». Описывая нѣкоторыя вещи изъ этого собранія, г. Эварницкій опредѣлялъ ихъ значеніе иногда очень курьёзно; напр., сказавъ объ одной статуеткѣ (ч. I, рис. 2), что она «вылита изъ мѣди, довольно изящной работы, изображаетъ въ сидячемъ положеніи, по-турецки, запорожца, съ чаркой въ лѣвой рукѣ» и проч., г. Эварницкій добавляетъ: «видимо (?), статуетка имѣла назначеніе если не ручки кинжала, то, всего вѣроятнѣе, фигурки, стоявшей на столовыхъ часахъ». Послѣ такого объясненія является вопросъ—неужели у запорожцевъ могли быть столовые часы?

О книгѣ «Запорожье» была уже напечатана довольно обстоятельная рецензія въ «Кіев. Старинѣ» за 1888 г. (№ 11, стр. 36—48), и здѣсь мы упоминаемъ объ этомъ трудѣ г. Эварницкаго лишь для объясненія происхожденія нынѣ изданной «Исторіи Запорожскихъ козаковъ».

Вторымъ трудомъ г. Эварницкаго по исторіи Запорожья была книга—«Вольности Запорожскихъ козаковъ, историко-топографическій очеркъ» (Спб. 1890). О значеніи этой книги авторитетный рецензентъ высказался такъ (Кіев. Стар. за 1891 г., № 2, стр. 352 и слѣд.), что этотъ трудъ г. Эварницкаго представляетъ собою болѣе систематическую переработку книги «Запорожье», причемъ, уступая послѣднему въ полнотѣ, легкости и разнообразіи изложенія, онъ превосходитъ его въ степени обработки, хотя, къ сожалѣнію, также не свободенъ отъ недосмотровъ, промаховъ и неточностей». Многіе изъ этихъ дефектовъ книги были указаны рецензентомъ, причемъ общій выводъ, сдѣланный изъ обозрѣнія «Вольностей» былъ тотъ, что въ книгѣ нѣтъ критики [2])...

---

[1]) См. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поля, въ Екатеринославѣ Вып. I. Составила К. Мельникъ. Кіевъ. 1893. 8°. 213 стр. и XIV таблицъ рисунковъ.

[2]) Въ другой рецензіи на эту книгу (г. Никольскаго, въ газ. «Южн. Край» 1891 г., № 3464) выводъ былъ тотъ же. Указавъ рядъ неточностей и ошибокъ въ «Вольностяхъ», рецензентъ заключаетъ: «разбираемая книга много выиграла бы, если бы г. Эварницкій отнесся къ ней съ большимъ вниманіемъ и еслибы въ ней было поменьше авторскихъ «вольностей», которыя сильно умаляютъ ея значеніе и лишаютъ другихъ возможности руководствоваться ею, какъ серьезнымъ научнымъ трудомъ».

Засимъ, въ 1892 г. изданъ первый томъ «Исторіи Запорожскихъ козаковъ». Въ предисловіи къ этому тому авторъ говоритъ: «Въ основаніе настоящаго труда легло десятилѣтнее изученіе жизни и военныхъ дѣяній запорожскихъ козаковъ, прославившихъ себя безсмертными подвигами въ борьбѣ за вѣру, народность и отечество»... Въ первомъ томѣ И. З. К. заключается 26 главъ, причемъ каждая изъ нихъ посвящается тому или другому вопросу изъ бытовой исторіи Запорожья. Начинается книга главою—«*Границы вольностей Запорожскихъ низовыхъ козаковъ*». Открывъ *исторію* Запорожскихъ козаковъ, читатель ожидаетъ, что авторъ ея прежде всего дастъ свѣдѣнія—что же такое были эти запорожскіе низовые козаки?—Но книга начинается такъ: «Границы вольностей Запорожскихъ козаковъ въ разное время и отъ различныхъ обстоятельствъ постоянно мѣнялись»... О какихъ *вольностяхъ* говоритъ здѣсь авторъ читатель недоумѣваетъ, но авторъ такъ и не даетъ объясненія этого слова... Онъ перепечаталъ эту главу изъ книги «Вольности», въ которой это слово объяснено въ предисловіи, но въ «Исторіи З. к.» это объясненіе авторъ почему то не нашелъ нужнымъ приводить... Затѣмъ слѣдуютъ главы: 2) *Гидрографія, топографія и климатъ Запорожскаго края*, 3) *Производительность земли, флора, фауна и времена года* (?) *въ Запорожскомъ краѣ*, 4) *Исторія и топографія осьми запорожскихъ сѣчей*. Все это та же «топографія Запорожскаго края», изученію которой авторъ придаетъ «первѣйшее значеніе» и которую уже дважды передъ этимъ описалъ въ «Запорожьи» и «Вольностяхъ». Впрочемъ, есть тутъ нѣкоторыя измѣненія, сокращенія и передѣлки. Измѣненія такія напр.,—«въ Вольностяхъ» читаемъ, что «Днѣпръ—самая извѣстная въ древнемъ мірѣ Европы и самая священная (?) у Запорожскихъ козаковъ рѣка», послѣ чего приводится рядъ другихъ названій Днѣпра и ихъ объясненій, а въ «Исторіи З. к.» говорится, что «Днѣпръ—это священная и завѣтная для запорожцевъ рѣка» (безъ объясненія причинъ), но затѣмъ опускаются всѣ другія названія этой рѣки и ихъ объясненія. При описаніи Чертомлыцкой сѣчи въ «Вольностяхъ», авторъ, не ограничиваясь топографическимъ ея описаніемъ вспоминаетъ и нѣкоторые историческія событія, въ ней происшедшія, напр., онъ подробно повторяетъ здѣсь извѣстный разсказъ Величка о нападеніи въ 1675 г. янычаръ на сѣчь. Этотъ разсказъ въ «Исторіи З. к.» уже перенесенъ въ другое мѣсто, но за то въ «Исторіи»

приводится длинный разсказъ (стр. 122—137) объ участіи Запорожья въ Мазепиномъ дѣлѣ, неизвѣстно почему относящійся къ исторіи топографіи Чертомлыцкой сѣчи, такъ какъ, повидимому, разсказу объ этомъ очень яркомъ эпизодѣ изъ исторіи Запорожья въ XVIII в., мѣсто вовсе не здѣсь, а въ III-мъ томѣ «Исторіи», согласно плану самого же г. Эварницкаго (Предисл. стр. V).

Послѣ топографіи слѣдуютъ главы о внутренней жизни Запорожья. Назовемъ нѣкоторыя изъ этихъ главъ, чтобы ближе познакомиться съ содержаніемъ перваго тома «Ист. З. к.» и научнымъ его значеніемъ. *Составъ, основаніе и число славнаго Запорожскаго низоваго войска.*—Здѣсь, между прочимъ, объ основаніи «низоваго войска», т. е. Запорожья, ничего не говорится, а начинается глава такъ: «Запорожскіе козаки, живя въ сѣчи безъ женъ и безъ поколѣнія (?)... старались пополнить свою убыль и увеличить составъ своего войска...» Затѣмъ перечисляются тѣ народности, которыми пополнялось «низовое товариство», со ссылкою на «академика XVIII в. Георги» и IV-ю часть его «Описанія всѣхъ обитавшихъ въ Россіи народовъ»; но послѣдняя, какъ извѣстно, написана не Георги (Сопиковъ, IV, 51, № 5736), а составляетъ компиляцію Мих. Антоновскаго, въ родѣ «Описанія о козацкомъ народѣ» Симоновскаго; засимъ, цитируются: Вероника Кребсъ—объ «Уманской рѣзнѣ», «Записки о Хотинской войнѣ» Якова Собѣскаго и Скальковскій. Здѣсь любопытна ссылка на «Записки о Хотинской войнѣ», указывающая, что этимъ памятникомъ г. Эварницкій пользовался лишь по тому его отрывку, который былъ напечатанъ въ «Черниг. Губ. Вѣд.» за 1849 г. (№№ 47—50). Какъ извѣстно, «Записки о Хотинской войнѣ» были изданы нѣсколько разъ, и одно изъ послѣднихъ изданій, 1853 г., заключая «Записки» (Diariusz wojny Tureckiej) въ полномъ видѣ, гораздо удобнѣе было бы для пользованія, чѣмъ то краткое извлеченіе которое болѣе 40-ти лѣтъ назадъ случайно напечатано въ губ. вѣд. Вся глава о составѣ «низоваго войска» не представляетъ въ себѣ ни новыхъ свѣдѣній, ни новыхъ соображеній, будучи составлена по Скальковскому и Мышецкому...

Глава—*Войсковое и территоріальное дѣленіе Запорожья*—говоритъ о дѣленіи сѣчеваго войска на курени и всего Запорожья на «паланки». *Войсковыя куренныя и паланочныя рады запорожскихъ козаковъ*,—глава эта составлена, преимущественно, по книжкѣ Мышецкаго, при чемъ авторъ въ числѣ ея источниковъ указываетъ и на «Три книги Хо-

тинской войны Якова Собѣскаго», по Данцигскому изданію 1646 г., т. е. на ту книгу, которую нѣсколько выше онъ замѣняетъ напечатаннымъ въ губ. вѣдомостяхъ отрывкомъ. *Административныя и судебныя власти въ Запорожскомъ низовомъ войскѣ.—Суды, наказанія и казни у Запорожскихъ козаковъ.* Обѣ эти главы составляютъ повтореніе свѣдѣній Скальковскаго и Мышецкаго, но тутъ же указывается опять нѣсколько разъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1849 г., т. е. Записки Якова Собѣскаго, подлинникомъ которыхъ, г. Эварницкому извѣстнымъ, онъ пользоваться почему то не желаетъ...

Одежда и вооруженіе у Запорожскихъ козаковъ. Одежда описана по разсказамъ встрѣченнаго г. Эварницкимъ древняго мѣстнаго старца Россолоды и по тѣмъ преданіямъ, которыя приведены въ «Запискахъ о Южной Руси». Добавленія автора являются сбивчивыми придатками, напр., хотя бы въ описаніи тѣхъ тканей, изъ которыхъ дѣлалась одежда. «Изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ, говоритъ г. Эварницкій, видно, что самія дорогія платья Запорожскихъ козаковъ дѣлались изъ шелка, польскаго и англійскаго сукна, кармазина и аксамита... Платья изъ красныхъ восточныхъ суконъ назывались кармазиными, отъ татарскаго слова кырымызы—красный» (значитъ кармазинъ было тоже сукно, только восточное); «наконецъ, платья изъ аксамита назывались аксамитными» (!). При этомъ авторъ, желая дать объясненіе аксамиту, говоритъ: «аксамитъ—это дорогая ткань, приготовляемая изъ шести нитокъ (какихъ?), почему и получившая свое названіе отъ греческаго слова ἓξ и ἱματον—одежда... Аксамитъ—золотая и серебряная матерія плотная, ворсистая, похожая на бархатъ...» Но изъ какого матеріала дѣлался этотъ аксамитъ г. Эварницкій такъ и не досказываетъ... А между тѣмъ, обратившись хотя бы къ Линде, онъ бы увидѣлъ, что аксамитъ дѣлался изъ нитокъ шелковичнаго кокона, т. е. изъ шелка, а слѣдовательно онъ не только былъ похожъ на бархатъ, но былъ дѣйствительно бархатомъ...

Описывая подробно огнестрѣльное и холодное оружіе, авторъ приводитъ иногда свѣдѣнія тоже весьма странныя... Описывая *келепы*, г. Эварницкій добавляетъ: «*историкъ* Зеделлеръ говоритъ, что келепа употреблялась запорожскими козаками для разбиванія непріятельскихъ доспѣховъ» [1]); но какихъ доспѣховъ и почему ихъ можно было раз-

---

[1]) Этому *историку* Зеделлеру принадлежатъ свѣдѣнія «О состояніи ратнаго дѣла въ Малороссіи съ 1386 г. до 1587 г.», которыя изложены на *трехъ страницахъ*

бивать только келепами—авторъ не поясняетъ, довольствуясь тѣмъ, что это сказалъ «историкъ Зеделлеръ»... Далѣе г. Эварницкій, при вопросѣ о стрѣльбѣ изъ луковъ, говоритъ: «стрѣлы видимо (?) употреблялись запорожскими козаками въ очень раннюю пору ихъ историческаго существованія и были заимствованы отъ татаръ и турокъ», причемъ указываетъ на рисунокъ Сагайдачнаго въ «Виршахъ» (изд. 1622 г.) и затѣмъ продолжаетъ: «сагайдакъ съ татарскаго «сагайдакъ»—дикій козелъ или кожа съ дикаго козла для обшиванія лука и *даже самый лукъ*—употреблялся запорожскими козаками для той же цѣли, какъ у татаръ, *храненія въ немъ стрѣлъ* и носился за плечами; сагайдаки добывались запор. козаками главнымъ образомъ у татаръ». Что же такое былъ сагайдакъ—колчанъ или лукъ—г. Эварницкій такъ и не объяснилъ, конечно, потому, что затруднился этимъ вопросомъ [1]... Вообще надъ вопросомъ о стрѣльбѣ изъ луковъ, очень интересномъ въ исторіи холоднаго оружія, г. Эварницкому можно было потрудиться и разрѣшить хотя бы вопросъ - къ какому времени относится указываемая имъ «ранняя эпоха» употребленія луковъ и когда вышло изъ употребленія это архаическое оружіе у козаковъ?

Въ главѣ о войсковыхъ клейнотахъ нѣтъ сколько нибудь точнаго описанія даже козачьихъ знаменъ. «Знаменемъ, хоругвью, или корогвою, и прапоромъ назывался шелковой ярко-краснаго цвѣта платокъ (?) съ изображеніемъ посрединѣ орла, а по бокамъ Спасителя и архангела Михаила». Вотъ и все. А между тѣмъ, уже *корогва и прапоръ* не одно и тоже, что видно и изъ того, что у козаковъ было два отдѣльныхъ чина: хоружій и прапорщикъ; первый оберегалъ большое знамя, корогву, а другой—меньшее, прапоръ [2].

второго тома его «Обозрѣнія исторіи военнаго искусства» (1843 г.); свѣдѣнія эти представляютъ такую же ничтожную компиляцію, какъ и статейка другого такого же *историка* Коховскаго—Опытъ изученія войнъ Б. Хмельницкаго, на которую г. Эварницкій тутъ же ссылается (стр. 261).

[1]) А между тѣмъ коротенькое, но точное объясненіе этого слова есть и у Линде (*Saydak*), а болѣе полное объясненіе сдѣлано Савваитовымъ при *Описаніи старин. царск. утварей* и проч., въ Зап. Арх. Общ., XI, 524.

[2]) Тутъ же г. Эварницкій говоритъ, что «запорожскіе клейноды по частямъ можно видѣть въ частныхъ музеяхъ, въ томъ числѣ у В. В. Тарновскаго и у Поля». Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что въ коллекціи перваго нѣтъ *клейнодовъ*, принадлежавшихъ запорожцамъ, какъ «войску», да и въ собраніи Поля, судя по каталогу его коллекціи, мы тоже не замѣтили *войсковыхъ* запорожскихъ клейнодовъ.

Въ главѣ «Характеристика запорожскаго козака», заключающей въ себѣ попытку автора представить нравственный обликъ запорожца, находимъ прелюбопытныя страницы... Напр., вотъ изображеніе запорожца, какъ созерцателя природы: «Будучи въ душѣ поэтами и мечтателями, запорожцы всегда выбирали самыя живописныя и красивыя мѣста для своихъ временныхъ (?) и вѣчныхъ (?) жилищъ, *влѣзали на высокія скалы*, уединялись въ лѣсныя пущи, поднимались на большіе курганы и съ высоты птичьяго полета любовались ландшафтами и предавались тихимъ думамъ и возвышеннымъ размышленіямъ»... Авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 315), что такой выводъ слѣдуетъ сдѣлать, «взглянувъ на мѣста бывшихъ запорожскихъ сѣчей», но едва ли одно мѣстоположеніе послѣднихъ можетъ дать основаніе для приведенной характеристики, въ противорѣчіе которой на слѣдующей страницѣ (284) читаемъ: «характернымъ недостаткомъ запорожскихъ козаковъ была также ихъ страсть къ спиртнымъ напиткамъ. Въ пьянствѣ и бражничествѣ, говоритъ очевидецъ (ссылка на Боплана), они старались превзойти другъ друга, и едва ли найдутся во всей христіанской Европѣ такія беззаботныя головы, какъ козацкія. Нѣтъ въ свѣтѣ народа, который бы могъ сравниться въ пьянствѣ съ козаками: не успѣютъ проспаться и вновь уже напиваются»... Повидимому, Бопланова характеристика запорожцевъ вѣрнѣе характеристики, принадлежащей собственно г. Эварницкому, который, впрочемъ, не хочетъ согласиться съ личнымъ свидѣтелемъ запорожскаго житья-бытья въ первой половинѣ XVII в. и дѣлаетъ еще попытку обѣлить запорожскую душу: «впрочемъ, предаваясь разгулу и бражничеству, запорожскіе козаки, говоритъ г. Эварницкій, не были однако похожи на тѣхъ жалкихъ пьяницъ, которые пропивали свои души въ черныхъ и грязныхъ кабакахъ и теряли въ нихъ всякій образъ и подобіе созданій Божіихъ; здѣсь (т. е. у запорожцевъ) было своего рода молодечество и особый эпикурейскій взглядъ на жизнь человѣка, напрасно обременяющаго себя трудомъ и заботами и непонимающаго истиннаго смысла жизни—существовать для веселія и радости»...

Обширная глава о *«Церковномъ устройствѣ у запорожскихъ козаковъ»* (306—364) представляетъ собою сплошныя выписки изъ «Описанія Екатеринославской епархіи» (Екатеринославъ. 1880. Два выпуска), книги очень почтенной, по составленной по остаткамъ старыхъ дѣлъ консисторскихъ архивовъ конца XVIII в. и потому дающей свѣдѣнія о

заселеніи епархіи и возникновеніи церквей въ слободахъ лишь за это время [1]). Вмѣсто того, чтобы сдѣлать общую характеристику заселенія запорожскихъ степей слободами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсказать о церквостроительствѣ въ нихъ, г. Эварницкій называетъ одну за другою эти слободы по книгѣ еп. Феодосія и затѣмъ беретъ изъ послѣдней всѣ свѣдѣнія не только о времени построенія церкви, но и всѣ свѣдѣнія о сохранившихся въ ней вещахъ, говоря, напр., о той или другой церкви, что въ ней сохранилось «четырнадцать церковнобогослужебныхъ книгъ, изъ коихъ одна, тріодь постная, куплена какимъ-то козакомъ Симеономъ въ 1775 г.» Подобнымъ сырымъ матеріаломъ загромождена глава, трактующая—о церковномъ устройствѣ *запорожскихъ* козаковъ.

Много лишнихъ свѣдѣній и въ слѣдующей главѣ—*Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь*, описаній котораго существуетъ нѣсколько, а «новыхъ матеріаловъ» для исторіи этого монастыря у г. Эварницкаго не было, какъ онъ самъ говоритъ (прим. на стр. 374). Стараясь затушевать общеизвѣстность приводимыхъ свѣдѣній о монастырѣ, г. Эварницкій оттѣняетъ значеніе послѣдняго фразами: «Самарско-Николаевскій монастырь—замѣчательнѣйшая святыня и по историческимъ воспоминаніямъ, и по великимъ дѣяніямъ подвижниковъ (?), и по исключительному его положенію: въ немъ возникла первая для всего Запорожскаго края церковь; въ немъ положенъ былъ первый зародышъ просвѣщенія, монастыркая школа [2]); изъ него вышли первые апостолы вѣры и благочестія (?) на весь край необозримой пустыни...» Встрѣтивъ въ книжкѣ еп. Феодосія о Самарскомъ

---

[1]) Какого рода беретъ авторъ изъ этой книги свѣдѣнія, видимъ изъ слѣдующаго: «Въ с. Карнауховкѣ церковь основана въ 1773 г., во имя св. вмч. Варвары; до построенія церкви, во время свирѣпствовавшей къ Запорожскомъ краѣ моровой язвы 1771—1772 г.г., жители Карнауховки сперва соорудили себѣ икону св. Варвары по внушенію монаха Ивана Кайдаша, молились предъ ней денно и нощно, прося отвращенія отъ страшной смерти; въ это же время они дали обѣтъ, по минованіи общественнаго бѣдствія, устроить у себя церковь во имя заступницы св. Варвары, и когда бѣда миновала, то они изложили свою просьбу въ запорожскій кошъ, на имя кошеваго атамана Петра Калнишевскаго» и т. д. Подобныхъ описаній въ «Исторію Запорожскихъ козаковъ» изъ «Описанія Екатеринославской епархіи» перенесены цѣлыя страницы.....

[2]) Ни о какой монастырской школѣ въ Описаніи Самарскаго монастыря еп. Феодосія свѣдѣній мы не нашли...

монастырѣ *сочиненныя* свѣдѣнія о священникѣ Кириллѣ Тарловскомъ («дикомъ попѣ»), г. Эварницкій переноситъ и эти свѣдѣнія, въ свою книжку, нѣсколько ихъ варіируя противъ подлинника: «Кириллъ Николаевичъ Тарловскій въ отдаленномъ прошломъ былъ полякъ; предокъ его, носившій фамилію Тарахъ-Тарловскаго, въ 1587 году переселился изъ Мазовецкаго округа въ Кіевъ; въ Кіевѣ, тогдашнемъ разсадникѣ всѣхъ наукъ, духовной академіи, онъ получилъ высшее образованіе; изъ Кіева переѣхалъ въ городъ Остеръ, изъ Остра въ Козелецъ, Черниговской губерніи, гдѣ, «получа осѣдлость», женился на благородной шляхтянкѣ, Софьѣ Ходавской. Въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи отъ этого брака, отъ протоіерея Николая и жены его Анны, произошелъ Кириллъ Николаевичъ Тарловскій. Онъ также воспитывался въ Кіевской духовной академіи; по окончаніи курса наукъ, сдѣлался священникомъ сперва при Козелецкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, а потомъ при Козелецкой Николаевской церкви [1])». (Стр. 376). Изъ этого свѣдѣнія видно, что оно *сочинено*, такъ какъ въ 1587 г. въ Кіевѣ академіи еще не было, а г. Козелецъ возникъ лишь ок. 1630 г. [2]), и сочинено по всей вѣроятности въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда, послѣ изданія дворянской грамоты (1784 г.), стали въ Малороссіи *сочиняться* разнаго вида «доказательства о дворянствѣ» для внесенія въ «дворянскія родословныя книги.» Хотя авторъ книжки, изъ которой г. Эварницкій переписалъ приведенное свѣдѣніе, и говоритъ, что послѣднее взято имъ изъ «документовъ», но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что документами этими и были именно тѣ «доказательства,» которыя были представлены, въ свое время, и Тарловскими—мѣстнымъ уѣзднымъ пред-

---

[1]) Въ книжкѣ еп. Феодосія это свѣдѣніе изложено такъ: «Изъ имѣющихся у насъ подъ руками документовъ видимъ только, что предокъ Тарловскаго, молодой Тарахъ-Тарловскій, благородный шляхтичъ королевства Польскаго, 1587 г., изъ Мазовецкаго воеводства перешелъ въ Кіевъ, а потомъ, получивъ образованіе въ школахъ Кіевской академіи, перешелъ въ Остеръ и Козелецъ, Черниговской губерніи, и получа тамо осѣдлость, женился на благородной шляхтянкѣ Софіи Ходавской. Изъ внуковъ или правнуковъ его Кириллъ Николаевичъ Тарахъ-Тарловскій также воспитывался въ Кіевской духовной академіи; по разсказамъ многихъ, поступилъ въ священники» (Опис. Сам. монастыря, Екатериносл. 1880. Стр. 57).

[2]) Въ люстраціи 1636 г. Козелецъ называется еще только *слободою* (Zródła Dziejowe, V, 209).

водителямъ дворянства «для сочиненія списка всѣмъ дворянскимъ родамъ» [1]).

Остальныя главы I-го тома «Исторіи Зап. коз.» также точно не представляютъ собою какой-либо самостоятельной работы, а состоятъ изъ выписокъ, кое-какъ соединенныхъ между собою, причемъ авторъ нерѣдко пользуется источниками совершенно уже устарѣвшими. Въ главѣ, напр., *О христіанскихъ сосѣдяхъ запорожскихъ козаковъ*, г. Эварницкій считаетъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ и о религіозной уніи 1596 г. (а не 1595 г., какъ у г. Эварницкаго, стр. 424), причемъ опредѣленіе уніи беретъ изъ «Исторіи Малороссіи» Н. Маркевича. Говоря далѣе о результатахъ уніи, г. Эварницкій безъ критики цитируетъ изданную полвѣка назадъ «Исторію русск. церкви» архіеп. Филарета Гумилевскаго.

Желая, какъ можно полнѣе изложить бытовую исторію Запорожья, г. Эварницкій послѣднюю главу I-го тома посвящаетъ «*Почтовымъ учрежденіямъ у запорожскихъ козаковъ*». И вотъ что онъ въ ней говоритъ: «Въ странѣ, существовавшей исторически болѣе двухъсотъ лѣтъ, въ странѣ вполнѣ благоустроенной, въ странѣ, гдѣ жили люди, постоянно находившіеся въ живыхъ и безпрерывныхъ сношеніяхъ съ державными и властными особами востока, запада, сѣвера и юга, не могло не быть такого перваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ такого необходимаго на пути развитія культуры учрежденія, какъ учрежденіе почтъ. Конечно, на первыхъ порахъ въ Запорожьѣ, какъ и въ каждой странѣ, роль постоянныхъ почтарей выполняли или случайно пріѣзжавшіе въ сѣчу люди или же экстренно посылавшіеся курьеры. Такъ, извѣстно, что кошевой атаманъ Иванъ Сирко, въ 1675 году, написавши письмо отъ имени всего запорожскаго товариства на имя гетмана Петра Дорошенка, отправилъ его для передачи черезъ «случившихся на ту пору» въ сѣчи чумаковъ. Извѣстно также, что и на Украинѣ генеральный судья Кочубей, посылая доносъ на гетмана Мазепу въ Петербургъ, отправилъ его съ особымъ гонцомъ. Впослѣдствіи случайныхъ подателей (?) и экстренныхъ гонцовъ замѣнили постоянные почтари.»

Обратясь къ ислѣдованію вопроса—когда же именно возникли «почтовые гоны» въ Запорожьѣ, г. Эварницкій находитъ, что по «ар-

---

[1]) См. Полн. Собр. Зак., XXII, № 16187.

хивнымъ документамъ» гоны эти учреждены въ 1768 г. «правителями Новороссіи» Воейковымъ и Исаковымъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что Запорожье *своего* «необходимаго на пути развитія культуры учрежденія»—почты не имѣла...

Въ предисловіи ко второму тому И. З. К. авторъ довольно *прозрачно* заявляетъ, что этотъ томъ «написанъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: авторъ труда находился вдали отъ столицы болѣе чѣмъ на 5000 верстъ разстоянія. Живя то въ Ташкентѣ, то въ Самаркандѣ, авторъ испытывалъ нерѣдко такое затрудненіе, о которомъ ученый европейской Россіи и самаго слабаго представленія не можетъ имѣтъ: какая-нибудь ничтожнѣйшая справка, стоющая въ столицѣ 20 минутъ времени, въ Туркестанскомъ краѣ стоитъ два мѣсяца времени. Къ этому надо прибавить полное отсутствіе въ краѣ людей, интересующихся исторіей вообще и исторіей Южной Россіи въ частности... Оттого написать исторію запорожскихъ козаковъ въ Туркестанскомъ краѣ была почти такою же задачею, какъ переплыть въ первобытной лодкѣ Каспійское море. Независимо отъ разстоянія, немалую трудность составляла при написаніи исторіи з. козаковъ новизна самаго дѣла: отъ начала запорожскаго козачества до первой полов. XVIII столѣтія исторія низовыхъ козаковъ представляла собою настоящую terra incognita или непочатое поле... Поэтому возможно, что многіе найдутъ немало пробѣловъ въ настоящемъ трудѣ автора; но авторъ, свято уважая мнѣніе всякаго человѣка, *нисколько не будетъ смущенъ указаніемъ на всѣ недостатки Исторіи.* Въ основаніе второго тома И. З. К. положены, главнымъ образомъ, подлинныя письма историческихъ лицъ и современные событіямъ акты. Послѣ писемъ и актовъ брались во вниманіе (и только?) лѣтописцы, малороссійскіе и польскіе, а потомъ изслѣдователи настоящаго и прошлаго столѣтія. Авторъ избѣгалъ давать обобщенія событіямъ и давалъ ихъ лишь въ такой мѣрѣ, сколько позволяли то самые матеріалы...» Изъ этого любопытнаго предисловія мы видимъ, что авторъ имѣетъ намѣреніе писать *исторію низовыхъ козаковъ* и въ этой исторіи онъ избѣгаетъ давать обобщенія, т. е. давать то, что непремѣнно долженъ давать научный историческій трудъ, хотя бы онъ писался «отъ столицы» еще дальше Туркестана.

Первая глава второго тома заключаетъ въ себѣ исторію «происхожденія козаковъ.» Сдѣлавъ попытку объяснить слово *козакъ*,

авторъ говоритъ о появленіи въ исторіи сначала «татарскихъ» козаковъ, а потомъ и южнорусскихъ, причемъ приводитъ хронологическій перечень всѣхъ извѣстій, которыя упоминаютъ объ «украинскихъ» козакахъ. Указывая причины, по которымъ южнорусское козачество, «начавшись небольшими купами, дошло до развитія въ цѣлое сословіе и разлилось на обширной территоріи Малороссіи и потомъ Запорожья», авторъ называетъ этихъ причинъ пять: первая «причина земельная, которая заключается въ томъ, что когда Литва присоединила къ себѣ въ 1471 г. русскія области, то ввела въ нихъ собственный феодальный порядокъ государственнаго строя», причемъ «крестьяне, какъ низшій классъ населенія, считались неправоспособными и потому не имѣвшими права лично на обладаніе землей... Отсюда естественно, что южнорусское населеніе, встрѣтивъ невиданный имъ порядокъ вещей и постепенно обезземелившись, стало бросать центральныя мѣста государства и уходить на окраины его»... Вторая причина—«экономическая». Объясненіе ея такое: до Люблинской уніи литовскіе помѣщики (?) совсѣмъ отказывались отъ окраиныхъ черноземныхъ земель, и правительство предоставляло ихъ низшему сословію», которое, «защищая свое имущество, должно было взяться за оружіе и стать на военную ногу». Третья причина заключалась въ томъ, что «южноруссы, уходя въ степи, ради промысловъ, постоянно сталкивались съ татарскими козаками («изъ Бѣлограда, Крыма и Азова») и постепенно усваивали отъ нихъ какъ отдѣльныя слова, такъ и костюмъ, вооруженіе, самые пріемы битвы и наименованіе козаковъ»... Четвертою причиною появленія южнорусскаго козачества была *близость* вольныхъ степей. Чтобы выростить, воспитать цѣлое сословіе или общину воиновъ, для этого нуженъ просторъ, нужны вольныя земли, свободная, никѣмъ незанятая территорія или, по крайней мѣрѣ, окраины, пограничныя со степной равниной. Оттого мы и видимъ, что какъ въ самой Азіи, такъ и въ Европейской Россіи, козачество всегда начиналось на пограничной территоріи государствъ развивалось и ширилось на открытыхъ степныхъ равнинахъ»... Послѣдняя причина—этнографическая. «Дѣло въ томъ, говоритъ авторъ, что южнорусская народность, воспитанная на вѣчевомъ строѣ, самосудѣ и самоуправленіи, потомъ ставшая въ зависимость отъ Литовскаго великаго княжества и невполнѣ вошедшая въ колею государственныхъ порядковъ его, оттого потянувшаяся на свободныя, никѣмъ незанятыя мѣста, естест-

венно могла стремиться воскресить въ своей памяти давно померкшіе идеалы нѣкогда существовавшихъ въ южной Руси, на началахъ полнаго самоуправленія, общественныхъ порядковъ»...

Вся эта теорія происхожденія козачества, исключая «причины этнографической [1])», взята г. Эварницкимъ изъ статьи, помѣщенной въ «Кіев. Старинѣ» за 1884 г. (№№ 8 и 9) [2]), причемъ авторъ, добросовѣстно указавши источникъ, ни въ чемъ противъ него не споритъ, повторяя прочитанные имъ домыслы, какъ историческія аксіомы...

Далѣе, желая выяснить предметъ своей книги, авторъ указываетъ на тѣ группы, которыя современемъ образовались въ южнорусскомъ козачествѣ. Козачество, жившее «на низовьяхъ Днѣпра, за порогами,» называлось низовыми или запорожскими козаками, а тѣ, которые выше пороговъ—«городовыми или реестровыми». «Рѣзкое раздѣленіе запорожскихъ отъ городовыхъ козаковъ окончательно установилось въ первой половинѣ XVII в.», говоритъ г. Эварницкій, и тутъ же продолжаетъ: «начавши со второй половины XVI ст. и просуществовавъ почти до конца XVIII в., запорожцы до 1654 г. находились въ зависимости отъ Литвы и Польши, а съ этого времени вошли въ зависимость отъ Россіи: на Переяславской радѣ они признали власть малороссійскаго гетмана (?) и чрезъ него должны были сноситься съ московскимъ царемъ»... Какъ знаемъ, на Переяславской радѣ подъ именемъ «Войска Запорожскаго» разумѣется отбившаяся отъ Польши вся Малороссія (Бант.-Кам., «Истор. Мал. Россіи», изд. 1822 г., прилож. къ 1-му тому), такъ что неизвѣстно—какихъ именно запорожцевъ разумѣетъ здѣсь г. Эварницкій, которые будто бы признали тамъ власть гетмана и чрезъ него должны были сноситься съ московскимъ государемъ... Далѣе читаемъ: «не смотря однако на все различіе запорожскихъ отъ городовыхъ козаковъ, между тѣми и другими была такая тѣсная связь, что отдѣлять исторію однихъ отъ другихъ въ теченіе XVI и начала XVII в. не представляется никакихъ основаній. *Только съ половины XVII ст. различіе между запорожскими и городовыми или гетманскими козаками становится осязательнымъ*, а потому съ этого именно времени начинается и собственная, въ строгомъ смыслѣ слова *исторія запорожскихъ козаковъ.*»

---

[1]) Взятой у В. Б. Антоновича.

[2]) Принадлежащей, сколько мы помнимъ, г. Падалкѣ.

Изъ приведеннаго мѣста и ихъ заглавія книги г. Эварницкаго мы полагали, что книга его имѣетъ своимъ предметомъ исключительно *исторію Запорожья*, но изъ дальнѣйшаго содержанія книги видно, что автору трудно было провести въ своей «исторіи» указываемое имъ разграниченіе между запорожскими и городовыми козаками....

Сначала объ этомъ разграниченіи авторъ и не заботится, оговорившись, что до половины XVII в. различія не было.—Онъ начинаетъ самую исторію разсказомъ о предводительствѣ низовыми козаками кн. Дмитрія Вишневецкаго и свѣдѣніями о первыхъ движеніяхъ южнорусскаго козачества во второй половинѣ XVI в. Очеркъ этотъ заканчивается «регуляціей» козаковъ, произведенною Стафаномъ Баторіемъ, причемъ г. Эварницкій повторяетъ лишь то, что сказано по этому предмету въ «Исторіи Возсоединеніи Руси», а отъ себя выписываетъ въ свою книгу цѣликомъ извѣстный бѣлоцерковскій универсалъ Богдана Хмельницкаго, ни слова не говоря о заподозрѣнности этого документа, а лишь ссылаясь по этому вопросу на изслѣдованіе «русскаго исторіографа XVIII вѣка» Миллера [1]). Заключеніе о козацкой реформѣ Баторія составляетъ повтореніе словъ «спеціальнаго изслѣдователя вопроса о происхожденіи козачества», т. е. взято изъ статьи «Кіевск. Старины» 1884 г., а отъ себя г. Эварницкій добавляетъ, что такимъ образомъ, въ концѣ XVI в., «оставаясь на низу, козаки складывались въ отдѣльныя общины или курени, представлявшіе на первыхъ порахъ землячества: курень Батуринскій, т. е. община земляковъ, вышедшихъ изъ Батурина» и т. д. Но здѣсь можно замѣтить, что этого самого Батурина «въ концѣ XVI в.» не существовало, почему и землячества батуринскаго быть не могло. При дальнѣйшемъ изложеніи внѣшней исторіи Запорожскаго козачества, начиная съ третьей главы, у г. Эварницкаго мы видимъ довольно точное слѣдованіе книгѣ г. Кулиша—«Исторія Возсоединенія Руси». Это видно изъ слѣдующаго: запорожская авантюра Самуила Зборовскаго г. Кулишемъ разсказана (I, 113) по книгѣ Папроцкаго—*Herby Rycerstwa Polskiego.* Разсказъ г. Эварницкаго изложенъ по Кулишу, не смотря на то, что источниками этого разсказа въ «Исто-

---

[1]) Бѣлоцерковскій универсалъ Хмельницкаго взятъ г. Эварницкимъ изъ «копіи, хранящейся въ Московскомъ отдѣл. общаго архива главнаго штаба, въ дѣлахъ князя Потемкина». Къ сожалѣнію, при этомъ не говорится, что это за копія, о чемъ бы не мѣшало упомянуть въ виду сомнительности этого универсала.

ріи З. К.» указаны, кромѣ Кулиша, еще двѣ книги: 1) *Paprocki, Panosza Rycerstwa Polskiego* (Kraków, 1584, 103—112) и 2) *Niesiecki, Korona Polska* (1740, IV, 717, 718)[1]. Какую собственно книгу Папроцкаго хотѣлъ указать здѣсь г. Эварницкій—рѣшить трудно. Дѣйствительно одно изъ сочиненій Папроцкаго называется *Panosza* (t. j. wysławienie panów i paniąt ziem ruskich), но издано это сочиненіе не въ 1584 г., а въ 1575 г. и представляетъ собою, небольшую, рѣдчайшую теперь, книжку въ 126 стр.[2]. Въ 1584 г. Папроцкимъ была издана другая извѣстная его книга—*Herby Rycerstwa Polskiego*, которою г. Кулишъ и пользовался, разсказывая приключенія Зборовскаго у запорожцевъ; а такъ какъ разсказъ г. Эварницкаго о тѣхъ же приключеніяхъ сходенъ съ разсказомъ Кулиша, то слѣдуетъ думать, что указанная въ «Исторіи З. К.» *Panosza* источникомъ для г. Эварницкаго не служила, а могла служить такимъ источникомъ книга *Herby*, изданная въ 1584 г., какъ указано и у г. Эварницкаго, но только не о книгѣ *Herby*, а о книгѣ *Panosza*. Но сравнивая тексты Папроцкаго, г. Кулиша и г. Эварницкаго, оказывается, что послѣдній въ подробностяхъ своего разсказа пользуется текстомъ г. Кулиша едва ли не исключительно... Это можно видѣть изъ сопоставленія текстовъ всѣхъ трехъ историковъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

Папроцкій.	*Г. Кулишъ.*	*Г. Эварницкій.*
Tam znalazł 200 kozaków rzecznych, ktòry tylko zwierz a ryby łowią drugim na żywnośc, a ci już tam mieli starszego, co im rozkazował. Jest tam rzek wiele obfitych barzo w ryby i zwierz roznego rodzaju.... A tak gdy przyjechał Zborowski do miejsca onego, kedy się kozaky chowają,	Зборовскій засталъ на Самарѣ 200 такъ называемыхъ рѣчныхъ или водныхъ козаковъ, которые находились подъ начальствомъ особаго атамана и занимались исключительно рыболовствомъ да охотою. Шкуры звѣрей обращали они въ собственную пользу, а съѣстное *отсы-*	... гдѣ нашелъ 200 человѣкъ «рѣчныхъ» козаковъ съ ихъ атаманомъ, занимавшихся охотою и рыболовствомъ; эти рѣчные козаки, занимаясь звѣроловствомъ, кожи оставляли въ свою пользу, а мясо *отправляли за пороги къ жившимъ тамъ козакамъ-воинамъ* (II, 68).

[1]) Зачѣмъ приводится здѣсь ссылка на Нѣсецкаго—неизвѣстно; вѣроятно для одного лишь украшенія ученаго аппарата, такъ какъ о Самуилѣ Зборовскомъ у Нѣсецкаго имѣется всего нѣсколько строкъ, ничего новаго, сравнительно съ Папроцкимъ, не говорящихъ. См. «Herbarź» по изд. Бобровича, X, 134.

[2]) См. «Wiadomosć o życiu i pismach B. Paprockiego», въ приложеніи къ изданію Туровскаго—Herby Rycerstwa Polskiego, (Kraków, 1858) стр. 6.

wszyscy mu czołem uderzyli i posłuszeństwo wszelkie obiecali, bo ci tam ustawicznie między rzekami mieszkają, mając pożytek z zwierzu, jako z rysiów i z innych, a co do żywności należy, drugim odsyłają .... (Стр. 157 по изд. Туровск.).	*лали за пороги, гдѣ кочевали козаки-воины.* (I, 114).	
A gdy chciał przysięgi od murzów, oni mu rzekli, że *my tobie za to nie możem przyrzekać*...(Стр.161).	Зборовскій требовалъ, чтобы мурзы поклялись въ его безопасности. *Мурзы сказали, что это дѣло мусталика* (поручителя)... (I, 122).	Зборовскій обратился къ мурзамъ и потребовалъ, чтобы они поклялись за его безопасность. *На это мурзы отвѣчали, что за нихъ поклянется предъ нимъ ханскій поручитель.* (II, 72).

На стр. 123 г. Кулишъ разсказавъ о сношеніяхъ крымскаго хана съ Зборовскимъ, дѣлаетъ отступленіе отъ повѣствованія Папроцкаго и говоритъ о сношеніяхъ въ это время Самуила съ братомъ его Христофоромъ и о совѣтахъ послѣдняго Самуилу—возвратиться въ Польшу. Такое же отступленіе дѣлаетъ и г. Эварницкій, повторяя тотъ же разсказъ Кулиша съ нѣкоторыми варіантами (II, 73) [1]).

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что г. Эварницкій, излагая исторію Самуила Зборовскаго, повидимому, слѣдовалъ одному Кулишу, а непосредственно изъ Папроцкаго привелъ всего одну фразу въ подлинникѣ (стр. 67, прим. 1), которой у г. Кулиша нѣтъ.

Сравнивая далѣе «Исторію З. К.» съ «Исторіей Возсоединенія Руси», видно, что послѣдняя служила для первой чѣмъ то въ родѣ путеводнаго маяка. Авторъ И. З. К., придерживаясь фактовъ по

---

[1]) Варіанты эти у г. Эварницкаго иногда выходятъ довольно неудачны, такъ, напр., г. Кулишъ говоритъ: Христофоръ Зборовскій «считалъ (Баторія) недостойнымъ имени короля и грозилъ *соединеніемъ многихъ противъ него пановъ за униженіе ихъ (Зборовскихъ) достоинства*». У г. Эварницкаго это мѣсто изъ Кулиша переиначено такъ: «Криштофъ Зб-ій позорилъ короля, считалъ его недостойнымъ носить великое королевское званіе и сообщалъ брату о своемъ стараніи *составить партію солидарныхъ съ нимъ пановъ съ тѣмъ, чтобы унизить достоинство короля*». Хотя г. Кулишъ не указываетъ источника своей вставки въ разсказъ Папроцкаго, но вставка эта составлена по двумъ письмамъ Христофора Зб—аго къ Самуилу, напечатаннымъ въ Pamiętnikach o Samuelu Zborowskim, изд. въ Познани, 1844 г. стр. 28—33. Г. Эварницкій этого источника тоже не называетъ.

И. В. Р., опускаетъ, впрочемъ, всѣ обобщенія автора. Послѣ авантюры Зборовскаго г. Эварницкій подробно разсказываетъ исторію возстанія Косинскаго, Лободы и Наливайка, причемъ, при описаніи плѣненія послѣдняго, разсказы Кулиша (II, 145) и г. Эварницкаго (II, 161) *очень сходны* между собой, что можетъ быть происходитъ и отъ тождества источниковъ. Впрочемъ, къ фактамъ, изложеннымъ у Кулиша, г. Эварницкій вводитъ въ свою книгу добавленія изъ статьи г. Николайчика—«Первыя козацкія движенія въ Рѣчи-Посполитой» (Кіев. Стар. за 1884 г.). Исторію Наливайковскаго возстанія авторъ И. З. К. заключаетъ *обобщеніемъ*, выписываемымъ почти буквально изъ Антоновича и Костомарова, которыхъ, впрочемъ, тутъ же и указываетъ въ цитатахъ [1]).

Продолжая изложеніе фактовъ о политическихъ движеніяхъ днѣпровскаго козачества, г. Эварницкій разсказываетъ въ четырехъ главахъ (VIII—XI) событія отъ начала XVII в. до 1638 г. Источникомъ для событій первыхъ шести лѣтъ XVII в., кромѣ книги г. Кулиша, были еще и *Listy Żółkiewskiego* (Краковъ, 1856). При этомъ, встрѣтивъ у г. Кулиша разсказъ о подвигахъ козаковъ на Черномъ морѣ въ 1602 г., заимствованной изъ рукописи Публичн. б—ки, г. Эварницкій передаетъ этотъ разсказъ со своими варіантами, обозначая въ цитатахъ какъ рукопись Имп. публ. б—ки (польск. f., IV, № 71), такъ и книгу г. Кулиша, въ которой (II, 170) сдѣлана ссылка на эту рукопись. Такая ссылка г. Эварницкаго могла бы указывать, что онъ и самъ пользовался означенною рукописью, но сходство текстовъ книги г. Кулиша (стр. 171—173) съ книгою г. Эварницкаго (стр. 177—178) указываетъ какъ будто бы на заимствованіе свѣдѣній изъ одной книги г. Кулиша...

Участіе козаковъ въ польско-московской войнѣ смутнаго времени изложено почти исключительно по Соловьеву, безъ всякаго касательства первоисточниковъ.

Походы Сагайдачнаго въ Крымъ, на Черное море и подъ Хотинъ описаны по книгѣ г. Кулиша, причемъ, впрочемъ, г. Эварницкій на-

---

[1]) Въ описаніи подвиговъ Наливайка, между прочимъ, находится и то мѣсто, гдѣ авторъ «И. К. З», приведя отрывокъ изъ Боркулабовской лѣтописи о разореніи «мѣста побожного» Могилева, даетъ объясненіе (II, 135), что слово «побожное» указываетъ р. Бугъ, или Богъ, при которой-де находится г. Могилевъ (губ.).... На эту грубую ошибку было уже указано въ одной изъ газетныхъ рецензій.

зываетъ и «Комментаріи» Якова Собѣскаго, указывая какъ данцигское изданіе этихъ комментаріевъ 1646 г., такъ и извлеченіе изъ нихъ, напечатанное въ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1849 г., при чемъ остается неизвѣстнымъ, что̀ чему было предпочтено... Событія 1637—38 гг. у Эварницкаго описаны почему-то всего на одной страничкѣ, при чемъ можно думать, что авторъ и не знаетъ о существованіи «Діаріуша» Окольскаго, перепечатаннаго Туровскимъ въ 1858 г. и столько разъ цитируемаго г. Кулишемъ, при подробномъ описаніи возстаніи Остряницы и Гуни, но уже *не* въ «Исторіи Возсоединенія Руси», а въ другихъ его статьяхъ [1]).

Въ гл. XII-й изложены событія войны Хмельницкаго довольно бѣгло и безъ какой-либо системы; разсказавъ, напр., очень подробно Желтоводское сраженіе (даже съ рисунками находящихся тамъ «земляныхъ укрѣпленій»), о Корсунскомъ сраженіи г. Эварницкій едва упоминаетъ. Съ этого момента въ своемъ изложеніи г. Эварницкій какъ будто начинаетъ уже разграниченіе исторіи запорожскихъ козаковъ отъ исторіи «городовыхъ», на что̀ указываютъ и отдѣлы XII-й главы: *Недовольство запорожцевъ Хмельницкимъ... Сношенія Хмельницкаго съ запорожцами по поводу передачи Малороссіи Москвѣ.—Партія людей, не желавшихъ соединяться съ Москвой и бѣгство ея въ Запорожье* и пр. Однакожъ указываемое разграниченіе исторіи запорожскихъ козаковъ отъ исторіи «городовыхъ» совсѣмъ не удается автору. Онъ говоритъ, напр.,—«исходомъ Желтоводской битвы Хмельницкій обязанъ былъ сколько татарамъ, столько же, если не больше того, и запорожскимъ козакамъ, ихъ военнымъ силамъ (?), ихъ искусству строить земляныя укрѣпленія, ихъ арматамъ, вывезеннымъ изъ Сичи, ихъ мужеству и стойкости» (стр. 242). Тирада эта фактами, разумѣется, не подкрѣпляется, потому что она представляетъ лишь измышленіе автора... Г. Эварницкій желаетъ представить запорожцевъ чѣмъ-то въ родѣ такихъ же союзниковъ Хмельницкаго, какими были татары, но самъ же онъ нѣсколькими страницами раньше говоритъ, что

[1]) *Борьба шляхты съ козаками за обладаніе Украиной обѣихъ сторонъ Днѣпра.* Библ. для Чтен. 1863 г., сентябрь и слѣд. Эта статья есть продолженіе статей г. Кулиша—*Паденіе шляхетскаго господства въ Украинѣ* въ XVII в., печатавшихся въ Вѣстн. Юг.-Зап. Р. 1862 г. (№№ 7—12) и 1863 г. (№ 1). Содержаніе этихъ статей повторено и въ книгѣ «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши», но уже съ большими отличіями...

запорожцы объявили Хмельницкаго гетманомъ [1]), что *съ запорожцами онъ вышелъ изъ Сѣчи противъ поляковъ*, что *«запорожскій вождь»* (Хмельницкій) присоединилъ къ своему войску отрядъ «реестровыхъ козаковъ», шедшихъ къ Желтымъ Водамъ подъ начальствомъ польскихъ гетмановъ... Наконецъ, во все время войны съ поляками, да и послѣ, Хмельницкій иначе не пишется какъ гетманомъ *войска Запорожскаго...* Какимъ же образомъ запорожцы могли быть только помощниками Хмельницкаго, составляя ядро козацкаго войска?—Повидимому, г. Эварницкій о запорожцахъ имѣетъ здѣсь неясное представленіе...

Затѣмъ остальныя тринадцать главъ книги г. Эварницкаго (XIII—XXVI) заняты изложеніемъ событій, слѣдовавшихъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго; заканчиваются они 1686-мъ годомъ. Вся эта часть И. З. К. изложена преимущественно по лѣтописи Величка и по «Актамъ Южн. и Зап. Россіи», при чемъ авторъ щедро переноситъ отсюда на страницы своей исторіи «подлинныя письма историческихъ лицъ» (предисл., стр. II), загромождая свою книгу и здѣсь сырымъ матеріаломъ. Излагая событія второй половины XVII в., г. Эварницкій старается оттѣнять дѣятельность запорожскихъ козаковъ, но тѣни выходятъ слабыя и у него является изложеніе тѣхъ же событій, которыя разсказаны, напр., Костомаровымъ въ его «Руинѣ». Да оно иначе и быть не можетъ, потому что Запорожье было частью Малороссіи, и *исторія* его отъ исторіи послѣдней отдѣлена быть не можетъ. Запорожье отличалось отъ гетманщины только внутреннимъ своимъ распорядкомъ, какъ напр. сохранявшееся у запорожцевъ право выбора кошевыхъ очень разнило ихъ отъ гетманцевъ. Становились иногда запорожцы и въ оппозицію противъ гетмановъ (напр. противъ Дорошенка и Самойловича), но это обстоятельство указываетъ лишь на возможность заявленія въ «Сѣчи» болѣе громкихъ протестовъ противъ непопулярныхъ гетмановъ, чѣмъ въ «городахъ», гдѣ властно

---

[1]) Здѣсь (стр. 236) г. Эварницкій сообщаетъ очень любопытный разсказъ—какъ проведенъ былъ въ Сѣчи день избранія Хмельницкаго гетманомъ: «... Хмельницкій съ куренными атаманами отправился на обѣдъ въ курень кошеваго атамана. Отобѣдавъ *и немного погулявъ, (послѣ обѣда домо не гуляли, потому что всякъ имѣлъ у себя много на мысляхъ*), всѣ гости ушли по своимъ куренямъ для отдыха»... и т. д. Къ сожалѣнію, г. Эварницкій не указываетъ источника этихъ подробностей...

распоряжались полковники, бывшіе ставленниками этихъ самихъ гетмановъ...

Очень желалъ г. Эварницкій представить въ свѣтѣ и блескѣ «колоссальную личность» Сѣрка, но желаніе это не исполнено отъ неудачной группировки собраннаго матеріала [1]). А матеріалъ о Сѣркѣ собранъ г. Эварницкимъ дѣйствительно богатый...

Внесъ во II-й томъ своей И. З. К. г. Эварницкій и разсказъ Величка о попыткѣ турецкаго султана разорить Сѣчь въ 1675 г., но ни слова не сказалъ въ защиту дѣйствительности этого невѣроятнаго эпизода, который необходимо требуетъ провѣрки турецкими и татарскими источниками.

Что же даетъ второй томъ И. З. К.?—Пересказъ событій изъ политической жизни южнорусскаго козачества, основанный, относительно времени до пол. XVII в., на работѣ прежнихъ изслѣдователей и преимущественно г. Кулиша, а относительно второй половины XVII в.—на оффиціальныхъ документахъ, напечатанныхъ въ «Актахъ Ю. и З. Россіи». При этомъ авторъ ведетъ свой разсказъ такъ объективно, что его личное воззрѣніе на то или другое событіе остается неизвѣстнымъ: нигдѣ нѣтъ и намека на такъ называемую критику или на обобщенія... Авторъ вноситъ въ свою книгу все, что ему встрѣчается въ побывавшихъ въ его рукахъ книгахъ, относительно описываемыхъ событій: говоря напр. о Сѣркѣ, г. Эварницкій находитъ почему-то нужнымъ упомянуть даже и о томъ, что у нѣмцевъ (?) онъ называется Циркомъ... Вмѣстѣ съ симъ, авторъ усиленно заботится о снабженіи своей книги обильнымъ ученымъ аппаратомъ. Пожаловавшись, что «Исторія З. К.» написана среди песковъ Туркестанскаго края, г. Эварницкій указываетъ однакожъ рѣдчайшія изданія сочиненій Папроцкаго, цитируетъ *рукописи* Публичной Библіотеки, ссылается на исторію Отоманской имперіи Гаммера не только въ нѣмецкомъ ея подлинникѣ, но и во французскомъ переводѣ [2])…. Но поль-

---

[1]) Указаніе любопытныхъ противорѣчій г. Эварницкаго при обрисовкѣ личности Сѣрка сдѣлано г. Михневичемъ въ газ. «Новости» 1895 г., № 68.

[2]) Повидимому, впрочемъ, ссылки на книгу Гаммера заимствованы г. Эварницкимъ изъ книги Костомарова—*Б. Хмельницкій*. (Ср. «Богд. Хм.», изд. 1884 г., стр. 71, 85 и друг. I-го тома и—«Ист. З. К.», стр. 206, 214 и друг. II-го тома). Особенно характерна ссылка на книгу Гаммера на стр. 214-й, гдѣ назвавъ книгу послѣдняго въ нѣмецкомъ подлинникѣ и указавъ томъ и страницу (V, 128), г. Эварницкій тутъ же

зуясь такимъ богатымъ аппаратомъ, авторъ совершенно пренебрегъ пріемами ученой критики, послѣдствіемъ чего явилось полное отсутствіе научности въ его трудѣ.

А. Лазаревскій.

добавляетъ: «тоже Histoire de l'Empire Ottoman, t. X—XI», т. е. вмѣсто опредѣленной ссылки на страницу нѣмецкаго подлинника, указываются *два тома* французскаго перевода... Такое указаніе объясняется тѣмъ, что оно списано изъ перечня источниковъ, помѣщеннаго при книгѣ *Б. Хмельницкій* (стр. X), гдѣ подъ № 75 указанъ V-й томъ подлинника и—«X—XI томы французскаго перевода»...

«Мегалитическіе памятники Святой земли». Изслѣдованіе профессора Кіевской Духовной Академіи А. А. Олесницкаго. Спб. 1895 г.

Настоящее изслѣдованіе принадлежитъ перу извѣстнаго знатока библейскаго Востока, съ которымъ уважаемый авторъ познакомился не книжнымъ только путемъ, но и путемъ непосредственнаго изученія памятниковъ Святой земли во время неоднократнаго туда путешествія. Почти полная новизна въ нашей археологической литературѣ даннаго предмета, его высокій научный интересъ, наконецъ, выдающіяся достоинства настоящаго изслѣдованія, заставляютъ насъ сначала, хотя и въ возможно сжатой формѣ, передать его содержаніе.

Въ сочиненіи четыре главы или отдѣла. Первый отдѣлъ является какъ бы введеніемъ въ изслѣдованіе о мегалитическихъ памятникахъ Св. земли. Здѣсь авторъ знакомитъ читателя съ видами памятниковъ—микролитическихъ и мегалитическихъ—и ихъ распространенностью на земномъ шарѣ. Ничего не могло быть естественнѣе, говоритъ авторъ, какъ сдѣлать камень выраженіемъ своей мысли. И ничего не могло быть проще этого. Стоило только первый попавшійся камень поставить въ особое искусственное положеніе, въ какомъ онъ не встрѣчается въ природѣ, чтобы сдѣлать его предметомъ вниманія проходящихъ и возбудить въ нихъ желаніе угадать его значеніе. Потому-то въ древней символикѣ кучи камней, сложенныхъ съ извѣстною цѣлью, служили образомъ буквеннаго шрифта, постепенно образовавшагося изъ своихъ элементовъ. Вездѣ, гдѣ нынѣшній путешественникъ вынимаетъ дорожную тетрадь и записываетъ свое впечатлѣніе, древній странникъ, не знавшій употребленія письма, ставитъ *камень свидѣтельства*, увѣковѣчиваетъ для него его мысль или чувство. Самый простой и потому самый общій способъ употребленія камней, какъ

свидѣтелей или выразителей мысли и чувства первобытнаго человѣка, представляли простые *кучи грубыхъ мелкихъ* камней, поднятыхъ при пути и извѣстнымъ образомъ сложенныхъ. Уже три четыре мелкихъ камня, положенныхъ извѣстною условною кучею, то или другое говорили знающему языкъ камней. Чѣмъ болѣе сильное требовалось свидѣтельство, тѣмъ болѣе увеличивались кучи камней, возраставшихъ иногда до цѣлыхъ каменныхъ холмовъ или *кэрновъ*. Одни кэрны имѣли частное, другіе—общественное значеніе. Первые и вторые постепенно росли въ своемъ объемѣ, ибо обычай требовалъ, чтобы каждый мимоидущій, кто только зналъ связанное съ кэрномъ преданіе или раздѣлялъ выраженное имъ вѣрованіе, прибавлялъ свой камень къ камнямъ своихъ предшественниковъ и тѣмъ увеличивалъ свидѣтельство народа. Посредствомъ метанія въ кучи камней можно было засвидѣтельствовать всякую мысль, всякое вѣрованіе; оттого и значеніе кэрновъ не у всѣхъ народовъ было одинаково. Съ перемѣной жителей въ данной области первоначальное значеніе каменныхъ памятниковъ забывалось и замѣнялось новымъ, соотвѣтствовавшимъ воззрѣнію новаго народа, который продолжалъ увеличивать объемъ унаслѣдованныхъ кэрновъ. Обычай создавать кэрны признается общимъ всѣмъ древнимъ народамъ; онъ неизвѣстенъ былъ развѣ только тамъ, гдѣ вовсе не было камней; но въ такомъ случаѣ камень замѣнялся другимъ матеріаломъ, напр. кучами земли, хвороста и др. Однакожъ чаще всего обычай этотъ встрѣчается у народовъ кочевыхъ, и вообще у людей странствующихъ, напримѣръ пилигримовъ, которые любили проходимые ими пути отмѣчать *камнями свидѣтельства*. Что же касается времени возникновенія этого обычая, то, по мнѣнію Тэйлора, кэрны своимъ началомъ принадлежатъ первому (палеолитическому) періоду каменнаго вѣка, хотя ихъ употребленіе пережило бронзовый и перешло въ желѣзный.

Принадлежа всему земному шару, кэрны должны считаться первымъ и основнымъ видомъ грубыхъ каменныхъ памятниковъ. Въ противоположность этимъ микролитамъ первобытная археологія различаетъ *мегалиты*, т. е. памятники, состоящіе изъ массивныхъ каменныхъ глыбъ. Какъ въ настоящее время, рядомъ съ простыми кучами земли, на могилахъ стоятъ массивные, гранитные и мраморные, монолиты,—такъ и въ грубый вѣкъ человѣческой жизни слагали не только кэрны изъ мелкихъ камней, но и ставили большіе грубые камни сви-

дѣтельства. Выборъ тѣхъ или другихъ обусловливался нѣкоторыми чисто внѣшними обстоятельствами, которыми слѣдуетъ также объяснять и относительно меньшую распространенность на земномъ шарѣ мегалитовъ сравнительно съ микролитами. А что тѣ и другіе связаны единствомъ происхожденія это видно, хотя бы, напр., изъ извѣстной библейской исторіи разставанья Іакова съ Лаваномъ. «И взялъ Іаковъ камень, и поставилъ его памятникомъ. И сказалъ Іаковъ родственникамъ своимъ: наберите камней. Они взяли камни, и сдѣлали холмъ; и ѣли и пили на томъ холмѣ.... И сказалъ Лаванъ Іакову: вотъ камень сей и вотъ памятникъ, который я поставилъ между мною и тобою. Этотъ холмъ свидѣтель и этотъ памятникъ свидѣтель, что ни я не перейду къ тебѣ за этотъ холмъ, ни ты не перейдешь ко мнѣ за этотъ холмъ и за этотъ памятникъ, для зла» (Быт., XXXI, 45—46, 51).

Вотъ важнѣйшіе виды мегалитовъ. *Менгиръ*—это монолитъ, представляющій изъ себя болѣе или менѣе крупную каменную глыбу, поставленную стоймя и имѣющую видъ грубаго столба или обелиска. *Полудольменъ*—это массивный кусокъ каменнаго пласта, однимъ концомъ лежащій на землѣ, а другимъ концомъ приподнятый и положенный на грубой каменной поднорѣ. Разновидностью полудольмена слѣдуетъ признать такъ называемые *трясущіеся камни*, которые отличаются отъ обыкновенныхъ полудольменовъ тѣмъ, что они укрѣплены на своей подставкѣ *не неподвижно*, а въ приспособленіи къ качаніямъ или колебаніямъ, такъ что сильный вѣтеръ или легкое прикосновеніе руки приводитъ ихъ въ колебательное состояніе. Полудольменъ представляетъ собою какъ бы переходную ступень отъ менгира къ *дольмену*, который имѣетъ форму продолговатой каменной плиты, вполнѣ приподнятой надъ землею въ горизонтальномъ положеніи. Если верхняя каменная плита укрѣплена на двухъ подставкахъ, то такой дольменъ, имѣя форму двери, по числу камней называется *трилиѳономъ;* если она укрѣплена на одной въ центрѣ находящейся подставкѣ, то дольменъ называется *билиѳономъ*. Билиѳоны также, какъ и полудольмены, имѣютъ иногда форму трясущихся камней. Дольменъ можетъ имѣть и больше двухъ подставокъ, которые иногда бываютъ расположены такъ, что конструкція дольмена принимаетъ видъ закрытой камеры. Проф. Олесницкій, вопреки мнѣнію Фергюссона, совершенно основательно предполагаетъ, что форма

дольмена развилась изъ формы полудольмена, ибо гораздо легче допустить, что болѣе сложная форма развилась изъ простѣйшей, чѣмъ на оборотъ, какъ это думаетъ Фергюссонъ. Конструкція дольмена въ разныхъ мѣстахъ извѣстна подъ разными названіями. Такъ въ Шотландіи дольмены называются *кромлехами*, съ каковымъ терминомъ позднѣйшая французская традиція соединяетъ представленіе о кругѣ, образованномъ изъ соединенія многихъ менгировъ.

Между дольменами различаютъ памятники *открытые*, т. е. открыто стоящіе на поверхности земли, и *закрытые*, т. е. засыпанные земляными курганами.

Наконецъ, дольмены, какъ и менгиры, встрѣчаются и по одиночкѣ и большими группами; иногда они въ своемъ соединеніи представляютъ прямые ряды, а иногда болѣе или менѣе правильные круги. Въ первомъ случаѣ изъ дольменовъ иногда образуются такъ называемыя *крытыя аллеи*, или гроты фей, образуемыя изъ цѣлаго ряда трилиѳоновъ, поставленныхъ въ такомъ соединеніи, что изъ ихъ подставныхъ камней образуются двѣ параллельныя стѣны, а изъ ихъ верхнихъ камней—одна общая крыша.

До 1863 г. грубые каменные памятники обыкновенно назывались кельтскими. Но съ этого времени, съ легкой руки франц. археолога Рене Галль, ихъ стали называть *мегалитическими* памятниками, или просто мегалитами, въ противоположность микролитамъ, подъ которыми разумѣются памятники, сложенные изъ мелкихъ камней.

Что касается географическаго распредѣленія мегалитическихъ памятниковъ, то вопросъ этотъ не можетъ быть признанъ вполнѣ обслѣдованнымъ. Тѣмъ не менѣе, если бы необходимо было указать географическій центръ въ распредѣленіи мегалитическихъ памятниковъ на земномъ шарѣ, то такимъ центромъ, говоритъ авторъ, нужно было бы признать Палестину. Хотя многія страны, особенно лежащія на востокъ отъ Палестины, въ глубинѣ Азіи, еще не вполнѣ обслѣдованы со стороны ихъ грубыхъ памятниковъ, а потому и точной карты распредѣленія мегалитовъ на земномъ шарѣ еще нельзя составить, но несомнѣнно то, что они встрѣчаются равно и на востокъ отъ Палестины, до Индійскаго и Тихаго океановъ, и на западъ отъ Палестины, до Атлантическаго океана. Ближайшими сосѣдями палестинскихъ дольменовъ нужно считать наши русскіе дольмены сѣвер-

наго и восточнаго побережья Чернаго моря, включая сюда и дольмены Арменіи, вокругъ озера Ванъ и небольшое число этихъ памятниковъ въ Персіи. Далѣе слѣдуютъ дольмены бассейна Средиземнаго моря: въ Мореѣ, Тосканѣ, Корсикѣ, области Ліонскаго залива и Гренады, Туниса и Алжира; мегалиты береговъ Атлантическаго океана: Португаліи, Испаніи, Франціи, Англіи; мегалиты Сѣвернаго и Балтійскаго морей: датскіе, нѣмецкіе, скандиновскіе. Больше всего грубыхъ памятниковъ находимъ на французской территоріи. Начиная отъ двухъ сѣверныхъ полуостровов Франціи—Бретони и Нормандіи, гдѣ наиболѣе густы группы мегалитовъ, линія мегалитическихъ памятниковъ перерѣзаетъ вкось всю Францію, до Ліонскаго залива. Преобладающимъ типомъ здѣсь является дольменный. Напротивъ, въ Англіи, гдѣ грубыхъ памятниковъ много по западному берегу Англіи, восточному Ирландіи, сѣверной части Шотландіи и на островахъ Оркодскихъ, господствуетъ менгирный типъ съ расположеніемъ камней кругами. Въ Германіи наиболѣе мегалитовъ по обоимъ берегамъ нижняго теченія Эльбы, въ Ольденбургѣ и Мекленбургѣ; чѣмъ выше идти по Эльбѣ, тѣмъ мегалитовъ меньше, хотя они еще долго встрѣчаются по теченію этой рѣки. Вообще въ Европѣ, по-видимому, приложимо правило: чѣмъ дальше на Западъ, тѣмъ грубыхъ памятниковъ больше. Тоже нужно сказать и объ Африкѣ: берега Африканскаго Триполи имѣютъ уже довольно мегалитовъ; но западнѣе лежащій Алжиръ по своимъ мегалитамъ долженъ быть поставленъ гораздо выше. Во всякомъ случаѣ, распространеніе мегалитовъ, очевидно, идетъ морскими путями: чѣмъ дальше въ глубину Европы, тѣмъ все меньше мегалитическихъ памятниковъ. Равнымъ образомъ и въ Азіи главныя территоріи мегалитовъ можно считать береговими, какъ то: палестинскую, аравійскую, индійскую и японскую. Особенно же распространеніе дольменнаго типа мегалитическихъ памятниковъ идетъ въ глубину материковъ всегда отъ береговыхъ пунктовъ.

Самые значительные по объему мегалиты встрѣчаются во Франціи, Англіи и Алжирѣ. Есть менгиры, достигающіе 50 и болѣе фут. высоты. Извѣстенъ дольменъ, столовая плита котораго имѣетъ 65 футовъ длины, при 26 фут. ширины и 10 фут. толщины. Самую замѣчательную по своей сложности мегалитическую конструкцію представляетъ англійскій кромлехъ Эвбюри, имѣющій 1200 фут. въ діаметрѣ.

Къ разряду «камней свидѣтельства» слѣдуетъ отнести и такъ называемые чашечные камни, т. е. камни испещренные особаго рода мѣтками или значками. Основные элементы, изъ которыхъ образуются эти мѣтки или значки, составляютъ чашечки, переходящіе иногда въ простыя точки и линіи, прямыя и искривленныя. Изъ сочетанія этихъ основныхъ элементовъ образуются нерѣдко довольно сложныя фигуры, напоминающія собою гіероглифическое письмо. Эти мѣтки или значки встрѣчаются на менгирахъ и дольменахъ; но гораздо чаще ихъ можно встрѣтить на натуральныхъ частяхъ скалы, на вершинахъ или ребрахъ горъ, или же на отдѣльныхъ большихъ каменныхъ глыбахъ, не имѣвшихъ, повидимому, значенія мегалитическихъ памятниковъ. Чашечные камни распространены по всей Европѣ; встрѣчаются въ Африкѣ и Азіи (Индіи), хотя двѣ послѣднія страны въ разсматриваемомъ отношеніи еще мало изслѣдованы. Вопросъ о значеніи чашечныхъ камней находится пока въ зачаточномъ состояніи, хотя есть серьезное основаніе думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдолбленныя въ камняхъ чаши служили для совершенія жертвоприношеній. Принадлежа своимъ началомъ глубокой древности, обычай долбленія въ камняхъ чашъ практикуется и въ позднѣйшее время. Подобныя чаши встрѣчаются даже и на стѣнахъ христіанскихъ храмовъ, причемъ онѣ иногда связаны бываютъ съ народнымъ суевѣріемъ.

Давъ общее понятіе о мегалитическихъ памятникахъ, авторъ, во второй главѣ, приступаетъ къ обзору библейскихъ свидѣтельствъ объ этихъ памятникахъ и пополняетъ эти свидѣтельства показаніемъ писателей греческихъ и римскихъ, а въ заключеніе останавливается на народныхъ преданіяхъ.

Вопреки мнѣнію Фергюссона, утверждающаго, что въ Библіи нѣтъ и не можетъ быть никакого указанія на мегалитическіе памятники, авторъ утверждаетъ, что въ библейскихъ книгахъ встрѣчаются ясныя и опредѣленныя указанія на эти памятники и что на основаніи этихъ указаній можно даже установить такое общее правило: мегалитическіе памятники находятся въ періодѣ развитія въ предѣлахъ Палестины, начиная отъ первобытныхъ временъ до вавилонскаго плѣна; послѣ плѣна ихъ развитіе ослабѣваетъ и видоизмѣняется. Первое ясное свидѣтельство о мегалитическомъ памятникѣ содержится въ извѣстномъ разсказѣ кн. Бытія о путешествіи Іакова въ Месо-

потамію къ дядѣ своему Лавану. По пути въ Харранъ, читаемъ здѣсь, Іаковъ «пришелъ на одно мѣсто, и остался тамъ ночевать, потому что зашло солнце. И взялъ одинъ изъ камней того мѣста, и положилъ себѣ изголовьемъ, и легъ на томъ мѣстѣ». Описавъ, далѣе, видѣнный Іаковомъ сонъ, свящ. бытописатель продолжаетъ: «И всталъ Іаковъ рано утромъ, и взялъ камень, который онъ положилъ себѣ изголовьемъ, и *поставилъ его памятникомъ;* и возлилъ елей на верхъ его»...., сказавъ: «этотъ камень, который я поставилъ памятникомъ, будетъ (у меня) домомъ Божіимъ» (XXVIII, 11, 18, 22). Вообще, мегалитическіе памятники, восходя до временъ патріархальныхъ, особенно часто начинаютъ встрѣчаться въ исторіи и законодельствѣ Моисея. И въ то время, какъ мегалиты языческихъ ханаанскихъ культовъ въ ветхозавѣтномъ законодательствѣ подвергаются запрещенію, мегалиты имени Іеговы, Бога Израилева, воздвигнутые по точному смыслу жертвенниковъ Авраама и Іакова, пользуются извѣстностью еще долго, до времени построенія іерусалимскаго храма. Съ появленіемъ же храма упоминаются только языческіе памятники этого рода съ самыми строгими обличеніями ихъ. Внимательный анализъ относящихся сюда мѣстъ библейскаго текста даетъ возможность автору указать слѣдующіе виды мегалитическихъ памятниковъ, извѣстныхъ древней Палестинѣ.

Бама—имя дольменной конструкціи, имѣвшей значеніе нѣкоего культоваго или богослужебнаго центра. Бамы употреблялись до построенія храма Соломонова, хотя и послѣ не вышли совершенно изъ употребленія и распространены были въ той или другой степени по всей Палестинѣ. Истребителемъ бамъ является царь Іосія, которымъ онѣ разрушены были во всей Іудеѣ. Потому-то въ области Іудейскаго царства не сохранилось до настоящаго времени ни одного экземпляра дольменной конструкціи, но за Іорданомъ, въ области Моава и Аммона, куда мало проникала ревность служителей Іеговы, бамы сохранились въ весьма большомъ количествѣ.

Изъ памятниковъ менгирнаго типа самымъ распространеннымъ былъ *мацеба* или *мацебетъ*, т. е. камень, имѣвшій видъ столба. На ряду съ нимъ, какъ его разновидности, встрѣчаются памятники руки, ноги, пальца, родопроизводительнаго члена. Въ противоположность бамѣ, имѣвшей всегда непосредственное отношеніе къ культу, какъ его ковчегъ или жертвенникъ, памятникъ маццебетъ или мен-

гиръ имѣетъ, прежде всего, отношеніе къ жизни отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ фамилій и цѣлаго народа. Памятники менгирнаго типа часто служили эмблемой плодородія и къ нимъ обращались за благословеніемъ многочадія, за плодомъ чрева. Иногда они были пограничными камнями, надѣленными особою таинственною, благодѣтельною или враждебною, силою. Особенно почитались камни, упавшіе съ неба (аэролиты или метеоролиты). Менгиры или маццеба употреблялись, наконецъ, какъ *надгробные* памятники. Таковъ маццебетъ, поставленный Іаковомъ надъ гробомъ Рахили. Къ типу же менгировъ слѣдуетъ отнести и *хаммани*, столбы солнца, встрѣчающіеся въ библейскихъ изображеніяхъ ханаанскихъ культовъ; при жертвенникахъ Ваала такихъ хаммановъ встрѣчалось много. Хаммани—это мегалиты конической или пирамидальной формы, имѣвшія значеніе приношеній божеству по случаю трудныхъ обстоятельствъ жизни. Извѣстны Библіи и чашечные камни. Терминомъ, служившимъ для обозначенія этого типа памятниковъ въ Библіи, былъ *«камень маскитъ»*, имѣвшій свою разновидность, извѣстную подъ именемъ «камеры маскитъ». Палестинскіе «камни маскитъ» имѣли, по-видимому, значеніе жертвенныхъ сосудовъ. Въ Моисеевомъ законодательствѣ есть прямыя предписанія, направленныя противъ этого вида мегалитовъ: *«не ставьте себѣ камня маскитъ, чтобы поклоняться ему»* (Лев. 26, 1).

Наряду съ памятниками дольменнаго и менгирнаго типа, въ Библіи встрѣчается прямое указаніе на *кромлехи*, для обозначенія которыхъ служили термины: *«галгала»*, или *«галгалы»*, *«хацеръ»* и *«зохелетъ»*, т. е. *камень змѣи, змѣящійся камень*. При большихъ кромлехахъ здѣсь встрѣчались иногда отдѣльные дольмены или менгиры, стоявшіе внѣ круга и указывавшіе, по-видимому, мѣсто восхожденія солнца, причемъ самые круги могли изображать горизонтъ. Кромѣ астрономическаго значенія, кромлехи на дальнемъ востокѣ имѣли еще особое магическое и заклинательное значеніе. На ряду съ кромлехами, т. е. кругами изъ многихъ камней, можно упомянуть объ отдѣльныхъ круглыхъ камняхъ, извѣстныхъ подъ именемъ камней *«диска»* (дибла).

Авторъ «Второзаконія» (12, 2—5) предписываетъ евреямъ истребить всѣ *мѣста*, гдѣ народы, которыми они должны были завладѣть, служили богамъ своимъ. Слово «мѣсто»—*макомъ*—позднѣе по-

лучило специальное значеніе и, подъ именемъ *мукама*, стало означать у арабовъ или небольшую часовню, покрытую куполомъ и увѣнчанную полумѣсяцемъ, или просто кругъ, сложенный изъ небольшихъ грубыхъ камней. Въ виду того, что съ мукамами преданіе обыкновенно связываетъ имя какого-либо лица, жившаго на мѣстѣ ихъ сооруженія, въ нихъ часто встрѣчаются гробничные саркофаги, дѣйствительные или, чаще всего, мнимые (кенотафіумы).

Всѣ перечисленные виды памятниковъ относятся къ типу мегалитовъ. Но въ Библіи встрѣчается еще больше указаній на *кэрны*, т. е. кучи, сложенныя изъ мелкихъ камней, возникавшія, наприм., при побіеніи камнями преступниковъ. Кромѣ общаго названія (куча, холмъ, холмъ камней), въ Библіи для означенія кэрна служилъ терминъ «*маргема*», получившій позднѣе спеціальное значеніе *марколиса*, т. е. камня Меркурія или Гермеса, патрона путешественниковъ. Особенно часто встрѣчаются въ Палестинѣ небольшія кучки камней, носящія въ настоящее время названіе «мешхедъ» и «кегакиръ». Это небольшіе столбики изъ пяти-шести поднятыхъ мелкихъ камней, наполняющихъ всѣ палестинскія дороги. Чаще всего кегакиры свидѣтельствуютъ о близости мукама, такъ какъ и ставятся они обыкновенно въ честь лица, имя котораго связано съ мукамомъ данной мѣстности. Впрочемъ, кегакиры имѣютъ иногда значеніе простыхъ путевыхъ знаковъ.

Мегалитическіе памятники всѣхъ указанныхъ типовъ иногда группировались около того или другого центра; тогда они объединялись во-едино однимъ общимъ культовымъ значеніемъ. Первоначально такіе центры изображали сонмъ небесныхъ свѣтилъ и окружались вѣрованіями въ ихъ силу. Позднѣе смыслъ этотъ исказился и они, на подобіе индійскихъ лингамъ, стали центрами разврата, смѣнявшагося, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, человѣческими жертвоприношеніями. Въ Библіи, особенно въ книгахъ пророческихъ, нерѣдко встрѣчаются обличенія по адресу «дѣвы израилевой», которая то блудодѣйствовала съ камнемъ, то обогряла его кровью сыновъ своихъ и дочерей своихъ. Впрочемъ, у тѣхъ же пророковъ встрѣчаются предсказанія, что камни эти скоро превратятся въ гробницы. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ мегалитовъ Палестины позднѣе служили гробницами дѣйствительными, или кенотафіумами.

Когда прекратилось сооруженіе въ Палестинѣ мегалитическихъ памятниковъ также неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, когда оно началось. Несомнѣнно только, что въ талмудическій періодъ чествовались одни мегалиты природные. Слѣдуетъ замѣтить, что на древнихъ палестинскихъ мегалитахъ никакого слѣда надписей не найдено.

Въ дополненіе къ библейскимъ свидѣтельствамъ авторъ приводитъ свидѣтельства нѣкоторыхъ классическихъ писателей (Гомера, Плинія Старшаго, Страбона и др.) и на основаніи ихъ дѣлаетъ выводъ, что въ классической цивилизаціи камнепоклоненіе нашло для себя не противника, а покровителя. Только христіанство рѣшительно возстало противъ этого языческаго обычая, а поэтому съ обличеніемъ его мы встрѣчаемся какъ у отцовъ и учителей церкви, такъ и въ постановленіяхъ нѣкоторыхъ помѣстныхъ соборовъ. Въ заключеніе главы авторъ останавливается на западно-европейскихъ народныхъ сказаніяхъ о мегалитическихъ памятникахъ, причемъ отличаетъ въ нихъ два цикла—древнѣйшій и новѣйшій.

Познакомившись съ свидѣтельствами письменныхъ источниковъ, авторъ въ III главѣ, пользуясь главнымъ образомъ трудами Кондера и Шумахера, переходитъ къ обозрѣнію самыхъ мегалитическихъ памятниковъ Палестины, причемъ вновь обращается къ библейскому тексту и старается отыскать здѣсь свидѣтельства, относящіяся спеціально къ той или другой группѣ памятниковъ.

Мегалитическими памятниками изобилуетъ собственно восточная, заіорданская, Палестина; недаромъ она въ Библіи называется *Галаадъ*, т. е. страна грубыхъ каменныхъ памятниковъ. При обозрѣніи Заіорданской страны авторъ дѣлитъ ее на двѣ области: *южную*, Галаадъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, занимавшую пространство отъ р. Іармука (впадаетъ въ Іорданъ нѣсколько южнѣе Генизаретскаго озера) до р. Арнона (впадаетъ въ Мертвое море) и *сѣверную* (область Джолана), расположенную въ бассейнѣ Іармука.

Начиная свой обзоръ съ области Галаадской, авторъ прежде всего останавливается на самой сѣверной группѣ этой области, расположенной въ окрестностяхъ города Ирбида. Ирбидская группа распадается на пять мелкихъ группъ и въ ней насчитывается отъ 800 до 1000 памятниковъ. Господствующій видъ мегалитовъ—дольмены. Одни изъ нихъ стоятъ на скалистомъ грунтѣ, другіе на особаго рода террасовидныхъ основаніяхъ, созданныхъ изъ одного или нѣсколь-

кихъ пластовъ камней; попадаются дольмены, обнесенные каменными кругами. При изслѣдованіи во внутреннихъ камерахъ обыкновенно попадалась въ центрѣ каменная плита съ остатками на ней пепла, угля и мелкихъ частицъ костей; встрѣчались и нѣкоторые другіе предметы, напр. кольца. Что же касается происхожденія этой группы мегалитовъ, то, по предположенію автора, основаніемъ для нее могли послужить памятники, воздвигнутые при прощаньи Іакова съ Лаваномъ. Этотъ то Галаадъ Іакова позднѣе превратился въ большой центръ языческаго культа.

Слѣдующая обслѣдованная группа мегалитовъ находится въ верховьяхъ р. Іавока, въ окрестностяхъ г. Аммона, древней столицы Аммонитскаго царства. Группируясь около двухъ центровъ, Аммонскіе мегалиты тоже принадлежатъ по преимуществу къ дольменному типу, хотя тутъ же попадаются одиноко стоящіе менгиры. Не отличаясь численностью, мегалиты этой группы характеризуются значительностью размѣровъ, присутствіемъ чашечныхъ камней, грубостью и примитивностью формъ, доходящими въ нѣкоторыхъ случаяхъ до полной невозможности сдѣлать точное разграниченіе между типами дольменнымъ и менгирнымъ. Аммонскіе дольмены любопытны еще въ томъ отношеніи, что они не только не могутъ быть приняты за гробничныя цисты, но и прямо отрицаютъ своимъ видомъ всякую мысль о гробницѣ.—Отстраняя мысль Кондера, что основаніемъ этой группы могъ послужить мегалитъ, извѣстный въ Библіи подъ именемъ *одра Ога, царя вассанскаго*, авторъ, вопреки мнѣнію Фергюссона, утверждающаго, что первые мегалиты Палестины не древнѣе эпохи водворенія здѣсь римскаго вліянія, полагаетъ, что первыми строителями аммонскихъ мегалитовъ были извѣстные библейскіе великаны-рефаимы, сыны Енаковы, хотя и допускаетъ, что продолжателями ихъ могли быть древніе, смѣнившіе ихъ, народы. Паденіе же власти исполиновъ-рефаимовъ въ Палестинѣ имѣло мѣсто около времени Моисея.

Первая отъ Аммона къ югу группа мегалитовъ расположена въ окрестностяхъ развалинъ древняго города Хесбана, на горѣ, называемой у нынѣшнихъ бедуиновъ ел-Курмія, т. е. твердыня или крѣпость. Господствующее значеніе въ этой группѣ принадлежало древнему кэрну, огражденному двумя концентрически расположенными кругами изъ грубыхъ камней; на нѣкоторыхъ изъ нихъ, а равно и въ грунтѣ живой скалы, обнаружено присутствіе мелкихъ чашечекъ.

Всѣхъ мегалитовъ въ этой группѣ насчитывается 26. За исключеніемъ одного менгира, всѣ остальные принадлежатъ къ типу дольменовъ или полудольменовъ. Къ хесбанской группѣ принадлежитъ трилиѳонъ, который по своей отдѣлкѣ можетъ быть признанъ чуть ли не совершеннѣйшимъ мегалитомъ этого типа въ за-Іорданской области. Въ образуемую тремя камнями дверь можетъ пройти человѣкъ лишь слегка нагнувшись; полъ покрытъ обсѣченною по мѣркѣ плитою; на верхней столовой доскѣ имѣется семь мелкихъ чашъ. Въ сосѣдствѣ съ этимъ дольменомъ найдена небольшая ниша (1 ф. шир., $1^1/_2$ ф. выс. и 9 дюйм. глубины), вырубленная въ отбитомъ кускѣ камня, и сверхъ того двѣ вырѣзки въ скалѣ; всѣ онѣ, по предположенію автора, служили для храненія какихъ либо предметовъ, необходимыхъ для совершавшагося здѣсь богослуженія. Письменные источники не даютъ точныхъ указаній на происхожденіе разсматриваемой группы мегалитовъ. Если же сравнить ее съ двумя предыдущими, то можно сдѣлать такой выводъ. Развитіе мегалитическаго центра при Хесбанѣ было болѣе благопріятнымъ и пошло далѣе, чѣмъ въ Аммонѣ, но, съ другой стороны, не достигло того состоянія, въ какомъ находились мегалиты Ирситскихъ группъ, гдѣ полудольменовъ вовсе нѣтъ, гдѣ дольмены имѣютъ видъ не билиѳоновъ или трилиѳоновъ, но вполнѣ закрытыхъ камеръ, гдѣ дольмены воздвигаются на искусственныхъ, часто весьма значительныхъ, террасахъ, и соединены каменными аллеями.

Къ группѣ хесбанскихъ мегалитовъ, въ качествѣ побочныхъ развѣтвленій ея, можно причислить грубые каменные памятники, открытые на двухъ сосѣднихъ горахъ ел-Калуа и Сумія. Мегалиты горы ел-Калуа (дольмены) характеризуются безъискусственностью формы, присутствіемъ чашъ и камеръ, выдолбленныхъ въ обломкахъ скалъ. Большинство мегалитовъ горы Суміи—полудольмены; сколько нибудь замѣчательныхъ дольменовъ здѣсь нѣтъ.

Къ югу отъ хесбанской группы лежитъ новая значительная группа мегалитическихъ памятниковъ, имѣющая своимъ центромъ гору Неба; это библейская Наватъ, съ которой Моисей обозрѣвалъ Обѣтованную землю и на которой онъ умеръ. Центральное положеніе въ этой группѣ, какъ и на горѣ Курмія, занимаетъ кэрнъ, теперь уже почти совсѣмъ разрушенный. Есть основаніе думать, что гора Неба по всѣмъ своимъ склонамъ усѣяна была дольменами; но многіе

изъ нихъ были разрушены одновременно съ разрушеніемъ кэрна. Любопытно то, что и этотъ кэрнъ, какъ и курмійскій, имѣетъ при себѣ кругъ; но только этотъ кругъ не окружаетъ кэрнъ, а находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него. Мегалиты горы Неба распадаются на нѣсколько группъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ группа, расположенная при южной подошвѣ горы; главный памятникъ этой группы носитъ названіе Гаданія, т. е. погребеніе; онъ состоитъ изъ двухъ круговъ—древняго и новѣйшаго, гробницы и развалинъ у источника айнъ-Джидедъ. Внутренность этого круга, имѣющаго 250 футовъ въ діаметрѣ, раздѣлена валомъ, идущимъ съ запада на востокъ и опредѣлявшимъ, по мнѣнію Кондера, линію лѣтняго солнцестоянія. На линію этого вала, въ нѣкоторомъ разстояніи на востокъ, насыпанъ большой кэрнъ. И этотъ валъ и этотъ кэрнъ, по всей вѣроятности, служили для оріэнтаціи, строго наблюдавшейся при молитвенныхъ отправленіяхъ. Въ сосѣдствѣ съ этимъ кругомъ, какъ сказано, находится новѣйшій кругъ, арабскаго происхожденія. Невдалекѣ отъ этихъ круговъ, на горной скалѣ, вырублены арабскія надписи, по поводу которыхъ разсказывается легенда, дѣйствующими лицами которой являются дѣвица Гарейзахъ и юноша Зейдъ, въ которомъ, судя по содержанію легенды, скрывается имя Моисея. Очевидно, что арабы, привыкшіе отмѣчать кругами изъ камней свои могилы или кенотафіумы, поняли находящійся здѣсь древній кругъ, какъ погребальный мукамъ Моисея, переименовавъ его въ легедарное имя. Но такъ какъ древній кругъ вовсе не имѣлъ такого значенія и насыпанъ не по правиламъ арабскихъ круговъ, то, въ дополненіе къ нему, былъ насыпанъ при немъ новый кругъ, который и чествуется до нынѣ, подобно кенотафіумамъ мѣстныхъ праведниковъ.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ кругомъ Гаданія, на площади менѣе чѣмъ въ двѣ квадратныхъ мили, англійская экспедиція нашла 162 уцѣлѣвшихъ дольмена, изъ которыхъ многіе, какъ видно изъ приложенныхъ рисунковъ, отличаются значительнымъ объемомъ, искусной отдѣлкой и хорошей сохранностью. Есть дольмены и съ чашечными камнями, причемъ въ одномъ случаѣ чаши оказались не на верхнемъ камнѣ, а на нижнемъ камнѣ пола.

На вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли указанный древній кругъ признать посвященнымъ Моисею и существовавшимъ, слѣдовательно, еще въ библейское время, авторъ отвѣчаетъ отрицательно, какъ въ

виду умолчанія всѣхъ древнихъ источниковъ о памятникѣ погребенія Моисея, такъ и въ виду прямаго свидѣтельства редактора Пятикнижія, что о мѣстѣ погребенія Моисея *не увѣда никтоже* (Втор. 34, 6).

Разсмотрѣнный мегалитическій центръ находился возлѣ моавитскаго города, который, какъ и гора, назывался Небо. Изъ надписи моавитскаго царя Меши видно, что городъ этотъ, перешедшій было во владѣніе Израиля, опять возвращенъ былъ этимъ царямъ. Имѣя въ виду этотъ фактъ, принимая во вниманіе и нѣкоторыя другія соображенія, авторъ исторію этого мегалитическаго центра представляетъ въ такомъ видѣ. Первоначально, въ виду нѣкотораго «свидѣтельства», имѣвшаго отношеніе къ вершинѣ горы Неба, былъ насыпанъ тамъ большой кэрнъ, или куча камней свидѣтельства, около котораго стали воздвигаться жертвенники. Послѣ того, какъ этотъ моавитскій мегалитическій центръ распространился, онъ перешелъ, вмѣстѣ съ городомъ Небо, въ руки израильскихъ колѣнъ, которыя отчасти видоизмѣнили его прибавленіемъ своихъ мегалитическихъ жертвенниковъ. Возвращенный снова царемъ Мешою во владѣніе Моава, мегалитическій центръ Небо снова получилъ прежній видъ, а посвященные Іеговѣ мегалиты были разрушены. Позднѣе, когда культъ мегалитическихъ памятниковъ угасъ, арабы, воспользовавшись присутствіемъ среди мегалитовъ Небо древняго каменнаго круга, согласно нѣкоторымъ особенностямъ своего міровоззрѣнія, стали указывать въ немъ гробницу или кенотафіумъ самаго Моисея.

Къ сѣверо-западу отъ развалинъ Хесбана и горы Неба, при началѣ Іорданской долины, находится цѣлое поле мегалитическихъ памятниковъ (свыше 300), группирующихся около трехъ возвышенныхъ пунктовъ: Телл ел-Матаба, Телл ел-Хамманъ и Телл ел-Кефренъ. Характеристическую особенность этой группы составляютъ: преобладаніе круговъ и платформъ, значительное число менгировъ, выставленныхъ въ центрѣ круговъ, дольменныя структуры безъ верхнихъ столовыхъ камней и замѣченная оріентація нѣкоторыхъ памятниковъ въ направленіи съ сѣвера на югъ. Мало того: нѣкоторые изъ здѣшнихъ мегалитовъ вовсе не похожи на другіе мегалитическіе памятники моавитской области и принадлежатъ скорѣе къ такъ называемымъ цистамъ, открываемымъ въ европейскихъ курганахъ. Что же касается историческаго значенія этого пункта, то оно опредѣляется отожествленіемъ его съ библейскою мѣстностью Абель Ситтимомъ, долиною акацій,

послѣднею станціей евреевъ предъ переходомъ ихъ чрезъ Іорданъ. Объ этой стоянкѣ евреевъ въ кн. Числъ (XXV, 1—3) между прочимъ читаемъ: «И жилъ Израиль въ Ситтимѣ, и началъ народъ блудодѣйствовать съ дочерями Моава, и приглашали они народъ къ жертвамъ боговъ своихъ, и ѣлъ народъ (жертвы ихъ), и кланялся богамъ ихъ. И прилѣпился Израиль къ Ваалъ-Пеору»... Смыслъ этихъ словъ станетъ совершенно яснымъ, если мы вспомнимъ, что мегалитическіе центры нерѣдко становились культовыми пунктами въ честь Пеора или фалла. Изъ сказаннаго уже само собою очевидно, что строителями этихъ мегалитическихъ памятниковъ были Моавитяне, а можетъ быть и другіе народы, имѣвшіе отношеніе къ Моаву, не исключая и евреевъ.

Близость разсмотрѣнной группы къ Іорданской долинѣ даетъ автору поводъ упомянуть о 4 каменныхъ дискахъ, рисунокъ типичнѣйшаго изъ которыхъ тутъ же прилагается.

На восточномъ берегу Мертваго моря, при Айн-Минъя расположена группа мегалитовъ, состоящая изъ семи круговъ, въ каждомъ изъ которыхъ имѣется по отдѣльному камню. Эта структура памятниковъ даетъ поводъ Кондеру вспомнить о семи жертвенникахъ Валаама, на которыхъ этотъ месопотамскій заклинатель принесъ въ жертву семь тельцовъ и семь овновъ. Нашъ авторъ устраняетъ эту догадку указаніемъ на то, что данные памятники принадлежатъ къ Моавитскому типу, тогда какъ Валаамъ, какъ иноземецъ, по всей вѣроятности, строилъ свои месопотамскіе жертвенники.

Въ трехъ миляхъ на востокъ отъ Айн-Минъя расположена новая группа мегалитовъ—ел-Марегатъ, т. е. помазаніе. Въ этой группѣ насчитывается до 150 дольменовъ и огромное количество менгировъ. Между менгирами особенно замѣчателенъ камень Мансубъ съ позднѣйшими арабскими мѣтками. Есть здѣсь также и замѣчательный дольменъ, представляющій закрытую со всѣхъ сторонъ камеру, и въ этомъ отношеніи составляющій единственное явленіе на всей Моавитской территоріи. Существенную особенность этой группы составляетъ то, что ея центромъ служитъ не кэрнъ, а три менгира, обведенные кругомъ изъ менгировъ же. Отыскивая въ Библіи свидѣтельства относительно этого мегалитическаго центра, авторъ останавливается на указываемомъ въ книгѣ Іисуса Навина мѣстѣ—*Цереѳъ га-Шахаръ, что на бугрѣ Емскъ* (XIII, 19) и признаетъ его мѣстомъ культа въ честь Авроры или Венеры. Значеніе же памятниковъ въ такомъ случаѣ было

таково. Менгирные столбы, по всей вѣроятности, были обѣтныя приложенія, аналогію которымъ можно видѣть въ колонахъ позднѣйшихъ сирійскихъ храмовъ; дольмены въ этой группѣ, какъ и во всѣхъ предыдущихъ, служили жертвенниками. Что же касается названія всей группы ел-Марегатъ, помазанные, то оно, по всей вѣроятности, имѣетъ отношеніе или къ помазанію масломъ или къ культовому помазанію кровью, съ примѣрами чего еще и теперь можно встрѣтиться у нѣкоторыхъ камнепоклонниковъ.

Послѣдніе на югѣ Галаадской области мегалитическіе памятники найдены на южномъ берегу вади Вале, гдѣ арабы называютъ ихъ именемъ Александра Македонскаго—*Скандеръ*, и въ нынѣшнемъ Дибанѣ. Встрѣчаются мегалитическіе памятники и къ югу отъ земли Моава, на полуостровахъ Синайскомъ и Аравійскомъ; но эта область въ настоящее время еще почти совсѣмъ неизслѣдована въ разсматриваемомъ отношеніи, а поэтому и рѣшительное сужденіе о ней пока будетъ преждевременнымъ.

Изъ земли Галаадской авторъ переходитъ на сѣверъ за-Іорданской страны, въ область библейскаго Васана, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ Джолана, расположеннаго въ бассейнѣ р. Ярмука. Благодаря своему вулканическому характеру, область Джолана покрыта слоемъ (иногда двойнымъ) застывшей лавы, представляющей прекрасный матеріалъ для сооруженія мегалитическихъ памятниковъ; неудивительно поэтому, что они явились здѣсь въ большомъ количествѣ, можетъ быть даже превосходящемъ количество Галаадскихъ мегалитовъ. Здѣсь многія вулканическія вершины, отличающіяся вездѣ широкими видами, имѣютъ арабскіе мукамы, замѣняющіе собою мѣста древнихъ святилищъ культа вулкановъ. Начиная съ праваго берега Ярмука, область разбросанныхъ группами мегалитовъ тянется далеко на сѣверъ; но особенно густая группа ихъ расположена у моста, переводящаго чрезъ рѣчку Руккадъ, правый притокъ Ярмука.

Дольмены этой области дѣлятся на два вида: 1) *закрытые*, т. е. представляющіе со всѣхъ сторонъ закрытую камеру, и 2) *открытые*, т. е. имѣющіе отверстіе или *сверху*, когда столовая доска покрываетъ не всю камеру дольмена, или *сбоку*, когда недостаетъ одной боковой стѣнки. Дольмены перваго типа по угламъ имѣютъ особые грубые выступы или корнизы, образуемые выступами верхней покрышки.

Дольмены обоихъ типовъ обыкновенно стоятъ на террасахъ, сложенныхъ изъ грубыхъ камней. Дольмены, неимѣющіе террасъ, окружены бываютъ оградою, но не круглою, а четырехъ-угольною.

Сопоставленіе джоланскихъ мегалитовъ съ моавитскими приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) въ Моавіи дольменъ чаще всего есть билиѳонъ или трилиѳонъ и не имѣетъ никакого подобія камеры или цисты; напротивъ, въ Джоланѣ дольменъ въ большинствѣ случаевъ есть огражденная четырьмя стѣнками камера, а билиѳоны и трилиѳоны вовсе неизвѣстны; 2) Въ Моавіи дольмены никогда не занимаютъ центральнаго мѣста, а всегда бываютъ разбросаны по склонамъ горъ вокругъ центральной вершины, занимаемой кэрномъ или менгиромъ; напротивъ въ Джоланѣ дольмены занимаютъ и центральныя мѣста группъ. 3) Въ Моавіи дольмены всегда (?) стоятъ непосредственно на грунтъ; напротивъ въ Джоланѣ они стоятъ на платформахъ. 4) Въ Моавіи дольмены не имѣютъ никакой правильной оріентаціи; въ Джоланѣ они правильно оріентированы на западъ. 5) Въ Моавіи на камняхъ есть чаши; въ Джоланѣ нѣтъ чашъ, но за то есть, покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, прорубленныя въ стѣнкѣ дольмена сквозныя отверстія, въ видѣ окна дольменной камеры, можетъ быть для всыпанія въ камеру новаго непласожженныхъ умершихъ, а можетъ быть для какихъ-нибудь суевѣрныхъ цѣлей. 6) Наконецъ, дольмены Моава не имѣютъ никакихъ искусственныхъ орнаментовъ; дольмены Джолана имѣютъ выше указанные карнизы. Словомъ, между тѣми и другими есть существенная разница, свидѣтельствующая, между прочимъ, и о томъ, что дольмены Джолана принадлежатъ болѣе поздней эпохѣ, сравнительно съ дольменами Моава, той именно эпохѣ, когда бамы или дольмены, служившіе первоначально жертвенниками Ваала и всего воинства небеснаго, по выраженію пророка Іереміи, превратились въ гробницы. Этотъ-то гробничный характеръ дольменовъ Джолана и составляетъ коренное различіе ихъ отъ дольменовъ Моава, имѣвшихъ значеніе жертвенниковъ.

Теперь поднимается вопросъ: нѣтъ ли въ Библіи свидѣтельства относительно этого мегалитическаго центра? Мѣстное преданіе даетъ этому пункту названіе: *кубуръ бени-Исраель*, т. е. гробницы сыновъ Израиля. Это названіе естественно заставляетъ нашего автора вспомнить слѣдующее мѣсто изъ пророка Іезекіиля, которое въ точной

редакціи читается такъ: *и будетъ въ тотъ день, Я дамъ Гогу мѣсто именуемое: кеберъ бе-Израель, кладбище странниковъ на восточной сторонѣ моря, заграждающее путь странниковъ; и похоронятъ тамъ Гога и всю орду его и назовутъ его кладбищемъ орды Гоговой* (XXXIX, 11). Общій смыслъ этого свидѣтельства такой: гдѣ-то, на восточной сторонѣ моря, существуетъ большое кладбище пришлыхъ людей, называемое *кеберъ бе-Израель;* но это общее кладбище всѣхъ пришлыхъ людей будетъ нѣкогда называться кладбищемъ Гога, потому что пораженное тамъ полчище Гога наполнитъ его своими трупами до послѣдней степени. Изъ халдейскаго перифраза этого мѣста видно, что подъ моремъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, нужно понимать море или озеро Генисаретское; слѣдовательно, мѣсто кеберъ бе-Израель совпадаетъ именно съ областью Джолана. А если такъ, то, значитъ, современное названіе джоланскаго мегалитическаго центра—кубуръ бени-Исраель, т. е. гробницы сыновъ Израиля, есть не что иное, какъ искаженіе древне-еврейскаго—кеберъ бе-Израель, т. е. гробница во Израилѣ, среди Израиля, что совершенно согласно съ дѣйствительностью, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что евреи не имѣли обычая погребать своихъ покойниковъ въ дольменахъ и, слѣдовательно, гробницъ у сыновъ Израиля не могло быть. И такъ, что же это за народъ, извѣстный у пророка подъ именемъ Гога и Магога? (Гогъ жилъ въ землѣ Магога и властвовалъ надъ нимъ). Іосифъ Флавій говоритъ, что Магогъ есть тотъ народъ, который Греки называли Σκύθαι. А блаж. Іеронимъ точно выражается, что Magog gentes esse Scyticas, immanes et innumerabiles, quae trans Caucasum mentem et Meotidem paludem et prope Caspium mare ad Indiam usque tendantur. Но можно ли доказать, что этотъ многочисленный народъ Магогъ или, что тоже, Скиѳы, когда нибудь жилъ въ Палестинѣ? На это есть прямыя доказательства. Геродотъ, сказавъ о побѣдѣ Скиѳовъ надъ Мидянами, продолжаетъ: «Скиѳы же сдѣлались владыками всей Азіи... Изъ Мидіи они пошли на Египетъ, и, когда они уже были въ Сиріи Палестинской, египетскій царь Псамметихъ вышелъ имъ на встрѣчу и частію подарками, частію просьбами остановилъ ихъ движеніе на Египетъ... Въ теченіе 28 лѣтъ Скиѳы были владыками Азіи и угнетали ее жестокостями и насиліемъ . . . . . наконецъ, Ціаксаръ и Мидяне, пригласивъ начальниковъ ихъ на пиршество, умертвили ихъ, когда они были въ опьяненіи»... Это 28-лѣт-

нее господство Скиѳовъ въ передней Азіи подаетъ на время отъ 634 по 606 г. до Р. Хр., когда Іудейскимъ царемъ былъ Іосія. Но и послѣ этой вѣроломной расправы Мидянъ со Скиѳами, послѣдніе не совсѣмъ исчезли изъ Палестины. Источники еще долго продолжаютъ указывать существованіе здѣсь «Скиѳскаго города», «Скиѳскихъ гражданъ», «Скиѳскихъ гробницъ Гога и Магога», причемъ палестинскіе Скиѳы находятся то въ мирныхъ, то во враждебныхъ отношеніяхъ къ Іудеямъ. Свидѣтельства эти идутъ до начала христіанской эры, когда въ 65 г. по Р. Хр., при началѣ іудейской войны съ римлянами, жители Скиѳополя, воспользовавшись народнымъ смятеніемъ, умертвили 13,000 іудеевъ, жившихъ между ними. Хотя городъ Скиѳополь, позднѣйшій Бетсанъ, находился и на западной сторонѣ Іордана, но его связь съ областью Джолана не подлежитъ сомнѣнію.

Но если дольмены Джолана принадлежатъ Скиѳамъ, то не Скиѳамъ ли принадлежатъ и дольмены Арменіи, Кавказа, Крыма и вообще южной Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, то проходили, то жили тѣже Геродотовы Скиѳы? Сопоставленіе дольменовъ данныхъ областей невольно наводитъ изслѣдователя на эту мысль; по крайней мѣрѣ, на югѣ Россіи, въ Крыму и на Кавказѣ, есть дольмены, въ которыхъ можно указывать прямую параллель дольменамъ Сѣвернаго Заіорданья; послѣднее обстоятельство особенно важно въ виду того, что дольмены Джолана существенно отличаются отъ дольменовъ Моава, принадлежавшихъ Семитамъ. Сходство дольменовъ Джолана съ дольменами юга Россіи, Крыма и Кавказа, состоитъ въ слѣдующемъ. Тѣ и другіе принадлежатъ къ гробничному типу; на тѣхъ и другихъ видны слѣды приготовленія при помощи желѣзнаго орудія; тѣ и другіе оріентированы своими продольными сторонами съ запада на востокъ— съ расширеніемъ западной стороны камеры; между тѣми и другими попадаются экземпляры, если не вполнѣ, то отчасти прикрытые землею, хотя въ Крымскихъ дольменахъ настоящіе террасы отсутствуютъ, но здѣсь онѣ, повидимому, замѣнялись подстилкой изъ мелкихъ морскихъ голышей. Особенно же важную черту сходства дольменовъ Джолана и Кавказа составляютъ дольменныя окна или круглыя отверстія, несомнѣнно указывающія, по мнѣнію Фергюссона, на единство происхожденія имѣющихъ эти окна дольменовъ. Наконецъ, авторъ указываетъ на сохранившійся въ Джоланѣ *Менгиръ Іова*, носящій на себѣ даже въ мусульманской передѣлкѣ слѣды фигуры

женщины, напоминающей собою наши южно-русскіе каменныя бабы. Проводя эту аналогію, осторожный авторъ, оставаясь на строго научной почвѣ, въ концѣ концовъ, оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ, требуя дальнѣйшихъ изслѣдованій въ данной области.

Послѣ этого отступленія, авторъ оканчиваетъ описаніе мегалитическихъ памятниковъ Джолана и затѣмъ переходитъ къ описанію сохранившихся остатковъ мегалитовъ западной стороны Палестины. Здѣсь тоже много есть интереснаго, но мы, въ интересахъ экономіи мѣста, на этихъ мегалитическихъ руинахъ останавливаться не будемъ. Въ концѣ главы авторъ, въ девяти пунктахъ, дѣлаетъ выводъ изъ вышесказаннаго, въ которомъ резюмируетъ раньше высказанные положенія, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующее. Сохранившіеся до позднѣйшаго времени и описанные учеными изслѣдователями мегалитическіе памятники Святой Земли суть тѣ именно памятники, о которыхъ, подъ особыми техническими терминами древне-еврейскаго языка, говорятъ священные писатели книгъ Ветхаго Завѣта, при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что тогда какъ послѣ — библейская исторія Св. земли уже не упоминаетъ ея мегалитическихъ памятниковъ и связанныхъ съ ними вѣрованій и культовъ, а если и упоминаетъ, то уже какъ позднѣйшія «переживанія» древнихъ обычаевъ; библейскіе писатели говорятъ о мегалитическихъ памятникахъ, какъ о живомъ и современномъ имъ проявленіи мѣстнаго паганизма. Изъ этого ясно, какое огромное значеніе при изученіи мегалитическихъ памятниковъ имѣютъ свидѣтельства библейскихъ писателей.

Въ послѣдней IV главѣ излагаются различные взгляды на происхожденіе мегалитическихъ памятниковъ въ ихъ соотношеніи съ библейскими свидѣтельствами и новооткрытыми памятниками Палестины. Изъ обзора этихъ взглядовъ видно, какое удивительное разногласіе господствуетъ въ наукѣ по всѣмъ основнымъ вопросамъ, возникающимъ при изученіи этого рода памятниковъ. Такъ, по вопросу о времени возникновенія мегалитическихъ памятниковъ одни ученые думаютъ, что памятники эти возникли еще въ допотопную эпоху, за много десятковъ тысячъ лѣтъ до нашего времени; другіе, напротивъ, полагаютъ, что они появились на глазахъ позднѣйшихъ вѣковъ европейской исторіи. Такое же разногласіе существуетъ и о мѣстѣ возникновенія мегалитическихъ памятниковъ и о народности,

которой принадлежитъ ихъ первоначальная идея. Желая отвѣтить на первый изъ этихъ вопросовъ, ученые исходили чуть ли не весь земной шаръ, начиная отъ крайнихъ предѣловъ европейскаго сѣвера, оканчивая Африкой на югѣ, и отъ береговъ Атлантическаго океана до Индіи включительно. Частнѣе, въ этихъ своихъ поискахъ ученые изслѣдователи останавливались: на крайнихъ предѣлахъ европейскаго сѣвера, въ Германіи и въ частности на берегахъ Балтійскаго моря, во Франціи, въ Испаніи, Греціи, Римѣ, на Кавказѣ, въ Индіи. Сообразно съ этимъ и инициаторами въ дѣлѣ сооруженія мегалитическихъ памятниковъ признаются жители крайняго сѣвера, въ родѣ наприм. Эскимосовъ, Кельты, Германцы, Иберы, Скиѳы съ ихъ разнообразными развѣтвленіями, Греки и Римляне, распространителями первоначальной идеи которыхъ признаются позднѣйшіе Индусы, причемъ главною двигающею силою объявляется буддизмъ и туранская кровь. Разочаровавшись во всѣхъ этихъ гипотезахъ, новѣйшіе ученые стали доказывать, что мегалитическіе памятники принадлежатъ не одному времени, а многимъ различнымъ вѣкамъ, не одной націи, а многимъ различнымъ націямъ различныхъ степеней цивилизаціи, и поставлены не вездѣ съ одною и тою же цѣлью, а съ различными цѣлями, и что двигающею силою въ этомъ случаѣ былъ природный инстинктъ, который могъ привести совершенно различные народы къ созданію однихъ и тѣхъ же памятниковъ, даже безъ всякаго заимствованія или подраженія.—Признавая эту мысль въ значительной степени справедливою, нашъ авторъ обращаетъ вниманіе на то, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не вообще объ употребленіи камня для выраженія мысли, но объ опредѣленной уже системѣ пользованія камнемъ, объ опредѣленномъ, такъ сказать, мегалитическомъ стилѣ. Когда мы встрѣчаемъ въ такихъ отдаленныхъ одна отъ другой странахъ, какъ Индія, Палестина и Франція, совершенно одинаковыя сочетанія дольменовъ и менгировъ, совершенно одинаковыя отдушины въ дольменной цистѣ, когда мы слышимъ во всѣхъ этихъ странахъ однородныя сказанія о ихъ происхожденіи, то здѣсь мы уже не можемъ довольствоваться указаніемъ на сродный всему человѣчеству обычай выражать свою мысль при помощи камня, но должны искать одного опредѣленнаго народа, пронесшаго мегалитическую пропаганду до Индіи, съ одной стороны, и до Франціи и Англіи, съ другой. Если же необходимо долженъ былъ существовать одинъ учитель дольмено-строительства, то такого учителя доисторическому человѣчеству,

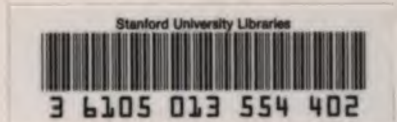
по мнѣнію автора, дала Палестина или восточное побережье Средиземнаго моря. Естественность этой мысли доказывается: 1) присутствіемъ въ Палестинѣ въ большомъ количествѣ мегалитическихъ памятниковъ, сходныхъ съ памятниками такихъ отдаленныхъ другъ отъ друга странъ, какъ Европа, съ одной стороны, и Индія, съ другой; 2) свидѣтельствомъ древнѣйшей лѣтописи человѣческаго рода (книги Бытія) о существованіи мегалитическихъ памятниковъ въ Палестинѣ въ такое время, котораго ни въ какомъ случаѣ не могли предварить ни индійскіе, ни европейскіе памятники; 3) срединное положеніе восточнаго побережья Средиземнаго моря въ центрѣ населенныхъ странъ древняго міра, обусловливавшее наибольшую возможность оказывать вліяніе какъ на востокъ, такъ и на западъ; 4) извѣстный характеръ финикіянъ, которые, будучи самыми ревностными строителями мегалитическихъ памятниковъ, въ тоже время представляютъ единственный въ древнемъ мірѣ народъ, который, благодаря своему высоко-развитому мореходству, могъ побывать во всѣхъ тѣхъ моряхъ, по берегамъ которыхъ встрѣчаются мегалитическіе памятники; а что распространеніе мегалитическихъ памятниковъ шло отъ береговъ внутрь странъ, это можно считать доказаннымъ. Но приписывая финикіянамъ иниціативу въ дѣлѣ пропаганды культа мегалитическихъ памятниковъ въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, авторъ въ тоже время не отвергаетъ воздѣйствія и мѣстныхъ факторовъ, вліяніемъ которыхъ объясняетъ тѣ специфическія особенности, которыми характеризуются мегалиты разныхъ странъ. Сообразно съ этимъ и на значеніе мегалитическихъ памятниковъ авторъ смотритъ съ точки зрѣнія хананскаго или семитическаго культа мегалитовъ. И дольмены и мегалитическіе круги, по его мнѣнію, первоначально имѣли культовое значеніе. Что же касается гробничной гипотезы въ отношеніи къ дольменамъ и астрономической въ отношеніи къ кругамъ, то авторъ ихъ не отрицаетъ, а видитъ въ нихъ лишь дополненіе къ теоріи культоваго значенія. Только мнѣніе Фергюссона, по которому большіе круги и группы мегалитическихъ памятниковъ признаются памятниками, происходившихъ нѣкогда на ихъ мѣстѣ сраженій, авторъ отвергаетъ, какъ совершенно искусственное и произвольное. На вопросахъ о происхожденіи и значеніи другихъ видовъ мегалитическихъ памятниковъ, каковы менгиры, чашечные камни, авторъ не останавливается въ виду неопредѣленнаго положенія этого вопроса въ современной археологіи.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе настоящаго изслѣдованія. Что же можно сказать о его научномъ значеніи? Опредѣляя мѣсто своего изслѣдованія въ посвященной данному вопросу литературѣ, авторъ выражается: «мы не думаемъ, что представленнымъ изложеніемъ предмета мы внесли что нибудь существенно новое въ рѣшеніе вопроса о мегалитическихъ памятникахъ». Дѣйствительно, въ виду положенія этого вопроса въ европейской литературѣ, новому изслѣдователю, не отдавшемуся спеціально его изученію, трудно было сказать что нибудь существенно новое. Тѣмъ не менѣе было бы ошибкой смотрѣть на настоящее изслѣдованіе, какъ на трудъ исключительно компилятивный, и это прежде всего необходимо сказать относительно центральной части сочиненія. Центральную часть сочиненія проф. Олесницкаго, какъ мы видѣли, составляетъ описаніе мегалитическихъ памятниковъ Палестины и анализъ библейскихъ свидѣтельствъ о нихъ. При описаніи памятниковъ авторъ конечно слѣдовалъ чужимъ работамъ. Но этого нельзя сказать объ его отношеніи къ библейскимъ свидѣтельствамъ, разборъ которыхъ составляетъ самую существенную, и самую важную въ научномъ отношеніи, часть его сочиненія. Какъ гебраистъ и тонкій знатокъ библейскаго текста, въ пониманіи котораго онъ не разъ обнаруживалъ замѣчательную оригинальность, авторъ, сравнительно съ своими предшественниками выдвигаетъ новыя мѣста, даетъ имъ, гдѣ нужно, новые переводы, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и новое толкованіе, причемъ и въ результатѣ получаются, конечно, новые выводы. Нужно помнить, что мегалитъ—это нѣмой памятникъ, самъ по себѣ слишкомъ мало говорящій человѣческой мысли. Съ другой стороны, и въ Библіи есть тексты, которые, не будучи ничѣмъ иллюстрированы, представляютъ темныя, или даже совсѣмъ непонятныя изрѣченія. Между тѣмъ взаимное сопоставленіе этихъ двоякаго рода свидѣтельствъ нерѣдко даетъ въ результатѣ замѣчательныя картины жизни, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе, что относится къ первымъ страницамъ человѣческой исторіи. Въ этомъ отношеніи сочиненіе проф. Олесницкаго представляетъ большой интересъ, тѣмъ болѣе, что оно отличается хорошей литературной отдѣлкой. Что же касается мнѣнія относительно родства южно-русскихъ дольменовъ съ палестинскими и скиѳскаго происхожденія тѣхъ и другихъ, а равно и взгляда автора на центральное значеніе западнаго побережья Средиземнаго моря въ дѣлѣ распространенія мегалитическихъ памятниковъ по всему земному шару, то, конечно, это гипотезы, нуждающіяся въ спеціальной про-

вѣркѣ и дальнѣйшей разработкѣ, чего и требуетъ самъ авторъ, никогда не сходящій съ точки зрѣнія объективнаго изслѣдователя.

Если теперь поставить вопросъ о мѣстѣ разсматриваемаго сочиненія въ нашей отечественной литературѣ, то придется признать его крупнымъ вкладомъ въ русскую археологическую науку. Нельзя сказать, чтобы наши ученые археологи вовсе не интересовались мегалитическими памятниками. Такъ, покойный графъ А. С. Уваровъ въ своемъ изслѣдованіи: «Мегалитическіе памятники въ Россіи» (Древности, т. VI и т. VII, вып. 3), кромѣ описанія мегалитовъ Сибири, знакомитъ, во-первыхъ, съ важнѣйшими видами мегалитическихъ памятниковъ, во вторыхъ,—съ исторіей вопроса объ ихъ происхожденіи. Е. Н. Мельникъ, въ рефератѣ: «Слѣды мегалитическихъ сооруженій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи» (Труды VI арх. съѣзда, т. I) даетъ описаніе мегалитическихъ памятниковъ въ Александровскомъ уѣздѣ Херсонской губ., въ системѣ р. Ингульца, и отчасти въ Подольской губерніи по берегамъ Днѣстра. Князь П. А. Путятинъ, по поводу открытыхъ имъ въ Новгородской губ., въ 1878 г., двухъ чашечныхъ камней, говоритъ въ своемъ рефератѣ о происхожденіи и значеніи чашечныхъ камней (Труды V арх. съѣзда въ Тифлисѣ). Г. Н. Чекалевъ, въ небольшой замѣткѣ (Зап. Одесск. Общ. т. VI), знакомитъ съ изслѣдованными имъ дольменами южнаго берега Крыма; а Ф. С. Байернъ дѣлаетъ тоже въ отношеніи къ изслѣдованнымъ имъ дольменамъ Кавказа (V арх. съѣздъ, Протоколы Подготовит. Комитета, 60), и нѣкот. др. Изъ этого перечня видно, что наша литература, посвященная мегалитическимъ памятникамъ, во-первыхъ, очень бѣдна; во вторыхъ, она главнымъ образомъ касается мегалитовъ, встрѣчающихся въ предѣлахъ Россіи. Чтоже касается мегалитическихъ памятниковъ Палестины, то имъ только въ названномъ изслѣдованіи гр. Уварова посвящено буквально лишь нѣсколько словъ. Ясно, что трудъ проф. Олесницкаго, восполняя указанный пробѣлъ въ нашей археологической литературѣ, является первымъ у насъ серьезнымъ изслѣдованіемъ въ своемъ родѣ. Нужно въ заключеніе добавить, что пользованіе книгой въ значительной степени облегчается тѣмъ, что она снабжена археологической картой Палестины, рисунками въ текстѣ и алфавитнымъ указателемъ.

В. Завитневичъ.


Stanford University Libraries
3 6105 013 554 402